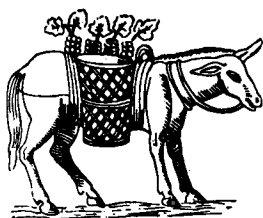


АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ВАРРОН

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
КОММЕНТАРИЙ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
М. Е. СЕРГЕЕНКО



ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 6 3

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Ответственный редактор

доктор исторических наук

О. О. КРЮГЕР



*Памяти
С. В. Меликовой-Толстой
строгого учителя и доброго друга.*

ВАРРОН И ЕГО «СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»

Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.) родился в сабинском городке Реате и происходил, по всей вероятности, из всаднического сословия. В юности рано пробудились интерес и любовь к родной истории и литературе. Занятия у Луция Элия Стилона, ученейшего антиквара и филолога, способствовали развитию и укреплению этого чувства. Закончив учение у Стилона, юноша отправился в Афины и здесь занимался под руководством Антиоха Аскалонского, философа, последователя Платона.

Ученые занятия для каждого римлянина были делом второстепенным, которым можно было отдавать только часы досуга, но никак не все время. Мы видим Варрона занимающим ряд магистратур: он трибун, курульный эдил, претор; в годы первого триумvirата был членом Комиссии Двадцати, которая занималась раздачей в Кампании земель, назначенных для ветеранов. Во время войны с Сергорием он служил проквестором у Помпея (76 г.), а 9 лет спустя принимал участие в войне с пиратами и за свои подвиги был удостоен такой высокой военной награды, как «морской венок» (*corona navalis*). Человек большой личной храбрости, администратором Варрон был очень недалеким: в 49 г., командуя в Испании войсками Помпея (он был сторонником и строгим приверженцем сенатской партии), он так вооружил против себя и население и войско, что его легионы перешли на сторону Цезаря, а города, один за другим, стали открывать цезарианцам ворота. Варрон счел за лучшее не идти против течения: он сдался победителю и был им прощен. На этом и кончилось его активное участие в Гражданской войне; хотя он поехал за Помпеем в Грецию, но держался уже в тени. После битвы при Фарсале он вернулся в Рим, легко получил прощение Цезаря и всецело посвятил время и силы любимым своим занятиям. Цезарь поручил его заботам устройство большой публичной библиотеки, в которой должны были находиться произведения как греческих, так и латинских писателей. По распоряжению Цезаря тогда же ему были возвращены его земли, захваченные Антонием после

разгрома помпеянцев. Варрон в благодарность посвятил Цезарю вторую часть своих «Древностей». Когда в 43 г. образовался второй триумvirат, Антоний распорядился занести Варрона в проскрипционные списки, его библиотека была разграблена, земли захвачены. Сам он едва спасся: его спрятал некий Фуфий Кален в усадьбе, где Антоний обычно останавливался во время своих разъездов. Варрон уцелел, так как, рассказывает Аппиан, «ни один из рабов Калена не донес, что Варрон скрывался в усадьбе» (в. с. IV.47). Победа Октавиана дала возможность старому ученому дожить в покое свои последние годы, целиком посвятив их научным занятиям.

Квинтилиан (X.1.95) назвал Варрона «ученейшим римлянином». Не знаешь, чему больше удивляться: его любознательности или его усердию. «Он читал так много, что удивительно, когда оставалось ему время для писания, а написал он так много, что вряд ли найдется человек, который смог бы все это прочесть» (August. de civ. Dei, VI.2). Не было, кажется области, которая не привлекла бы его внимания. Он писал о кораблевождении и геометрии, об астрономии и арифметике, о философии и религии, о грамматике и истории. Он сам заявлял на 78-м году жизни, что написал «седмизды семьдесят книг» (Gell, III.10.17); многие из них исчезли во время проскрипций при разгроме его библиотеки. Крупный немецкий филолог XIX в. Ричль считал, основываясь на этом заявлении и на каталоге Иеронима, что число отдельных сочинений Варрона доходило до 74 и включали они в себя около 620 «книг».¹ От всего этого огромного количества до нас дошло, не считая отрывков, 6 «книг» о латинском языке (из 25) и 3 о сельском хозяйстве.

У Варрона была своеобразная манера писать. Каждое большое его произведение представляет собой как бы большое дерево, а вокруг него теснятся кустарниковые побеги: небольшие сочинения, из которых каждое разрабатывает какую-нибудь одну узкую тему, затронутую в данной большой работе. Так, например, большая работа «Древности» (*Antiquitatum rerum divinarum humanarum que libri*) обросла маленькими трактатами — «О римском народе» (*De gente populi Romani*), где излагалась история древнейших царей Лация в связи с историей древнейших времен других народов, и «О жизни римского народа» (*De vita populi Romani*), где речь шла о древнейших временах и о тогдашней жизни в Италии и Риме.

«Древности» были знаменитейшим произведением Варрона. Тут дал он древнейшую историю Рима, рассказал о географии Италии, о римском календаре, о целом ряде установлений и

¹ Под «книгой» в древности разумелся один небольшой папирусный свиток. Наша «книга» представляет собой нечто более громоздкое. Семь «книг» Плиния, например, уместаются у нас в одном томике средней величины.

обычаев. Цицерон писал Варрону об этой книге: «...мы были чужеземцами в родном городе... твои книги словно привели нас домой, рассказали нам, кто мы и где живем; ты установил год основания Рима и даты исторических событий; ты обучил нас правилам священнодействий, рассказал о жреческих должностях, об обычаях мирного и военного времени, о местоположении областей и городов, обо всем, что есть в мире людей и богов» (Asad. poster. I.9). Сочинение это, судя по этим словам и кое-каким уцелевшим фрагментам (Августин широко использовал его для своего «Государства божия»), было настоящей энциклопедией, подробно освещавшей государственный и частный быт древней Италии.

Из остальных произведений Варрона следует еще упомянуть его «Портреты» (Imagines) — 700 биографий знаменитых греков и римлян; каждая биография заканчивалась стихотворным восхвалением и к каждой был приложен портрет данного лица. Большое значение для истории литературы имеют и его «Менипповы Сатиры», составленные в прозе и стихах, в подражание Мениппу, философу-кинику, жившему в III в. до н. э.

«Сельское хозяйство» Варрон начал писать, когда ему было 80 лет и он уже думал о том, как «уложить свои пожитки, прежде чем уйти из жизни». Книга написана им для его жены Фунданий и делится на три части: полевое хозяйство, скотоводство и «приусадебное хозяйство», т. е. разведение домашней птицы, дичи, рыбоводство (очень сжато) и пчеловодство. Каждая книга начинается вводной сценкой (начало второй книги было утеряно) и ведется в форме диалога, в котором принимают участие — в каждой книге — новые лица. Имена некоторых по смыслу связаны с темой данной книги: в первой, где речь идет о полевом хозяйстве, выступают Агрий, Агразий (ager — поле), Фунданий (fundus — имение); во второй, трактующей о скотоводстве, — Вакций (вакса — корова), Скрофа (scrofa — свинья), Мурий (напоминает murinus — мышинный), обычная масть осла); в третьей — Мерула («дрозд»), Павон («павлин»), Аппий (apis — пчела) и т. д. Стиль диалога шереховатый, необработанный (кажется, что автор очень торопился), синтаксис запутанный и необычный. Все это создает большие трудности для перевода, так как очень близкая к подлиннику передача делает перевод совершенно непонятным, а слишком свободный перевод довольно далеко отстывает от подлинника: переводчику приходится лавировать между Сциллой буквального перевода и Харибдой вольного пересказа.

ХАРАКТЕР ВАРРОНОВА ТРАКТАТА О СЕЛЬКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Варрон начинает свою работу с установления ее темы: какими вопросами должен заниматься автор трактата, посвященного земледелию; что должно составлять его содержание. «Я вижу,

что те, кто писал о земледелии по-пунийски, по-гречески и по-латыни, забрели дальше, чем следовало», — заявляет он и заканчивает эту главу, которую можно рассматривать как введение, злой и насмешливой критикой латинского сельскохозяйственного трактата (I.2.13).

Судьба сохранила нам первый из этих трактатов — «Земледелие» Катона. Его содержание и композиция, сложная и прихотливая, подсказаны бессознательным, но ярким восприятием сельского хозяйства как некоего живого, целостного организма; разнообразие вопросов, затронутых Катонем, вполне соответствует разнообразию и пестроте явлений, из которых складывается жизнь этого организма. Катон был сам сельским хозяином, любил хозяйство, и в своей книге он нашел форму, которая нам кажется неуклюжей, но которая была вполне адекватна тем не столько мыслям, сколько чувству, в свете которого он воспринимал свое хозяйство. Содержанием книги Катона была богата: Колумелла, превосходный хозяин и знаток хозяйства, в таких областях, как полеводство и разведение плодовых деревьев, почти ничего не прибавил к урокам, которые за два столетия до него дал старый цензор. Такой же богатой и пестрой была и вторая книга о земледелии, автором которой был Сазерна, опытный хороший хозяин, чей авторитет чтили еще в I в. н. э.

Критиковать их сочинения по существу Варрон, черпавший сведения свои по сельскому хозяйству больше из вторых рук, чем из собственного опыта, конечно, не мог. И он обрушился на своих предшественников, возражая им не по существу; критика его была чисто формальной и касалась двух пунктов. Во-первых, самим заглавием «Земледелие» очерчен был круг тем; переступать за черту этого круга и вторгаться в такие области, как домоводство или медицина, было элементарным нарушением требований, которые законно предъявляет каждая наука. Есть ли основание в книге, посвященной земледелию, говорить о том, как печь коржики, или о том, как лечить заболевшего вола? Во-вторых, советы, касающиеся обработки земли и организации полевого хозяйства, должны быть даны в такой форме, чтобы ими было можно пользоваться не в одном определенном месте, а при разных обстоятельствах и условиях. Какую пользу мог извлечь человек из тех списков рабочих, которые Катон составил для своего виноградника и маслинника? Как могли пригодиться нормы выработки, составленные Сазерной для долины По?²

² Наиболее значительным представителем старой сельскохозяйственной литературы был, конечно, Катон, но направить удары прямо против него, этого идеального римлянина доброго старого времени, каким рисовался он поклонникам старины, Варрону, верному стороннику сенатской партии, было неловко, и мишенью для своих насмешек поставил он Сазерну, тщательно, однако, выбрав из него такие места, которые представляли точную параллель к наиболее недопустимым с точки зрения

Латинская сельскохозяйственная литература была зачеркнута и объявлена негодной по признакам, повторяю, чисто формальным, но имевшим в глазах современников Варрона огромное значение: та верхушка рабовладельческого общества, для которой он писал, требовала научного сельскохозяйственного трактата. Мы можем до известной степени представить себе эту среду и по письмам Цицерона, и по его диалогам, риторическим и философским, и по введениям, которым Варрон снабдил каждую из трех книг своего «Сельского хозяйства». Это люди, причастные к греческой науке и философии; они читали Платона и Аристотеля, Дикеарха и Феофраста; по-гречески они говорят, как по-латыни, и Гомера знают чуть ли не наизусть. Они все в какой-то мере интересуются хозяйством, потому что у них у всех есть своя земля; агрономические трактаты александрийцев, несомненно, побывали в их руках, и стройная логика греческих книг приучила их смотреть свысока на произведения отечественной агрономии. Пусть «Земледелие» Катона было богато содержанием, форма его по сравнению с композиционной целостностью греческих книг, в строгой последовательности развивающих свои мысли, казалась чем-то по-детски беспомощным и варварски грубым. Такое восприятие хозяйства, какое было естественно для Катона и его современников, эти слишком книжные люди целиком утратили, и книга Катона превратилась для них в беспорядочно сваленную грудку случайных заметок. Тонкая живая связь, превращавшая эту грудку в единое слаженное целое, ускользнула от глаз Варрона и его современников. Для своих предшественников — Сазерны и Катона — у него нашлись только насмешливо-презрительные слова; рекомендательный список сельскохозяйственных писателей, который он предлагает своей жене, состоит сплошь из греческих имен. А между тем развившееся самосознание и чувство народной гордости требовало создания и у себя на родине чего-то, что можно было бы противопоставить блистательным созданиям греческого гения. В области риторики и философии этим занялся Цицерон; историю культуры и лингвистику взял себе в удел Варрон. Обратиться на старости лет к вопросам сельского хозяйства (предмет этот был ему чужд в течение всей жизни) побудили его причины того же порядка: он хотел заменить неуклюжее «Земледелие» своих предшественников стройным агрономическим трактатом.

Варрона главам Катона: Сазернов рецепт, как выводить клопов, мог, конечно, стать рядом с рецептом Катона от моли (Варр. I.2.25, Cat. 98); заговор от болей в ногах у Сазерны (Варр. I.2.27) и от вывиха у Катона (160) стоили один другого. Удары, наносимые Сазерне, попадали и в Катона, тем более что Варрон все-таки не удержался от прямого, хотя и вскользь брошенного замечания, которым все «домоводство» Катона осуждалось за свою неуместность в сочинении о земледелии.

Диалогическая форма Варронова «Сельского хозяйства», так же как и философских и риторических сочинений Цицерона, имеет своим прообразом диалоги Платона: к вопросу, являющемуся основной темой данного произведения, подводит непринужденная беседа собравшегося общества, члены которого, равно как и обстановка, где ведется разговор, характеризуются в этом введении. Обоим латинским писателям было далеко до блеска и художественной ясности Платона; но если сравнивать введения к философским и риторическим произведениям у Цицерона с введениями к «Сельскому хозяйству», то по живости вводных сцен и обрисовке характеров придется признать первенство за последним. Возьмем 2-ю главу первой книги, которая очень естественно, без всяких натяжек, переходит в беседу о сельском хозяйстве. Прекрасно выбраны и место, и время для такой беседы: в праздник Сева в храм Земли, по приглашению его зрителя, сходятся гости, люди между собой знакомые, а то и близкие. Хозяин отсутствует; его неожиданно вызвал эдил, которому принадлежит верховный надзор над храмом. Он велел просить гостей подождать его, и те пока что занялись рассмотрением карты Италии, нарисованной на стене. «Вы, изъездившие столько стран, скажите, видели ли вы землю, обработанную лучше, чем Италия?» — восклицает один из присутствующих, и разговор, непринужденно скользя от одной темы к другой, подходит к вопросу о целях сельского хозяйства.

Участники диалога (по крайней мере, некоторые) были людьми, реально существовавшими. Фундилиий принадлежал к семье, пребывание которой в Реате засвидетельствовано надписями (CIL.IX.4673 и 4691).³ В диалоге он, впрочем, не появляется: его убивают среди бела дня на римской улице — характерная подробность для тогдашней жизни в столице. Априй совершенно неизвестен ближе, но облик его более или менее вырисовывается: «римский всадник и поклонник Сократа» сразу ставит вопрос о сущности сельского хозяйства и о его задачах. Он интересуется миром и его устройством, он читал Эратосфена, быстро схватывает сущность отвлеченного вопроса (Варр. I.2.21). Он не прочь блеснуть своей ученостью, которая иногда уводит его от живой конкретной действительности: «законам об аренде»,

³ Фундилиий был, следовательно, земляком Варрона, и это обстоятельство объясняет, почему он позволил себе пригласить его в гости. Хотя зритель храма всегда принадлежал к числу весьма почтенных граждан, но от человека такого высокого звания, как Варрон (сенатор, личный друг Помпея), его отделяла пропасть; и если в данном случае ее словно и нет, то это свидетельствует о том, как дорог был Варрону родной край и как неизменно милы были ему люди этого края (см.: C. Cichorius. Römische Studien. Leipzig—Berlin 1922, стр. 154).

запрещающим пасти коз среди древесных насаждений, он противопоставляет астрономию, «которая приняла коз на небо»; и Фунданий сводит его с небесных высот, давая реальное объяснение закона. Фунданий, тесть Варрона, вообще удался ему больше всех; может быть, он ближе всех его и знал. Старый человек, «подлинный римлянин», горячо любящий свою страну, которая восхищает его всем своим обликом возделанной, дышащей изобилием земли, он знаком и с ее историей, и с ее литературой: читал «Origines» Катона, вспоминает наизусть стихи Пакувия. Он знает греческий; цитаты из Гомера сыплются у него с языка; конечно, он бывал в Афинах и с тамошними обычаями знаком. У него здравый старинный взгляд на сельское хозяйство, как на нечто органически целостное, и у Варрона хватило понимания не вкладывать в его уста требования отдельной трактовки земледелия и скотоводства. Подробности из его жизни — большие ноги, обязательный сон в летний полдень, его шутовская и образная речь (сон, который, как привой деревцо, «расщепляет» его летний день) — еще более оживляют эту привлекательную фигуру.

Прелестна вводная сцена в третьей книге (во второй она утеряна). Беседа о подгородном хозяйстве ведется во время выборов эдила лицами, или обязанными официально присутствовать при выборах — таков авгур Аппий Клавдий, который сидит в *Villa Publica* недалеко от места выборов, ожидая, не потребуется ли он магистрату, занятому выборами, — или заинтересованными в исходе выборов, — это друзья и сторонники кандидата. Ожидание оживляется беседой и появлением общего знакомого, принесшего новости с выборов: поймали какого-то проходимца, пытавшегося подсунуть уже по окончании выборов бюллетень в урну. Диалог, настоящий живой диалог, ведется главным образом между Аппием Клавдием и сенатором Аксием. Акий удался Варрону. Это тяжелодум, хозяин старого закала, который любит свое хозяйство, не жалеет на него трат, но ведет его по старой колее: ему и в голову не приходит самому с этой колеи свернуть. Ему приходится не отставать от века, и в одной из усадеб он завел у себя и фрески, и мозаики и купил себе стол из драгоценного дерева. В глубине души, однако, он считает всю эту роскошь докучной обузой, сбросить которую ему не позволяет его положение: как-никак ведь сенатор! Но с каким удовольствием представляет он себе ту свою усадьбу, где нет и признака Лисиппа или Антифила и где пол затоптан ногами пастухов и рабочих (III.2.5). Аппий, человек тонкий и проницательный, прекрасно видит эту его черту и ядовито подсмеивается, что для него любимым товарищем, с которым он так охотно делит свое деревенское уединение, является дорогой реатинский осел. Здравым смыслом Акий не обделен, к наживе жаден, и перспективы, открывающиеся перед хозяйством совсем иного типа, чем то, к которому он привык, сначала ошеломляют его, а потом неодо-

лимо увлекают. От его хозяйства и его любимца-осла разговор естественно переходит к тем хозяйственным статьям, которыми выгодно заниматься в подгородных имениях: к разведению птицы, рыбоводству и пчеловодству. Диалог жив и занимателен: веселые и едкие шутки Аппия Аксий парирует тяжеловесно и по существу, не замечая налета иронии. По этой коротенькой вводной сценке можно представить себе, каким мастером веселой, остроумной и едкой шутки был Варрон в своем «Миниппеях».

ИСТОЧНИКИ ВАРРОНА

«Сельскохозяйственная библиография» Варрона

В этой «библиографии» Варрон называет пятьдесят двух писателей, из которых до нас дошли только трое: Ксенофонт, Аристотель и Феофраст. Последних двоих Варрон читал прилежно; ряд выписок из обоих писателей, иногда дословный перевод из них подтверждают это. Ссылки на Магона, Диофана и Кассия позволяют думать, что если не в энциклопедию самого тяжеловесного пунийца, то в его греческих переводчиков Варрон заглядывал и выбирал оттуда нужные ему сведения. Что касается остальных авторов, то при необузданной страсти Варрона к чтению (вспомним слова Августина) не было бы ничего невероятного в том, что он перечитал всех этих безнадежно утерянных Евфрониев и Менандров. В книге его, однако, не сохранилось ни малейшего следа от этого чтения: сельскохозяйственная практика, о которой он рассказывает, — это практика итальянской деревни; деревенский рабочий быт — это быт Италии. Когда речь заходит о Крите и Гортине или об Афинах и Ликее, то Варрон неизменно ссылается на Феофраста как на свой источник. Будет ли слишком смелым предположение, что вся «библиография» списана им у Кассия? Кассий, переводя Магона, «немало чего добавил из книг тех греческих писателей» (I.1.10), которых назвал Варрон. Слова его непосредственно примыкают к библиографическому перечню, о котором идет речь. Компиляция Кассия избавляла от необходимости заглядывать в источник. Любопытен однако, самый факт появления списка тех авторов, «которых ты можешь пригласить на совет, если захочешь о чем-либо посоветоваться» (I.1.8). Прошло для итальянского хозяина то время, когда дедовский опыт вполне удовлетворял его; теперь его недостаточно; хозяин хочет добиться больших урожаев и большего дохода; он создает хозяйственные отрасли, о которых деда и слухом не слыживали. Не у Катона, конечно, было искать совета о том, как разводить розы и фиалки; не у деревенской ключницы, ведавшей птичьим двором, спрашивать, как организовать промышленное птицеводство. Нужны были другие советчики. Хозяин, современник Варрона, в поисках учителей, естественно, должен был обра-

таться туда, куда только и можно было идти за советом и знанием в самых разнообразных областях: в философии и скотоводстве, в математике и ветеринарии, — в «побежденную Грецию». Варрон правильно учел эту тягу к знанию и его необходимость; неважно, читал ли он сам этих «больше чем пять десятков авторов, писавших на греческом языке по разным вопросам: один об одном, другой о другом» (I.1.7); важно, во-первых, что он первый провозгласил необходимость агрономического образования и вложил в руки хозяина книгу, а во-вторых, показал своему читателю, кого ему искать, если он пожелает каких-то дополнительных и углубленных сведений.

«Собственный опыт» и «Сведующие хозяева»

Собственный опыт Варрон поставил на первом месте среди своих источников. Опыт этот, однако, у него невелик. Сельское хозяйство не было для него основным или по крайней мере важным жизненным делом, каким оно было для Колумеллы или Катона. Об этом достаточно свидетельствует то обстоятельство, что он занялся сельскохозяйственными вопросами уже в самом конце жизни и ни разу не касался их в работах предшествующих лет. Полным невеждой в сельском хозяйстве он, однако, не был, как не был им (за редкими исключениями) каждый римский землевладелец, который неизменно наезжал в свои имения, держал верховный надзор над виликом и прокуратором, советовался с хозяевами-соседями. Так, конечно, поступал и Варрон. Характерная для него любознательность этнографа, согретая искренним и горячим патриотизмом, заставляла его с интересом присматриваться к деревенскому быту, и он оставил о нем ряд ценнейших заметок. Что же касается самого существа сельского хозяйства, то главным источником Варрона были тут беседы со «сведущими людьми». «Говорят», «рассказывают» — эти бесцветные ссылки, часто встречающиеся у него, подводят итог живым разговорам со знатоками дела, от которых наш писатель и черпал свои сведения по сельскому хозяйству. Мы можем до некоторой степени представить себе те положения, которыми руководствовались эти «сведущие люди» в постановке своего хозяйства. По их мнению, хозяин не должен слепо держаться приемов и обычаев дедовской сельскохозяйственной практики; нельзя слепо и порывать с ней, но надлежит ее совершенствовать и улучшать: пусть хозяин размышляет, пусть он ставит опыты, действуя здесь «не наобум, а по соображениям разумным» (I.18.7—8). Эти «разумные соображения» проверяются опытом и охватывают ряд отраслей сельского хозяйства: полеводство (хозяин смотрит, что дает ему двукратное и трехкратное мотыженье), виноградарство (какой плантаж принесет больше пользы: более глубокий или более мелкий сравнительно с общепринятым), садоводство (когда лучше при-

вивать смаковницу: весной или летом; стоит отметить, что в саду особый интерес вызывает к себе смоковница — дерево, плоды которого в пищевом режиме италийца уступали по значению только хлебу). У Варрона не хватало специальных знаний, чтобы входить в подробности всех этих новшеств и учесть их результаты, но, исследователь и ученый, он сумел оценить это направление в сельском хозяйстве: своим читателям он указал на него как на единственно правильный и достойный его современников путь.

Календарь сельских работ

В числе источников, которые называл Варрон, имеется один, приведенный им, надо полагать, полностью, только с добавлением этнографических драгоценных сведений и нелепых этимологий. Это календарь сельскохозяйственных работ, который имелся в каждой усадьбе к сведению и руководству вилика (I.36). Где была составлена запись, включенная Варроном в свою книгу? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним календарь Варрона и Колумеллы (XI.2).⁴

Сравнение обоих календарей убеждает нас, что составлены они были для мест разных как по хозяйственному укладу, так и по условиям природным. Календарь Колумеллы — это календарь виноградаря по преимуществу: он написан для округов, где виноградарник является важнейшей хозяйственной статьей, а лоза — предметом самой внимательной заботы. Работы в виноградарнике шли почти круглый год, и календарь Колумеллы служил хозяину надежным справочником и руководством в распределении этих работ. В той области, сельскохозяйственный быт которой дал материал для Варронова календаря, виноградарником интересуются гораздо меньше и ухаживают за ним вовсе не с таким тщанием. Молодые лозы не окапывают ежемесячно, как у Колумеллы; молодой виноградарник полагается только однажды перепахать или перекопать, а потом трижды переборонить: в старых виноградарниках после окапывания (*ablaqueatio*) дважды проходят с бороной. Мы видим, что самая техника работы иная: у Колумеллы виноградар действует лопатой, у Варрона бороной. У Колумеллы лозы пасынкуют самое меньшее дважды, у Варрона только раз. Никаких указаний ни относительно «опыливания», ни относительно унавоживания: мы находимся в среде с хозяйственными интересами иными, чем у Колумеллы.

По-разному обстоит у обоих и дело с пастбищами и кормами: у Варрона скот ходит по лугам до конца марта; у Колумеллы луга закрывают для стада уже с первой половины этого месяца.

⁴ Календарь Плиния (XVIII.220—365) почти совпадает с календарем Колумеллы.

Варрон говорит о поливных лугах, которые косят дважды (в мае и в августе или сентябре); у Колумеллы речь идет только об одном укосе; у него уже с 1 июня скотину кормят нарезанной лиственной; у Варрона только с августа начинают заготавливать лиственный корм.

И в полеводстве найдем мы разницу: у Колумеллы трехкратная вспашка, у Варрона только двукратная; у Колумеллы хлеба мотыжат дважды, у Варрона лишь один раз. И сроки работ не всегда совпадают у обоих авторов. Мы видели уже, что скотину у Варрона перестают пускать в луга двумя неделями позже, чем у Колумеллы; пар у Варрона поднимают только после весеннего равноденствия, когда, по словам Колумеллы, следует производить первую вспашку «сырой и жирной земли» (XI.2.32). «Защищать луга от скота» с конца марта — это, с его же слов, обычай «холодных мест» (XI.2.27). Варрон, очевидно, имел дело с календарем для «холодных мест». Колумелла писал для Лация, где он жил и вел хозяйство. Разница климата объясняет и разницу в других сроках: у Колумеллы лозы окапывают, раскрывая их корни (*ablaqueatio*) в октябре: нет опасности, что их прихватит морозами; у Варрона это делают только по весне, когда угроза холодов окончательно миновала. Однократное мотыжение (без окучивания), производимое, «когда зима прошла», было также практикой «холодных и болотистых мест» (Col. II.11.2). Мы получаем, таким образом, ряд фактов, подтверждающих положение, которое само собой напрашивается: Варрон составлял свой календарь, руководствуясь сельскохозяйственной практикой родных сабинских мест. Сведения о хозяйственном облике этого края, которые мы получаем от других писателей, подкрепляют наш вывод. В Сабинии, конечно, сажали виноград, пили собственное вино и торговали им на местных рынках, развели даже два своих местных сорта (Pl. XIV.28 и 38), но не то чтобы знаменитых, а и просто хороших вин здесь никогда не бывало, и сабинское виноградарство славой не пользовалось. Скотоводство в этих местах засвидетельствовано Страбоном (228); мы видели, что Варрон пишет о крае, который богат кормами.

Установив, таким образом, «краевой аспект» Варронова календаря, мы можем пойти дальше: всякий раз, когда сообщения Варрона относительно той или другой сельскохозяйственной практики рождаются от того, что рассказывают о том же другие писатели, например Колумелла, мы имеем право прикрепить факты, приводимые Варроном, к сабинскому округу. Сельское хозяйство древней Италии, таким образом, утрачивает постепенно отвлеченный характер какой-то алгебраической величины и принимает конкретные очертания живого явления, связанного с определенным местом и обусловленного свойствами этого последнего. Именно эта ясно выраженная связь с сабинскими местами и делает драгоценной книгу Варрона, так же как и его заметки

о «Сельских древностях», щедро в ней рассеянные. Поэтому «Сельское хозяйство» всегда будет привлекать к себе внимание тех, кто интересуется бытом и хозяйственной жизнью древней Италии, хотя значение этой книги как чисто агрономического трактата и не очень велико.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА У ВАРРОНА

И Катон, имевший в виду главным образом Кампанию, и хозяева сабинских поместий у Варрона очень заинтересованы в том, чтобы между их имением и округой, с ее рынками и торговыми центрами, можно было установить легкий и регулярный обмен. Хозяин желает иметь к услугам своим или хорошие дороги, или судоходную реку. Ему есть, что продать, но он и нуждается в ряде предметов. Бывают имения, в которых не хватает хлеба, в других не достает вина. А кроме того, каждое имение в большей или меньшей степени нуждается в ремесленных изделиях.

В имениях, облик которых был Катону привычен, шла деятельность чисто сельскохозяйственная. Даже такие вещи, как доскутные одеяла, молотильные доски и корзины, Катон рекомендует приобретать в мастерских ремесленников-специалистов (135).⁵ И у Варрона жизнь рабовладельческого поместья идет как будто по той же колее: работам в поле, в саду и винограднике отданы все силы и все время. Только в досужие минуты рабы занимаются плетением корзин, веревок и матов, вырезыванием ручек и зубьев для граблей, вделываньем камней в трибулы, причем все это делается для нужд собственного хозяйства, но никак не на продажу, и никакой особой специальной выучки для производства таких работ не требуется: каждый селянин с ними знаком и сумеет с ними справиться. В эту уже знакомую картину врезывается, однако, новая черта: бывают, оказывается, владения, в которых гибель одного мастера «уносит доход целого имения» (I.16.4); иными словами, хозяин превращает свою усадьбу в центр ремесленной деятельности и от нее получает основную прибыль: земли у него, видимо, так мало, что доход с нее является только незначительной добавкой к доходу, который приносит работа хорошо обученного мастера-раба.

Случай этот, однако, представляет собой некое исключение. Правилom будут такие поместья, хозяева которых предпочитают иметь не рабов-специалистов, а мастеров, живущих по соседству. Местопребыванием их может быть город, деревня и «благоустроенные поместья и усадьбы богатых людей» (I.16.3).

⁵ У Варрона корзины всякого вида, молотильные доски и всякие плетения из конопли, ситника, льна и т. п. изготавливаются дома, если имеется необходимый для этого материал: видимо, это выгодно и, во всяком случае, проще, чем искать все это на стороне.

Очень хорошо, если продукты ремесленного производства хорошего качества можно приобрести совсем поблизости и очень дешево (I.16.2). Таким образом, центрами ремесленного производства оказываются не только города, как было у Катона, но и деревни, и богатые имения. Можно представить себе, как такой центр организуется. В деревне оседает каменщик, кузнец, столяр, правильно рассчитывая, что услуги его неизменно понадобятся. С теми же мыслями приходит врач и валяльщик. Все они нуждаются в помощниках, товарищах и подручных: образуется маленькое ремесленное ядро, которое в зависимости от обстоятельств может разрастаться или сжиматься. Владельцы окрестных земель, естественно, обращаются со своими нуждами к этим специалистам: нужно выковать лемех, наварить лопату, сделать кровать, настлать крышу, вымыть шерстяные одежды, свалить сукно, полечить заболевшего ребенка. Чтобы обеспечить себе постоянную помощь, с мастерами заключают годовое условие: по первой же надобности, по первому требованию они должны явиться в имение со своим инструментом и выполнить сделанный заказ. Хозяин богатого имения учитывает спрос округи и доход, который он может получить, удовлетворяя этот спрос: он организует в своем «благоустроенном имении» ряд мастерских, где трудятся рабы, обучившиеся данной специальности. Он достаточно богат, чтобы не бояться смерти одного какого-нибудь мастера; его заменит другой, может быть, даже ученик покойного; и во всяком случае, доход хозяина обеспечивают не только мастерские, но и земельные угодья. Судя по тому, что мы знаем о Сазерне, в долине По соединение сельского хозяйства и ремесленной деятельности было в богатых имениях явлением обычным. Для Варрона в его родных сабинских местах такие имения являются скорее исключением, чем правилом: он пишет не для богатых землевладельцев, которые будут вести торг ремесленными изделиями, изготовленными в их имениях, а для тех хозяев, которым выгодно иметь этих богачей по соседству. Хозяевам имений, которых имеет в виду Варрон, не всегда удается устроиться около города: городов в этих местах гораздо меньше, чем в Кампании или Лации; и землевладелец средней руки жметя к деревне или к богатому соседу в расчете на возможность выгодных для себя сделок.

ПОЛЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО У ВАРРОНА

Первая книга «Сельского хозяйства» посвящена организации хозяйства и затем преимущественно полеводству. Садоводство и виноградарство кое-где в ней мелькают, но именно только мелькают (главы 40—41-я, в которых идет речь о посадках и прививках, почти целиком списаны с Феофраста). Чувствовал ли себя Варрон в вопросах виноградарства и садоводства совсем неуве-

ренно, не хотел ли он повторять то, что было уже изложено Скрофой, знатоком садовых культур, решить мы не можем. Мы имеем дело с фактом: Варрон лишь полеводством занялся основательно, начав с уваживания и окончив устройством амбаров.

Какое же представление о полевом хозяйстве выносим мы из его книги?

Оно находится отнюдь не в упадке; землевладелец весьма занят своим полем. Варрон рассчитывает на аудиторию, которая его полеводческие советы выслушает с интересом и вниманием: не будь ее, для кого стоило бы и писать? Мы видели уже хозяев, которые обдумывали, какие улучшения следует им произвести не только в саду и в винограднике, но и на поле (I.18.7—8). Усадьба обязательно включает в число построек хлебный амбар, который будет тем больше, чем больше сеют хлеба (I.11.2). Есть, правда, такие имения, в которых хлеба не хватает, но рядом с ними названы и те, где не хватает вина (I.16.2): предпочтение одной культуре перед другой обусловлено, по-видимому, местоположением имения и свойствами его почвы. Широкий размах полевого хозяйства засвидетельствован фактом следующим: сбор колосьев после жатвы или отдавали с подряда, или нанимали на эту работу поденщиков (I.53). Трудно представить себе, чтобы хозяин обращался к тому или другому способу при малой площади полевого клена. Если колосьев было мало, а рабочие дороги, то колосьев вообще не подбирали и пускали на жнивье скот. «Расход мог превысить доход», конечно, только тогда, когда требовалось большое число работников (тем более что для такой работы брали, несомненно, подростков и слабосильных пожилых людей: обе категории не принадлежали к числу высокооплачиваемых).

Мы найдем у Варрона еще ряд и прямых, и косвенных свидетельств, подтверждающих, что полевое хозяйство во времена Варрона процветало. В самом начале диалога Фунданий заявляет, что у кампанской полбы и апулийской пшеницы нет соперников (I.2.6). Из Калабрии и Апулии к морю спускаются караваны осликов, навьюченных маслом, вином и хлебом (II.6.5). Огромные стада овец, крупного рогатого скота и лошадей неизменно получают наряду с другими кормами и зерно. Невозможно представить себе, чтобы тысячи пастухов, пасших зимой скот на апулийских и калабрских пастбищах, и огромное поголовье табунов, стад и отар жили привозным зерном. У Ливия мы прочтем (XL.11.27), что в 171 г. для войска и флота закупали хлеб в Апулии и Калабрии. Плиний рассказывает о знаменитой кампанской полбяной крупе: кампанцы вели ею заморскую торговлю, и крупа эта настолько ценилась, что в Александрии занимались подделкой этой крупы (XVIII.109—115). Он же сообщает о кампанском севообороте (XVIII.144 и 191), о тяжеловесной клузинской «полбе» о превосходной итальянской пшенице (XVIII.65 и

67). Таким образом, от II в. до н. э. и до второй половины I в. н. э. включительно мы располагаем документальными данными о том, что Италия не прекращала сеять хлеб и что виноградники и масличные сады полевого хозяйства отнюдь не вытеснили.

РАБОЧАЯ СИЛА В ИМЕНИИ

Варрон представляет себе имение, в котором работают и свободные рабочие, и рабы. Свободных приглашают на такие работы, как сенокос, жатва, съемка винограда. Нанимаются ли они целой артелью, как мы видели это у Катона (144—150), или приходят и договариваются каждый сам по себе? Можно не сомневаться, что некоторые работы производились «аккордно» и артелью: хозяин «продавал» иногда таким образом мотыженье посевов (Non. 8.1) или сбор колосьев, оставшихся на ниве после жатвы (Varr. 1.53). Работала ли в таких случаях артель, собранная подрядчиком, как это было у Катона, или ее составляли равноправные работники, образовавшие собственное рабочее товарищество, мы сказать не можем.

О рабах Варрон говорит подробно, причем приводит выписку из Кассия относительно того, каких рабов приобретать и как с ними обращаться. Ужели опыта, который должны были завещать италийскому рабовладельцу I в. до н. э. его предки, в течение долгих веков распоряжавшиеся рабами, оказывалось мало? Или хозяину приходилось для ориентации в новой хозяйственной обстановке, когда в его ведении оказались уже не сотни, а тысячи югеров, искать совета и поддержки у карфагенских «соседей врагов»? Варрон говорит об обширных владениях — *lati fundi* (I.16.4), но обычная величина владений, указанная им в цифрах, это 200 югеров (III.2.15).⁶ По сравнению с крестьянским клочком в югер это были, конечно, «латифундии», но для обработки такой «латифундии», по вычислениям Сазерны, хозяина опытного и не обольщавшего себя надеждой на высокую продуктивность рабского труда, требовалось всего 6—9 человек (Col. II. 12.7). До сотен, как видим, далеко, да и ни один разумный хозяин, даже в большом имении, не стал бы держать сотни людей, которых надобно кормить, поить и одевать круглый год, но которые будут полностью заняты работой только во время рабочей страды, при уборке хлеба или сена или при съемке маслин. Почему же тогда по вопросу о рабах Варрон обратился за советом к Кассию?

⁶ Подгородное имение всадника Габерия (II.3.10), в тысячу югеров принадлежало именно к таким исключениям. Мы не знаем, где именно оно находилось, но то обстоятельство, что Габерий, видимо, ломал голову, как сделать его доходным, и нашел решение в приобретении тысячного козьего стада, заставляет думать, что это была пустошь, где росли кустарники и которую только и можно было использовать как пастбище.

Мы встретим у Варрона ссылки на него еще два раза: у него списал он классификацию навоза, где разные удобрения были размещены в зависимости от их силы (I.38), и на него сослался как на автора книги, по которой Сей учился промышленному птицеводству (III.2.13). Кассий был призываем на совет в тех случаях, когда итальянский хозяин чувствовал себя или вовсе несведомленным (организация крупной птицефермы), или жадно искал подтверждения своего опыта и его обогащения (вопросы удобрения). Смелостью ли будет предположить, что в данном случае греку пришлось дать рабовладельцам-римлянам урок некоторой человечности в обращении с рабом?

Катон, как известно, весьма заботился о том, чтобы его рабы были сыты и одеты; в еще большей мере был он озабочен и хорошим содержанием своих рабочих волов. Люди, однако, задавали хозяину задачи гораздо сложнее тех, которые надо было решать, чтобы обеспечить благосостояние волов: волам было достаточно теплого помещения и корма вдоволь, людям этого мало. Самозабвенной и преданной работы одним этим не удавалось достичь; разжигание взаимной вражды и система доносов и слежки не приносила благих результатов; Катон вынужден был признать это сам. Первый урок «угождения» рабу был дан этим жестоким хозяином: «пахарям до известной степени угождай, чтобы они охотнее ходили за волами» (5.6). Если не собственные размышления и наблюдения, то рабские восстания учили хозяина необходимости «угождать» рабам. Греки могли оказаться тут полезными советчиками; над уроками, которые Исхомах давал своей молодой жене, стоило призадуматься.

Советы Кассия сводились по существу к двум простым, но очень эффективным положениям. Для рабовладельца раб продолжал оставаться «вещью» и теоретически он мог не делать разницы между пастухом, мулом и собакой (см. II.8.1), но практически, должен был признать в рабе человека и в собственных своих выгодах создать рабу жизнь, которая хоть в какой-то степени создавала видимость сносной жизни: пусть обзаведется семьей, хотя бы и не признаваемой юридически; пусть получит овцу или свинью, которую сможет считать своей собственностью; пусть у него будет хоть некоторое подобие своего угла, своего очага. Во-вторых, пусть он хоть немного распрямитя нравственно, пусть почувствует себя человеком, к которому хозяин относится с некоторой долей внимания и уважения. Нужно, чтобы у раба была «охота к работе и благожелательность к хозяину» (I.17.7). Вспомним тот уклад, который описан у Плутарха в его биографии Катона. За то столетие, которое прошло со времени Катона, итальянский рабовладелец многому выучился и о многом подумал. Учителями были не только Эвн и Спартак: учила заморенная скотина, учили виноградники, усыхающие от небрежного ухода. Уроки были жестоки и вразумительны.

Следует остановиться еще на одном совете Кассия, который он повторил вслед за Платоном (Законы, 777C) и Аристотелем (Политика, VII.9): не приобретать много рабов одной и той же народности. Совет был, бесспорно, разумен и предусмотрителен, и его почтительно повторяли и переписывали, упуская из виду, что практически и в сельском хозяйстве, и в любой мастерской он и неприменим, и бессмыслен. Представим себе, что четырнадцать рабов Катона (11.1) не понимают ни слова по-латыни и принадлежат хотя бы к пяти разным племенам, из которых каждое говорит на своем языке. Что будет делать с ними виллик? Знакомство с иностранными языками отнюдь не входило в круг знаний, которые от него требовались; объяснять жестами каждому рабу, что от него требуется, — такая сценка была бы хороша для комедии, но немыслима в обстановке делового дня. Кроме того, разноязычные рабы, живя в италийской усадьбе, слыша вокруг латинский язык, общаясь с людьми, говорившими по-латыни, очень скоро должны были усвоить запас слов, вполне достаточный для стовора о бегстве или убийстве хозяина. Показательно, что Колумелла, посвятивший не одну страницу характеристике рабов, и словом не обмолвился об их составе в смысле национальности: хозяину-практику было ясно, что мир и порядок в усадьбе поддерживается рядом разумных мер, принятых хозяином, а никак не разноплеменностью рабской фамилии. Варрон, списав Кассия, тут же опроверг его совет фактом, который знал по своему знакомству с Эпиром: эпирские рабы жили семьями, и ценились они особенно дорого именно в силу того, что родственные связи делали их более верными и привязанными к одному месту. Члены семьи были между собой связаны, конечно, крепче, чем единоплеменники, и если уж думать об опасности заговора, то многочисленная, кровно связанная семья была страшнее, чем несколько человек, объединенных единством племенного происхождения.

Варрон чрезвычайно любил всякий предмет и всякое явление, с которым ему приходилось иметь дело, разбивать на части и рубрики. Когда ему пришлось говорить о «предметах, которыми обрабатывают поля», то он разделил их на три вида: орудия говорящие (*vocalia*) — рабы; орудия, издающие нечленораздельные звуки (*semivocalia*), — волы; орудия немые (*muta*) — телеги (I.17.1). Деление это дало повод утверждать, что Варрон относился к рабу с глубочайшим презрением и ставил его в один ряд с домашней скотиной и сельскохозяйственным инвентарем. Если бы это было так, то Варрона можно было бы утешить в полном отсутствии сознательного отношения к вопросам, которые им трактуются: на следующей странице он преподает хозяину урок человеческого обращения с рабом и рассматривает этого последнего именно как личность с определенными душевными запросами. Недавно молодая чешская ученица Юлия Новикова дала новое и правильное объяснение этого места. Она счи-

тает, что деление «предметов, которыми обрабатывают поля», приведенное Варроном, «является лишь классификаторской игрой слов, построенной по образцу подразделения гласных на *vocales*, *semivocales*, *mutae*. Далее, анализируя термин «*instrumentum*», она останавливается на его техническом, агрономическом и юридическом содержании и указывает, что этот термин не является презрительным, как это следует из выражения «*instrumentum litis*», которое у юристов обозначает доказательный материал, включая и свидетелей, а таковыми могли быть и сенаторы» (Listy filologicke, 1953, f. 2, стр. 229—235).

ЗНАЧЕНИЕ «СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА» ВАРРОНА

Мы говорили, что книга Варрона, как сельскохозяйственный трактат стоит гораздо ниже сочинений и Катона, и Колумеллы, хозяев-практиков, писавших о хозяйстве не с чужого голоса, а по собственному опыту. И тем не менее «Сельское хозяйство» Варрона имеет право на то, чтобы стоять рядом с ними: так велико значение этой книги для истории сельского хозяйства Италии. Достаточно перечислить те вопросы, которые остались бы без ответа, не будь у нас книги Варрона: без нее мы ничего бы не знали о такой важной хозяйственной отрасли, как кочевое скотоводство; характер подгородного хозяйства с его ориентировкой на римский рынок стал для нас ясным только благодаря Варрону; он же познакомил нас с возникновением подгородного птицеводства и птицефермами. Благодаря ему мы получили более правильное представление о полевом хозяйстве того времени.

Если мы знаем что-нибудь о технике полевых работ в древней Италии, то мы обязаны этим главным образом Варрону, который часто оказывается нашим единственным источником. Он разглядывал сельскохозяйственные орудия и внимательно наблюдал за сельскими работами. Его интерес к деревенским занятиям вытекал из его общего интереса к повседневной обыденной жизни своего народа. Рассказ о том, «что, где и когда делают» селяне, был естественным продолжением того отдела «Древностей римского народа», который был посвящен «людским делам» и трактовал о том, «кто, где и когда и что делает». Варрон был первым, кто описал ряд полевых орудий и кто собрал и объяснил по существу (его фантастические этимологии не идут, конечно, в счет) многие сельскохозяйственные термины. Он первый и единственный рассказал о технике итальянской пахоты и объяснил термины, которыми называли разные вспашки. Его страницы донесли до нас голос деревенской трудовой Италии, ее крестьян, пастухов, всех, кто свободным или рабом трудился на ее полях и бродил по ее пастбищам. И это сделало книгу, сухую и написанную часто небрежно и рассеянно, сокровищем, цена которого не умалится, пока жив будет интерес к человеку и его труду.

Удивительно, что из всего написанного Варроном уцелело только его «Сельское хозяйство» и шесть книг «Латинского языка», дошедших в ужасном состоянии. Все остальное погибло, кроме разрозненных отрывков, приводимых Дионисием, Плинием, Геллием, Макробием и христианскими писателями. Нечего было бы удивляться, если бы сочинения эти малого стоили, но вся античность единодушно говорит об их высоких качествах; во многих областях они в течение столетий после смерти Варрона оставались верховным авторитетом. Его учителя, Элий Стилон и Нигидий Фигул, казались пигмеями сравнительно с ним уже при его жизни; после его смерти репутация его все возрастала. На пороге Возрождения Петрарка помещает его между Цицероном и Вергилием, как «третий великий светоч Рима» — «Varrone il terzo gran lume Romano». Его значительнейшее произведение «Antiquitates rerum divinarum et humanarum» имел у себя еще Петрарка. Он одолжил их своему старому учителю, а тот заложил их и умер, не успев выкупить. Рукопись погибла безвозвратно.

Текст «Сельского хозяйства» Варрона восходит к единственной рукописи, давным-давно утерянной. В 1794 г. И. Шнейдер указывал, что все существующие рукописи восходят так или иначе к ней, и работы Г. Кейля полностью это мнение подтвердили. Эта рукопись — Marcianus, которую Пьетро Витторио называет «liber antiquissimus et fidelissimus», находилась в свое время в библиотеке Св. Марка, и Витторио, подготавливая свое издание Катона и Варрона, вышедшее в 1541 г., усердно ее использовал. Наиболее важные ее разночтения сравнительно с печатными изданиями и другими рукописями, которыми он мог пользоваться, были им собраны и обсуждены в «Explicationes suarum in Catonem, Varronem, Columellam castigationum» (1542). До Витторио в 1482 г. Анжело Полициано сравнил эту рукопись с editio princeps 1472 г. и внес в свой экземпляр все чтения М., отличные от editio princeps. Шнейдер и Кейль доказали, что все имеющиеся рукописи Катона и Варрона восходят к М.

Из уцелевших рукописей наиболее важные:

Codex Parisinus (нач. XIII в.) хороший список с хорошей копии М (Витторио его не упоминает);

Mediceus (XIV в.); Витторио называет «semivetus» или «gallicanus».

С помощью копия Полициано, издания Витторио 1541 г. и его «Explicationes» удалось установить архетип, освободив его от многочисленных поправок, которыми ученые Возрождения испещрили его. Поправки эти были часто остроумны, но не имели никакого значения, так как особенности Варронова стиля не учитывались и никаких прочных правил, которыми надлежало руко-

водствоваться при исправлении текста, не было. Восстановленный таким образом архетип очень испорчен, и ни Полициано, ни Витторио ничего не говорят о его дате и шрифте. Вероятно, это была рукопись, написанная ранним каролингским минускулом, потому что 1) Витторио говорит, что она была значительно старше других рукописей, бывших в его распоряжении; 2) сокращения, насколько можно заключить по его «Explicationes», были просты и было их мало — характерная черта именно для раннего минускула, а не для позднего; 3) ошибки как раз те, которые обычны для переписчиков IX—X вв., например «а» и «и» постоянно путаются: 21 раз в трех книгах. В меровингском и ломбардском письме эти буквы по большей части просто неразличимы. Опять-таки первые слова первой книги у Полициано: «P. otium» вм. «si otium», подтверждают это предположение: «si» в очень раннем каролингском минускуле имеет вид «P». Все это заставляет думать, что архетип относился к IX—X вв.

Из старых изданий Варрона наиболее ценным является издание Шнейдера: I. G. Schneider. *Scriptores Rei rusticae*. Leipzig, 1794—1796. Первое научное издание текста с критическим аппаратом и комментарием, преимущественно филологическим, принадлежит Кейлю: H. Keil. *M. Terenti Varronis Rerum rusticarum libri tres*. Leipzig, 1884—1894. После смерти Кейля издание его подверг тщательной ревизии Г. Гетц, постаравшийся приблизить текст, насколько это было возможно, к чтению архетипа: G. Goetz. *M. Terenti Varronis Rerum rusticarum libri tres*. Leipzig, 1929.

Переводы: L. Storr-Best. *Varro on Farming*. London, 1912; W. D. Hooper. *M. T. Varro. On agriculture*. London, 1936 (с текстом en regard).

Настоящий перевод сделан с издания Гетца 1929 г.



ВАРРОН

СЕЛЬСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО





КНИГА ПЕРВАЯ

1

Если бы я мог выкроить время, Фундания, я бы написал тебе о том, о чем буду говорить сейчас, лучше, а сейчас напишу, как смогу: Я думаю, мне надо спешить, потому что, если, как говорится, человек — лишь пузырь,¹ то старик и тем более. Мой восьмидесятый год советует мне собрать свои пожитки раньше, чем я уйду из жизни. (2) И так как ты купила имение, которое хочешь сделать доходным, ведя хорошо хозяйство, и просишь меня, чтобы это стало и моей заботой, то я и попытаюсь стать тебе советником, и не только при жизни, но даже и после смерти. (3) Предсказания Сивиллы были полезны людям не только при ее жизни, но даже и тогда, когда сама она скончалась, и притом людям, совершенно ей неизвестным: сколько лет государство наше обращается к ее книгам, желая узнать, что надлежит нам делать по случаю какого-нибудь знамения!² Неужели я при жизни не сделаю того, что будет полезно моим близким? не могу этого допустить. (4) Потому я и пишу тебе три справочника, к которым ты и будешь обращаться, если тебе потребуется узнать, каким образом и что тебе нужно делать по хозяйству. А так как боги, говорят, помогают тем, кто и сам деятелен,³ то я сначала и призову их, только не муз, как Гомер и Энний,⁴ а двенадцать богов, подавателей совета, — и не городских, чьи позолоченные статуи стоят на форуме: шестеро мужских и столько же женских,⁵ — а тех двенадцать богов, которые суть главные покровители земледельцев: (5) во-первых, Юпитера и Землю, тех, кто определил всем плодам земледелия находиться в земле под небом: потому их и называют великими родителями: Юпитер именуется отцом, Земля — матерью. Во-вторых, Солнце и Луну, по которым определяют время, когда что сеять и убирать. В-третьих, Цереру и Либера,⁶ потому что они подают самые необходимые для жизни плоды: от них приходит к нам из имения и пища, и питье. (6) В-четвертых, Робига и Флору,⁷ если они милостивы, то ржа не

портит ни хлебов, ни деревьев, и они зацветают своевременно. Поэтому государством и установлены Робигу празднества Робигалий, а Флоре — Флоралий. Также чту я Минерву и Венеру: одна заботится о маслиннике, другая об огородах, поэтому и установлены Сельские Виналии.⁸ И обязательно обращаюсь я с молитвой к Воде и Доброму Завершению,⁹ потому что без влаги работа на земле бесплодна и жалка, а без успеха и доброго завершения нет работы, а есть только напрасная трата сил. (7). Призывая с молитвой этих богов, я передам те беседы о земледелии, которые у нас недавно были; из них ты сможешь усмотреть, что тебе следует делать. Если в них чего нет, тебе нужного, то я укажу тебе, у каких писателей, греческих и наших, ты это найдешь.

Греков, писавших по отдельным вопросам, один об одном, другой о другом, больше пятидесяти. (8) Вот те, которых ты можешь пригласить на совет, если захочешь о чем-либо посоветоваться: Гиерон сицилиец и Аттал Филометор; из философов — естествоиспытатель Демокрит; Ксенофонт, Сократов ученик; перипатетики Аристотель и Феофраст; пифагореец Архит, а также афинянин Амфилох, флосец Анаксипол, лемносец Аполлодор, Аристофан из Малл, Антигон из Кум, хиосец Агафокл, пергамец Аполлоний, афинянин Аристандр, милетец Бакхий, Бион из Сол, афиняне Херестей и Херея; приенец Диодор, колофонец Дион; никеец Диофан; родосец Епиген; флосец Евагон; двое Евфрониев, один из Афин, другой из Амфиполия; маронит Гегесий; двое Менандров, один из Приены, другой из Гераклеи; маронит Никесий, родосец Пифион. (9) Родина следующих осталась мне неизвестна: это Андриотий, Есхрион, Аристомен, Афинагор, Кратет, Дад, Дионисий, Евфитон, Евфорион, Евбул, Лисимах, Мнасея, Менестрат, Плентифан, Перс, Феофил.¹⁰ Все, названные мною, писали прозой; о тех же предметах некоторые писали стихами, например аскреец Гесиод и эфесец Менеократ.¹¹ (10) Их всех известнее Магон карфагенянин, который все разрозненное охватил в двадцати восьми книгах, написанных по-пунийски; Кассий Дионисий из Утики перевел их в двадцати греческих, которые и послал претору Секстилию: в этих свитках он немало чего добавил из книг тех греческих писателей, которых я назвал, а у Магона отнял целых восемь книг. Диофан в Вифинии с пользой свел его работу до шести книг и послал их царю Дейотару.¹² (11) Я постараюсь изложить предмет еще короче в трех книгах: в одной будет рассказано о земледелии, в другой о скотоводстве, в третьей о приусадебном хозяйстве. В первой же книге я займусь изъятием того, что, по-моему, не относится к земледелию. Я покажу, таким образом, сначала, что подлежит отделению от него, а затем буду говорить о хозяйстве, следуя естественному его делению. Источников у меня три: то, что я сам заметил, хозяйничая в своих имениях, читанное мной и слышанное от людей опытных.

В праздник сева я пришел в храм Земли по приглашению храмового служителя, как называть его научились мы от наших отцов, — или служки, как поправляют нас нынешние умники.¹ Там я наткнулся на Г. Фундания, моего тестя, на Г. Агрия, римского всадника, поклонника Сократа, и на П. Агразия, откупщика. Они рассматривали нарисованную на стене карту Италии.² «Вы почему здесь? — говорю я. — Праздник сева привел вас сюда на досуге, как всегда бывало, наших отцов и дедов?» — (2) «По той же, думаю, причине, — отвечает Агрий, — что и ты: нас пригласил храмовой служитель. А если это так, судя по твоему кивку, то придется тебе посидеть вместе с нами до его возвращения. Его вызвал эдил, который ведаёт этим храмом, и он еще не пришел обратно, но оставил человека попросить нас, чтобы мы его подождали. Хотите тем временем действовать по старой поговорке: „Римлянин побеждает сидя на месте“». — (3) «Хорошо», — говорит Агрий, и, вспомнив слова: «до порога самая длинная дорога»,⁴ он направился к скамейкам, а мы следом за ним.

(3) Когда мы сели, заговорил Агразий: «Вы, изъездившие столько стран, скажите, видели вы землю, обработанную лучше, чем Италия?» — «Я думаю, — ответил Агрий, — нет страны, которая была бы так обработана вся целиком.⁵ Во-первых, земной шар делится Эратосфеном⁶ в полном согласии с природой на две части: южную и северную, (4) и нет сомнения, что северная часть здоровее южной, а которая здоровее, та и плодороднее. Вот и следует признать, что в Италии гораздо удобнее заниматься земледелием, чем в Азии, во-первых, потому, что она находится в Европе, а во-вторых, потому, что эта часть Европы умереннее, чем лежащая в глубь за ней. Там стоит почти вечная зима, и неудивительно, что между северным кругом и полюсом есть страны, где солнца не видно шесть месяцев подряд. В океане в той стороне, говорят, нельзя даже плавать, потому что море замерзло.⁷ (5) Фунданий: «Хм, и ты думаешь, что там может что-нибудь родиться и можно что-нибудь вырастить? Правильно сказал Пакувий: „Если вечно солнце или вечно ночь, то от огненного пара или от холода гибнут все земные плоды“». — (6) Я и здесь, где ночь и день равномерно приходят и уходят, не смог бы жить в летние дни, не раскалывая я их сном в полдень, словно дерево привоем.⁹ (6) А там, в этом шестимесячном дне или ночи, каким образом можно что-нибудь посеять, взрастить или сжать? и наоборот, есть ли полезное растение, которого нет в Италии, — больше того, которое не оказывается здесь превосходным? какую „полбу“ сравню я с кампанской? какую пшеницу с апулийской? какое вино с фалернским? какое масло с венафрским? не засажена ли Италия деревьями так, что кажется сплошным фруктовым садом? (7) разве Фригия, которую Гомер называет *ἄρπελοῖσσα*,

больше покрыта виноградниками? Или пшеницей Аргос, который тот же поэт называет *πολύτρον*?¹⁰ В какой стране один югер приносит по десять и по пятнадцать мехов вина, как некоторые местности в Италии? разве М. Катон не пишет в своих „Началах“ так: „Галло-Римской названа область, которая роздана подушно и находится по сю сторону от Аримина и по ту от области пиценов. В этой области по некоторым местам с одного югера получают по десять мехов вина“.¹¹ А разве в Фавентинской области¹² нет лоз, которые он же называет „трехсотницами“, потому что югер дает там триста амфор? Тут он посмотрел на меня: «Марций Либон, твой префект фабров,¹³ рассказывал, что в его фавентинском имении лозы его дают именно такое количество вина. (8) Итальянские люди обращали внимание в хозяйстве прежде всего, по-видимому, на два пункта: обернутся ли их издержки и труды доходом и здорово ли место или нет. Если одно из этих условий выпало, а человек все равно хочет вести хозяйство, то он рехнулся, и его надо отдать на попечение родным. Никто в здравом уме не захочет тратиться и расходоваться на хозяйство, если видит, что расходы его не окупятся; или видит, что урожай, который он может получить, вырастет затем, чтобы погибнуть в этом зараженном месте. (9) Думаю, впрочем, что тут есть люди, которые могут все это объяснить лучше: я вижу, идут Г. Лициний Столон и Гн. Тремелий Скрофа: предки одного внесли закон о размерах имения (закон, запрещающий римскому гражданину иметь больше пятисот югеров, это закон Столона); а он сам тщательным ведением хозяйства утвердил за своим родом прозвище Столонов: в имении у него не найдешь ни одного волчка, потому что он выкапывал вокруг деревьев побеги, идущие от корней; их зовут „Stolones“. Из этого же рода происходил Г. Лициний, который, будучи народным трибуном спустя 365 лет после изгнания царей, первый вывел народ для принятия законов из комиция на семи-югерный надел форума.¹⁴ (10) А другой — это твой коллега, который был членом комиссии двадцати по разделу кампанских земель: Гн. Тремелий Скрофа, человек, обладающий всеми достоинствами; его считают самым сведущим в хозяйстве римлянином».¹⁵ — «А разве не по справедливости? — говорю я. — Его имения обработаны так, что многим приятнее глядеть на них, чем на некоторые по-царски отделанные здания! К нему в усадьбу презижают поглядеть не на картинные галереи, как к Лукуллу,¹⁶ а на хранилища для фруктов. Его сады, говорю, — сколок с верхнего конца Священной Дороги, где за фрукты платят золотом».¹⁷

(11) Тем временем они подошли к нам, и Столон спрашивает: «Что это? мы пришли, когда обед уже съели? не видно и Л. Фундилия, который нас пригласил». — «Успокойтесь, — говорит Агрий, — не только не вынуто еще яйцо, которым кладут конец заездам квадрил в цирке, но мы не видели и того яйца, которым обычно открывается обеденное торжество».¹⁸ (12) Итак, пока вы

его вместе с нами не увидите и пока не придет храмовой служитель, объясните нам, что является целью земледелия: польза, удовольствие или и то и другое. Говорят, что знатоком в земледелии являешься сейчас ты; раньше им был Столон». — «Сначала, — говорит Скрофа, — нужно определить, касается ли земледелие только того, что сеют в поле, или занято также и тем, что выращивают в деревне, например оццами и крупным скотом. (13) Я вижу, что те, кто писал о земледелии и по-пунийски, и по-гречески, и по-латыни, забрели дальше, чем следовало». — «Я по крайней мере, — говорит Столон, — думаю, что не следует им подражать во всем. Гораздо лучше поступили те писатели, которые отвели себе меньшую область и выключили то, что не относится к их предмету. Все отрасли скотоводства, например, которые у большинства не отделены от земледелия, подлежат скорее ведению пастуха, чем земледельца. (14) Поэтому и распорядители, приставленные к тому и к другому делу, различаются по своим наименованиям: один зовется виликом, другой — старшим пастухом. Вилика ставят надзирать за обработкой земли, и его имя происходит от слова „villa“, потому что он свозит в усадьбу урожай и он же вывозит его на продажу. Селяне поэтому и сейчас говорят не „via“, а „veha“ по причине перевозок, и называют место, куда они везут и откуда везут, не „villa“, а „vella“. Так же о тех, кто живет извозом, говорится, что они *velaturam facere*». — (15) «Конечно, — говорит Фунданий, — скотоводство это одно, а земледелие другое, но они смежны; и во флейте ведь правая трубка не то же, что левая, и однако они как-то объединены между собой, потому что одна наигрывает мелодию песни, а другая ей вторит».¹⁹ — (16) «Можешь добавить, — говорю я, — что, по словам Дикеарха, ученейшего мужа,²⁰ пастушеская жизнь и вела начальную мелодию, а земледельческая ей вторила. Он показал нам, какой была первоначально жизнь в Греции; в давние времена было так: люди вели пастушескую жизнь и даже не умели пахать землю или сажать и обрезать деревья; после уже, по прошествии времени, взялись за обработку земли. Поэтому земледелие только вторит пастушеской жизни: оно стоит ступенькой ниже: так левая трубка помещается под отверстиями правой», — (17) «Ты флейтист, — говорит Агрий, — ты отнимаешь не только всех животных у хозяина, но и животинку у рабов, которым хозяева разрешают ее держать. Ты даже уничтожаешь арендные договоры, в которых мы пишем: „колону запрещено пасти на засаженном участке козью породу“, а даже астрология пустила коз на небо, недалеко от Тельца». — (18) «Смотри, Агрий, — говорит Фунданий, — не скажи невольно: в договорах ведь пишется „некоторый скот“. Некоторые животные — ведь сущий яд для земледелия, как вот эти самые козы. Они общипывают и портят все молодые посадки, особенно же лозы и маслины. (10) Поэтому, исходя из соображений разных, и установ-

лено вести на заклание к алтарю одного бога козью породу, а другому богу такой жертвы не приносить; один из ненависти не желает козы и видеть, а другой именно желает видеть ее гибель. Так и случилось, что отцу Либеру, нашедшему виноградную лозу, режут козлов в наказание за их вины; Минерве же, напротив, не режут никого из козьей породы, потому что маслина, обрызгиваемая козой, говорят, становится бесплодной: козья слюна для ее плодов яд. (20) Поэтому в Афинах и не пускают коз на Акрополь (разве что для обязательного жертвоприношения), чтобы коза не дотронулась до масличного дерева, которое, говорят, впервые там выросло». — «Нет ни одного животного, — говорю я, — до которого земледелию было бы дело, кроме тех, которые помогают обработать поле, т. е. могут пахать в упряжке». — (21) «Если это и так, — говорит Агразий, — то каким образом можно убрать из имения скот, когда навоз, который так полезен, дают стада?» — «В таком случае, — говорит Агрий, — поскольку мы решили, что для земледелия надобно иметь рабов, то и торговля ими является отраслью земледелия. Ошибка в том, что скот может и быть в имении, и приносить доход в этом имении, но отсюда не следует, что им ведаёт наука о земледелии. Тогда бы ей следовало заняться и другими предметами, не имеющими ничего общего с землей; бывает же, например, что в имении есть много ткачей, устроены ткацкие мастерские, а также есть и другие ремесленники».

«Итак, — говорит Скрофа, — отделим от земледелия скотоводство, а если кто захочет, то и кое-что другое». — (22) «Ужели, — говорю я, — следовать мне книгам Сазерн, отца и сына,²¹ и считать, что вопрос о том, как следует разрабатывать глинища, больше относится к земледелию, чем разработка серебряных или других рудников, которые, конечно, окажутся в каком-нибудь имении. (23) Ни каменоломни, однако, ни песчаные карьеры не относятся к земледелию, как не относятся к нему и глинища. Это не значит, что их не надо разрабатывать в том имении, где это удобно, и не надо получать от них дохода: если, например, имение лежит при дороге и место это удобно для путников, то надо выстроить здесь гостиницу; как бы ни была она, однако, доходна, она не имеет отношения к земледелию. Не всякий доход, полученный хозяином благодаря имению или даже в имении, следует относить за счет земледелия, а только тот, который принесла засеянная земля». — (24) «Ты, — подхватил Столон, — завидуешь такому писателю и придираешься к глинищам, чтобы только опустить и не похвалить некоторых превосходных замечаний, целиком относящихся к земледелию». (25) Скрофа улыбнулся; он был знаком с этими книгами и презирал их; Агразий же думал, что только он их знает, и попросил Столона привести такие замечания. Тот начал: «Он в таких словах пишет о том, как выводить клопов: „Положи змеинный огурец в воду и вылей ее, где захочешь: ни

один клоп не появится. Или же смажь ложе смесью из бычьей желчи с уксусом». (26) Фунданий смотрит на Скрофу: «Это правда что он говорит? Это написано в книге о земледелии?» — «Клянусь Геркулесом, так же, как и следующее: если ты хочешь свести волосы, то он велит положить в воду желтую лягушку и, уварив эту воду до одной трети, мазать этим тело». — «Лучше скажи, — говорю я, — о том, что в этой книге больше имеет отношения к здоровью Фундания: у него ведь часто так болят ноги, что весь лоб собирается в морщины». — «Пожалуйста, скажи, — говорит Фунданий, — я предпочитаю слушать о своих ногах, чем о том, как нужно сажать свекольную рассаду». ²² Столон улыбнулся: «Скажу, — говорит, — теми же самыми словами, какими он это сам записал (я слышал это о Тарквене: когда у человека стали болеть ноги, то кто его вспомнит, того можно вылечить). „Я тебя вспоминаю, вылечи мои ноги. Земля болезнь держи, здоровье здесь подожди в моих ногах“. Он велит пропеть это трижды девять раз, коснуться земли, плюнуть, петь натошак». ²³ (28) «Много, — говорю, — и других диковинок найдешь ты у Сазерны; все это не имеет ничего общего с земледелием и должно быть поэтому выброшено». — «Как будто, — говорит он, — у других писателей не найдется ничего такого. Разве в книге самого великого Катона о земледелии нет множества подобных же сведений, например, каким способом делать пирог, как печь лепешки, каким образом солить ветчину». — «А ты не помнишь, — говорит Агрий, — что он пишет: „если хочешь на пиру много выпить и поесть с удовольствием, то нужно прежде съесть листиков пять сырой капусты, прилитой уксусом».

3

«Итак, — говорит Агразий, — так как устранено то, что по характеру своему следовало исключить из отдела о земледелии, то научите нас, какие знания требуются в хозяйстве, наука это или что другое, с чего она начинается и где ее конечная цель». Столон посмотрел на Скрофу: «Ты, — говорит, — должен рассказывать: ты первый и возрастом, и достоинством, и знанием». Не затрудняясь, тот говорит: «Во-первых, это не только наука, но важная и необходимая наука: это знание того, что следует сеять и что делать на любом поле, чтобы земля постоянно давала наибольшие урожаи.

4

«Она начинается со знакомства с теми же основными элементами, которые, по словам Энния, суть основные элементы вселенной, — это вода, земля, воздух и солнце.¹ Их следует изучить, прежде чем ты бросишь семена и тем заложишь основание уро-

жаю. Исходя отсюда, земледельцы должны стремиться к двум целям: к пользе и к удовольствию. Польза требует того, что доходно; удовольствие — того, что приятно; на первом месте скорее стоит полезное, чем приятное. (2) Правда, обработка, придавая участку вид более привлекательный, делает его в большинстве случаев не только плодороднее (когда, например, деревья, по которым вьются лозы или маслины, посажены рядами): такое имение и легче продать, и цены ему прибавятся. Из двух имений, приносящих одинаковую пользу, каждый заплатит дорожке за то, которое благообразнее, а не за то, которое не имеет никакого вида.² (3) Больше всего пользы принесет имение, лежащее в здоровом месте, потому что там доход верный; наоборот, на зараженном участке, хотя бы и плодородном, болезни не допустят земледельца получить доход. Там, где приходится вести счета с Орком,³ под вопросом стоит не только доход, но и самая жизнь работающих. Поэтому в нездоровом месте земледелие превращается в азартную игру, где ставкой оказывается жизнь хозяина и его состояние. (4) Знанием, однако, можно ослабить это бедствие. Не в нашей власти создать здоровый климат и здоровую почву: это дело природы; и однако от нас зависит многое, и при усердии мы можем ослабить действие болезнетворных сил. Если имение заражено по причине зловония, которое в каком-то месте поднимается от земли или от воды; если оно расположено в слишком жаркой местности; если там дует злой ветер, то все эти недостатки обычно исправляет хозяин с помощью своих знаний и расходов. Тут чрезвычайно важно, где поставлены постройки, какой они величины, куда смотрят их портики, двери и окна. (5) Разве знаменитый Гиппократ не спас во время сильной чумы своими знаниями не то что одно имение, а множество городов?⁴ Зачем, впрочем, звать мне его в свидетели? вот наш Варрон: когда войско и флот стояли в Коркире и все дома были полны больных и умерших, он проделал новые окна и открыл дорогу северному ветру; преградил доступ зараженному воздуху, переставил двери, принял ряд других подобных же мер и благодаря своему усердию вернул домой своих спутников и домочадцев здоровыми и невредимыми.⁵

5

«Так как я сказал о том, с чего начинает наука о земледелии и какие цели она преследует, то остается посмотреть, сколько отделов имеется в этой науке». — «Когда я читаю множество книг Феофраста — одни озаглавлены *φύτων ιστορία*, а другие *φωτῶν αἰτίαι*, — говорит Агразий, — то мне кажется, что они неисчислимы». — (2) «Эти книги, — говорит Столон, — годятся для тех, кто хочет работать скорее в философских школах, чем в поле. Я не хочу этим сказать, что в них нет ничего полезного и нуж-

ного всем.¹ (3) Все-таки лучше уж ты расскажи нам об отделах земледельческой науки». — «В земледельческой науке, — говорит Скрофа, — есть четыре главных отдела: во-первых, ознакомление с имением, с тем, какая в нем почва и каков ее состав; во-вторых, с тем, какое в этом имении оборудование требуется и какое должно иметь для его обработки; в-третьих, что надо в этом поместье делать, чтобы его обработать; в-четвертых, в какое время какие работы полагается в этом имении производить. (4) Каждый из этих главных отделов делится самое меньшее на две части: первая часть первого отдела занята землей и почвой, другая — усадьбой и хлевами. Второй отдел, занятый рассмотрением движимого инвентаря, который должен быть в имении для его обработки, тоже распадается на две части: одна касается людей, с помощью которых обрабатывается земля, другая — остальных орудий. Третий, касающийся работ, подразделяется так: что для чего следует приготовить и где что делать. Четвертый отдел трактуется о сроках: что надо сообразовать с годовым кругооборотом солнца и что — с месячным бегом луны. Я сначала поговорю о первых четырех отделах, а затем обстоятельнее о восьми вторых.²

6

«Итак, прежде всего нужно в имении рассмотреть по четырем пунктам землю: какого имение облика, какого качества его земля, какой оно величины, насколько защищено самой природой своей. Что касается облика, то различается два: один дан от природы — этот участок сам по себе хорош, а тот сам по себе плох, другой же сообщают посевы и посадки: одно имение хорошо засеяно и засажено, а другое плохо. Сначала я скажу о том облике, который дан от природы. (2) Участки по своему обличью могут относиться к одному из трех основных видов поверхности: это или равнина, или холм, или гора. Из этих трех видов образуется четвертый, когда в одном имении есть два или три вида, что можно видеть по многим местам. Если имеешь дело с этими тремя основными уровнями, то, конечно, в низинах нужно вести хозяйство иначе, чем на высотах, потому что там жарче, чем на высотах; иначе и на холмах, потому что там климат умереннее, чем в низинах или на высотах. Это становится вполне ясно на широких пространствах, если они одного уровня: (3) на широких равнинах зной особенно силен, и поэтому в Апулии места и жаркие, и нездоровые; на горах же, например на Везувии, прохладнее и поэтому здоровее; кто обрабатывает землю внизу, те особенно страдают летом, кто высоко, те — зимой. На равнинах по весне те же самые растения высевают раньше, чем на высотах, и убирают их здесь скорее, чем там. На высоких местах и сеют, и жнут позднее, чем внизу. (4) Некоторые деревья, например

ели и сосны, на горах вырастают более высокими и крепкими по причине холода; здесь же лучше идут ивы и тополя, потому что тут теплее; земляничное дерево и дуб плодоноснее на вершинах, а миндаль и смоковница — по низинам. На низких холмах у растительности больше общего с равниной, чем с горной; на высоких — наоборот. (5) Этими тремя уровнями поверхности обусловлена некоторая разница в посевах и посадках: считается, что хлеба бывают лучше на равнинах, виноградники на холмах, леса на горах. Для жителей равнин лучшее время обычно зимнее, потому что тогда дуга там покрыта травой и работать по обрезке деревьев сноснее; для горных мест, наоборот, летом приятнее: тогда там и травы много, — а на равнинах она выгорает, и удобнее ухаживать за деревьями, потому что там воздух прохладнее. (6) Равнина лучше, если у нее есть сплошной и равномерный склон в одну сторону; если она лежит совершенно ровно, как по отвесу, это хуже, потому что на ней нет стока для воды и она обычно заболачивается, особенно если поверхность у нее не совсем гладкая: это худо потому, что от этих впадин на ней застаивается вода. Эти уровни поверхности и к ним близкие имеют на земледелие влияние разное».¹

7

Столон: «Что касается этого природного облика, то о нем, кажется, неплохо говорит Катон, когда пишет, что лучше всего имение, расположенное под горой и обращенное к югу».¹—

(2) «Относительно облика, который придает имению культура, — вставил Скрофа, — я скажу следующее: внешняя привлекательность ведет за собою и большую доходность: доходнее, например, виноградник, в котором деревья посажены квискунксом, потому что ряды в нем правильные, а промежутки между ними размеренные. Поэтому предки наши с участка такой же величины, но немело засаженного, получали вина и хлеба и меньше количеством и хуже качеством. Растения, которые находятся каждое на своем месте, занимают меньше места и меньше закрывают соседей от солнца, луны и ветра. (3) Это можно предполагать на основании нескольких примеров: если, например, цельные орехи войдут у тебя в один модий, так как у каждого из них скорлупа на своем месте, то после того как ты их расколешь, они едва уместятся и в полутора модиях. (4) Кроме того, если деревья посажены правильными рядами, то их равномерно обогревают со всех сторон солнце и луна, а от этого и гроздьев, и маслин родится больше, и они скорее поспевают. Эти же два обстоятельства влекут за собой и два других; а именно: масла и вина получается больше, и в цене они пойдут большей».²

(5) «Следует вторая часть, занятая вопросом о том, какова почва в имении: в зависимости от нее оно преимущественно и

называется хорошим или плохим. Важно знать, что в нем можно посеять, что уродится и каково это будет; в том же самом поместье те же самые растения пойдут удачно не повсюду: одно место годится для лоз, другое для хлебов, остальные — какое для чего. (6) В Крите, например под Гортинной, говорят, есть платан, с которого листья зимой не опадают; есть и другой такой же, по словам Феофраста, на Кипре; а возле Сибариса, который теперь называют Фуриями, в виду города есть дуб такой же природы. Под Элефантиной происходит противоположное тому, что у нас: ни со смоковницы, ни с лоз листья не опадают.³ По той же самой причине есть много деревьев, дающих по два урожая в год: например лозы на побережье возле Смирны и яблони в Консентинской области. Он же указывает, что в местах диких деревья дают урожай больший, а на обработанных — лучший. По той же самой причине есть растения, которые могут жить только в очень сыром месте или даже в воде, но и то в разной: одни в озерах, как, например, тростник в Реатинской области; другие в реках, как ольховые деревья в Эпире; некоторые в море, как пишет Феофраст о пальмах и squilla.⁴ (8) Когда я вел войско к Рейну, то в глубине Трансальпинской Галлии я зашел в несколько таких областей, где не растет ни лозы, ни маслины, ни фруктовых деревьев, где поля унавоживают белой ископаемой глиной, где нет соли, ни ископаемой, ни морской, и вместо нее пользуются солеными углями, на которые пережигают какие-то дрова.⁵ (9) «Катон, — говорит Столон, — располагая по ступеням один участок над другим, замечает, что в лучшем поместье имеется девять различных угодий: первый участок тот, где могут быть виноградники, дающие много хорошего вина; второй, где есть поливной огород; третий, где ивняк; четвертый, где маслинник; пятый, где луг; шестой, где хлебное поле; седьмой, где кустарниковый лес; восьмой, где виноградный сад; девятый, где лес, дающий жолуди».⁶ (10) «Знаю, — говорит Скрофа, — что он так пишет, только с этим не все согласны, и другие, например я, отдают первенство хорошим лугам, почему в старину и говорили: „луг — друг“. Цезарь Вописк, эдилций, ведя дело у цензоров, назвал Розейскую долину кормилицей Италии: жердь, брошенная здесь, на следующий день уже не видна в траве».⁷

•8

«И наоборот, некоторые полагают, что виноградник сам пожирает свои доходы». — «Тут, — говорю, — имеет значение, каков виноградник: видов их ведь много. Есть виноградники низкие, без кольев, как, например, в Испании; есть высокие, которые называются „яремными“, в Италии таких большинство. Его...¹ есть два имени: „подпорки“ и „ярма“. „Подпорками“ называются прямые колья, возле которых лоза стоит; „ярмами“ — поперечные

перекладины; отсюда и „яремные виноградники“. (2) „Ярма“ бывают четырех родов: из жердей, тростника, веревок и виноградных лоз; жерди употребляются в Фалернской области, тростник в Арпанской, веревки в Брундизийской, виноградные лозы в Медиоланской. Подвязка к „ярмам“ бывает двойкой: или в одну прямую линию, как в Канузинской области, или в виде комплювия в длину и в ширину, как в большей части Италии.² Там, где материал для подвязки растет дома, расходы виноградику не страшны; где многое доставляется из соседней усадьбы — не очень страшны.³ (3) „Ярма“ первого вида требуют главным образом лозы; „ярма“ второго — тростниковых зарослей; „ярма“ третьего — ситнику или чего-нибудь в том же роде; „ярма“ четвертого — деревьев, по которым можно с одного на другое перебросить ветки лоз, как это делают медиоланцы на деревьях, которые они называют „орупи“,⁴ а канузинцы на смоковницах с помощью тростника.⁵ (4) Подпорки бывают тоже четырех родов: во-первых, крепкие четырехгранные колья, так называемые „ridicae“; лучше всего приносить в виноградник дубовые или из можжевельника. Во-вторых, круглые колья из жердей, лучше твердых, потому что они прочнее; когда нижний конец у кола сгниет в земле, кол переворачивают, и его основание становится вершиной. В-третьих, тростники, которые ввиду недостатка кольев посылают на подмогу тростниковые заросли. Несколько тростинок связывают вместе лыком (эти связки называются „cuspides“) и вставляют в глиняные трубки с выбитым дном, чтобы вода, если она туда попадет, могла стечь. В-четвертых, есть подпорки естественные: это сами деревья, на которых лозы образуют виноградник, перебираясь с одного дерева на другое. Эти перебирающиеся с дерева на дерево лозы некоторые называют „гумпи“. (5) Мера высоты для виноградника — это человеческий рост; промежутки между подпорками должны быть такими, чтобы могла пройти пара волов с плугом.⁶ Меньше расходов идет на такой виноградник, который и без „ярма“ поднесет чистое вино в кувшине.⁷ Такие виноградники бывают двух видов: в одних, как по многим местам в Азии, сама земля служит ложем для гроздьев, и они являются общим достоянием лисиц и людей. Если же в земле заведутся мыши, то сбор винограда сильно сократится, если только ты не заставишь все виноградники мышеловками, как это делают на острове Пандатерии.⁸ (6) В виноградниках другого вида от земли поднимают только ту лозу, которая обещает дать гроздь. Под нес, когда образуются гроздьи, подставляют деревянные вилочки фута в два высотой: пусть гроздьи научатся висеть еще до съемки, а не только после съемки, когда их подвешат на пальмовой ветке, на веревочке или на ремешке, который в старину называли „cestus“.⁹ Как только хозяин увидит где-нибудь спину виноградаря, тут он и убирает эти вилочки зимовать под крышу, чтобы на следующий год воспользоваться их службой

без новых трат. Так обычно поступают в Италии реатинцы. (7) Различий здесь очень много, потому что все зависит от того, какова земля. Там, где сыро, лозы надо подымать выше, потому что вино во время своего образования нуждается не в воде, как тогда, когда оно попадает в чашу, а в солнце. Поэтому-то, думаю, лоза в винограднике и взбирается на деревья».

9

«Важно знать, — говорю я, — какова земля и для чего она хороша или нехороша. Слово „земля“ употребляется в трех смыслах: общем, собственном и частном. В общем, когда мы говорим „земной шар“, называем „землей“ Италию или какую другую страну. При таком употреблении этого слова под ним понимаются и камень, и песок, и прочие почвы. В собственном смысле употребляют слово „земля“, не прибавляя к нему никаких других слов и определений. (2) В частном смысле слово „земля“ употребляется для обозначения почвы, например говорят: „глинистая земля“, „каменистая земля“ и т. д., так как слово „земля“ в этом смысле включает не меньше видов, чем при употреблении его в общем смысле. В земле имеется очень много составных частей разной силы и разного свойства, например, камень, известь, щебень, песок мелкий и крупный, белая и красная глина, пыль, мел, зола,¹ „уголь“ (это почва, которая так накаляется от солнца, что сжигает корни растений). (3) Слово „земля“, употребляемое в собственном смысле, когда речь заходит о какой-нибудь из этих пород, требует уже добавления: или „меловая“...² также и по другим разным породам. В этих породах имеются еще разновидности; помимо других тонких различий, каждая порода имеет самое меньшее три облика; в одной земле бывает очень много камней, в другой их в меру, а третья почти чиста от них. По таким же трем ступеням располагаются и остальные почвы. (4) Кроме того, каждый из этих трех видов включает в себя три других: есть почвы сырые, есть сухие, есть средние. Эти различия имеют важнейшее значение для урожая. Так, опытные хозяева сеют на более сыром месте скорее «полбу», а не пшеницу, на более сухом, наоборот, — скорее ячмень, чем «полбу», а на среднем — и то и другое растение. (5) Есть и другие тонкие различия у всех этих видов; если, например, почва песчаниста, то важно, каков песок: белый он или красноватый; беловатый не годится для посадок, а красноватого цвета хорош. Имеется еще три существенных различия в почве: важно знать, тощая она, жирная или средняя;³ жирная ведь хороша для возделывания многих растений, а тощая, наоборот. На скудной почве, например в Пупинии, нет ни раскидистых деревьев, ни плодоносных лоз; ты не увидишь там ни толстой соломы, ни смоковниц с крупными плодами, множество деревьев и лугов высохло и затянулось мохом.

(6) На жирной же земле, например в Этрурии, наоборот: тут можно увидеть и щедрые, не знающие отдыха нивы, и раскидистые деревья, а моха нигде. На средней же земле, например в Тибуре,⁴ чем больше приближается она к хорошей, тем лучше она для всего, и тем хуже, чем больше у нее уклона к плохой». — (7) «Годится земля для обработки или нет, — говорит Столон, — об этом, как правильно пишет Диофан, можно заключить по ней самой или по ее растительности: по самой земле, если она белая, если черная; если рыхлая и при вскапывании легко рассыпается; если по природе своей она не зольная и не слишком плотная, и по диким деревьям, на ней растущим, если они раскидисты и дают обильный урожай своих плодов».⁵ — «Рассказки, однако, о следующем, третьем отделе: о земельных мерах».

10

Он же: «Меры, которыми измеряют землю, у одних одни, а у других другие: в Западной Испании, например, меряют югами, в Кампании — версами, а у нас в Римской и Латинской области — югерами. Югом называют площадь, которую пара волов может вспахать за один день. Верс равен ста квадратным футам. (2) Югер заключает в себе два квадратных акта. Квадратный акт имеет в ширину 120 футов и в длину столько же; эта мера полатыни называется „аспиа“. Наименьшая доля югера — это скрипул, который равен 10 квадратным футам. Исходя от этой основной меры, землемеры и говорят иногда, отмерив югер, что поля осталось еще лишку унция, или секстант, или что-либо в этом роде. В югере же содержится 288 скрипул, сколько весил до пунийской войны наш старинный ас. Два югера, которыми, говорят, Ромул первоначально наделил каждого и которые переходили по наследству, назвали „heredium“. Впоследствии сотня heredia образовала центурию. Центурия — это квадрат, каждая сторона которого имеет в длину 2400 футов. Четыре таких центурии, расположенные так, чтобы с каждой стороны было их две, называются, при подушном дележе государственной земли, „saltus“.

11

«Многие ошибались, не учитывая размеров имения, и строили — одни усадьбу меньшую, чем это требовалось размерами имения, а другие большую, то и другое — во вред и состоянию, и урожаю. Постройка больших помещений и дорожке обойдется нам, и на содержание их мы истратим больше. Если же они меньше, чем требуется имением, то урожай обычно совершенно пропадает. (2) Нечего, конечно, и говорить, что винный погреб

надо делать больше в имении, где есть виноградники, как и амбары поместительнее, если в имении сеется много хлеба.¹

Усадьбу надо строить преимущественно так, чтобы вода находилась если уж не в пределах самой усадьбы, то как можно ближе к ней: лучше всего родниковая, а если ее нет, то проточная. Если такой воды вообще нет, тогда в помещении надо сделать цистерны, а под открытым небом — бассейн, чтобы из одного места могли пользоваться водой люди, а из другого — скот.²

12

«Хозяин должен приложить всяческое старание к тому, чтобы поставить усадьбу у подошвы лесистой горы, где имеются обширные пастбища, причем так, чтобы она была открыта самым здоровым ветрам, которые дуют в этой области. Лучше всего поставить ее на равноденственный восток, потому что тогда летом она окажется в тени, а зимой на солнце. Если ты вынужден строиться у реки, то, смотри, не ставь усадьбу лицом к ней: зимой будет чрезвычайно холодно, а летом нездорово. (2) По тем же самым причинам надо обратить внимание, нет ли тут и болот; кроме того, в болотах заводятся какие-то крохотные существа, которых нельзя уследить глазом, но которые попадают по воздуху через рот и нос внутрь тела и производят тяжелые заболевания». — «А что, — говорит Фунданий, — я могу сделать, если такое имение придется мне по наследству, чтобы уменьшить его губительные свойства?» — «На это даже я могу ответить, — говорит Агрий, — продай хоть за грош, а не сможешь — бросай имение». — (3) «Нельзя, — говорит Скрофа, — чтобы усадьба смотрела в ту сторону, откуда обычно дует нездоровый ветер; строй ее не в котловине, а лучше на высоком месте, где ветром легко рассеет все вредоносное, что туда занесло. Кроме того, место, круглый день освещаемое солнцем, здоровее, и если поблизости выводятся крохотные насекомые, залетающие в усадьбу, то их оттуда унесет ветром или они быстро погибнут от сухости. (4) Неожиданные ливни и бурные реки опасны тем, у кого постройки стоят в глубоких котловинах, так же как и разбойничьи шайки, которым легче внезапно напасть на тех, кто их не ожидает. По этим общим причинам безопаснее высокие места.¹

13

«Хозяйственные службы в усадьбе надо устраивать так: стойла для волов ставить там, где зимой будет теплее; урожай вина и масла хранить в погребах, устроенных на земле;¹ также устроить место для посуды под вино и масло;² все сухое, например, сено и бобы, складывать на чердак. Надо позаботиться, чтобы у рабов

было место, где они могут находиться и где всего удобнее отдохнуть и прийти в себя, устав от работы, от холода или зноя. (2) Комната виллика должна находиться совсем рядом с воротами (особенно, если нет привратника), чтобы он знал, кто ночью входит или выходит и с какой ношей. Особенно следует проследить за тем, чтобы к его комнате поближе была кухня, где зимой в преддawnное время выполняют кое-какие работы, готовят пищу и едят. Нужно также устроить во дворе достаточно большое крытое помещение для телег и всех прочих орудий, которые портятся от дождя. Если они находятся под замком в огороженном месте, но под открытым небом, то вор им, конечно, не страшен, но от непогоды они не защищены. (3) В большом имении удобнее иметь два двора: в одном должен находиться четырехугольный бассейн для дождевой воды, а если есть ручей, то можно при желании устроить в середине двора между колоннами, стоящими на платформе, прудок.³ Воля, прийдя летом с поля, здесь пьют и здесь купаются, так же, как гуси, свиньи и поросята, вернувшиеся с пастбища. Во внешнем дворе нужен бассейн, где вымачивают лушин и вообще все, что перед употреблением лучше положить в воду. (4) Внешний двор, густо устланный соломой и мякиной, которые утаптывает скот, становится для имения поставщиком того, что оттуда вывозят. Около усадьбы следует иметь две навозные кучи или одну, но разделенную пополам. На одной стороне лежит свежий навоз, на другой — старый, который вывозят в поле, так как перепревший лучше нового. Навоз в куче будет лучше, если его с боков и сверху защитить от солнца зелеными ветвями: нельзя, чтобы солнце высосало предварительно жижу, которой требует земля. Поэтому опытные хозяева, если могут, делают так, чтобы в кучу стекала вода (таким образом лучше всего сохраняется навозная жижа), а некоторые устраивают на ней отхожие места для рабов. (5) Следует сделать гумно, под крышей которого ты сможешь сложить всю жатву с имения: это помещение некоторые называют „pubilarium“. Его следует делать возле тока, где ты будешь обмолачивать хлеб, величины, соответствующей размерам имения, и открытым с одной стороны, а именно со стороны тока, чтобы ты мог легко выбросить хлеб для обмолота, а если небо начнет хмуриться, то быстро вкинуть его обратно. Окна следует иметь с той стороны, с которой помещение лучше всего проветривается». — «Постройки, — говорит Фунданий, — делают имение, конечно, доходнее, если только при строительстве ты будешь руководствоваться духом старинной хозяйственности, а не пышного роскошества. В старину строили, сообразуясь с урожаем; теперь строят, сообразуясь со своими необузданными прихотями. Тогда деревенская половина усадьбы стояла дороже, чем городская; теперь в большинстве случаев это наоборот. Тогда хвалили усадьбу, если в ней была хорошая деревенская кухня, поместительные ясли, погреба для вина и масла,

соответствующие размерам имения, с полом, покатым в сторону чана (это делается потому, что когда сольют молодое вино и оно начнет бродить, то бочки, которыми пользуются для вина в Испании часто лопаются, а в Италии даже долии). Точно так же предусмотрительно устраивали тогда в усадьбе и остальное, что требовалось по хозяйству. (7) Теперь, наоборот, стараются, чтобы городская половина в усадьбе была как можно больше и отделаннее, и состязаются с усадьбами Метелла и Лукулла, построенными на горе государству:⁴ они ведь больше заняты тем, чтобы устроить свои летние столовые на восток с его прохладой, а зимние в сторону заходящего солнца, чем наши предки вопросом, с какой стороны проделать окна в погребе для вина или масла: дело в том, что вино требует для своих доливов прохлады, а долии с маслом требуют тепла. Следует также помнить, что если имеется холм, то усадьбу лучше всего ставить на нем, если этому ничто не препятствует.⁵

14

«Теперь я скажу об оградах, которые ставят для защиты имения или его части. Эти защитные сооружения бывают четырех родов: живая изгородь, деревенская, военная, сделанная каменщиком.¹ В каждом из этих родов имеется много видов. Живая изгородь — ограждение естественное: межи обсаживают колючим кустарником, который пускает корни и приживается; ему не страшен и пылающий факел проходящего озорника. (2) Вторая ограда, деревенская, делается из дерева, но не из живого: это или плетень из круглых кольев, часто поставленных и переплетенных ветками, или забор из столбов, которые просверливают, и пропускают в эти отверстия две-три жерди; или из обрубленных стволов, которые опускают в землю, ставя плотно одно к другому. Третье ограждение, военное, состоит из рва и земляного вала.² Ров годится в том случае, если дождевая вода не будет выходить из его берегов или если он сделан с наклоном, по которому вода уйдет из имения. (3) Вал хорош, если к нему со стороны поля примыкает ров или если он настолько крут, что через него нелегко перебраться. Такие ограды делают обычно вдоль больших дорог и вдоль рек.³ По Соляной Дороге в Крестуминской области⁴ можно кое-где видеть валы и рвы возле них: это делают, чтобы река не нанесла ущерба полям. Делают и одни валы без рва; некоторые называют их, например в Реатинской области, „стенами“. (4) Четвертое ограждение складывает каменщик; оно вошло в обиход совсем недавно: это каменная стена. Бывает она четырех видов: из камня, как под Тускулом; из обожженных кирпичей, как на „Галльском Поле“; из сырца, как в Сабинской области; из земли, сформованной с камешками, как в Испании и под Тарентом.⁵

«Охраняются межи в имении и без оград: по ним сажают деревья, чтобы рабы не затевали ссор с соседями и спорные границы не требовали бы судьи. Одни, например моя жена в Сабинии, сажают кругом сосны, другие — кипарисы, как было у меня на Везувии: некоторые — вязы, как большинство в Крестуминской области: где возможно их сажать, как там (там равнина), то лишь вязы и следует сажать, потому что дерево это очень выгодное: оно поддержит и вырастит несколько корзиночек винограду, предложит овцам и волам самую вкусную листву, даст ветки для плетней и хворост для очага и печи».¹

Скрофа: «Итак, вот эти четыре перечисленных мною пункта, которые прежде всего должен учесть землевладелец: вид имения, природные свойства земли, размеры поместья, охрана его меж».

«Остается вторая часть, которая исследует то, что находится за пределами имения: соседняя округа имеет громадное значение для хозяйства. Ее видов тоже четыре: соседняя область неспокойна; некуда вывозить наш урожай и неоткуда ввозить то, что нам требуется: в-третьих, вовсе нет дорог или рек, по которым бы шли перевозки, или есть, но неудобные; в-четвертых, от смежных имений наши поля могут получать пользу или вред. (2) Первый из этих четырех пунктов: важно, спокойна окружающая местность или нет. Есть много превосходных земель, которые не стоит обрабатывать, потому что соседи живут разбоем: так обстоит в некоторых местах Сардинии возле Oelium и в Испании на границе с Лузитанией».¹

Именья, у которых по соседству есть места, куда удобно ввозить и продавать произведения своего хозяйства и откуда выгодно ввозить то, что требуется для собственного хозяйства, такие именья уже по этой причине доходны. Многим приходится, если в имениях у них не хватает хлеба, вина или еще чего-нибудь, ввозить это со стороны; и наоборот, немало и таких хозяев, у которых есть что вывезти. (3) Под Римом,² например, выгодно завести в широких размерах огородничество, разводить розы, фиалки и многое другое, что забирает Рим, а в отдаленном имении, которому сбывать такой товар некуда, разводить это невыгодно. Точно так же имение становится доходнее, если по соседству есть города, деревни или даже благоустроенные поместья и усадьбы богатых людей, откуда ты можешь недорого купить то, что требуется в имении, и кому можно продать свои излишки, например, в некоторых случаях, колья, жерди или тростник. Невыгодно ввозить нужное издалека; невыгодно иногда даже разводить что-нибудь у себя в имении, хотя бы ты и мог это сделать.

(4) Поэтому хозяева, находящиеся в таких условиях, предпочитают нанимать по соседству из года в год врачей, валяльщиков, мастеровых,³ а не иметь в усадьбе собственных, потому что иногда смерть одного такого искусника уносит доход целого имения. Богатые владельцы обширных имений обычно возлагают эти занятия на домашнюю челядь. Если города или деревни далеко отстоят от имения, то они приобретают собственных плотников и кузнецов, чтобы держать их в усадьбе так же, как и прочих необходимых мастеров: надо, чтобы рабы из имения не бросали работу и не разгуливали, праздно по будням, вместо того чтобы делать дело и прибавлять доходности имению. (5) Поэтому Сазерна и предписывает в своей книге: „пусть никто не выходит из имения, кроме вилика, ключника и еще одного человека по выбору вилика; если кто вышел, то он не должен уйти от наказания, а если он уйдет, следует взыскать с вилика“. Лучше, однако, было бы дать такое указание: пусть никто не уходит без разрешения вилика; сам же вилик может уйти без разрешения хозяина только на такое расстояние, чтобы вернуться в тот же день, и уходить может он не чаще, чем это требуется для имения.⁴ (6) То же самое имение делают доходнее хорошие пути сообщения: дороги, по которым легко едут телеги, или протекающие вблизи судоходные реки; мы знаем, что по тем и по другим путям идет вывоз и ввоз во многие поместья.

«Для доходности имения важно и то, чем засадил сосед смежное с нами поле. Если у него рядом с межей дубовый лес, то ты уже не можешь сажать возле этого леса маслину, потому что деревья эти по природе своей настолько враждебны одно другому, что они не только начинают давать меньший урожай, но отдаляются друг от друга, отклоняясь в сторону имения, как это обычно делает лоза, посаженная рядом с канустой.⁵ Как дубы, так и большие, густо посаженные ореховые деревья делают соседнюю полосу имения бесплодной.

17

«Я рассказал о четырех пунктах, связанных с землей, и о других четырех, касающихся округа, но имеющих отношение к хозяйству. Теперь расскажу о средствах, которыми возделывают землю. Некоторые считают, что это люди и те, кто людям помогает и без кого невозможно возделывать землю. Другие производят тройное деление: есть орудия говорящие, бессловесные и немые. К говорящим относятся рабы, к бессловесным — волы, к немым — телеги. (2) Все поля возделываются людьми: рабами, свободными, или теми и другими; свободные работают или сами на себя, как большинство бедняков, которые трудятся вместе со своим потомством, или нанимаются за плату — большие работы, например сбор винограда и сенокос, выполняют нанятые свободные рабочие

и те, кого у нас называли „obaerarii“; ¹ их и сейчас очень много в Азии, Египте и Иллирике. Обо всех рабочих я скажу вообще так: нездоровые места лучше обрабатывать руками наемников, а не рабов: а в здоровых местах людей следует нанимать на большие сельские работы, например на уборку урожая: на сьемку винограда или на жатву. (3) О том, каковы должны быть рабы, Кассий пишет так: надо приобретать людей, которые могут работать, возрастом не моложе 22 лет, способных выучиться сельским работам. Заключить об этом можно по тому, как они выполняли другие приказания, а у вновь приобретенных также из расспросов о том, чем они занимались у прежнего хозяина.

«Рабы не должны быть ни робки, ни дерзки.» ² (4) Распоряжаться ими должны люди грамотные, с некоторым образованием, честные, возраста старшего, чем работники, о которых я говорил: их будут скорее слушаться, чем тех, кто младше годами. Кроме того, распорядителями следует обязательно ставить людей сведущих в сельском хозяйстве: они ведь должны не только приказывать, но и работать сами, чтобы им в работе подражали и чтобы каждый видел, что человек этот распоряжается по праву, так как знаний у него больше. (5) Нельзя позволить им держать людей в повиновении бичом, а не словом, если словом можешь достичь тех же результатов. ³ Не следует покупать много рабов одной и той же народности: это и бывает преимущественно причиной домашних неурядиц. ⁴ Рвение у начальников следует подогревать наградами; позаботиться, чтобы у них была кое-какая собственность, ⁵ дать им для сожителства рабынь, от которых будут дети. От этого становятся они вернее и больше привязываются к имению. Семьи эфирских рабов пользуются такой доброй славой и так ценятся именно благодаря этой кровной связи. (6) Надо расположить к себе начальников оказанием им некоторого почета: с работниками, которые выделяются из остальных, следует совещаться относительно того, какие работы надо выполнять: при таком обращении они начинают думать, что хозяин их не презирает и как-то с ними считается. (7) Прилежнее к работе они становятся, если хозяин щедрее оделяет их пищей, не скупится на одежду, позволяет отдохнуть и дает некоторые льготы, например разрешает пасти в имении свою скотину и т. д. Таким же образом успокаивают тех, кому была поручена какая-нибудь тяжелая работа или кого подвергли строгому наказанию, и восстанавливают у них охоту к работе и благожелательность к хозяину.

«Говоря о рабах, Катон сообразуется с двумя обстоятельствами: с определенными размерами имения и с его культурами. Он составил для маслинников и виноградников два как бы нор-

мативных списка.¹ В одном указано, что следует завести в маслиннике размером в 240 югеров. Он говорит, что при этих размерах следует иметь 13 рабов: вилика, вилику, пять чернорабочих, троих пахарей, одного погонщика ослов, одного свинопаса, одного овчара. Другой список он составил для виноградников в 100 югеров: он говорит, что тут должно быть 15 работников: вилик, вилика, десять чернорабочих, пахарь, погонщик ослов, свинопас. (2) Сазерна пишет, что на 8 югеров достаточно одного человека: он должен вскопать их за 45 дней, хотя обработать один югер можно за 4 дня: 13 дней он кладет на нездоровье, печаль, лень, небрежность. Ни тот, ни другой не оставили нам достаточно четких норм. (3) Если бы Катон хотел это сделать, то он должен был бы дать такие числа, к которым в соответствии с размерами имения, большими или меньшими, мы могли бы что-то прибавлять или что-то от них отнимать. Кроме того, вилика и вилику он не должен был ставить в общее число рабов: если у тебя в маслиннике будет меньше 240 югеров, ты все равно не сможешь иметь меньше одного вилика, а если у тебя имение будет вдвое обширнее, а то и больше, то тебе все-таки не нужно держать двух или трех виликов: (4) придется в соответствии с увеличившимся размером имения прибавлять только чернорабочих и пахарей, да и то лишь в том случае, если земля в имении вся единообразна. Если же она настолько разнообразна, что ее пахать нельзя, потому что она вся в буграх и усеяна крутыми холмами, то и волов и пахарей потребуется гораздо меньше. Не говорю уже о том, что предложенный им размер в 240 югеров не является ни единицей измерения, ни принятой мерой (таковой является центурия, т. е. 200 югеров). (5) 40 югеров составляют шестую часть его маслинника: если их отнять от 240 югеров, то я не вижу, каким образом, исходя из его расчета, я отниму шестую часть от 13 рабов; а если я уберу вилика и вилику, то каким образом я отниму от 11 шестую часть. Он же говорит, что для виноградника в 100 югеров требуется 15 рабов: следовательно, если у хозяина имеется центурия, половина которой будет под маслинником, а половина под виноградником, то он должен иметь двух виликов и двух вилик — это смешно! Поэтому число рабов надо определять иным способом, давая предписания общего характера. (6) Тут большей похвалы заслуживает Сазерна, который говорит, что на обработку каждого югера одному работнику достаточно 4 дней. Если, однако, это достаточно было в имении Сазерны в Галлии, то это не значит, что так будет и в гористом имении в Лигурии. Поэтому ты лучше всего узнаешь, сколько рабов и остальных орудий тебе надо приобрести, если внимательно присмотришься к трем пунктам: (7) какого характера соседние поместья и какой они величины; сколько человек обрабатывают каждое; при какой добавке рабочих или при каком уменьшении их числа хозяйство пойдет лучше или хуже.² Природа ведет нас в земледелии двумя

путями: путем опыта и путем подражания. В глубокой древности земледельцы дошли до многого, исследуя и пробуя; дети их в значительной степени им подражали. (8) Мы должны делать и то и другое: и подражать другим, и кое в чем действовать иначе, но на основании опыта, чтобы поступать не наобум, а по основаниям разумным: что получится, например, если мы перекопаем землю глубже или мельче, чем другие. Так сделали те, кто мотыжил землю во второй и в третий раз и кто перенес прививку смоковниц с весеннего времени на летнее.³

19

«Что касается той части инвентаря, которую я назвал бессловесной, то Сазерна пишет, что на 200 югеров полевой земли достаточно двух пар волов, а Катон, — что для маслинника в 240 югеров достаточно трех пар.¹ Таким образом, если прав Сазерна, то пара волов требуется на 100 югеров, а если Катон, то на 80. Я, однако, считаю, что ни та, ни другая норма не подойдет ко всякой земле: и каждая подойдет к соответствующей. (2) Одна земля легче для обработки, а другая труднее; одну землю волы могут поднять, только напрягая все силы, и часто, сломав грядиль, оставляют лемех на шиве. В каждом имении, следовательно, пока мы еще там внове, должны мы руководствоваться порядками, которые завел прежний хозяин, теми, которые есть у соседей, и некоторым собственным опытом. (3) Он добавляет еще трех ослов возить навоз и осла на мельницу; для виноградника же в 100 югеров требует пары волов, пары ослов и осла на мельницу.² Тут следует сказать вот что: животных следует добавлять только тех, которые необходимы для обработки земли, и в небольшом количестве иметь тех, которые обычно даются в собственность рабам, чтобы им легче жилось и они были бы прилежнее. В числе их стараются завести скорее овец, чем свиней, и не только хозяева, у которых есть луга, но и те, кто держит их не только, чтобы использовать луга,³ а и ради навоза. О собаках следует, конечно, сказать, что без них усадьба охранена плохо.

20

«Из всего, что касается всех четвероногих, самое важное дело — это установить, какие волы годны для пахоты. Надо приобретать не выезженных, не моложе трех и не старше четырех лет, сильных и равных по силе, чтобы на работе более крепкий не довел до изнурения более слабого; с большими рогами, лучше черными, чем иного цвета, с широким лбом, курносых, с широкой грудью и толстыми бедрами. (2) Для трудных горных мест нельзя покупать взрослых волов с равнин: нельзя и наоборот.¹ Если купить молодых волов, надеть им на шею свободное ярмо и

давать есть, то через несколько дней они станут ручными и податливыми на выучку.² Обучение состоит в том, что их приучают к работе понемножку, запрягают новичка с выезженным волом (он легче обучится, подражая) и водят сначала по ровному месту и без рала, а потом впрягают в легкое рало и ходят сначала по песку или по мягкой земле. (3) Волы, предназначенных для извоза, впрягают сначала в пустые повозки и едут, если возможно, через деревню или через город: они быстро привыкнут к непрекращающемуся шуму и разнообразным предметам и на них можно будет уже ездить. Вола, которого ты ставишь справа, нельзя неизменно запрягать с этой стороны: если он будет на перемену то левым, то правым, то работа на повой стороне станет для него отдыхом. (4) На легких почвах, например в Кампани, где пашут не на тяжелых волах, а на коровах или на ослах, волам тем легче ходить в легком рале, вертеть жернов и возить в имении что нужно.⁴ Одни пользуются тут осликами, другие коровами и мулами, смотря по кормовым возможностям: ослика легче прокормить, чем корову, но она доходнее. (5) Тут хозяину нужно учесть, какова поверхность земли в его имении. Если земля бугристая и тяжела, нужно приобретать животных более сильных и преимущественно таких, которые, выполняя ту же самую работу, могут дать еще доход сами по себе.

21

«Собаки лучше иметь мало, но внушительного вида и рьяных: приучи их ночью бодрствовать, а днем спать взаперти. Что касается необъезженных животных и мелкого скота, то надо поступать так: если в имении есть луга, а скота нет, то надо позаботиться о том, чтобы, продав сено, взять на выпас чужой скот, который стоял бы у тебя в имении.¹

22

«Что касается остальных немых орудий, к которым относятся корзинки, доли и прочее, то тут следует дать такой совет. Не надо покупать того, что могут сделать свои же люди и из материала, который растет в имении, т. е. того, что делается из прутьев и дерева — коробов, корзиночек, трибул, веялок, грабель, а также того, что плетут из конопли, льна, ситника, пальмовых листьев и камыша, например канатов, веревок, матов.¹ (2) Если то, чего нельзя достать в имении, покупать, думая больше о пользе, чем о красоте, то доходы от таких трат не умалются, особенно если все это покупается преимущественно поблизости и в таком месте, где предметы эти хороши и могут быть куплены по очень дешевой цене.² Разнообразие этих орудий и количество их определяется размерами поместья: для широко раскинувшие-

гося имения нужно их много». — (3) «Установив размеры имения, — говорит Столон, — Катон пишет об этой статье следующее: хозяин маслинника в 240 югеров должен оборудовать его так, чтобы иметь пять полных комплектов для давилы. Он перечисляет все предметы один за другим: медные котлы, горшки, кувшины с тремя ручками³ и прочее; деревянные и железные предметы: три больших телеги, шесть рал с лемехами; четверо носилок для павоза и т. д.; называет железные орудия и нужное их количество: железных лопат восемь, мотыг столько же, вдвое меньше заступов и т. д. (4) Составил он и другой список инвентаря для виноградника, в котором пишет: если есть виноградник в 100 югеров, то необходимо иметь три полностью оборудованных прессы; долив с крышками на восемьсот мехов вина; двадцать долив для виноградных выжимок, двадцать для хлеба и прочего в том же роде. Другие говорят, что долив нужно гораздо меньше, но я считаю, что он взял такое число мехов, чтобы не быть вынужденным продавать вино ежегодно: старое вино ведь дороже молодого, и то же самое вино стоит в разное время в разной цене. (5) Он пишет также очень много о разных железных орудиях, перечисляя их виды и количество: это ножи, заступы, грабли и прочее; некоторые из этих орудий, например ножи, бывают многих видов. Тот же писатель требует сорок виноградных ножей, пять для ситника, три для обрезки деревьев, десять для срезывания колючего кустарника». Так сказал Столон, (6) а Скрофа добавил: «Опиши инструментов и всего деревенского оборудования хозяин должен иметь в городе и в деревне; у вилика в деревне все должно находиться на своем определенном месте в усадьбе; надо всячески постараться, чтобы предметы, которые не могут быть под замком, иметь всегда на глазах, особенно если употребляются они редко, как например корзиночки, которыми пользуются при сборе винограда, и прочее. Предметы, которые видишь ежедневно, меньше боятся вора».

23

«Так как два первых отдела из четырех, — подхватил Агрий, — об имении и об орудиях, которыми его обрабатывают, нам уже известны, то я ожидаю рассказа о третьем». — «Так как я считаю, — говорит Скрофа, — что доход с имения приносит то, что там сеют и сажают для разных надобностей, то здесь надо учесть два пункта, что и в каком месте следует преимущественно разводить. Одни места хороши для сена, другие для хлебов; одни для вина, другие для масла; также обстоит и с кормами, к которым относятся *osinum*, *farrago*, *вика*, „мидийская трава“, бобовник и lupin.¹ (2) Неправильно сеять все только на жирной земле и ничего на тощей. Правильнее сеять на земле худшей такие растения, которые меньше нуждаются в соках, например бобовник

и все бобовые, кроме бараньего гороха;² это тоже бобовое, как и прочие растения, которые выдергивают из земли, а не срезают; их называют „legumina“ по способу уборки. (3) На жирной земле правильнее сеять растения, которые требуют больше питания, например капусту, пшеницу, siligo,³ лен. Некоторые растения следует сеять не столько ради нынешнего урожая, сколько ради будущего года: если их скосить и оставить на месте, то они улучшат землю.⁴ Поэтому лупин, пока стручков на нем еще почти нет, а иногда и бобы, если стручки на них еще не стоит собирать, запахивают на тощем поле вместо навоза. (4) Среди посадок и посевов следует также различать те, которые приносят доход, благодаря удовольствию, которое доставляют, — это фруктовые сады и цветники, — и те, которые не дают человеку ни пищи, ни наслаждения и тем не менее приносят имению пользу. Надо выбрать подходящее место для лозы, тростника и других растений, требующих сырого места,⁵ (5) найти совсем иные для хлебных нив, для бобов и других растений, которые любят сухие места; на тенистых местах ты посадишь одно, например дикую спаржу (их ищут и садовая),⁶ на солнечных посадишь левкой⁷ и устроишь огород, потому что овощи и цветы питает солнце, и т. д. На одном месте следует посадить кустарник, чтобы у тебя были прутья для плетения таких предметов, как короба, веялки, плетенки; на другом посади и вырасти низкорослый лес; на третьем — лес, где ты будешь ловить птиц; (6) также отведи место для конопли, льна, ситника и спарта,⁸ чтобы иметь из чего плести сандалии для волов, бичеву, веревки и канаты. Иногда на одном и том же месте хорошо одновременно сажать разные растения: в молодых фруктовых садах, например, где саженцы и деревца размещены правильными рядами, в первые годы, пока корни еще не смогли далеко разрастись, некоторые сажают овощи, а другие еще что-нибудь; но когда деревья войдут в силу, этого уже не делают, чтобы не повредить корней».

24

Столон: «По этому поводу Катон неплохо пишет: жирная и плодородная земля, если на ней нет деревьев, должна быть отведена под хлеба; если над этой землей стоит туман, на ней надо сеять рену, редьку, просо и могоар; на жирной горячей земле сажать столовые маслины: „большую палочку“, саллентинскую, orcis, rosea, сергиеву, кольминиеву, восковку — ту из них, которая в этих местах считается наилучшей, ту преимущественно и сажать. Маслинами засаживать только тот участок, который обращен в сторону фавония и открыт солнцу; всякий другой не годится. (2) На холодной и тощей земле следует сажать липциниеву маслину. Если ты отведешь ей жирное горячее место, то рост будет ничтожный; дерево погибнет от обильного плодоноше-

ния и от красного мха. (3) Гостом называют количество масла, полученного из одного факта. Факт — это количество маслин, одновременно выжатое: некоторые считают его в 160 модиев, другие значительно уменьшают, доводя до 120: величиной факта определяются количество и размеры оборудования, с помощью которого масло выделяется. Катон говорит, что имение следует обсаживать вязами и тополями, чтобы были и листва овцам и волам, и материал для поделок (это нужно, впрочем, не во всех имениях, а где и нужно, то не ради листвы преимущественно). Их можно без ущерба сажать с северной стороны, где они не будут закрывать солнце».

(4) Он же добавил из того же самого писателя: «Если есть сырое место, то там следует сажать тополевы ветки и тростник. Сначала это место надо перекопать „двойным заступом“ и посадить там тростниковые глазки на три фута один от другого... один и тот же уход годится для обоих растений. Вокруг места, где растет тростник, следует посадить греческую иву, чтобы было чем подвязывать лозы».¹

25

«Относительно того, где сажать лозы, следует соблюдать следующее. На самом лучшем месте для виноградника, которое открыто солнцу, следует сажать сорта: мелкий аминейский, двойной евгенийский, мелкий вишневого цвета. На жирном месте, над которым стоят туманы, сажать крупный аминейский, мургентинский, апициев, луканский. Остальные лозы, главным образом „помесь“, подходят для всякой земли».¹

26

«В каждом виноградунике тщательно следят, чтобы лоза была прикрыта колом с северной стороны; а если между лозами, чередуя ряды, сажают кипарисы (вместо кольев), то им не позволяют расти выше обычной высоты кола и не сажают лоз совсем рядом с ними, потому что растения эти враждуют одно с другим».¹ — «Я боюсь, — говорит Агрий Фунданию, — что храмовый служитель дойдет сюда раньше, чем он — до четвертого акта. Я жду, когда начнется съемка винограда». — «Успокойся, — говорит Скрофа, — доставай корзинки и кувшины».²

27

«Время определяется двояким образом: есть годовой период, который заканчивается, когда солнце совершит свой круговорот, и есть месячный, за который луна завершает свой круг. Сначала

я скажу о солнце. Его годовой путь делится по отношению к урожаю на четыре части, около трех месяцев в каждой, и более точно на восемь, по полтора месяца в каждой. Четыре части — это весна, лето, осень и зима. (2) Весной для посевов следует поднять новь и выпахать с корнями все, что там выросло, прежде чем осыпятся семена; ¹ кроме того, надо, чтобы комья земли прогрело солнцем: тогда они скорее впитают дождевую влагу, станут рыхлыми и распахать их будет легче. Землю надо пахать не меньше, чем дважды; ² трижды лучше. (3) Летом следует убирать хлеба; осенью в сухую погоду — виноград; в это время лучше всего прорежать леса, причем деревья следует срубить у самой земли; корни же выкапывать с первыми дождями, чтобы от них не пошло поросли. Зимой надо обрезать деревья, но только в такую погоду, когда дождевая вода не обмерзает на коре.

28

«Первый день весны приходится в знаке Водолея, лета — в знаке Тельца, осени — в знаке Льва, зимы — в знаке Скорпиона. Так как 23-й день каждого из этих четырех знаков является первым в соответствующем времени года, ¹ то оказывается, что весна имеет 91 день, лето 94, осень 91, зима 89. Если перевести этот счет на наш теперешний календарь, ² то начало весны придется за семь дней до февральских ид, лета — за семь дней до майских ид, осени — за три дня до ид Секстилии, ³ зимы — за четыре дня до ноябрьских ид. Для более точного деления времени нужно учитывать некоторые явления, сообразуясь с которыми год делится на восемь частей: первая — от Фавония до весеннего равноденствия — имеет 45 дней, отсюда до восхода Вергилий ⁴ 44 дня; от их восхода до солнцестояния 48 дней, от него до появления Пса 27 дней, затем до осеннего равноденствия 67 дней, отсюда до захода Вергилий 32 дня, от их захода до зимнего солнцеворота 57 дней, от него до Фавония 45 дней.

29

«В первый промежуток между Фавонием и весенним равноденствием ¹ занимаются следующими работами: засаживают всякие питомники; подрезают деревья, по которым вьются лозы [arbusta]; унаваживают [stercorari] луга; ² окапывают лозы; обрезают корни, находящиеся на поверхности земли; ³ расчищают луга; ⁴ сажают иву; мотыжат нивы. „Нивой“ (seges) называется вспаханная и засеянная земля; „полем“ (arvum) — участок, который вспахан, но еще не засеян; „новью“ (novalis) — участок, который был раньше засеян, но еще не „обновлен“ новой вспашкой. ⁵ (2) Когда землю пашут в первый раз, то говорят, что ее „надрезают“, когда вторично, то „разбивают“ (при первой вспашке

обычно выворачиваются большие комья); о вторичной вспашке говорится, что она „разбивает“ землю. Когда пахут в третий раз уже после посева, то про волов говорится, что они *ligant*, т. е. с помощью дощечек, добавленных к лемеху, одновременно и прикрывают посеянный хлеб, забирая его в гребни, и проводят бороздки, по которым стекает дождевая вода. Некоторые, у кого нивы не так обширны, как например в Апулии, и хозяйство полевое, после этого еще боронят мотыгами, разбивая оставшиеся на гребнях крупные комья. Углубление, которое рало делает лемехом, называется „бороздой“. Земля, поднимающаяся между двумя бороздами, называется „рогса“, потому что она „предлагает“ (*porricit*) хлеб. Так, давая богам внутренности жертв, говорили, что их „предлагают“ (*porricere*).⁶

30

«Во второй промежуток между весенним равноденствием и восходом Вергилий¹ делают следующее: пропалывают пивы,² т. е. выдергивают на нивах траву: „прорежают“ землю волами, рубят иву, огораживают луга.³ Работы, которые надлежало сделать в предыдущий период и которые остались недоконченными, делают, пока почки не набухли и деревья не зацвели; если деревья, которые теряют листья, уже зазеленели, то их пересаживать уже нельзя. Следует сажать маслины и прорежать их.

31

«В третий промежуток между восходом Вергилий и летним солнцестоянием¹ нужно делать следующее: вскапывать или пахать молодые виноградники, а затем боронить их, т. е. размельчать землю, чтобы она не лежала комьями; пасынковать лозы, но человеку умелому (эта работа важнее, чем обрезка) и не в виноградном саду, а в винограднике.² Пасынковать — значит оставлять из побегов, выросших на лозе, первый и второй, а иногда и третий из наиболее сильных, а остальные обрывать; если все побеги оставить, у лозы не хватит для них соков.³ Поэтому в виноградном питомнике, как только лоза покажется над землей, ее обычно целиком срезают, чтобы ствол у нее вырос более крепким и могла бы она дать больше побегов.⁴ (3) Хилый ствол по причине слабости своей бесплоден; он не может выгнать побега, который называют, если он мал „*flagellum*“, а если он побольше и на нем растут гроздья, то — „*palma*“. Первое название произведено (с изменением одной только буквы) от дуновения ветра: „*flagellum*“ то же, что „*flabellum*“. Второе название (оно дано побегу, который оставляют расти ради гроздьев) произведено, видимо, от „*parere*“, и первоначально говорили „*parilema*“; затем с изменением букв, обычным для многих слов, начали произно-

силь „palma“. (4) С другой стороны, растет „козлик“; это витой виноградный побег, похожий на локон. Этими побегами лоза держится, взбираясь кверху, чтобы захватить себе место; от этого захвата „сарере“ и пошло название „sarceolus“.

«Надо косить всякие корма, сначала *osinum*, *farrago* и вику, а напоследок сено. Название „*osinum*“, равно как и название садового растения „*osimum*“, произведены от греческого слова *ὄσινος*, которое значит „быстро“. Еще и потому называют это растение „*osinum*“, что оно вызывает расстройство желудка у волов; его дают им затем, чтобы их прочистило. (5) Это бобы, скошенные зелеными раньше, чем на них завязались стручки; смесь же из ячменя, вики и бобовых, скошенная зеленою на корм, названа „*ferrago*“, потому что косят ее железом, или „полба“. Ею по весне прочищают лошадей и прочих вьючных животных и ею же их откармливают. Вика (*vicia*) названа от „*vinsige*“, потому что у нее, как и у лозы, есть „козлики“, которыми она, взползая вверх, охватывает стебелек лупина или какого-нибудь другого растения и за него держится.

«Если у тебя будут поливные луга, то, убрав сено, сейчас же полей их. Фруктовые деревья, которые будут привиты, надо ежедневно по вечерам поливать, если стоит засуха. Так как они нуждаются в питье (*potus*), то поэтому, может быть, и названы „*roma*“.⁵

32

«В четвертый промежуток между летним солнцестоянием и восходом Пса¹ большинство занято жатвой, так как хлеба, говорят, в течение пятнадцати дней идут в трубку, в течение пятнадцати стоят в цвету, в течение пятнадцати подсыхают, и тогда уже готовы. Заканчивается пахота, которая тем полезнее, чем горячее земля, которую пашут; если ты ее „надрезал“, то надо ее „разбить“, т. е. передвоить, чтобы раскрошить комья.² (2) Надо сеять вику, чечевицу, горошек, *ervilia* и прочие растения, которые одни называют „*legumina*“, а другие, например некоторые галльские хозяева, „*legarica*“.³ Оба слова произведены от „*legere*“, потому что растения эти при уборке не срезают, а собирают выдергивая. Старые виноградники боронят вторично, а молодые даже в третий раз, если там земля еще в комьях.⁴

33

«В пятый промежуток между восходом Пса и осенним равноденствием¹ следует косить солому и складывать ее стогами;² двои́ть поля, резать листву, вторично косить орошаемые луга.

«В шестой промежуток, начиная с осеннего равноденствия, надобно, пишут, приступать к севу; заниматься им можно в течение 91 дня; после же зимнего солнцестояния, кроме случаев крайней необходимости, сеять нельзя. Запрет этот имеет большое значение: дело в том, что посеянное до солнцестояния всходит на седьмой день; посеянное после солнцестояния едва показывается на сороковой.¹ Считают, что не следует начинать сев до равноденствия, потому что если начнется непогода, то семена станут гнить. Бобы лучше всего сеять при заходе Вергилий;² собирать гроздья и убирать виноград — между осенним равноденствием и заходом Вергилий,³ после чего приступать к обрезке лоз, к посадке и отводке фруктовых деревьев. В некоторых местах, где суровые холода наступают рано, это лучше делать по весне.

«В седьмой промежуток между заходом Вергилий и зимним солнцестоянием,¹ говорят, надо делать следующее: сажать лилии и шафран. Розу, которая уже пустила корень, срезают при самом корне; режут кусочками длиною в ладонь и кусочки эти сажают; когда у них образуется корень, их пересаживают. Устраивать цветники с левкоями в имении невыгодно, потому что приходится делать грядки и нагребать на них землю; поливка и дожди ее размывают и делают бесплоднее.² (2) От Фавония и до восхода Арктура³ полагается пересаживать дикий тимьян из рассадников, — он получил свое имя (*serpillum*) от того, что „расползается“ (*serpit*); рыть новые каналы, чистить старые;⁴ производить обрезку в виноградниках и виноградных садах. Не занимаясь только этим, как и многими другими работами, в течение пятнадцати дней до зимнего солнцеворота и после него. Некоторые деревья, впрочем, например вязы, хорошо сажать как раз в это время.⁵

«В восьмой промежуток между зимним солнцеворотом и Фавонием¹ надо делать следующее: спускать воду с нив, если она на них застоялась; если стоит сухая погода и земля мягкая, то мотыжить хлеба; производить обрезку в виноградниках и виноградных садах. Если работать в поле невозможно, то зимой до рассвета следует трудиться над тем, что можно изготовить в помещении.² Все, что я сказал, надо записать и держать в усадьбе на виду, главным образом к сведению виллика.³

«Следует помнить и о лунном времени, которое распадается на две части: от новой луны, пока она прибывает до полной, и от полной, пока она убывает до новой, когда настает „междулуние“; об этом дне говорят, что луна сейчас „последняя и первая“, почему в Афинах этот день называют *ἐντὴν καὶ νέαν*, а другие *τρίαχθα*.¹ Некоторые полевые работы лучше делать на прибывающей, а не на убывающей луне; некоторые, например всякую уборку — жатву, срезывание листвы, — наоборот». — (2) «Я соблюдаю, — говорит Агразий, — это правило, полученное от отца, при стрижке не только шерсти, но и собственных волос; как бы не облысеть, если стричься на прибывающей луне». — (3) «А каким образом, — говорит Априй, — лунный месяц делят на четыре части и какое значение деление это имеет для земледелия?» — «А ты никогда не слышал в деревне, — говорит Тремеллий, — такого выражения: „на восьмой день прибывающей луны“ и, наоборот, „на восьмой день убывающей“? и не слышал разве, что работы, которые следует делать на прибывающей луне, одни лучше делать на восьмой день, а не раньше? А те, которые полагается делать на убывающей луне, за них браться тем лучше, чем меньше огня у этого светила?»³ Вот я рассказал о четырех обликах луны и о значении их для земледелия». — (4) «Есть, — говорит Столон, — другое деление времени, тоже некоторым образом стоящее в связи с солнцем и луной. Время делится на шесть периодов, так как почти все плоды доходят на пятой ступени до полной своей спелости, попадают в усадьбе в долии и модии, а на шестой идут в употребление. Первая ступень — это подготовка к посадке и севу, вторая — сев и посадка, третья — уход за посевами и посадками, четвертая — уборка, пятая — отправка в амбар, шестая — использование. При подготовке для одних растений, например для виноградника или фруктового сада, копают ямы, перекапывают землю или проделывают длинные канавки; для других, например для хлебов, землю пахут или вскапывают;⁴ для некоторых надо перевернуть землю глубже „двойным заступом“. (5) У одних корни не идут далеко, например у кипарисов; у других, например у платанов, расходятся настолько широко, что в Афинах, в Ликее, как пишет Теофраст, совсем еще молодой платан пустил корни в тридцать три локтя.⁵ В некоторых случаях, „надрезав“ землю плугом с волами, надо ее, прежде чем ты бросишь семена, еще передвить. Подготовка на лугах заключается в том, что их защищают от выпаса, огораживая, когда зацветет груша;⁶ если они поливные, надо их своевременно полить.

«Надо учесть, какие места в имении следует уваживать, каким образом и каким видом навоза; тут есть некоторые различия. Кассий пишет, что лучшим удобрением является птичий помет, только не от болотной и не от водяной птицы. Лучше всего помет голубиный: он очень горяч и от него земля делается пушистой. Его следует разбрасывать по полю, как семена, а не складывать кучками, как навоз от скота. (2) Я думаю, что лучше всего помет из птичников, где содержатся дрозды. Он полезен не только земле, но и в еде волам и свиньям, которые от него жиреют.¹ Поэтому те, кто снимает птичники, если хозяин оговаривает, что помет остается у него в имении, снимают их за меньшую цену, чем в том случае, если помет отходит к ним. Кассий после голубиного помета ставит человеческие нечистоты, а на третьем месте — навоз козий, овечий и ослиный. (3) Лошадиный вовсе не годится, правда, только для нив; для лугов это самый хороший навоз, так же как и навоз от прочих выючных животных, которых кормят ячменем: от него растет много травы.² Около усадьбы следует устроить навозную кучу, чтобы навоз выносили с наименьшей затратой труда. Если посредине этой кучи вбить какой-нибудь дубовый кол, то, говорят, змей в куче не заведется.³

39

«На второй ступени, т. е. при посеве и посадке, учитывают следующее: какому времени сева соответствует природа растения. Важно установить, в какую сторону света смотрит в имении каждое место, а также, что в какое время скорее всего растет. Разве мы не видим, что одни растения цветут весной, другие летом, осенью иные, чем зимой? (2) Поэтому одни растения сажают и прививают раньше, а другие позже, с одних урожаев снимают раньше, с других позднее; деревья прививают преимущественно весной, а не осенью, (3) но смоковницы прививаются около летнего солнцестояния, а вишни даже в декабрьские дни.¹ Имеется четыре вида посадочного материала: семена, данные самой природой; саженцы, пустившие корни, которые пересаживают из одного места в другое; черенки, которые берут с деревьев и сажают в землю; привои, прививаемые от одних деревьев к другим.² Следует рассмотреть по поводу каждого вида, что в какое время и на каком месте тебе делать.

40

«Во-первых, семя, являющееся началом жизни, бывает двух видов: одни скрыты от нашего восприятия, другие видимы. Скрыты семена, находящиеся, по словам физика Анаксагора,

в воздухе, и те, которые, как пишет Теофраст, заносит водой, протекающей через имение.¹ Следует внимательно исследовать семена, которые земледелец видит. Некоторые ведь, способные к прорастанию, настолько мелки, что они незаметны; таковы семена кипариса.² Орешки, которые на нем растут, похожие на маленькие шарики из коры, — это не семена; семена находятся внутри их. (2) Первичные семена дала природа; остальные нашел путем опыта земледелец. Эти первые вырастают без участия земледельца и не будучи им посеяны;³ затем он собирает семена с этих всходов, и они взойдут, уже будучи посеяны. Что касается первичных семян, то следует установить, не усохли ли они от старости, не перемешались ли еще с какими-нибудь иными семенами, те ли это самые, которые нужны, или только похожие на них. Старые семена некоторых растений получают особую способность: они меняют свою природу; например, из старых капустных семян вырастает, говорят, репа, и наоборот: из семян репы — капуста.⁴

(3) «Второй вид: саженцы. Следует помнить, что откуда бы ты их ни пересаживал, нельзя пересаживать их слишком рано или поздно. Подходящее для пересадок время указано Теофрастом: это весна, осень и дни восхода Иса;⁵ одно и то же время не подходит, однако, для всех мест и всех растений. На сухом, тощем и глинистом месте, где мало влаги, подходящим временем будет весеннее, на хорошей и жирной земле, где весной много влаги, — осень. Период для этих посадок исчисляется некоторыми в 30 дней. (4) Третий вид — черенки, взятые с дерева и перенесенные в землю: при посадке надо следить, чтобы черенок был отделен от дерева в подобающее время (т. е. раньше, чем дерево начнет распускаться или зацветет). Черенки, которые ты берешь с дерева, осторожно отделяй от него, а не обламывай, потому что чем устойчивее у черенка его подошва, тем шире и легче он пускает корни. Их сажают поскорее, пока сок в них не высох. Нужно следить, чтобы маслянные черенки были взяты с ветки нежной и равномерно обрезаны с обеих сторон. Черенки эти у одних называются „clavolae“, у других „taleae“; делают их длиной около фута.⁶ (5) Четвертый вид — привои, которые переходят с одного дерева на другое.⁷ Тут надо учитывать, с какого дерева и на какое привой переносят, в какое время и каким образом его прививают. К дубу ведь груша не привьется, хотя бы к яблоне и привилась. Это помнят многие, те, кто очень слушается гарусников, обьявивших, что при одном ударе грома образуется столько молний, сколько привоев: каждый привой родит молнию.⁸ Если ты к лесной груше привьешь самый хороший сорт, то плоды не будут так вкусны, как от прививки к садовой груше. (6) Какое бы дерево ты ни прививал, если только и привой и подвой того же самого вида, например ты прививаешь яблоню к яблоне, — то следует производить прививку для воздей-

ствия на плоды и брать привой лучшего сорта, чем то дерево, которое ты прививаешь. Есть и другой способ прививки: с дерева на дерево; его недавно начали применять на деревьях, растущих рядом. От дерева, с которого желательнее получить привой, притягивают веточку к тому, которое желательнее привить; вставляют ее в срезанную и расщепленную ветку этого последнего; эту вставленную часть с обеих сторон срезают ножом, чтобы сделать ее тоньше; в тех же частях привоя, которые обращены наружу, кора должна приходиться вплотную к коре подвоя. Стараются, чтобы верхушка прививаемой веточки смотрела прямо вверх. На следующий год, когда привой срастется с подвоем, привой отрезают от дерева, с которого он взят.⁹

41

«Относительно времени пересадки следует прежде всего помнить, что деревья, которые раньше прививали весной, теперь прививают в дни солнцестояния, как например смоковницу, у которой древесина рыхлая, почему смоковница и любит жаркую погоду. Поэтому в холодных местах и невозможно развести смоковничных садов. Только что привитому дереву вода вредна: от нее нежный побег быстро сгниет. (2) Поэтому и считается, что смоковницу лучше всего прививать по восходе Пса.¹ Если дерево по природе своей не так мягко, то сверху над местом прививки привязывают какой-нибудь сосуд, откуда медленно капает вода: это делается, чтобы привой не усох раньше, чем он примется. Кору на привое надо сохранять в целости, а заострять его, не обнажая сердцевины. Чтобы не повредили дожди или слишком сильная жара, привитое место обмазывают глиной и обвязывают льком. (3) Лозу за три дня до прививки срезают, чтобы сок, которого в ней слишком много, стек до прививки; или же надрезают привитую ветку немного ниже места прививки, чтобы через надрез вытекала попавшая извне влага. На деревьях, природа которых более суха, этого никогда не делают. При прививке других деревьев, например смоковницы, надо смотреть, чтобы на черенке, который переносят, была почка.

(4) «Деревья, которые растут медленно, сажают преимущественно черенками; так разводят, например, смоковничные сады. Семена, данные смоковнице от природы, находятся внутри той ягоды, которую мы едим: это мелкие зернышки, которые так малы, что едва могут дать ростки: все мелкое и сухое растет медленно; более рыхлое и развивается скорее, женщина, например, — скорее мужчины. То же соответственно наблюдается и в растительном мире: смоковница, гранатник и лоза в силу своей женской мягкости развиваются быстро; (5) пальма же, кипарис и маслина в развитии медленны: тут сказывается разница между природой сухой и влажной.² Поэтому в питомниках выгоднее са-

жать не зерна из винной ягоды, а саженцы из смоковничного сада, кроме тех случаев, конечно, когда это невозможно: кто-нибудь, например, желает переслать семена за море или получить их оттуда. Тогда спелые винные ягоды нанизывают на веревочку; когда ягоды высохнут, эту вязку сворачивают и посылают в любое место; там ягоды сажают в питомнике, где они и прорастают. (6) Таким образом, пересланы были в Италию смоковницы хиоские, халкидские, лидийские, африканские и прочие заморские сорта.³ По сходной же причине мы сажаем в масличных питомниках предпочтительно *taleae*, о которых я говорил: семя маслины представляет собой орех, который дает росток еще медленнее, чем другие орехи.

42

«Прежде всего смотри, не бросай семян в землю слишком сухую или пеструю:¹ сей в умеренно сырую. Пишут, что на югер умеренно сырой земли требуется полтора модия „мидийской травы“. Сеют ее таким же образом, как корма и хлеба.²

43

«Бобовник сажают в землю, хорошо обработанную, и таким же образом, как семена капусты.¹ Затем его пересаживают, помещая одно растение от другого на расстоянии полутора футов. Можно также отрезать от взрослого бобовника веточки и таким же образом их рассаживать.²

44

«Бобов сеют на югер 4 модия, пшеницы 5, ячменя 6, „полбы“ 10, иногда немного больше или меньше: если место жирное, то больше, если тощее — меньше. Поэтому наблюдай, как принято сеять в этой области, и поступай так же.¹ Местность и почва имеют огромное значение: так, в одних местах урожай бывает сам-10, а в других, например кое-где в Этрурии, и сам-15. (2) В Италии, под Сибарисом, обычный урожай, говорят, бывает сам-100; в Сирии, около Гадары, и в Африке, у Бизация, один модий дает тоже 100.² Большое значение имеет также, сеешь ли ты на нови; на земле, которая ежегодно засевадается (такая земля называется „*gestibilis*“), или на земле, которая время от времени оставалась под паром (*vervactum*)». — (3) Ему Агрый: «В Олинфии,³ говорят, землю засевают из года в год, но с таким расчетом, чтобы более щедрый урожай получить в третий год». — Лициний: «Поле следует через год оставлять под посев более легкий, т. е. под таковой, который меньше истощает землю».⁴

«Речь пойдет,— говорит Агрий,— о третьей ступени: об уходе за посевами и питании их». (4) А он говорит: «Всходы в имении растут; выросши, начинают, а когда придет срок, рожают плоды, колосся и прочее. Семя возвращается туда, откуда оно вышло. Таким образом, если ты сорвешь цветок, незрелую грушу или что другое, то на этом же месте в этом же году ничего не вырастет, потому что одно и то же растение не может дважды в году выращивать плод. Как у женщин проходит до рождения определенный срок, так и у деревьев и злаков.»⁵

45

«Первым обычно из земли выходит ячмень — через семь дней после посева; немного позже пшеница, бобовые через четыре-пять дней, кроме бобов: те показываются значительно позже. Просо, сезам и прочие сходные с ними растения всходят примерно в те же самые дни, если только их не задержит плохое место или непогода.»¹ (2) Сеянчики в питомнике, нежные от природы, следует зимой в холодных местах прикрывать листьями или соломой.² Если в это время пойдут дожди, то надо следить, чтобы вода нигде не застоялась: лед для нежных корешков — яд. (3) У деревьев их подземные и надземные части растут в одно и то же время неодинаково: корни осенью или зимой крепнут под землей скорее, чем надземные части, потому что, будучи прикрыты землей, они разрастаются в тепле; надземные же части окружены холодным воздухом.³ Что это так, это видно на лесных деревьях, к которым садовник и не прикасался. Корни ведь растут раньше, чем то, что идет от них. И корни, однако, уходят только на ту глубину, до которой доходит солнечное тепло. Два обстоятельства обуславливают рост корней: одним деревьям от природы свойственно пускать корни дальше, чем другим, и в одной земле им легче пробить дорогу, чем в другой.»⁴

46

«Подобные же причины вызывают некоторые изумительные явления: по тому, например, как повернулись листья маслины, ивы и белого тополя, можно определить время года. Когда листья их перевернутся, то, говорят, солнцестояние уж прошло.»¹ Не менее удивительно и то, что делается с цветком, который называют гелиотропом потому, что он утром смотрит на восход солнца и следует за ним в его пути до заката, все время на него глядя.»²

47

«В питомнике над саженцами таких деревьев, как маслина и смоковница, с нежными от природы верхушками, следует устраи-

вать навес из двух дощечек, поставленных справа и слева и затем связанных.¹ Траву следует выбирать.² Ее надо выдергивать, пока она еще молода: сухая оказывает больше сопротивления и только рвется, а не выдергивается. (2) Траву на лугах, оставленную на сено, наоборот, нельзя не только вырывать, пока она растет, но нельзя даже и топтать. Поэтому на луг нельзя пускать ни овец, ни выючных животных и даже человека. Человеческая нога несет гибель траве и прокладывает тропинки.

48

«У хлебов на нивах стебель заканчивается колосом. Колос, если он не „комолый“, например у ячменя и пшеницы, состоит из трех частей: зерна, шелухи, остей и первоначально, пока колос только образуется, еще из „пожея“. Зерном называется самая внутренняя твердая часть, шелухой — мешочек, в котором оно находится, остью — как бы длинная и тонкая игла, которая торчит из шелухи, так что шелуха с остью образуют у зерна как бы шапочку.¹ (2) „Ость“ и „зерно“ — слова, известные почти всем; слово „gluma“ знают немногие. (2) Я знаю, что оно встречается только у Энния в его переводе евгемеровых книг.² Происходит оно, по-видимому, от „glubere“, так как шелуха „gluma“ сдвигается с зерна. Поэтому тем же словом называется кожура виноградных ягод, которые мы едим. Ость называется „arista“, потому что она первая засыхает (arescit). Зерно (granum) получило название от „gerere“;³ хлеб сеют, чтобы он дал колос, а не затем, чтобы дал шелуху или ость; как и лозу сажают не ради побегов, а ради гроздьев. Колос же (spica), который сельские жители называют по-старине „spesa“, получил наименование, видимо, от слова „spes“: хлеб ведь сеют с надеждой на то, что колос образуется. (3) „Комолый“ называют колос, у которого нет остей: ости на колосе являются как бы его рогами. Первоначально, когда колосья только еще образуются и еще не видны, оболочка, в которой они скрыты, именуется „ножнами“, как тот футляр, в котором прячут меч. Самое верхнее зерно в уже спелом колосе, которое меньше обычного зерна, называется „frit“. Зерно внизу колоса, у самой верхушки соломины, которое тоже меньше обычного зерна, называется „игги“». ⁴

49

Он умолк, но никто не задал ему вопроса. Считая, что все удовлетворены его сообщением об уходе за растениями, он продолжал: «Я буду говорить теперь о сборе спелых плодов. Прежде всего: как только трава на лугах, оставленная на укос, перестанет расти и начнет подсыхать от зноя, ее нужно косить, а скошив, переворачивать вилами, пока она совершенно не высохнет;

совсем уже сухую надо связать вязанками и свезти их в усадьбу; затем сгрести с лугов остатки граблями и этим завершить косовицу.¹ После этого надо „обжать“ луга, т. е. срезать серпами все, чего не захватили косцы, после которых поле осталось как бы в буррах от травы.² Я думаю, что слово „sicilire“ и произошло от „sectio“.

50

«Слово „жатва“ (messis) в собственном смысле употребляется применительно к тем растениям (главным образом к хлебам), которые мы сжинаем (metimur): от этого слова оно и произведено. Есть три способа жать хлеб: в Умбрии серпом подрезают солому у самой земли, и пучок, как он срезан, кладут на землю. Когда их наберется много, их опять перебирают, и с каждого срезают только колосья. Колосья бросают в корзину и отсылают на ток; солому оставляют на ниве, где ее сгребут в кучу. (2) По другому жнут в Пицене, где у жнеца имеется деревянная кривая палочка, на конце которой насажена железная пилочка. Она захватывает пучок колосьев и обрывает их, оставляя солому стоять на ниве; ее скосят после. Третьим способом жнут под Римом и в большинстве мест: солому, захваченную сверху левой рукой, срезают посередине; от этого слова „medium“, думаю, и произведено слово „messis“. Солому, которую не захватила рука жнеца и которая осталась в земле, скашивают после; солому же, которая осталась с колосом, переносят корзинами на ток. (3) Там она лежит на открытом месте у всех на глазах (palam), почему, может быть, и названа „palea“. Некоторые думают, что слово „stramentum“, так же как и „stamen“, произведено от „stare“; другие думают, что — от „stratus“, потому что ее подстилают скоту (substernere). Когда нива поспела, ее надо жать; югер поля, где легко работать, жнец, говорят, может сжать, пожалуй, за день. Сжатые колосья должны быть снесены корзинами на ток.¹

51

«Ток следует устраивать в поле на высоком месте, которое обвеивается ветром; величиной ток должен соответствовать величине засеваемого поля; быть лучше всего круглой формы, с некоторым возвышением посередине, чтобы после дождя вода не застаивалась и кратчайшим путем стекала с тока: во всяком же круге расстояние от середины к окружности будет кратчайшим. Земля на току должна быть плотной и убитой, особенно если это глина, чтобы не трескаться от зноя, иначе зерна будут закатываться в трещины и в трещины попадет вода; вход для мышей и муравьев окажется открыт. Поэтому ток обычно поливают олив-

ковым отстоем: это яд для травы, муравьев и кротов. (2) Некоторые, чтобы иметь плотный ток, вымачивают его камнем, а то делают просто пол.¹ Некоторые, например багиенны, накрывают ток крышей, потому что там часто в это время года бывают ливни. Там, где ток открытый, а местность жаркая, надо около него поставить шалаши, куда люди могли бы зайти в полуденный зной.²

52

«Колосья, самые крупные и самые хорошие, следует положить на ток отдельно, чтобы иметь самые лучшие семена; ¹ зерна из колосьев выбивают на ток. У одних для этого запрягают трибулу. Это доска, в которую снизу набивают камней или гвоздей; на нее садится возница или кладется большая тяжесть; упряжка животных тащит ее, и таким образом колосья вымолачиваются. Молотят и так называемой „пунийской повозочкой“, на оси которой надеты маленькие зубчатые колесики; в ней сидит человек и погоняет впряженных животных. Так делают в Восточной Испании и по другим местам. (2) У других хлеб вымолачивает стадо вьючных животных: его пускают на ток и подгоняют его палками. Своими копытами животные вымолачивают колосья.² Вымолоченные зерна следует провеять при легком ветре с помощью корзин или лопат. Тогда самая легкая часть вымолоченного хлеба, которая называется „мякиной“ и „ухоботьем“, отлетает дальше за ток, а зерно, будучи тяжеловесным, попадает уже чистым в корзину.

53

«Когда жатва закончена, следует продать сбор колосьев ¹ или собрать солому ² домашними силами; а если опавших колосьев мало и рабочие дороги, то пустить на жнивье скот.³ Самое главное — это следить, чтобы расходы не превысили дохода.

54

«Когда гроздья в винограднике поспеют, следует приступить к сбору винограда, определив предварительно, с какого виноградного сорта и с какого места в винограднике ты начнешь сбор.¹ Скороспелый виноград и „смесь“ — так называемый „черный“ — созревают гораздо раньше, почему их и надо снимать первыми; виноград из той части виноградного сада или виноградника, где больше солнца, должен сойти с лозы раньше. (2) У рачительного хозяина при съемке грозди не только собирают, но и отбирают; собирают на питье, отбирают на еду. Собранное относят под пресс, откуда сок попадет в пустой долий; отобранное складывают в особую корзиночку, а оттуда раскладывают по горшоч-

кам, которые засовывают в долины с виноградными отжимками. Кое-что спустится в осмоленной амфоре в бассейн, кое-что поднимется на потолок в кладовую.² Выжатые гроздья с черешками и кожицей нужно опять положить под пресс, чтобы выжать остатки виноградного сока в тот же чан. (3) Когда сок перестанет течь из-под пресса, некоторые обрезают то, что торчит из-под него, и вновь выжимают эти жмыхи. Выжатое называется „circumcisiu“;³ этот сок хранят отдельно, потому что он отдает железом. Выжатую кожицу бросают в долины и подливают туда воды; получается папшток, который называется „lora“; его дают зимой рабочим вместо вина.⁴

55

«Маслины в маслиннике, которые ты можешь достать рукой с земли или с лестниц, следует обрывать, а не сбивать, потому что маслина от удара съеживается и не дает уже столько масла. Лучше срывать маслины голыми пальцами, а не в наперстках; ими не только срывают ягоду, но вследствие твердости и обдирают ветви, лишая их защиты от мороза. (2) Маслины, которые нельзя достать рукой, лучше сбивать тростинкой, а не палкой: тяжелая рана потребует врача. Сбивая, нельзя ударять прямо по дереву: (3) при таком ударе сбитая маслина часто увлекает за собой с веточки и почку, а это губит урожай следующего года. Этим в значительной степени объясняется то обстоятельство, что, как говорят, в маслинниках через год урожая не бывает вовсе или же он значительно меньше. (4) Маслина, так же как и виноград, идет в усадьбу двумя путями: по одному в пищу, а по другому под пресс, чтобы смазать тело не только внутри, но и снаружи и следовать за хозяином в баню и в гимнасий. (5) Маслины, из которых делается масло, сваливают кучами на настил, ежедневно по куче; там они слегка подгнивают, и первая по порядку куча отирается в кувшинах и масляной посуде под трапет: это жернова для маслин из твердого и шероховатого камня. (6) Если собранные маслины полежат в кучках слишком долго, то, согревшись, они начинают гнить, и масло получается с запахом. Поэтому, если ты не можешь быстро жать масло, то нужно маслины проветривать, подбрасывая их. (7) Маслина дает двойной продукт: масло, которое знают все, и масляный отстой, польза которого большинству неизвестна. Это видно из того, что его оставляют течь из-под масляного пресса в поля, и он не только делает землю черной, но, если его много, и бесплодной, тогда как в умеренном количестве он чрезвычайно полезен как во многих случаях, так и в земледелии: им поливают вокруг деревьев, особенно около маслины, и всюду в полях, где растет сорная трава».¹

Агрий говорит: «Я уже сижу в усадьбе, с ключом, Столон, и ожидаю, чтобы ты свез урожай в усадьбу». — «А вот и я, — говорит он, — у самого порога: отворяй ворота. Во-первых, сено лучше складывать под крышей, а не в стогах: так оно становится вкуснее. Это усматривается из того, что если задать скоту того и другого, то он охотнее ест первое.

«Пшеницу следует ссыпать в амбары, поставленные на стояках, которые продувает ветром с востока и с севера; сырому воздуху из окрестных мест туда не должно быть доступа. Стены и пол следует одеть в „цементную кольчугу“ (2) или, по крайней мере, обмазать составом из глины с мякиной, замешанным на масляном отстое. Этот состав не позволит завестись мышам и червям, а зерно от него сделается тверже и прочнее.¹ Некоторые опрыскивают самое пшеницу масляным отстоем, беря квадрантал его примерно на тысячу модиев. Другие пользуются разными порошками и присыпками, например халкидским или карийским мелом, полынью и тому подобным.² Некоторые устраивают амбары в подземных пещерах, которые называются „sirus“; так делают в Каппадокии и Фракии; другие, например в Карфагенской и Оскской областях,³ в Восточной Испании, ссыпают хлеб в колодцы. Дно их они устилают соломой и стараются, чтобы влага и воздух не могли туда проникнуть (кроме случаев, когда зерно оттуда достают): куда воздух не доходит, там хлебный долгоносик не заводится. Ссыпанная таким образом пшеница сохраняется лет пятьдесят, а просо — больше ста. (3) В Восточной Испании и в Апулии ставят иногда амбары в поле на стояках, чтобы ветер с его прохладой мог проникнуть не только через окна в стенах, но и снизу через пол. Бобы и бобовые долго сохраняются в целости, если их всыпать в сосуды из-под масла и замазать эти сосуды золой.⁴

«Катон говорит, что аминейский виноград, мелкий и крупный, и апициев лучше всего хранить в горшках; хорошо также в сапе и виноградном соке; для сушки больше всего подходят твердокорый и аминейский.¹

«Что касается зимних сортов, то „воробьиная айва“ и простые яблоки, скантиевы, скавдиевы, „круглые“, и те, которые

раньше назывались „винными“, а теперь зовутся „медовыми“.¹ хорошо, говорят, сохраняются, если их разложить на соломе в сухом и холодном месте. Поэтому, устраивая плодохранилища, стараются, чтобы окна были на север и помещение продувало оттуда. Окна делают обязательно со ставнями, потому что от непрерывного ветра плоды усыхают и морщатся.² (2) Поэтому, чтобы в плодохранилищах было холоднее, их сводчатый потолок, стены и пол штукатурят. Некоторые устраивают в них триклинии и там обедают. Если погоня за наслаждениями довела людей до того, что они обедают в картинной галерее, потому что там предложено им зрелище искусством, то почему не наслаждаться зрелищем, которое предлагает природа в искусном подборе прелестных плодов?³ Особенно, если не приходится поступать так, как поступают некоторые: закупив в Риме плодов, они привозят их в деревню в плодохранилище, убраемое для пира.⁴ (3) Плоды, по мнению одних, хорошо сохраняются в плодохранилище на оштукатуренных полках; по мнению других, под них следует подстилать солому и даже вóлну; гранаты втыкают черенками в долины с песком; айву, простую и „воробьиную“, подвешивают на камышевых матах;⁵ анициевы груши и „посевные“, наоборот, сохраняют, заливая их сапой;⁶ рябину некоторые режут и сушат на солнце так же, как груши, но рябина хорошо сохраняется и так, если только ее положить в сухое место; репу сберегают впрок, кладя ее кусочками в горчицу; грецкие орехи держат в песке. Сорванные зрелые гранаты сохраняются в песке; сохраняются даже и незрелые, если их, пока они еще держатся на ветке, сорвать вместе с веткой, положить в горшок с выбитым дном, закопать этот горшок в землю, а ветку обмазать со всех сторон, чтобы ее не касался наружный воздух.⁷ Гранаты вынешь не только совершенно свежими, но они станут даже крупнее, чем были на дереве.

60

«Что касается маслин, то Катон пишет,¹ что для еды лучше всего сохранять *orcites* и *rosiae*² зелеными в рассоле, а если их побить, то в лентисковом масле. Если черные сухие *orcites* перетереть с солью, через пять дней соль отряхнуть и два дня подержать на солнце, то они обычно не портятся; их хорошо тоже не солить, а заливать дефрутом.³

61

«Масляный отстой опытные земледельцы сливают в долины так же, как вино и масло. Способ его хранения: как только он вытек из-под пресса, его сейчас же уваривают до одной трети и, охладив, сливают в сосуды. Есть и другие способы сохранения; в отстой, например, подливают виноградного соку.¹

«Так как все прячут урожай только затем, чтобы брать его, то нужно немного задержаться и на этой шестой ступени. Спрятанное берут или для осмотра, или для своей потребы, или на продажу. Цели эти между собою рознятся, и поэтому осматривают хлеб и вынимают его на потребу в разное время.

«Для осмотра берут хлеб, который начали есть амбарные долгоносики. Вокруг рассыпанного зерна следует на солнце поставить миски с водой: долгоносики собираются туда и тонут.¹ Тем, у кого хлеб находится под землей, в так называемых сирах, опасно входить туда сразу же, как только сирь откроют: бывали такие случаи, что люди задыхались. Поэтому брать хлеб оттуда полагается некоторое время спустя после того, как ты их откроешь. „Полбу“, которую ты ссыпал в колосьях, а теперь хочешь достать для еды, нужно брать зимой, чтобы обтолочь ее на мельнице и подсушить.²

«Масляный отстой, выжатый из маслин, — это водянистая жидкость, отходы масла, которые сливаются в глиняную посуду. Некоторые сохраняют его так: самую легкую часть его, которая всплывает за пятнадцать дней наверх, сливают в другую посуду, и с такими же промежутками повторяют это сливанье двенадцать раз в ближайшие шесть месяцев; последний раз сливать всего лучше на ущербной луне. Затем отстой варят в медном котле на легком огне, пока он не укипит до двух третей. После этого он вполне готов для употребления.

«Виноградный сок, которые сливают в долии, чтобы иметь вино, нельзя брать, пока он не перебродит; нельзя и сразу, как только он превратится в вино. Если ты хочешь пить старое вино (оно не состареется до года), то годовое уже выйдет на свет. Если вино приготовлено из гроздьев такого сорта, который быстро киснет, то его следует либо употребить до следующей съемки винограда, либо продать. Есть такие вина (к ним относится фалерн), которые чем больше стоят, тем становятся дороже.

«Если белые маслины, ссыпанные впрок, ты начнешь брать слишком рано, еще свежими, то окажется, что их нельзя взять в рот — так они горьки; черные же можно есть с удовольствием только в том случае, если ты их выдержишь в соли.

«Чем скорее станешь ты брать орехи, финики и сабинские фиги, тем вкуснее они будут: от старости фига бледнеет, финик гниет, орех высыхает.

«Плоды, которые для сохранения подвешивают, как-то: виноград, яблоки и рябина, — сами укажут, когда их брать для употребления — их изменившийся цвет и съежившаяся кожица грозят, что если ты их не снимешь в еду, то они отправятся в мусорную кучу. Сладкую рябину, ссыпанную спелой, надо есть скорее; снятая незрелой, продержится дольше: ей хочется достичь в доме той зрелости, которой не смогла достичь на дереве.

«Сжатую „полбу“, которую ты хочешь употребить в еду, следует зимой взять на мельницу и подсушить; на посев ее надо брать тогда, когда поля для посева готовы. Зерно на посев надо бросать каждое своевременно. Что касается зерна на продажу, то надо сообразить, что и в какое время взять; то, что не может лежать, скорее бери и продавай, пока не испортилось; то, что может сохраняться, продавай тогда, когда есть цена. Часто продукты, долгосохраняемые, не только принесут тебе проценты на то, что на них затрачено, но и удвоят твой доход: только пусти их в продажу вовремя».

(2) Когда он это говорил, подходит к нам, плача, отпущенник служителя и просит простить его за то, что он нас задержал, а послезавтра пожаловать на похороны. Все мы вскакиваем и одновременно кричим: «Что такое? На похороны? На какие похороны? Что случилось?». И он, плача, рассказывает, что хозяин пал, пораженный ножом неизвестного. Он не мог разглядеть в толпе убийцу и только услышал, как он сказал, что ошибся.

(3) Сам он, принеся патрона домой, разослал рабов поскорее отыскать и привести врача. По его мнению, его стоит простить за то, что он сначала занялся этим делом и только потом пришел к нам. Если он и не смог сохранить патрона, который вскоре испустил дух, то он думает все же, что поступил правильно. Мы не сердились на него и, выйдя из храма, разошлись, скорее скорбя о превратностях человеческой жизни, чем удивляясь такому происшествию в Риме.¹



КНИГА ВТОРАЯ

Великие мужи, предки наши, не без основания предпочитали римлян-селян римлянам-горожанам. В деревне люди, живущие в усадьбе, ленивее тех, кто постоянно находится в поле, занимаясь какой-нибудь работой; так, они считали и тех, кто сидит в городе, бездельниками по сравнению с деревенскими обитателями. Они и год разделили таким образом, чтобы городским делам уделять ежемесячно только каждый девятый день, а остальные семь работать в деревне.¹ (2) Следствием такого порядка (пока он соблюдался) были плодоноснейшие, благодаря уходу, поля и крепкое здоровье самих хозяев, не нуждавшихся в городских гимназиях греков.² Теперь одной такой гимназии едва хватает, и люди считают усадьбу не в усадьбу, если в ней нет множества помещений, обозначаемых звонкими греческими словами: *procoetion*, *palaestra*, *apodyterion*, *peristylon*, *ornithon*, *peripteros*, *oporothea*.³ (3) И так как отцы семейств пробрались теперь за городские стены, оставив плуг и серп, и предпочли теперь работать руками в театре и цирке, а не на нивах и в виноградниках, то мы и сдаем с подряда поставку пшеницы, насыщаемся хлебом из Африки и Сардинии и собираем на суда виноград с островов Хиоса и Коса.⁴

(4) В той земле, где пастухи, основатели Рима, научили своих потомков земледелию, там их потомки по жадности и противозаконно превратили, наоборот, нивы в луга,⁵ не желая знать того, что земледелие и скотоводство — это не одно и то же. Овчар это одно, а пахарь другое, и если в имении и можно держать скот, то пастух-скотник совсем не то же самое, что пахарь, который смотрит за волами. Скот ведь не создает того, что родит земля, а уничтожает это своими зубами. Обезженный вол, правда, способствует тому, что хлеб лучше родится на нивах, а корма на парах. (5) Одни расчеты и познания у земледельца, другие у пастуха: земледелец ухаживает за землей, чтобы она рождала ему плоды, пастух думает о приплоде от скота. Оба они, однако, тесно связаны между собой, потому что хозяину име-

ния в большинстве случаев выгоднее пасти в имении собственный скот, чем продавать корма; без навоза в земледелии не обойтись, а скот как раз и дает его. Потому владелец поместья должен заниматься обеими отраслями: и земледелием, и скотоводством, и даже разведением домашней птицы, дичи и рыбы, так как от птичников, парков и рыбных прудов можно получать доходы немалые. (6) Я сочинил книжку о земледелии для моей жены Фундании, имея в виду ее имение; а тебе, мой Нигер Турраний, страстный любитель скота (ты ведь охотно его покупаешь и часто вышагиваешь по дороге на торг в *Campti Masci*⁶), чтоб ты легче справился с этим делом, при котором требуются большие расходы (а мне тем легче помочь тебе, что у меня самого есть громадные стада: в Апулии овечьи отары, а под Реате — конские табуны), я вкратце и в общих чертах переберу наши беседы с хозяевами крупных стад в Эпире. Вели мы эти беседы во время войны с пиратами, когда я командовал греческим флотом между Делосом и Сицилией.⁷ Начну отсюда...⁸

1

Когда Менат ушел, Коссиний и говорит мне: «Мы тебя не отпустим, прежде чем ты не изъяснишь трех пунктов, которые ты только что начал разбирать, когда нас прервали». — «Каких трех? — говорит Муррий. — Не тех ли, которые ты мне вчера назвал, говоря о скотоводстве?». — «Да, — говорит он, — тех, о которых вот он начал вести речь: о происхождении скотоводства, его высоком значении, о науке. Мы пришли навестить больного Пета, но приход врача прервал нашу беседу.¹ — «Что касается меня, — говорю я, — то я займусь только исторической частью и расскажу о том, что знаю относительно двух первых пунктов: о происхождении скотоводства и о его значении. Рассказ о третьем пункте, о науке скотоводства возьмет на себя Скрофа, так как — скажу по-гречески пастухам-полугрекам: *ὅς περ μὲν πολλὸν ἀρεῖνον*.² Он ведь обучал Г. Луцилия Гирра, твоего зятя, стада которого славятся в Бруттии». — «Вы от меня об этом услышите, — говорит Скрофа, — но с тем условием, что вы, первые скотоводы в Эпире, отблагодарите нас и откроете то, что вам известно. Никто ведь не может знать всего».

(3) Я принял это условие; мне надлежало выступить на сцену первым (не потому, что у меня есть стада в Италии: не все ведь, у кого есть кифара, будут кифаредами), и я заговорил: «Так как извечное существование людей и животных было естественной необходимостью (может быть, как думали Фалес милетянин и Зенон китеец, было некое начало, породившее живые существа, а может, как полагали Пифагор самосец и Аристотель стагирит,⁴ такого начала и вовсе не существовало), то человеческая жизнь, спускаясь от незапамятных пор неизбежно со ступеньки на сту-

пеньку, дошла, наконец, до нынешнего времени. Так пишет и Дикеарх.⁵ На самой верхней ступени она была естественной, и люди жили тем, что им добровольно давала нетронутая земля. (4) С этой ступени люди спустились на вторую и зажили пастушеской жизнью. Как собирали они, срывая себе в пользование с диких, растущих по полям деревьев и кустов жолуди, земляничные ягоды, шелковицу, яблоки, так себе же на пользу стали они ловить лесных животных, каких могли, запираť их и приручать. Не без основания думают, что первыми были пойманы овцы; животные эти и полезны, и кротки, по природе своей очень спокойны и весьма пригодны человеку: от них в еду идут молоко и сыр, для тела от них же одежда и шкуры. (5) На третьей ступени, наконец, люди перешли от пастушеской жизни к земледельческой; они удержали на этой ступени многое, что приобрели на двух первых; перейдя на третью, они, пока настало наше время, прошли далеко вперед. И теперь еще во многих местах есть дикие животные: во Фригии, например, есть целые стада диких овец, а на Самофраке — диких коз; этих коз по-латыни называют „rotae“. Много их и в Италии около гор Фисцелла и Тетрики. Диких свиней знает каждый; некоторые, правда, считают, что вепря нельзя назвать свиньей. Совершенно дикие быки водятся во множестве в Дардании, Медике и Фракии; дикие ослы — во Фригии и Ликаонии; дикие лошади — в некоторых местах Восточной Испании.⁶

(6) «Вот начало скотоводства; о высоком значении его я расскажу. В древности каждый знаменитый человек был пастухом: об этом свидетельствуют и языки, греческий и латинский, и старые поэты, которые про одних говорят, что они „богаты ягнятами“, про других, что „богаты овцами“, про третьих, что „богаты стадами“;⁷ по их же рассказам, бывали овцы такие дорогие, что руно их считали золотым; в Аргосе, например, Атрей жалуется, что Фиест увел у него такую овцу; в Колхиде у Аэта был баран, за шкурой которого отправились, говорят, потомки царей, Аргонавты; в Ливии от Гесперид Геркулес переправил из Африки в Грецию золотые талы: так в старину называли коз и овец.⁸ Греки называли овец по звуку их блеяния „mela“. (7) У нас их блеяние обозначали довольно схоже: словом „baelare“ (мы изменили только одну букву, воспринимая издаваемый ими звук как «бе», а не как «ме»). Позднее стали говорить „balare“, когда, как это бывает во многих словах, одна буква в произношении стерлась. А если бы скот у древних не был в большой чести, то астрологи, описывая небо, не называли бы светил их именами. Они же не только не усумнились дать им эти имена, но многие считают двенадцать знаков зодиака, начиная от Овна и Тельца, главных животных, которых они поставили впереди Аполлона и Геркулеса. Эти боги идут вслед за ними, но называются Близнецами.⁹ (8) Им показалось мало, что из двенадцати знаков ше-

стая часть носит имена домашних животных, и они прибавили еще Козерога, чтобы получилась одна четвертая. А кроме того, из домашних животных они еще добавили Козу, Козлят, Собак. А разве нет мест на суше и на море, по ним названных? Эгейское море назвали по козам; в Сирии есть гора Тавр, в Сабинской земле — гора Кантерий; есть два Боспора, один Фракийский, а другой Киммерийский.¹⁰ (9) Разве не домашние животные дали названия многим местам на земле? В Греции, например, есть город „Конный Аргос“. И, наконец, разве Италия (Italia) получила свое имя не от телят (vituli), как пишет Пизон? Кто скажет, что римский народ пошел не от пастухов? Кто не знает, что Фавстул, вскормивший и воспитавший Ромула и Рема, был пастухом? Кто не сообразит, что раз город основали они как раз в Парилии, то и сами были пастухами?¹¹ Не о том ли говорят и следующие факты: и сейчас еще, по старому установлению, пеня определяется в быках и овцах; древнейшая чеканная монета помечена изображением животных; (10) при основании города место будущих стен и ворот определяет линия, проведенная быком и коровой; очистительная жертва за римский народ — это *suovitaurilia*, когда вокруг обводят кабана, быка и барана;¹² многие наши имена произведены от скота, крупного и мелкого: по мелкому названы Порций, Овиний, Каприлий; по крупному — Еквитий, Таврий, Азиний. Это же подтверждается и прозвищами: есть Аннии Капры, Статилии Тавры, Помпонии Витулы и множество других родов, прозванных по домашним животным.¹³

(11) «Остается еще сказать о науке скотоводства, о которой наш Скрофа, которого современники считают первым во всех отраслях сельского хозяйства, расскажет всего лучше». Все повернулись к нему, и Скрофа говорит: «Это наука о том, как приобретать и содержать скот, чтобы получать наибольший доход от тех, чьим именем были названы сами деньги; скот — ведь это основа всякого богатства.¹⁴ (12) Наука эта содержит девять частей; три отдела ее делятся каждый на три главы: один отдел посвящен мелкому скоту, видов которого три — овцы, козы, свиньи; другой — крупному, который тоже по природе своей разделен на три вида — быки, ослы, лошади; третий раздел посвящен не тем животным, которых заводят дохода ради, но тем, которых приобретают ради приносящих доход, а также тем, которые происходят от этих последних, — это мулы, собаки, пастухи. В каждой из этих глав имеется еще, самое меньшее, по девяти параграфов: четыре содержат сведения, необходимые для покупки скота; другие четыре — сведения, необходимые для его содержания; один — сведения, необходимые и в первом, и во втором случае. Всего получается, самое меньшее, 81 параграф, причем все они необходимы и включают в себя немало. (13) Первое, что нужно для покупки хорошего скота, — это знать, в каком возрасте какое животное стоит приобрести и держать. Годовалая телка и корова

старше десяти лет стоят дешевле, потому что первого теленка корова приносит в двухлетнем или трехлетнем возрасте, а после десяти лет вскоре уже перестает телиться. (14) У всякого скота ранний возраст и поздний бесплодны. Второй из первых четырех параграфов знакомит с экстерьером разных животных: чрезвычайно важно знать, какие внешние признаки свидетельствуют о его доходности. Вола, например, покупают охотнее, если у него рога черные, а не белые; козу — крупную, а не маленькую; свиней — с высоким корпусом, но с маленькой головой. Третий параграф занят вопросом о лучших породах. В Греции, например, славятся аркадские ослы, а в Италии — реатинские,¹⁵ и настолько, что на моей памяти одного осла продали за 60 000 сестерций, а четверня их в Риме встала в 400 000. (15) Четвертый параграф занят правовой стороной покупки, а именно: каким образом следует, на основании гражданских законов, совершать покупку того или иного животного. Чужая собственность может стать моей только через какой-то посредствующий акт, причем не во всех случаях достаточно договориться или уплатить деньги, чтобы она перешла в новые руки. При покупке иногда требуется заверение продавца, что животное здорово; иногда — что оно из здорового стада; иногда же ничего этого не нужно.

(16) «После того как ты купишь скот, тебе нужно изучить четыре других параграфа, касающихся пастбищ, отела и выжеребки, кормежки и здоровья животных. Первое место занимают пастбища. Тут имеется три пункта: в какой местности каких животных лучше всего тебе пастись, в какое время и каким образом; коз, например, — лучше по горным местам, среди зарослей кустарника, а не на травянистых равнинах; кобылиц же — наоборот. Те же самые места не годятся всем животным для выпаса одинаково зимой и летом. Отары овец, например, гонят издалека из Апулии летовать в Самний и объявляют количество скота публикану, чтобы не нарушать цензорского закона, пася не занесенный в списки скот.¹⁶ (17) Мулов из Розейской долины выгоняют летом на высокие Бурбурские горы.¹⁷ Важно не упускать из виду, чем какое животное по преимуществу кормить: мало знать, что кобылица или корова сыты сеном, а свиньи от него отвернутся и будут искать жолудей; надо помнить, что некоторым животным иногда следует бросить ячменя или бобов; волам надо задавать лушина, а отелившимся коровам — „мидийской травы“ и бобовника; кроме того, за тридцать дней до случки баранам и быкам корма задают больше, чтобы они вошли в силу; коровам же корм уменьшают: говорят, что, похудев, они скорее зачнут. (18) Второй параграф касается отела и выжеребки; я разумею период от зачатия до рождения: начало и конец беременности. Прежде всего надо установить, в какое время каких животных случать. Для свиней подходящей порой считается время от фавония и до весеннего равноденствия; для овец — от захода Арктура и до за-

хода Орла.¹⁸ Кроме того, нельзя забывать, что на какое-то время до начала случки самцов надо держать отдельно от самок; пастухи и крупного и мелкого скота отделяют их всегда месяца на два.

(19) «Другой параграф касается правил, которые следует соблюдать, пока самка носит плод: разные животные рожают в разное время. Кобыла ходит жеребой двенадцать месяцев; корова стельной — десять, коза и овца суягными — пять, свиньи супоросой — четыре. В Испании случается нечто невероятное, и, однако, это правда: в Лузитании, около Океана, в том округе, где находится город Олизипо, есть кобылицы, которые в определенное время зачинают на горе Тагре от ветра; здесь это случается с курицами, и яйца от них зовутся „hurenemia“.¹⁹ Только жеребята, родившиеся от этих кобылиц, не живут больше трех лет. Надо позаботиться, чтобы молодые животные, родившиеся своевременно или с некоторым запозданием, стояли в чистом месте на мягкой подстилке, не подвергаясь опасности быть раздавленными. „Cordi“ называются ягнята, которые родились позже срока, долго оставаясь в глубоко лежащей оболочке... зовут „chorion“; по ней они и названы „cordi“.²⁰ (20) Третий параграф касается правил, которые следует соблюдать при воспитании молодняка, сколько дней детеныш должен сосать материнское вымя, в какое время и где; если у матки молока мало, надо подпускать его к вымени другой матки. Такие детеныши называются „subrumi“, т. е. „находящиеся под выменем“, я полагаю, что старинное название для вымени было „rumis“.²¹ Ягнят не отнимают от маток обычно месяца четыре, козлят — три, поросят — два. Поросят, уже чистых, которых можно приносить в жертву, некогда называли „sacres“; их имеет в виду Плавт, говоря: „Почем поросята для жертвы?“²² Подобным же образом быки, откормленные для публичных жертвоприношений, называются „orimi“.²³ (21) Четвертый параграф касается здоровья; это предмет сложный и очень важный: от большого скота одна беда, и от того, что он болеет, людей часто постигают большие несчастья. Наука о болезнях имеет два отдела: при одних болезнях нужно, как и для людей, приглашать врача; другие может лечить сам пастух, если он сведущ. Тут имеется три параграфа: нужно установить, что является причиной данной болезни, каковы признаки, появляющиеся при этих причинах, и какого метода следует придерживаться при лечении данной болезни. (22) Причины болезней бывают следующие: животное хворает от жары или от холода, а также от переутомления, и, наоборот, от полного отсутствия работы, или, если после работы ты сейчас же, без всякого промежутка, дашь поесть и попить. Признаками, например, у тех, кто схватил лихорадку от переутомления, будут: открытый рот, частое и влажное дыхание и жар в теле. Лечение при такой болезни следующее: (23) животное обливают теплой водой, расти-

рают теплым маслом и вином, поддерживают его силы пищей и что-нибудь на него накидывают, чтобы оно не простудилось; при жажде поят теплой водой. Если это лечение не помогает, то пускают кровь, обычно из головы. Другие болезни вызываются другими причинами, и признаки у них другие. Обо всем этом касательно всякого скота должна иметься у старшего пастуха запись.²⁴

(24) «Остается девятый упомянутый мною параграф, имеющий отношение к обоим отделам: о количестве скота. Человек, приобретая скот, должен обязательно установить, сколько стад у него будет и какой они будут величины; иначе ему может или не хватить пастбища, или оказаться его с излишком, и поэтому доход у него пропадет. Кроме того, надобно знать, сколько имеется в стаде маток, которые могут принести приплод, сколько баранов, сколько молодняка обоего пола, сколько хилых животных, от которых надо отделаться. Если молодняка много, то при выкормке надо следовать практике некоторых скотоводов: убери некоторое его количество; оставшиеся животные обычно растут лучше».

(25) «Смотри, — говорит Аттик, — не ошибиться бы тебе! как бы тебе с твоими девятью главами не остаться при одном мелком и крупном скоте! сохранятся ли все они, когда речь пойдет о мулах и пастухах? тут нет ни случки, ни выжеребки. (26) Я понимаю, что для собак такая схема возможна. Соглашаюсь даже, что можно удерживать эти девять глав и для людей: с пастухами на зимних стоянках, а иногда и на летних, живут женщины; это, думают, способствует тому, чтобы легче привязать пастухов к стадам; родившиеся дети увеличивают число рабов, и скотоводство доходнее». — «Нельзя требовать тут совершенной точности, — говорю я, — когда мы говорим, что под Троею отправилась тысяча кораблей и что в Риме есть „суд ста человек“,²⁵ то здесь точно-сти тоже нет. Отними, если угодно, два пункта относительно мулов: случку и выжеребку». — (27) «Выжеребку? — говорит Вакций. — Разве в Риме постоянно не говорится: „ожеребилась самка мула“». ²⁶ Я, подпевая ему, добавляю, что, по словам Магона и Дионисия, самка мула и кобылица, зачав, ожеребятся на двенадцатом месяце. И если здесь, в Италии, рождение жеребенка у самки считается знамением, то это вовсе не так для всех земель.²⁷ Ласточки и аисты, которые в Италии кладут яйца, не кладут их во всех землях. Разве вы не знаете, что сирийская финиковая пальма в Иудее дает плоды, а в Италии дать их не может? ²⁸ (28) Скрофа: «Если тебе угодно иметь 81 часть и по исключении глав о рождении и выкормке мулов, то у тебя есть чем заполнить этот двойной пробел: имеются две добавочные и важные статьи дохода: во-первых, шерсть — овец и коз стригут или ошипывают, и, во-вторых, молоко и сыр; это отдел еще более объемистый. Греческие писатели особо выделили *τροποία*²⁹ и много об этом деле писали.

«Так как мы закончили наш урок и определили темы для рассуждения о скотоводстве, то теперь вы, эпикурейцы, в свою очередь, дайте нам отчет по каждому вопросу: посмотрим, что могут пастиху из Пергамиды и Маледы».¹ (2) Атик, который звался тогда Титом Помпонием, а теперь зовется Квинтом Цецилием,² но сохраняет прежнее прозвище, говорит: «Думаю, мне начинать первому: вы как будто все обратили на меня свои взоры. Я расскажу о стадах, которые человек завел первоначально. Ты ведь говоришь, что из диких животных люди первыми поймали и приручили овец.³ Овец, во-первых, надо покупать хороших, в таком возрасте, когда они не вовсе состарились, но уже и не ягнята: одни еще не могут, а другие уже не могут дать приплод. Лучше, конечно, тот возраст, у которого впереди надежда, а не смерть. (3) Что касается экстерьера, то овца должна быть крупной, шерсть иметь обильную и мягкую, в густых плотных завитках по всему телу, особенно же на шее и на затылке, и даже живот у нее должен быть волосатый. Овец, не имеющих этого признака, наши предки называли „арисае“ и отвергали их. Ноги у овцы должны быть коротенькие; хвосты, смотрите, чтоб в Италии были длинные, а в Сирии короткие. Прежде всего надо озабочиться тем, чтобы иметь скот от хорошего семени. (4) Об этом можно судить по двум признакам: по экстерьеру животного и по его потомству. По экстерьеру: лоб у барана густо оброс шерстью; витые рога идут вниз, к носу; глаза серые, с желтизной; уши заросли шерстью; баран сам крупный, грудь, лопатки и бедра у него широкие; хвост широкий и длинный.⁴ Нельзя, чтобы у него был черный или пестрый язык; от баранов с таким языком рождаются ягнята черные или пестрые.⁵ По потомству судят, глядя на ягнят: красивые ли они. (5) При покупке мы действуем по правилам, предписанным законом. Тут одни делают больше оговорок, другие меньше; некоторые, сговорившись относительно цены на овец, требуют, чтобы двое ягнят, родившихся позже положенного срока, шли за одну овцу, а две овцы, у которых нет зубов по старости, считались бы за одну. За вычетом этого, старая формула остается в силе: когда покупатель сказал: „они куплены мной за такую-то цену?“ — и продавец ответил: „да“, то покупатель, выложив деньги, требует от него ответа по древней формуле: (6) „обещаешь ли по всей правде, что вот эти овцы, о которых идет дело, совершенно здоровы, как бывает здорова овечья порода (кривая на один глаз, глухая и *mina*, т. е. с лысым животом не в счет), что они происходят не из больного стада и что ими можно владеть по праву?“». После этого стадо еще не переходит к другому хозяину, пока деньги не отсчитаны; покупатель может поднять дело против продавца по закону о купле-продаже, если тот не передает ему стада, хотя денег не вернул;

также может судиться с покупателем и продавец, если этот последний не уплатил ему стоимости овец.

(7) «Тут же расскажу я и о других четырех пунктах: о выпасе, о приплоде, о воспитании молодняка и о болезнях овец. Во-первых, надо позаботиться, чтобы овцам круглый год была хорошая еда и в усадьбе, и за ее пределами;⁶ хлевы надо поставить в подходящем месте так, чтобы в них не дуло, и обратить их лучше к востоку, чем к полудню. Пол там, где овцы стоят, нужно выравнивать и сделать покатым, чтобы его легко было подмести и содержать в чистоте. От сырости на полу у овец портятся не только шерсть и копыта, но и появляется чесотка. (8) Через каждые несколько дней нужно подстилать им свежих веток, чтобы лежать им было мягче и они были бы чище: тогда у них и аппетит лучше.⁷ Надо сделать особые загородки, куда ты сможешь отдельно запира́ть овец, которые вот-вот объегнятся, а также больных. Это главным образом правила для стад, которые живут при усадьбе. (9) Для тех, которые пасутся вдали от жилья, на горных пастбищах, пастухи забирают с собой, кроме прочей утвари, еще плетенки и сети, из которых и делают в уединенном месте загоны. Пасутся овцы по местам, широко и далеко раскинутым; зимние пастбища часто отстоят от летних на много миль». — «Я, — говорю, — это знаю, у меня стада зимовали в Апулии, а летовали в Реатинских горах; между этими двумя местами, как коромысло между корзинами, проходит скотопрогонная дорога, соединяющая отдаленные пастбища».⁸ (10) «Стада, если они пасутся и на одном и том же месте, выходят на пастбище в разное время: летом их выгоняют на рассвете, потому что росистая трава вкуснее, чем в полдень, когда она уже суха. Когда солнце взошло, овец гонят на водопой, чтобы, передохнув, они опять бодро начали пастись. (11) Около полудня, когда начинается зной, их загоняют под тенистые скалы и раскидистые деревья, пока жара не спадет. Вечером их опять пасут до солнечного заката. Пасут этот скот, гоня его так, чтобы солнечные лучи падали на них сзади: голова у овец очень слаба. Спустя немного времени после захода солнца овец ссылают на водопой и опять пасут, пока не стемнеет: трава теперь опять становится вкусной. Эти правила особенно соблюдаются от восхода Вергилий и до осеннего равноденствия.⁹ (12) Полезно по двум причинам выгонять овец на жнивье: они наедаются опавшими колосьями, а перетертая их ногами солома и навоз увеличат урожай будущего года.¹⁰ Разница между выгоном на пастбище в зимнее и весеннее время заключается в том, что овец выпускают только когда сойдет иней; пасут целый день и считают достаточным прогнать на водопой только один раз в полдень.¹¹

(13) «Вот то, что касается выпаса; что касается приплода, об этом я скажу. Баранов, которых ты будешь случать, надлежит за два месяца отделить от овец и кормить их пощеднее. Если им

давать ячмень, когда они возвращаются с пастбища в хлевы, то сил у них прибавится. Лучшее время для случки — от захода Арктика до захода Орла;¹² ягнята, зачатые позднее, мелкие и слабосильны. (14) Овца ходит суягной 150 дней. Таким образом, она обьягнится в конце осени, когда воздух в меру тепел, и только-только появляется молодая трава, вызванная к жизни первыми дождями. Пока длится случное время, нужно поить овец одной и той же водой: от перемены воды шерсть у ягнят будет в пятнах¹³ и вообще плод пострадает. Когда все овцы зачали, баранов следует опять отделить, потому что они пристаю́т к суягным и вредят им. Нельзя случать овец, которым меньше двух лет: ягнята от них никуда не годятся и сами они слабеют; для случки нет лучшего возраста, чем трехлетний.¹⁴ Чтобы отпугнуть баранов, овцам привязывают к детородным частям корзиночки из ситника или чего другого; легче их уберечь, если пасти отдельно.

(15) «Что касается воспитания молодняка, то на время окота овец загоняют в хлевы (для этой цели устроены отдельные), и только что родившихся ягнят держат около огня, пока они не окрепнут. Дня два-три овец оставляют тут же, чтобы ягнята научились распознавать маток и наедались бы досыта. Затем матки отправляются пастись вместе со стадом, а ягнята остаются; маток приводят к ним вечером; те кормят их молоком, и их опять разделяют, чтобы ночью матки не растоптали ягнят. То же делают и утром до ухода маток на пастбище: пусть ягнята будут от молока сытенькими. (16) Когда пройдет дней десять, навешивают кольев и к ним привязывают лыком или какой-нибудь веревочкой ягнят подалеже один от другого, чтобы они, бегаая целый день вместе, как-нибудь не ободрали себе в таком нежном возрасте членов. Если ягненок не берет материнского вымени, его нужно подтолкнуть к нему, смазать ему губы коровьим маслом или свиным салом и дать почувствовать на губах вкус молока. Еще через несколько дней им перед уходом на пастбище и когда они возвращаются, бросают молотой вики или нежной травы. (17) Так их воспитывают, пока им не исполнится четырех месяцев. Некоторые в это время маток не доят; еще лучше поступают те, кто не доит их вовсе, потому что тогда они принесут и больше шерсти, и больше ягнят. Отлучив ягнят от маток, надо всячески стараться, чтобы они не зачахли от тоски. Их следует ублажать хорошим кормом и следит, чтобы они не страдали от холода и зноя. (18) Погнать ягненка в стадо можно только тогда, когда он забудет вкус молока и перестанет тосковать по матери.¹⁵ Холостить ягнят следует не моложе пяти месяцев, и не раньше, чем сломаться жары или холода.¹⁶ Баранчиков, которых желательно оставить, выбирают из приплода от маток, которые обычно ягнятся двойнями.¹⁷ Таким же в основном будет уход и за „одетыми овцами“, каковы тарентские и аттические, которых, по причине

превосходного качества их шерсти, покрывают кожами, чтобы шерсть не пачкалась; а то ее нельзя будет ни выкрасить как следует, ни вымыть, ни обстричь.¹⁸ (19) За чистотой их ясель и хлевов следят старательнее, чем у простых овец. Хлевы вымывают камнем, чтобы нигде не застаивалась моча. Им задают их любимого корма: смоковничных листьев, мякины, виноградных отжимков, отрубей, но в меру, чтобы не держать их впроголодь и не перекормить: то и другое вредит питанию тела, а содействует ему больше всего бобовник и „мидийская трава“: от них овцы очень быстро жиреют, и у них появляется молоко.¹⁹

(20) «Много есть наставлений относительно их здоровья; они, как я сказал, имеются в записи у старшего пастуха, и он берет с собой что нужно для лечения. Остается сказать о числе овец в стаде; у одних хозяев оно больше, у других меньше: тут нет естественного предела. Мы в Эпире почти все делаем так, чтобы при сотне простых овец держать одного человека, а при сотне „одетых“ — двоих».

3

Коссиний говорит ему: «Хватит, поблел наш Фавстул; послушай от меня, запоздалого Гомерова Меланфия,¹ о козах и научись, как говорить кратко. Кто хочет составить козье стадо, должен при выборе животных обращать прежде всего внимание на возраст: пусть покупает козу, которая может уже принести приплод, и притом такую, которая будет приносить его в течение долгого времени: молодая коза выгоднее старой. (2) Что касается их экстерьера, то смотри: пусть они будут крепкие, крупные, легкие, с густым волосом, если они, конечно, не из бесшерстных (козы ведь бывают двух пород), с двумя висюльками под мордой — такие козы плодovitее, с большим выменем, чтобы и молока давали они много, и было оно соответственно жирное. Козла выбирай с волосом помягче, лучше всего белой масти, с небольшим загривком, короткой шеей и длинной бородой.² Стадо окажется лучше, если оно куплено с одного двора, а не набрано отовсюду.³ (3) О породе я скажу то же самое, что Атик сказал об овцах; разница только в том, что овцы по природе своей более медлительны и кротки: козы, наоборот, гораздо живее. О быстроте их Катон в своих «Началах» пишет так: «На Соракте и Фисцелле есть дикие козы, которые прыгают со скалы больше чем на 60 футов».⁴ Овцы, которых мы кормим, произошли от диких овец, как и козы, которых мы содержим, произошли от диких коз; по ним один остров вблизи Италии называется Капрасия.⁵ (4) Козлов на племя оставляют преимущественно от коз хорошей породы, которые приносят двойни. Некоторые стараются обзавестись козами с острова Мелии,⁶ так как считается, что козлы там самые крупные и красивые.

(5) «Что касается продажи, то правила здесь иные и практика другая, потому что ни один здравый человек не пообещает, что его козы здоровы: не бывает так, чтобы у них не было лихорадки. Договариваются о них, с небольшими пропусками по формуле, составленной Манилием: ⁷ „ручаешься ли, что эти козы сегодня в хорошем состоянии, могут пить и что сделка может состояться на закону?“. Об удивительном явлении пишет Архелай: несколько любознательных пастухов говорили ему, будто козы дышат не ноздрями, как остальные животные, а ушами.⁸

(6) «Что касается остальных четырех пунктов, то об их содержании я скажу следующее: лучше, если хлев у них смотрит на зимний восток: коза — животное зябкое. Хлев этот следует, как обычно, вымостить камнем или кирпичом, чтобы не было ни грязи, ни сырости. Если приходится ночевать вдали от дома, то загоны должны быть обращены в ту же сторону и устланы ветвями, чтобы козы не перепачкались.⁹ На пастбище за этими животными смотрят почти так же, как за овцами, хотя у коз вкусы свои, особые: лугам они предпочитают лесные чащи, (7) тщательно объедают полевые кусты, а в местах возделанных опщипывают посадки. Свое имя „саргае“ они и получили от слова „сарреге“. Поэтому в договоре об аренде имения обычно оговаривается, чтобы съемщик не смел пасти в имении козьего потомства. Их зубы губят посевы, хотя астрологи и пустили их на небо, исключив, однако, из круга двенадцати светил: двое Козлят и Коза находятся недалеко от Телца.¹⁰

(8) «Теперь, что касается разведения коз. В конце осени козлов с поля из стада загоняют в хлевы; то же указано было и по поводу баранов. Коза, зачав, обьягнится через четыре месяца, по весне.¹¹ Козлят, когда им станет по три месяца, пускают в стадо. Что сказать мне о здоровье тех, кто никогда не бывает здоров? Одно разве: у старших пастухов есть записи о том, какими лекарствами пользоваться при некоторых заболеваниях и ранениях: раны у них явление обычное, так как они дерутся рогами и пасутся в колючем кустарнике.

(9) «Остается сказать об их числе: козье стадо должно быть меньше овечьего, потому что козы — животные резвые и рассыпаются в разные стороны; овцы, наоборот, собираются стадом и сбиваются в одно место. Поэтому в „Галльском поле“¹² предпочитают иметь стад больше, но маленьких; в больших стадах часто появляются такие повальные заболевания, что все стадо гибнет.

(10) Штук пятьдесят коз считается достаточно большим стадом. Мнение это подтверждается случаем с римским всадником Габерием. У него под Римом была тысяча югеров земли, и от одного козопаса, пригнавшего в Рим десяток коз, он услышал, что он заработал на них от каждой по динарию в день. Габерий собрал тысячу коз в расчете, что он получит с имения в день тысячу динариев. Обманулся он очень: все козы вскоре заболели и

погибли.¹³ В Саллентинской области и под Казином держат стада голов в сто.¹⁴ Такое же несогласие и относительно козлов и коз: одни, как например я, держат одного козла при десяти козах, другие, как Менат, одного при пятнадцати: некоторые, как Муррий, — даже при двадцати.¹⁵

4

«Кто выйдет из гавани родной, итальянской, и расскажет о свиньях? Само прозвище, впрочем, указывает, что говорить о них надлежит скорее всего Скрофе».¹ — «По-видимому, ты не знаешь, — говорит Тремеллий, — почему я называюсь Скрофой. Пусть же благодаря тебе и они об этом узнают. Да будет тебе известно, что род мой получил свое прозвище не от свиней, и я не происхожу от Эвмея.² Первым, кого прозвали Скрофой, был мой дед. Он служил квестором у претора Лициния Нервы в Македонии, и тот оставил ему до своего возвращения командование войском. Враги, рассчитывая, что вот им случай одержать победу, стали теснить лагерь. (2) Дед, уговаривая воинов взять оружие и выйти на врага, сказал, что он быстро, как свинья поросят, разбрасает врагов, что и сделал. В этом сражении он разбил врага наголову и прогнал его, так что претор Нерва за это дело получил титул императора, а дед мой нашел себе прозвище и стал называться Скрофой. Ни прадед мой, ни прочие предки мои из Тремеллиев не назывались Скрофами, а я ведь в нашем роду седьмой подряд преторий.³ Я не отказываюсь, впрочем, рассказать о свиньях что знаю. (3) С раннего возраста я прилежно занимался хозяйством, а свиньи и для меня, и для вас, великие скотоводы, предмет одинаково близкий. Кто из нас хозяйничает в имении так, чтобы не иметь свиней, и кто не слышал, как отцы наши называли лентяем и мотом человека, у которого в кладовке висела ветчина от мясника, а не из собственного имения?

«Итак, кто хочет иметь хорошее свиное стадо, тот должен выбрать свиней, во-первых, хорошего возраста, а во-вторых, хорошего экстерьера (т. е. с крупными статьями, за исключением головы и ног), лучше одномастных, чем пестрых. Пусть такими же приметами обладают и кабаны, только шея у них должна быть толстая.⁴ (4) О хорошей породе свиньи судят по ее виду, по ее потомству и по ее родине: видом свинья и кабан должны быть красивы, потомство должно у них быть многочисленное, родива находиться в тех местах, где водятся свиньи крупные, а не мелкие. (5) Покупают их обычно по такой формуле: „ручаешься ли ты, что эти свиньи здоровы, что ими можно владеть по праву, штрафа за них не полагается⁵ и взяты они не из большого скота?“. Некоторые еще добавляют: „хорошо переносили лихорадку и понос“.

«Для пастища этим животным годится место топкое, потому что они любят не только воду, но и грязь. Волки, говорят, добыв

свинью, тащат ее к воде, потому что зубы у них не в состоянии перенести температуру свиного мяса. (6) Животные эти питаются преимущественно желудями, затем бобами, ячменем, и прочим хлебом: от него они не только жиреют, но и мясо их приобретает приятный вкус. Пастись летом выгоняют их поутру и, пока еще не жарко, загоняют в тенистое место, преимущественно такое, где есть вода; после полудня, когда жара спадет, их опять пасут. Зимой выгоняют пастись не раньше, чем сойдет изморозь и растает лед. (7) Перед спариванием кабанов надо за два месяца отделить от свиной. Лучшее время для случки от фавония до весеннего равноденствия; свиные хорошо опороситься летом: она ходит супоросой четыре месяца и опоросится тогда, когда земля будет изобилывать кормом. Спаривать свинок нельзя до года, а лучше подождать, пока им будет 20 месяцев, чтобы они опоросились уже в двухлетнем возрасте. Начав приносить приплод, они, говорят, дают его — и хороший — до семилетнего возраста. (8) Во время случки свиной загоняют в топкие болотистые пределы, чтобы они валялись в топях: это у них так же восстанавливает силы, как у человека мытье. Когда все свиные зачнут, кабанов опять надо отделить. Кабан начинает покрывать самку с восьмимесячного возраста и остается в силе до трех лет; затем силы его идут на убыль, пока он, наконец, не попадет к мяснику: это ведь посредник между свиной и народом.

(9) Свиная по-гречески называется *ὄβρις*; когда-то называли ее *ὄβρις*, от слова *ὄβρις*, что значит „приносить в жертву“. Первыми животными, которых стали приносить в жертву, были, по-видимому, свиные; следы этого видны в том, что на мистериях Цереры приносят в жертву свиному; при заключении мира и союза убивают свиному; у древних царей и знатных мужей в Этрурии брачная церемония начиналась с того, что новобрачные приносили в качестве своей первой жертвы свиному.⁶ (10) Древние латины, а также греки в Италии делали, по-видимому, то же самое. И у нас женщины, главным образом кормилицы, называют у девушек признак их пола „свиной“, гречанки зовут его „поросенком“, имея в виду указание на брак. Свиные, говорят, самой природой предназначены для пиршеств; им и душа дана вместо соли, чтобы сохранять мясо.⁷ Лучшие и самые большие свиные окорока делают галлы. Вот доказательство, что они превосходны: и сейчас еще ежегодно из Галлии привозят в Рим комацинскую и каварскую ветчину и грудинку. (11) О величине галльских окороков Катон пишет такими словами: „в Италии инсубры заготавливают по три-четыре тысячи окороков; к весне свиные у них настолько заплывает жиром, что не может уже сама ни держаться на ногах, ни ходить. Если хозяин хочет переправить куда свиной, то он кладет их на телегу“.⁸ Атилий, испанец, человек очень правдивый и осведомленный во многих научных вопросах, рассказывал, что в Западной Испании, в Лузитании за-

кололи свињю и послали от нее сенатору Л. Волумнию⁹ кусок мяса с двумя ребрами; он весил 23 фунта; у этой свињи от кожи до костей было фут и три пальца. (12) «Мне, — говорю я, — в Аркадии рассказывали вещь не менее удивительную; я знаю, что я пошел поглядеть на свињю, которая от толщины не только не могла встать, но в теле ее землеройка, выев мясо, устроила себе гнездо и вывела детенышей. Слышал я, что то же случилось и в Венеции».¹⁰

(13) «Плодовитую свињю узнают, пожалуй, уже по первому помету, так как следующие не будут много отличаться от первого. Выращивают поросят (уход за ними называется „porculatio“) таким образом: в течение двух месяцев их оставляют при матках; затем, когда они уже могут пастись, отделяют. Поросята, родившиеся зимой, будут хилыми вследствие холодов и потому что матки гонят их от себя: молока у них мало, и поросята ранят им вымя зубами. Каждая матка должна кормить только своих поросят в своем закутке; чужих она не отгонит, а если свои и чужие поросята будут без разбора сосать ее, то она станет менее плодовитой. (14) Природа разделила им год пополам: свињя поросится дважды в год; четыре месяца она ходит супоросой и два кормит поросят. Закутку следует делать высотой фута в три, а шириной немного более; такой высоты от земли, чтобы супоросая свињя, если пожелает выскочить, не скинула бы. Высота должна быть такой, чтобы свинар мог легко оглядеть сверху, не придавила ли матка поросенка, и чтобы ему легко было вычистить логово. В закутках должна быть дверь и порог высотой в один фут с ладонью, чтобы поросята не могли перескочить через него, когда мать выходит из закутка. (15) Свинар, чистя закутки, должен всякий раз набросать в каждую закутку песок или чего другого, что впитывает влагу. Когда свињя поросится, силы ее надо поддерживать пищей, более обильной, чтобы она легче могла дать много молока. Им обычно дают около двух фунтов ячменя, размоченного в воде; некоторые, если нет ничего другого, эту порцию удваивают и дают ячмень утром и вечером.¹¹ (16) Поросят, отнятых от матки, некоторые называют „delici“;¹² они уже не именуются „сосунками“. Сосунки на десятый день почитаются чистыми, почему в старину и назывались „sacres“: только с этого возраста, говорят, они уже годились для жертвоприношений. Поэтому у Плавта в „Менехамах“ одно действующее лицо, сочтя другого за сумасшедшего и думая, что ему для исцеления следует принести жертву (дело происходит в городе Эпидамне), спрашивает: „почем у вас тут porci sacres?“¹³ Если именование может доставить виноградные вижимки и веточки от проздьев, то обычно им это и дают. (17) Утратив имя „сосунков“, поросята начинают называться „nefrendes“, потому что не могут еще „трощить“ (frendere), т. е. разгрызть бобов. „Porcus“ — слово греческое и уже темное; теперь

говорят „choeros“.¹⁴ Когда свиньи опоросятся, их стараются поить дважды в день ради молока. Говорят, свинья должна принести столько поросят, сколько у нее сосков; если принесет меньше, значит она недостаточно плодovита, если принесет больше, то это что-то предвещает. (18) Записано такое древнейшее предзнаменование: свинья Энея в Лавинии принесла 30 белых поросят. Предзнаменование это исполнилось: через 30 лет жители Лавинии основали город Альбу.¹⁵ Память об этой свинье и поросятах сохранилась и посейчас: медные изображения их и сейчас выставлены в общественных местах, а тело свиньи, лежащее в рассоле, показывают жрецы. (19) Первоначально свинья может кормить восемь поросят; когда они подрастут, то опытные хозяева обычно убирают половину их, потому что у свиньи не хватит на всех молока и весь помет не сможет вырасти и окрепнуть. Первые десять дней после опороса матку выводят из закутка только напиться. Через десять дней ее выпускают пастись поблизости от усадьбы, чтобы она могла часто возвращаться и кормить поросят. (20) Когда они подрастут, им позволяют следовать за матерью на пастбище, а дома их отделяют от маток и кормят отдельно, чтобы они отвыкли от матери-кормилицы; за десять дней это достигается.

«Свинарь должен приучить стадо делать все по трубному сигналу. Запертым двери открывают по звуку трубы; пусть выходят к тому месту, где длинной полосой рассыпан ячмень: так его пропадет меньше, чем если его насыпать кучей, и к нему легче подойти большему количеству поросят. Говорят, что их созывают трубным сигналом затем, чтобы, разбредшись по лесам, они не потерялись».¹⁶

(21) «Холостить кабанчиков лучше всего, когда им исполнится год, и во всяком случае не моложе шести месяцев;¹⁷ холостые кабанчики меняют свое название на другое: они уже не „verres“, а „maiales“.

«Что касается здоровья свиней, то я, примера ради, приведу только один совет: если у свиньи не хватает молока для сосунков, то следует им до трехмесячного возраста давать поджаренной пшеницы (от сырой расстраивается желудок) или вымоченного в воде ячменя. (22) Что касается числа, то считают, что на стадо в сто свиней достаточно десяти кабанов; некоторые еще уменьшают это число. Стада держат по величине неодинаковые: я считаю средним стадо в сто штук; некоторые это число увеличивают и держат стадо в полтора-два штуки. Стадо поросят некоторые удваивают; другие собирают стадо еще большее. На меньшее стадо надо меньше и тратиться, потому что свинарю требуется меньше подпасков. Потому хозяин устанавливает величину стада, сообразуясь со своей выгодой, а не с числом кабанов, которое у него имеется; его надо брать, сообразуясь с природой».¹⁸

Он кончил. Вошел Квинт Луциен, сенатор, человек светский и остроумный, общий наш друг. Χαίρετε, — говорит, — сограждане-эпироты: Скрофу и нашего Варрона, Ποιμένα Λαῶν, я приветствовал уже утром.¹ Один с ним поздоровался, другой стал бранить за то, что он так опоздал к условленному часу. «Я еще увижу вас, болтунов, — сказал Луциен, — подам вам на расправу и свою кожу и бич. Ты же, Муррий, побудь рядом, пока я уплачу Ларам свой асс: если они предъявят потом ко мне требования, ты сможешь выступить свидетелем».² Атик обратился к Муррию: «Расскажи ему, о чем тут шла речь и о чем еще осталось поговорить, чтобы он явился готовым к выступлению; а мы тем временем начнем второй акт о крупном скоте». — «Ну, — говорит Вакций, — раз тут коровы, то выступаю я».³ Я выложу о крупном рогатом скоте все, что узнал; пусть невежда поучится, а человек сведущий последит, чтобы я где-нибудь не оступился». — «Смотри, — говорю я, — Вакций! (3) Бык среди скота должен занять главное место, особенно в Италии, которая, считается, и свое имя получила от быков. В древней Греции, пишет Тимей, быков звали „itali“; страну нашу и называли Италией за множество прекрасных быков и обилие телят. Другие пишут, что Геркулес пригнал из Сицилии превосходного быка, который назывался „italus“. Бык — помощник людям в сельских трудах и слуга Цереры. (4) Поэтому в древности никто не смел наложить на него рук: убийца быка считался уголовным преступником. Об этом свидетельствует Атика, свидетельствует Пелопоннес. Благодаря этому животному прославился в Афинах Бузиг, в Аргосе Бомагир».⁴ — «Я понимаю, — говорит Вакций, — все величие быков и знаю, что по ним названо многое, например, „busycos“, „bupais“, „bulimos“, „booris“: есть и сорт винограда „bumamma“. (5) А кроме того, я знаю, что именно в быка пожелал обратиться Юпитер, когда, влюбившись в Европу, перевез ее через море из Финикии; что бык спас сыновей Нептуна от Меналиппы и не дал коровьему стаду растоптать детей в хлеву; что, наконец, из бычьего разложившегося трупа рождаются сладчайшие пчелы, матери меда, почему греки и зовут их „bugenes“; что извещение, полученное в Риме, было произнесено быком по-латыни лучше, чем говорит претор Гиррий. Будь спокоен, я удовлетворю тебя не меньше, чем автор „Бугоний“».⁵

(6) «Первое: крупный рогатый скот размещается по четырем возрастным ступеням: на первой стоят телята, на второй — подтелки, на третьей — молодые животные, на четвертой — старые. На первой и второй ступенях различают бычка и телушку, на третьей и четвертой быка и корову. Яловая корова называется „taura“, стельная — „horda“. Дни, когда в жертву приносят стельных коров, и называются поэтому в календаре „hordicidia“».⁶

(7) «Тот, кто хочет приобрести стадо крупного скота, должен соблюдать следующие правила: во-первых, его коровы должны быть в том возрасте, когда они в силах давать приплод, а не в том, когда они уже перестали телиться; хорошего сложения, с неповрежденными членами, длинные, крупные, с черноватыми рогами, широким лбом, большими черными глазами, волосатыми ушами, узкой мордой, чуть курносые, не горбатые, со спиной, слегка вогнутой, с широкими ноздрями, губами черноватого цвета, (8) с толстым и длинным загривком, свисающим подгрудком, с хорошим костяком, широкими плечами и хорошими бедрами, с репицей до копыт, окачивающейся густой, чуть вьющейся метелкой; с голеньями скорее короткими и прямыми, с коленями выпуклыми, не соприкасающимися; с копытами неширокими, которые на ходу не выворачиваются в разные стороны. Половинки их не должны глядеть врозь, должны быть ровными и гладкими; кожа на ощупь — не жесткой и не твердой. Масть лучше всего черная, потом красная, на третьем месте стоит светло-желтая, на четвертом белая. Животные этой масти самые нежные и слабые, черной — самые выносливые. (9) Из двух средних мастей первая лучше второй; животные этих обеих окрасок встречаются чаще, чем черные и белые.⁷ Кроме того, быки должны быть хорошей породы; надо принимать во внимание их экстерьер: потомство будет внешнестью походить на родителей. Важно также, из какого места они происходят; в Италии хорошая порода рабочего скота обычно галльская; лигурийская — ничего не стоит. (10) Из заморского скота эпирский не только самый лучший во всей Греции, но он лучше даже итальянского.⁸ Некоторые, впрочем, говорят, что итальянский стоит на первом месте потому, что он крупный; итальянских быков выбирают в жертву богам и берегут для умиловительных молебствий. Они, несомненно, предпочтительнее при священнодействиях: и цвет, и размеры сообщают им особую величавость, тем более что белый скот в Италии встречается не так часто, как во Фракии у *Μέλαινα κόλπου*, где другая масть редка.⁹ Объяженных волов мы покупаем по такой формуле: „ты ручаешься, что эти волы здоровы и штрафа за них не полагается?“; (11) необъяженных по такой: „ручаешься ли, что эти бычки вполне здоровы, происходят от здорового скота и штрафа за них не полагается?“. Мясники, покупая волов на зарез, следуют формуле Манилия, более многословной; при покупке для жертвоприношения здоровье жертвы обычно не оговаривается.¹⁰

«Крупный рогатый скот лучше всего пасти в лесах, где много листвы и кустарников; когда он перезимует у моря, его летом выгоняют в горы, богатые травой. (12) Что касается разведения этих животных, то я соблюдаю следующее: за месяц до случки не позволяю ни пить, ни есть вдоволь, ибо считается, что тощие коровы легче зачинают. С быками наоборот: за два месяца до случки

я начинаю их откармливать травой, мякиной и сеном и отделяю от коров. Быков у меня столько, сколько у Аттика: на 70 маток два — один годовалый, другой двухлетка. Делать это я начинаю перед восходом светила, которое греки называют „Лирой“, а мы „Fides“,¹¹ (13) и только тогда пускаю быков в стадо. О том, зачала корова бычка или телушку, можно судить по тому, как сырыгнет с коровы бык: если бычка, он сойдет на правую сторону, если телушку, то на левую. Почему это так, — говорит он мне, — поймете вы, читающие Аристотеля.¹² Не следует спаривать телок до двухлетнего возраста; пусть они отелятся трех лет, а еще лучше четырех. Большинство коров дает приплод до десятилетнего возраста, а некоторые и позже. Самый подходящий для зачатия период — это сорок или сорок с лишним дней после восхода Дельфина.¹³ Зачавшие в это время отелятся при самой мягкой погоде; коровы ведь ходят стельными 10 месяцев. (14) Я читал об одном удивительном явлении: если у быка убрать ядра и тотчас же припустить его, то корова зачнет.¹⁴

«Стельных коров следует пасти по местам, обильным водой и травой. Нельзя, чтобы они стояли в тесноте, бодались или гонялись одна за другой. А так как летом их обычно тревожит овод, а под хвостом у них заводятся какие-то мелкие насекомые, то некоторые обычно держат их в хлевах, чтобы ничто их не тревожило. Подстилать им надо листьев или еще чего, чтобы им было мягче. Летом их гоняют на водопой дважды, зимой один раз. (15) Во время отела держать около хлевов свежий корм, чтобы они могли, выйдя, его отведать: они в это время привередливы. Надо заранее позаботиться о том, чтобы там, где они живут, не было холодно: от стужи и голода они начинают чахнуть.

(16) «Выкармливают и ухаживают за молодняком так. Сосункам нельзя спать с матками, а то они их затопчут; их надо подпускать к коровам поутру и когда те вернутся с пастбища. Когда телята подросли, то коровам следует облегчить труд вскармливания, закладывая им в ясли зеленого корма. Коровники, как и все почти хлевы, надо замащивать камнем или чем другим, чтобы копыта у животных не гнили. С осеннего равенства телята пасутся вместе со своими матерями.

(17) «Холостить бычков не следует раньше двух лет: если ты поступишь иначе, то они с трудом поправятся, если же охолостить их позже, они будут упрямы и ни к чему не годны. Так же как и в остальных стадах, в коровьем надо производить ежегодный отбор и убирать негодных животных, потому что они только занимают место тех, от которых можно получить приплод. Если у коровы пропал теленок, то к ней надо подпускать тех телят, которым не хватает молока от своих маток. Полугодовальным телятам дают пшеничные отруби, ячную муку, нежную траву и следят, чтобы они пили утром и вечером.

(18) «Что касается здоровья этих животных, то из книг Магона выписано много советов, и я слежу, чтобы мой скотник эти выписки часто почитывал.¹⁵ Быков и коров следует держать в таком соотношении: на 60 коров одного годовалого быка и одного двухлетнего. У некоторых коров больше, у некоторых меньше: у Аттика, например, на 70 коров два быка. Величина стада у разных хозяев разная: некоторые, я например, считают средним стадо в 100 голов; у Аттика в стаде 120 голов и у Луциена также».¹⁶

6

Он кончил. Муррий который, пока говорил Вакций, вернулся с Луциеном, сказал: «Мне лучше всего рассказывать об ослах, потому что я сам из Реате, где ослы самые лучшие и красивые. Я выращивал здесь жеребят этой породы и неоднократно продавал их самим аркадцам.¹ (2) Итак, кто хочет завести хорошее стадо ослов, прежде всего должен приобрести самцов и самок в цвете лет, чтобы те и другие могли давать приплод как можно дольше; крепких, хороших по всем статьям, крупного телосложения, хорошей породы, из тех мест, где водятся самые лучшие; так делают пелопоннесцы, когда покупают ослов преимущественно из Аркадии, а в Италии — из Реатинской области.² Ведь если мурены-„поплавки“ лучше всего около Сицилии, а осетры у Родоса, то это не значит, что эти рыбы будут подряд одинаковы во всяком море.³ (3) Есть два вида ослов: дикие, которых зовут „онаграми“, многочисленные стада их встречаются во Фригии и в Ликаонии,⁴ и домашние — таковы все ослы Италии. Как производитель онагр хорош:⁵ он легко становится из дикого ручным, а ручной уже никогда не одичает. Так как потомство похоже на родителей, то надо выбирать самца и самку достойного вида. При покупке они, как и остальные животные, меняют хозяина путем купли и передачи; тут осведомляются обычно об их здоровье и о том, не придется ли за них платить штрафа. (4) Кормить их хорошо „полбой“ и ячными отрубями. Случают их перед летним солнцестоянием, чтобы выжеребка приплась на другой год в то же самое время: ослица производит на свет зачатый плод на двенадцатый месяц. С жеребых ослиц работу слагают, так как если матка работает, то осленок родится плохой. Самца не освобождают от упряжки, потому что от перерыва в работе он слабеет. При выжеребке соблюдают те же правила, что и для кобылиц. Ослят до года не отнимают от матери. На следующий год им позволяют на ночь оставаться вместе и некрепко привязывают длинным недоуздом или чем другим. По третьему году начинают объезжать, приучая к тому делу, на которое желательно их употребить. (5) Остается сказать о количестве их. Стад из ослов не составляют (вьючные ослы составляют исключение), потому что большинство их распределяют по мельницам

и полевым работам; им приходится возить, а иногда даже и пахать там, где земля легкая, как в Кампании.⁶ Стада составляют обычно торговцы, например те, которые из Брундзийского округа или Апулии везут к морю на вьючных осликах масло, вино, а также зерно или еще что-то другое».⁷

7

Луциен: «Вот я,— говорит,— сейчас отодвину засовы и начну выпускать лошадей, не только жеребцов-производителей, которых я держу, как Аттик, по одному на десять кобылиц. Кв. Модий Эквикул,¹ человек доблестный, сын военного, ценил кобылиц наравне с жеребцами. Те, кто желает иметь такие табуны кобылиц и жеребцов, какие имеются у некоторых в Пелопоннесе и Апулии, прежде всего должны обращать внимание на возраст лошадей. Правила здесь такие. Мы посмотрим, чтобы лошадь была не моложе трех, не старше десяти лет. (2) Возраст у лошадей и у всех животных с неразделенными копытами, да и у рогатого скота узнается таким образом: лошадь, говорят, в тридцатимесячном возрасте впервые теряет средние зубы: два верхних и два нижних. Когда ей пойдет четвертый год, она таким же образом сбрасывает столько же зубов, находившихся рядом с теми, которые у нее перед тем выпали; у нее начинают расти так называемые «колонки». В начале пятого года она таким же образом теряет два зуба; на выросших вновь имеются впадины, которые заполняются по шестому году; на седьмом у лошади все зубы новые и ровные.² Если лошадь старше, то, говорят, возраста и определить нельзя; только в том случае, если зубы у нее стали выдаваться, ресницы поседели, а под глазами появились впадины, можно считать, что этой лошади 16 лет.

(4) «Что касается экстерьера, то лошадь должна быть средней величины, не очень рослой, но и не маленькой; у кобылы живот и бедра должны быть широкие. Жеребцов, которых ты хочешь иметь в качестве производителей, следует выбирать крупного телосложения, красивых, таких, чтобы у них все статьи были соразмерны. (5) Уже по жеребенку можно судить о том, какой будет взрослая лошадь: голова у него небольшая, члены пропорциональны, глаза черные, ноздри неузкие, прижатые уши, густая темная грива, с волосами, слегка вьющимися и тонкими, ниспадающая на правую сторону шеи; грудь широкая и выпуклая, плечи широкие, живот небольшой, бедра, суживающиеся книзу, лопатки широкие, спина лучше всего „двойная“ и во всяком случае не торчащая, хвост пышный, с волосом, слегка вьющимся; голени прямые, ровные, обращенные скорее внутрь, колени круглые, небольшие, копыта твердые; по всему телу у него должны идти вены, которые видно; такую лошадь, если

она заболела, удобно лечить.³ (6) Очень важно, какого лошадь корня; лошадиных пород ведь много. Породистые лошади и именуются по их родине. В Греции фессалийские — по Фессалии;⁴ в Италии апулийские — по Апулии, розейские — по Розее. Вот признаки будущего хорошего коня: на пастбище он состязается в беге или в чем другом со своими товарищами, не одолевает их; если табуна надо переправиться через реку, он идет среди первых и не оглядывается на остальных. Лошадей покупают так же, как коров и ослов: они меняют хозяина при соблюдении предписаний Манилиевой формулы.⁵

(7) «Лошадей следует пасти преимущественно на лугах, а в стойлах класть по яслям сухое сено; ожеребившимся кобылам подбавлять ячменя и дважды в день давать воду. Случать лошадей следует с весеннего равноденствия и до летнего солнцестояния, чтобы выжеребка пришлась на хорошее время; жеребята, говорят, появляются на свет через 12 месяцев и 10 дней. Родившиеся позже болезненны и никуда не годны. (8) Припускать жеребца, когда придет время, следует дважды в день, утром и вечером, с помощью конюха. При его содействии жеребец скорее покроет привязанную кобылу и не потеряет, напрасно ярясь, семени. Кобылицы сами покажут, когда жеребца им больше не требуется: они начнут отбиваться. Если жеребец не хочет покрыть кобылу, то берут сердцевину морского лука, растирают ее с водой до густоты меда и обтирают этим кобылью петлю, когда кобыла в охоте; ноздри жеребца обтирают тем, что оттуда течет.⁶ (9) Следует запечатлеть в памяти одно происшествие, хотя оно и невероятно. Нельзя было заставить жеребца покрыть мать; конюх обвернул ему голову и заставил соединиться с матерью; когда жеребец спрыгнул и конюх развязал ему глаза, жеребец бросился на него и закусал до смерти.⁷

(10) «Когда кобылицы понесли, надо следить, чтобы они не работали слишком и не стояли в холодном месте, потому что стужа жеребым особенно вредна. Нельзя, чтобы в стойлах земля была сырой; дверь и окна надо держать закрытыми, а кобылиц отделить одну от другой от самых ясель длинными жердями: нельзя, чтобы они дрались. Жеребую кобылу не следует ни перекармливать, ни оставлять ее голодной. (11) У хозяев, которые случают кобылиц через год, они, говорят, долговечнее, и жеребята у них лучше: нивы, засеваемые без перерыва, истощаются, так и животные, ежегодно жеребею.

«Через десять дней после рождения жеребят вместе с матками выгоняют на пастбище, чтобы нежные копытца не обжигало навозом. Когда жеребятам исполнится пять месяцев, то им, по возвращении в стойла, задают ячной муки с отрубями, а также любимых растений, которые они охотно едят. (12) Когда им исполнится год, им следует давать ячмень и отруби до тех пор, пока

они сосут маток. Отлучать их не следует до двухлетнего возраста; пока они еще при матках, с ними следует иногда заниматься, чтобы, оставшись без маток, они не стали пугливы. Во избежание этого же в стойлах вешают уздечки: пусть жеребята приучаются к их виду и позвякиванию. (13) Когда они привыкнут подходить к человеку, то следует два-три раза плашмя положить на них мальчика, а потом уже посадить его верхом. Так обращаются уже с лошадыю-трехлетней; в это время она особенно хорошо растет, а мускулы ее крепнут. Некоторые говорят, что можно обьезжать уже полуторагодовалого жеребенка; лучше, однако, приниматься за это, когда лошади уже три года; с этого времени ей начинают давать farrago.⁸ Прочистка ею для лошадей особенно необходима. Есть farrago лошадь должна в течение десяти дней, причем нельзя позволять, чтобы она отведала какого-нибудь другого корма. (14) С одиннадцатого дня и по четырнадцатый надо давать ячмень, понемногу ежедневно прибавляя; сколько дашь в четвертый день, на том и оставайся в ближайшие десять. С этого времени лошадь начинают в меру упражнять; когда она вспотеет, ее растирают маслом. Если наступят холода, то в конюшне разводят огонь.

(15) «Лошади годятся одни для войска, другие для извоза, третьи как производители, четвертые для бегов. Их должно различать и обращаться с ними надо по-разному. Человек, опытный в военном деле, выбирает других лошадей и по-другому кормит и обучает их, чем возница, правящий четверней, и наездник; тот, кто хочет иметь лошадей, которые ходили бы под седлом и в реде,⁹ выберет иных, чем те, которые годны для военной службы; воины хотят иметь лошадей горячих; путешественники предпочитают спокойных.¹⁰ Поэтому к холощению коня относятся очень по-разному. По удалении ядер он становится спокойнее, так как лишен семени. Холощенных жеребцов называют меринами; холощенных кабанов — боровами; петухов — каплунами.

(16) «Что касается лечения, то болезни лошадей имеют множество признаков и существует множество способов их лечить. Запись об этом должна находиться у пастуха. Ветеринары в Греции поэтому и называются преимущественно ιππίατροι.¹¹

8

Пока мы говорили, приходит от Мената отпущенник, чтобы сказать, что жертвенные лепешки испечены и все для жертвоприношения готово; если угодно, пусть идут туда и принесут сами за себя жертву.¹ А я говорю: «Я не позволю уйти вам прежде, чем вы мне поставите третий акт о мулах, собаках и пастухах». — «Речь о них короткая, — говорит Муррий, — и мулы, и лошаки происходят от двух пород и растут не от собственного корня, а от привитого: от кобылы и осла родится мул, а от же-

ребца и ослицы лошак. (2) Тот и другой приносит пользу, но потомства не дают. Только что родившегося осленка подпускают к кобыле; от ее молока ослята становятся крупнее, потому что кобылье молоко, говорят, питательнее ослиного. Кроме того, осленка воспитывают на мякине, сене и ячмене. Угождают и приемной матери, чтобы кобыла могла послужить осленку и вскормить его своим молоком. Осла, воспитанного таким образом, можно припускать уже с трехлетнего возраста; им не станут пренебрегать, потому что лошади к нему привыкли. (3) Если ты станешь припускать его в возрасте более молодом, то он и сам скорее состарится, и потомство от него будет хуже. Если у хозяина нет осла, вскормленного кобылой, а он желает иметь осла-производителя, то можно выбрать очень крупного и очень красивого осла хорошей породы — аркадского, по мнению наших предков, а по нашему собственному опыту, реатинского; в тех местах таких производителей продавали часто за 30 и за 40 тысяч. Покупка ослов происходит с соблюдением тех же формальностей, что и покупка лошадей. (4) Мы кормим их преимущественно сеном и ячменем и перед случкой задаем корму обильнее, чтобы подбавить им сил; спариваем их в то время, что и жеребцов, и приставляем конюхов следить за случкой. Когда кобыла ожеребится мулом — жеребчиком или самкой, вскормим и вырастим их. (5) У мулов, родившихся в болотных и сырых местах, копыта мягкие; если их летним временем угонять в горы, как это делается в Реатинском округе, то копыта у них очень отвердевают. При покупке табуна мулов следует обращать внимание на их возраст и на их экстерьер: первое важно потому, что они должны выносить трудности переездов, а второе потому, что им следует радовать глаз своим видом. Все повозки по дорогам везут эти животные, запряженные парой». — (6) «Ты бы согласился со мной реатинцем, — говорит он мне, — если бы ты не держал у себя дома табунами кобылиц и не распродал табунами мулов. Лошаком называется порождение жеребца и ослицы, он меньше мула, обычно рыжеватой масти, уши у него, как у лошади, грива и хвост, как у осла. Носит его кобыла 12 месяцев, как и жеребенка. Их и воспитывают, и кормят, как жеребят, и возраст их узнают по зубам».²

9

«Остаются, — говорит Аттик, — из четвероногих только собаки. Вопрос этот касается главным образом нас, владельцев шерстного скота. Собака является стражем этого скота: он нуждается в ней, как в спутнике и защитнике. Это относится прежде всего к овцам, а затем к козам. Этих животных обычно хватает волк, и против него мы и выставаем как защитников собак. В свином стаде есть кому защищать себя; это сделают и кабаны.

и боровы, и матки: они ведь близко стоят к диким кабанам, которые в лесах часто убивают собак клыками. (2) Что сказать о крупном скоте? Я знаю про одно стадо мулов: когда они паслись и к ним подошел волк, мулы сами стали в круг и ударами копыт забили волка до смерти. Быки становятся, наоборот, зад к заду и рогами легко прогоняют волков. А так как собак два вида: есть собаки для охоты на диких лесных зверей и есть собаки сторожевые и необходимые для пастуха, то я расскажу об этих последних, следуя научному делению вопроса на девять частей.

(3) «Прежде всего надо приобретать собак подходящего возраста, потому что щенки и старые собаки не будут защитой ни себе, ни овцам, а иногда сами станут добычей диким зверям. Видом должны они быть красивые, крупные, с карими или серо-желтыми глазами, с симметричными поздрами, с губами черноватого или красноватого цвета, причем верхние не должны быть ни вздернуты кверху, ни свисать вниз; с короткой нижней челюстью, из которой немного торчат справа и слева два клыка; лучше, если верхние зубы растут прямо и не выдаются вперед

(4), остры и прикрыты губой; голова большая, уши большие, висячие; загривок и шея толстые; промежутки между суставами на лапах большие; бедра прямые, вывернутые скорее наружу; лапы большие и широкие, которые на ходу глядят в разные стороны, пальцы раздельные; когти твердые; кривые, подушечки не твердые, словно роговые, а вздутые и мягкие; зад поджарый; хребет не торчащий и не вогнутый; хвост толстый; лай густой и низкий, зев широкий; масть лучше всего белая, потому что ее легко различить в потемках; общий облик, как у льва. (5) Желательно, чтобы у сучек было большое вымя с ровными сосками.¹ Надо выбирать собак хорошей породы; они называются по своей родине. Есть собаки лаконские, эфирские, саллентинские.² Смотри, не покупай собак от охотников или мясников: одни ленятся идти за скотом, а другие, увидев зайца или оленя, бросятся скорее за ними, чем пойдут за овцами. Поэтому лучше собака, или купленная у пастухов и привыкшая сопровождать овец, или такая, у которой не образовалось еще никаких привычек. Собака привыкает скоро, и привычка к пастухам у нее крепче, чем к овцам.

(6) Публий Авфидий Понтиан из Амитерна купил однажды на окраине Умбрии несколько овечьих стад; с этими стадами переходили к покупателю и собаки, но не пастухи: пастухи должны были только сопровождать овец на пастбище у Метапонта и на рынок в Гераклею. Когда те, кто сопровождал стада до места, вернулись домой, то через несколько дней собаки, соскучившись по людям, по собственной воле направились в Умбрию и вернулись к пастухам, хотя дорога потребовала много дней, а пищу приходилось им добывать себе самостоятельно в полях.³ Никто из пастухов не делал того, чему учит Сазерна⁴ в своей книге о зем-

леделин: „кто хочет, чтобы собака пошла за ним следом, пусть бросит ей сваренную жабу“. Очень важно, чтобы собаки были все одной семьи: родня особенно ретиво защищает своих.⁵

(7) «Следует четвертый пункт относительно покупки: собака становится собственностью другого человека, если она передана ему прежним хозяином. Относительно здоровья и обязательства уплатить штраф дается такое же ручательство, как и при покупке скота. Делают только нужные оговорки: одни устанавливают цену за каждую собаку; другие отдают щенков вместе с матерью; у третьих пара щенят идет за одну взрослую собаку, как обычно пара ягнят идет за овцу. Большинство продает сразу собак, привыкших быть вместе.

(8) «Собачья пища более сходна с людской, чем с овечьей: собаки питаются тем же, что и люди, а также костями, а не травой и листьями. Надо очень заботиться о том, чтобы у них была еда. Голод поведет их на поиски пищи, если ее не давать, и уведет от скота, (9) хотя бы они и не дошли до того, как думают некоторые, чтобы опровергнуть старинную пословицу или воочию представить миф об Актеоне и вонзить зубы в хозяина.⁶ (10). Им надо давать ячный хлеб, но только лучше крошить его в молоко, потому что, привыкнув к этой пище, они не сбегут от стада. Нельзя позволять им есть мясо дохлой овцы: приохотившись ко вкусу мяса, они станут кидаться на овец. Им дают отвар из костей и кости из этого отвара, но только раздробленные. От костей зубы становятся крепче, а пасть шире, потому что, грызя кости, собаки сильно разевают рот; от мозга же делаются они злее. Есть днем они привыкают там, где пасется стадо, вечером — там, где оно стоит.⁷

(11) «Вязку начинают в начале весны; тогда про собак говорится, что они „catulire“, т. е. показывают, что хотят спариваться. Суки, повязанные в это время, ощенятся около летнего солнцестояния; щенными они обычно ходят три месяца. В это время лучше давать им ячный, а не пшеничный хлеб; он для них питательнее и от него больше молока.

(12) «Если щенят родилось много, сейчас же следует выбрать тех, которых ты хочешь оставить, а остальных забросить. Чем меньше ты их оставишь, тем лучше они будут благодаря обилию молока. Подстилают им мякину или что-нибудь в этом роде, потому что в мягком логове их легче выкормить. Щенки через 20 дней начинают видеть. В первые два месяца после рождения их не отбирают от матери, но постепенно от нее отлучают. Нескольким щенят вскармливают вместе; их дразнят и натравливают друг на друга: от такого воспитания они становятся злее. До усталости, однако, их не доводят, а то они разлениятся. (13) Им делают ошейники и держат сначала на легкой привязи; если они пытаются ее перегрызть, то их обычно отучают от этого побоями: пусть не привыкают. В дождливые дни логово надо устилать

листьями или травой по двум причинам: чтобы щенки не перемазались и не продрогли.⁸

(14) «Некоторые холостят собак, полагая, что тогда они не будут покидать стада; другие этого не делают, считая, что холостые собаки менее злы. Некоторые смазывают им уши и лапы между пальцами настоем тертых грецких орехов: если ты не будешь пользоваться этой мазью, то мухи, клещи и блохи искусают эти места до ран.⁹ (15) Чтобы дикие звери не могли их поранить, на собак надевают ошейники, которые называются „melium“: это кусок кожи, утыканный гвоздями со шляпками: шляпки эти обшиваются мягкой шкурой, чтобы твердое железо не натерло шеи. Если волк или какой другой зверь поранит себя об эти гвозди, то остальные собаки, хотя бы на них и не было такого ошейника, будут в безопасности. (16) Число приобретаемых собак зависит обычно от величины стада; считается, что при каждом пастухе достаточно одной собаки. Число это, однако, устанавливают по-разному: в местностях, где много диких зверей, собак должно быть больше; так обычно и бывает у пастухов, которым по лесным дальним дорогам приходится сопровождать овец на зимние и летние пастбища. При стаде же, которое пасется в имении, около усадьбы, достаточно двух собак, кобеля и суки. В этом случае они ревностнее несут свою службу; в обществе друг друга они становятся злее, а если один заболает, то стадо не останется без собаки».

10

Он огляделся кругом, не пропустил ли чего. «Это молчание, — говорю я, — вызывает на сцену другого актера. В этом действии осталось рассказать, сколько надо иметь пастухов и каких». Коссиний: «Для крупного скота нужны люди взрослые, для мелкого можно взять даже юнцов. Те и другие, если им приходится постоянно бродить по горным тропам, должны быть крепче тех, кто живет в имении и ежедневно возвращается в усадьбу. (На дальних пастбищах можно видеть молодежь, и притом вооруженную; в имении скот пасут не только мальчики, но даже девочки). (2) Пастухи должны быть на пастбище целый день; пасти скот сообща, ночевать же, наоборот, каждый у своего стада. Все они подчинены одному старшему пастуху: он должен быть возрастом старше других и опытнее остальных — тому, кто и по годам и по знаниям стоит на первом месте, остальные будут повиноваться охотнее. (3) Годами, однако, он не должен быть настолько стар, чтобы старость мешала ему нести его работу. И старикам, и детям нелегко переносить и трудные горные дороги, и подъемы по горным суровым крутизнам, а это приходится терпеть пастухам, которые сопровождают стада, особенно если это стада крупного рогатого скота и коз, которым по сердцу пастись в лесах и по

скалам. Людей надо выбирать крепких, быstroногих, проворных, ловких, таких, которые могут не только следовать за скотом, но и отбиться от зверей и разбойников; которые могут навьючить на животное тяжелую кладь, могут первые кинуться на врага; могут метнуть дротик. (4) Не у всякого народа есть способность к пастушескому делу; ни бастул, ни турдул не годятся для него,¹ а галлы — пастухи превосходнейшие; особенно хороши они как табунщики.

«Законным владельцем пастуха делает наличие одного из следующих шести условий: наследование по закону; передача в законной форме путем манципации от лица, имевшего на это законное право; уступка тем лицом, которое могло уступить и сделало это в том месте, где полагалось; фактическое использование раба; покупка военнопленного; покупка с аукциона конфискованного имущества. (5) При покупке раба принято или отдавать с ним и его имущество, или же исключать его из продажи. Обычно дается ручательство, что раб здоров, невиновен в воровстве или причинении убытка. Если он продан не путем манципации, то продавец обещает уплатить двойную цену раба или, если так условлено, то ординарную.²

«Днем пастухи должны есть отдельно, каждый при своем стаде; вечером все, находящиеся в распоряжении одного старшего пастуха, — за общим столом. Старший пастух должен позаботиться о том, чтобы взято было с собой все необходимое для скота и для пастухов; главным образом то, что требуется для питания людей и для лечения животных. Для перевозки им даются от хозяина вьючные животные; одним — кобылы, другим вместо кобыл — такие животные, которые могут нести вьюки.

(6) «Что касается рождения детей у пастухов, то для тех, которые все время остаются в имении, это просто, потому что в усадьбе у них имеется сожительница-рабыня и пастух не станет искать возлюбленной за пределами имения. С пастухами же, которые живут на горных и лесных пастбищах и прячутся от дождя не в усадьбе, а в наскоро сложенных хижинах, полезно, по мнению многих, сочетать женщин, которые следовали бы за стадами, приготавливали бы пастухам еду и привязали бы их к месту. (7) Женщины эти должны быть крепки и не безобразны; из тех, которые во многих местах не уступают в работе мужчинам. Таких можно видеть по всему Иллирику; они могут пасти скот, носить к очагу дрова, варить пищу, содержать в порядке утварь, сложенную в хижине. (8) О вскармливании детей я скажу одно: в одном лице соединяются у них и мать и кормилица». Тут он посмотрел на меня: «Я слышал, как ты рассказывал, что в Либурии³ ты видел матерей, которые одновременно несли дрова и кормили грудных младенцев, иногда одного, иногда двойню; по сравнению с ними наши родильницы, которые ряд дней валяются под пологам от комаров, кажутся презренными

выродками». — (9) «Совершенно верно, — отвечал я, — больше того: в Иллирике часто бывает так: беременная женщина, когда приходит время родов, отходит недалеко от места работы и, разрешившись там, приносит ребенка; можно подумать, что она его не родила, а нашла. Удивительно и другое: по их обычаю разрешается женщинам часто лет двадцати (они называют их также девушками) сходиться до свадьбы с кем угодно, бродить без провожатого и иметь детей».

(10) «Что касается болезней людей и животных, которые можно лечить без врача, то у старшего пастуха должны на этот предмет иметься записи. Неграмотный человек не годится на это место, потому что он никоим образом не сможет составить правильный отчет о хозяйском стаде. Число пастухов устанавливают по-разному: у одних норма более жесткая, у других более мягкая.⁴ (11) Я ставлю одного пастуха на 80 простых овец. Атик же — на 100. При больших овечьих стадах — а у некоторых имеются стада тысячные — уменьшить число людей легче, чем при маленьких, — таких, как у Атика и у меня. У меня в стаде 700 голов, у тебя, по-моему, было 800, причем, как и у меня, десятую часть составляли бараны. При табуне кобылиц в 50 голов состоят два человека, и в тех местах, где принято загонять кобылиц в стойла, как это часто бывает в Апулии и Лукании, каждый из них имеет для себя обьеженную лошадь».

11

«Мы выполнили наше обещание, — говорит он, — пойдем». — «Да, — говорю я, — но не раньше, чем вы добавите еще, как было уговорено, об особом доходе со скота, а именно о молоке, а также еще о стрижке». — «Из всех жидкостей, которые мы потребляем в еду, молоко самое питательное, овечье прежде всего, а потом козье. Самым послабляющим будет кобылье молоко, затем ослиное, потом коровье, затем козье. (2) Некоторая разница тут обусловлена и кормами, и природой скота, и временем доения. Что касается кормов, то молоко становится питательным от ячменя, соломы и вообще от сухой и твердой пищи, которую ест скот; послабляющие свойства молоко приобретает от зеленого корма, особенно если это трава, которая и сама по себе слабит и очищает наш организм. Лучше молоко от скотины здоровой и еще не старой; лучше всего недавно подоенное, а также молоко не сразу после отела. (3) Сыры питательнее всего из коровьего молока, но они труднее всего и перевариваются. На втором месте стоят сыры овечьи; менее всего питательны и легче всего перевариваются козьи. Есть и еще разница между мягким и свежим сыром и сухим и старым: мягкий питательнее и легко переваривается; сухой и старый — наоборот. (4) Сыры начинают делать с восхода Вергилий по весне и делают их до летних Вергилий.¹

Весной молоко на сыр доят поутру, а в прочее время и в полуденные часы, хотя и тут не все одинаково по причине разницы в месте и в корме. На два конгия молока, чтобы оно створожилось, кладут кусочек сычуга величиной с маслину; сычуг лучше заячий или от козленка, а не от ягненка. Другие вместо сычуга вливают сок смоковничной ветки, уксус или всыпают еще что-нибудь; греки называют это *ορός* или *δακρυον*.² (5) «Я не стал бы поэтому отрицать, — говорю я, — что смоковницу у святилища божественной Румины посадили пастухи.³ Там обычно приносят жертвы, но не вином и животными-сосунками, а молоком. Раньше вымя называли „*rumis*“, от этого слова ягнята и сейчас еще называются „*subrumi*“. (6) Кто посыпает сыры солью, то лучше это делать не морской солью, а ископаемой.⁴

«Что касается стрижки овец, то прежде чем начинать ее, я смотрю, нет ли на овцах чесотки или язв, чтобы, если понадобится, заняться сначала их лечением, а потом уже стрижкой. Время для стрижки — это период между весенним равноденствием и летним солнцестоянием, когда овцы начали потеть. От этого пота (*sudor*) только что остриженная шерсть и называется „потной“ (*sucida*). (7) Только что остриженных овец в тот же день натирают вином и оливковым маслом; некоторые подмешивают сюда белого воску и свиного жира.⁵ Если мы имеем дело с „одетой овцой“, то попопу эту натирают с внутренней стороны тем же составом и покрывают ею овцу вновь. Если при стрижке овцу поранили, то это место смазывают жидкой смолой. Простых овец стригут около того времени, когда жнут ячмень, а по иным местам перед сенокосом.⁶ (8) Некоторые стригут овец дважды в год, как например в Восточной Испании, где стрижка производится каждые шесть месяцев: люди затрачивают двойной труд в расчете, что так шерсти вырастает больше; по тем же соображениям некоторые косят луга дважды. Хозяева более рачительные стригут овец на подстилках, чтобы не потерять ни одного клок шерсти. (9) Дни для этого дела выбирают ясные и работают с 4-го часа до 10-го;⁷ шерсть, остриженная на горячем солнце, становится от пота овцы мягче, тяжелее весом и красивее по цвету. Шерсть, снятую и скатанную клубками, одни называют „*vellera*“, а другие — „*vellimna*“; из этого слова можно усмотреть, что шерсть прежде, чем додуматься до стрижки, выщипывали.⁸ Те, кто и теперь выщипывает шерсть, три дня до этого не дают овцам есть, потому что на ослабевших животных шерсть держится своими корнями не так крепко.

(10) «Вообще же брадобреи появились впервые в Италии, как говорят, из Сицилии в 453 г. по основании Рима⁹ (есть такая надпись в Ардее, выставленная публично), и привез их с собою Публий Титиний Мена. Что брадобреев раньше не было, об этом свидетельствуют статуи древних: у большинства длинные волосы и борода».

(11) Коссиний подхватил: «Как овца дает доход, поставляя шерсть для одежды, так коза снабжает нас волосом для корабельных снастей, метательных орудий и ремесленных сумок.¹⁰ Некоторые народы и одеваются в козы шкуры, как например в Гетулии¹¹ и Сардинии. Этой одеждой пользовались и в древней Греции; это явствует из того, что в трагедиях старики по этой шкуре называются „diphtheriae“,¹² а в комедиях — те, кто занят сельским трудом: у Цецилия в „Нуроболимаеус“ это юноша, а у Теренция в „Неаутонтиморосменос“ старик.¹³

(12) «Коз стригут в значительной части Фригии, потому что там шерсть на них длинная; из нее обычно делают ковры (cilicia) и тому подобные вещи. Так как стрижке коз начало положено было в Киликии, то, говорят, ковры эти и стали называться „киликами“». ¹⁴

Так шел наш разговор, и Коссинию нечего было тут менять. В это же время отпущенник Витула по пути из парка в город вернулся к нам и говорит: «Меня послали к тебе: я шел к тебе домой просить тебя, чтобы ты не сокращал праздника и пришел бы поскорее». Итак, мы, я и Скрофа, отправились в парк к Витулу, дорогой Нигер Тураний, а остальные — одни домой, а другие к Менату.





КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Так как людям даны два уклада жизни, сельский и городской, то, конечно, не может быть, Пинний,¹ никакого сомнения в том, что они не только различны местом, но и возникли в разное время. Сельская жизнь гораздо древнее: было время, когда люди жили только по селам, и городов у них не было. (2) Считают, что самым древним греческим городом были Фивы в Беотии, которые выстроил царь Огиг,² а в Римской области — Рим, который основал царь Ромул. Теперь, наконец, можно говорить об этом с большей точностью, чем писал Энний:

Лет семьсот протекло, немного больше иль меньше,
Как по приказу небес Рим славный основан.³

(3) Фивам, которые, говорят, были основаны до огигова потопа, около 2100 лет. Если ты сопоставишь этот период с началом тех времен, когда впервые взялись за обработку полей, когда люди жили в хижинах и шалашах и не знали, что такое стены и ворота, тебе станет ясно, что сельские жители старше горожан на огромное число лет.

(4) Это неудивительно: поля дала божественная природа, а города воздвигло человеческое искусство. Говорят, все искусства и науки созданы были в Греции за одну тысячу лет; поля, которые можно возделывать, всегда существовали на земле. Земледелие — занятие не только более древнее, оно и благовиднее. Не без основания предки наши старались вернуть своих сограждан обратно из города в поля: в мирное время их кормили римские селяне, в военное были им опорой.⁴ (5) Не без основания называли землю матерью и Церерой; думали, что люди, которые ее обрабатывают, ведут жизнь благочестивую и полезную и что только они одни и остались из поколения времен царя Сатурна. С этим согласуется то обстоятельство, что именно таинства в честь Цереры и назы-

ваются «началами».⁵ (6) Само название города Фив также ясно указывает, что нивы древнее городов: название это дано не по основателю, а по характеру земли. На старом языке у эолийцев-беотян, в Греции, холмы назывались «tebae» (придыхание опускали); а у сабинян, к которым пришли из Греции пеласги, и до сих пор говорят так. Доказательства этому сохранились и посейчас: холм, находящийся в Сабинской области по Соляной Дороге, недалеко от милевого столба у Реате зовется «teba».⁶

(7) У первых хозяев по причине их бедности хозяйство было единым и цельным: потомки пастухов, они на одном и том же участке и сеяли хлеб, и держали скот; разбогатеv, они разделили эти занятия: появились земледельцы и скотоводы.⁷ (8) Скотоводство включает в себя два вида, хотя никто не провел еще между ними четкой границы: это содержание приусадебной живности и скотоводство в собственном смысле. Последнее известно и весьма уважаемо; оно только и называется «разведением скота»; состоятельные люди часто для своих стад снимают в аренду или покупают пастбища. Откармливать живность при усадьбе считается занятием ничтожным; некоторые относят его к земледелию, потому что и тут дело касается содержания и выкармливания, но, насколько я знаю, никто особо и со всей полнотой не занимался этим отделом.⁸ (9) Так как я думаю, что в хозяйстве есть три статьи, созданные дохода ради, то я и решил написать три книги: одну о земледелии, другую о скотоводстве, третью о домашней живности. Две я уже написал: первую — о земледелии — для моей жены Фундании; вторую — о скотоводстве — для Туррания Нигра; оставшуюся третью — о приусадебных статьях дохода — я посылаю тебе, Пинний, потому что, мне кажется, в силу нашего соседства и дружбы, я должен написать ее именно для тебя.

(10) Твою усадьбу стоит посмотреть за ее фрески, внутреннюю отделку и прекрасные мозаичные полы, хотя ты и ставил бы ее ни во что, не будь ее стены украшены твоими сочинениями. Я же, чтобы еще больше украсить ее доходами, насколько это в моих возможностях, посылаю тебе эти страницы, вспомнив беседы, которые мы вели о совершенной усадьбе. Излагая их, начну отсюда.

2

Происходили выборы эдилов. Я и Кв. Аксий, сенатор, член моей трибы, подав в самый солнцепек свой голос, решили остаться тут же, чтобы проводить нашего кандидата, когда он пойдет домой.¹ «Давай, — говорит мне Аксий, — пока разбирают таблички, воспользуемся тенью Villa publica».² — «Я думаю, — говорю я, — что не только, как говорится, плохой совет хуже всего для советчика, но и благой совет следует считать благом и для того, кто советует, и для того, кому советуют».³ Итак, мы идем и входим в Виллу. (2) Там мы застаем авгура Аппия Клавдия, сидящего

на скамье; он должен был находиться здесь на тот случай, если консулу что-нибудь потребуется.⁴ Слева от него сидел Корнелий Мерула, потомок консуляров, и Фирцеллий Павон, реатинец; справа — Минуций Пика и М. Петроний Пассер. Когда мы подошли к нему, Аксий, улыбаясь Аппию, говорит: «Принимаешь нас в свой птичник, сам восседая среди птиц?»⁵ (3) «Охотно, — говорит он, — и особенно тебя: мне еще и посейчас отрыгаются те птицы, которых ты гостеприимно предложил мне несколько дней назад в реатинской усадьбе, когда я ехал к Велинскому озеру разбирать спор Интерамны с Реате.⁶ Но скажи, разве эта вилла, которую построили наши предки, не скромнее и не лучше твоей реатинской со всеми ее украшениями и отделкой? (4) Разве где-нибудь ты видишь здесь тую или золото? Сурик или армянскую краску? Интарсии и пестрые мозаики в полу?»⁷ А у тебя все наоборот. И эта вилла является общим достоянием всего народа, а та — только твоим; она построена, чтобы граждане и прочие люди могли зайти сюда с Поля,⁸ а твоя — для кобылиц и ослов; она служит для дел государственных: сюда собираются толпы, созданные консулом для набора, сюда приносят для осмотра оружие, сюда цензоры приглашают народ для переписи». — (5) «А твоя усадьба на краю Марсова Поля, — говорит Аксий, — разумеется, только полезна? в ней не больше роскоши и прихотей, чем во всех реатинских усадьбах, вместе взятых? твоя вся заставлена картинами и статуями; у меня Лисипп и Антифил⁹ и следов не оставили, а полотьщики и пастухи оставляют их во множестве. Это не усадьба, если при ней нет большого и хорошо обработанного имения, а тут у тебя нет ни поля, ни вола, ни кобылы. (6) И чем твоя усадьба похожа на ту, которой владели твои деды и прадеды? она не видела ни сухого сена на чердаке, ни вина в погребке, ни зерна в амбаре. Если дом находится за городом, то от этого он не становится усадьбой, так же как не стали ею дома тех, кто живет за Флументанскими воротами или в Эмилианах».¹⁰

(7) Аппий улыбнулся: «Так как я не знаю, — говорит он, — что такое усадьба, то, пожалуйста, объясни мне это: я хочу купить у М. Сея под Остией усадьбу и боюсь, как бы мне тут не попасть впросак по неведению. Если постройки, в которых нет такого осла, как твой, — ты мне его у себя показывал, а купил его за 40 000,¹¹ — не будет усадьбой, то я боюсь, как бы мне не купить вместо приморской усадьбы Сеев дом. (8) Меня соблазнил на покупку этой постройки Луций Мерула: он провел несколько дней у Сея и рассказывал, что не знает ни одной усадьбы, которая доставила бы ему столько удовольствия; и, однако, он не видел там ни картин, ни статуй, бронзовых или мраморных, но не видел также ни винодельни, ни жбанов для масла, ни трапезов». (9) Аксий смотрит на Мерулу и говорит: «Что же это за усадьба, если там нет ни городских украшений, ни деревенского оборудования?». А он ему: «А твое помещение в углу Велинского озера,

куда не заходил ни художник, ни лепщик,¹² недостойно названия усадьбы? Его можно дать только твоему розейскому дому с его изысканной лепной работой? вы живете там совместно: хозяин и осел». (10) Аксий кивком подтвердил, что усадьба с одним только деревенским оборудованием будет так же усадьбой, как и усадьба с двумя половинами, городской и сельской, и спросил, что же из этого следует. «Как? — говорит он. — Если твое розейское имение стоит похвал за свои пастбища и по справедливости называются усадьбой помещения, где стоит и откармливается скот, то по сходной же причине должно называться усадьбой место, где откармливаемые животные приносят громадные доходы. (11) Не все ли равно, получаешь ли ты эти доходы от мохнатых или от пернатых?¹³ разве слаще твой доход от волов, от которых рождаются пчелы,¹⁴ чем от пчел, которые трудятся на пчельнике около Сеевой усадьбы? и разве ты дороже продаешь резнику своих доморощенных боровов, чем Сей от себя диких кабанов мяснику на рынок?». — (12) «А почему, — говорит Аксий, — не иметь мне всего этого у себя в реатинской усадьбе? разве у Сея мед делается сицилийским, а у меня под Реате корсиканским?¹⁵ и кабан у него на покупных жолудях зажиреет, а у меня на даровых отощает?» — «Мерула не сказал, — говорит Апший, — что ты не можешь обзавестись всем, что есть у Сея, но что этого у тебя нет, это я видел сам. (13) Есть два вида животноводческого хозяйства: одни заняты выпасом крупного и мелкого скота за пределами усадьбы; другие в самой усадьбе разводят кур, голубей, пчел — вообще животных, которых обычно держат в усадьбах, и о чем оставили разбросанные и отдельные заметки в своих книгах пуниец Магон, Кассий Дионисий¹⁶ и другие писатели. Сей, по-видимому, все это прочел и поэтому получает с одной усадьбы от этой живности дохода больше, чем другие с целого имения». — (14) «Разумеется, — говорит Мерула, — я видел там целые стада гусей, кур, голубей, журавлей, павлинов, не говоря уже о множестве соней, рыб, диких кабанов и прочей дичи. Писец, его отпущенник, который прислуживал Варрону и принимал меня в отсутствие патрона, говорил, что усадьба приносит ежегодно больше 50 000 дохода». Аксий изумился. «Ты, конечно, знаешь, — говорю я, — имение моей тетки в Сабинии в 24 милях от Рима по Соляной Дороге?»¹⁷ — (15) «Еще бы! — говорит он, — летом я обычно на пути в Реате из Рима останавливаюсь там в полдень, а когда еду оттуда зимой, то там же разбиваю лагерь на ночь». — «Так вот, в этой усадьбе есть птичник, и только из него одного, я знаю, она продала пять тысяч дроздов по три денария за штуку, так что в этот год одна эта статья в усадьбе принесла ей 60 000 сестерций, вдвое больше, чем тебе приносит твое имение в двести югеров под Реате». — «Как шестьдесят? — говорит Аксий. — Шестьдесят? Шестьдесят? Смеешься!» — «Шестьдесят, — говорю я, — (16) только, чтобы тебе добраться до такого улова, нужны тебе или публичное уго-

щение, или чей-нибудь триумф — тогда его праздновал Сципион Метелл, — или обед коллегии; ¹⁸ им теперь, правда, нет числа, и от них вздуваются рыночные цены. Если во все другие годы ты и не дождешься такой суммы, то все-таки с птичником ты, надеюсь, не прогоришь и по нынешним нравам только редко обманешься в своих ожиданиях. Когда выдается такой год, чтобы ты не видел публичного угощения, или триумфа, или пира коллегии?». — «Да, роскошь дошла до того, — говорит он, — что в стенах Рима, можно сказать, только и знают, что пировать изо дня в день». — (17) «А разве Л. Абукий, человек, как вы знаете, высокой образованности, книги которого проникнуты Луцилиевым духом, не говорил, что его имение под Альбой всегда уступает в доходности усадьбе? Земля дает ему меньше 10 000, а усадьба больше 20 000. И он же говорил, что если бы он мог поставить усадьбу возле моря, там, где ему хотелось, то он получал бы с нее больше 100 000. Да! а разве недавно М. Катон, когда он принял опеку над Лукуллом, ¹⁹ не продал на 40 000 рыбы из его прудов?». — (18) «Мерула мой, — говорит Аксий, — возьми меня в ученики: научи приусадебному хозяйству». — «Начну учить, — говорит он, — как только пообещаешь подарок за учение». — «Согласен, согласен хоть сейчас, а то и не раз из этого самого хозяйства». Аппий: «Думаю, сейчас же в этих приусадебных стадах передохнут гуси и павлины». А он ему: «А почему вам не есть издохших рыб и птиц, раз вы все равно едите их только тогда, когда они уже дохлые?» ²⁰ Прошу тебя, однако, выведи меня на путь этого хозяйства, изложи, в чем его сущность и каков его объем». ²¹

3

Мерулу эта просьба не отяготила. «Прежде всего, — говорит он, — хозяин должен быть хорошо знаком с той живностью, которая может жить и кормиться в усадьбе и около нее — хозяину на пользу и радость. В хозяйстве этом есть три отдела: птичники, парки и рыбные садки. Под птичником я разумею помещения для всяких птиц, которых обычно держат в стенах усадьбы. (2) Парком, пожалуйста, не считай такого места, где живут одни зайцы, как это было у наших прапрадедов: это огороженные пространства возле усадьбы, где за изгородью содержатся лесные животные. Рыбными садками я называю пруды с пресной или соленой водой, которые находятся тоже около усадьбы и откуда рыба не может уплыть. (3) Каждый из этих отделов распадается, самое меньшее, на две части: первая занята существами, которые довольствуются одной сушей, — таковы павлины, горлицы, дрозды; вторая — теми, которые не довольствуются одной сушей, а требуют и воды — это гуси, чирки, утки. Предмет второго отдела — животные, за которыми охотятся, принадлежат тоже

к двум разным видам: к одному относятся дикий кабан, коза, заяц; к другому — существа, живущие тоже за пределами усадьбы — это пчелы, улитки, сони. (4) Имеется также два вида и в третьем отделе: есть рыбы, живущие в пресной воде, и есть морские. Чтобы создать эти три отдела с их шестью частями, требуются специалисты тоже трех видов: птицеловы, охотники и рыбаки. Ты можешь, правда, купить у них разную живность; твои рабы будут тщательно ухаживать за ней в период от спаривания и до появления приплода, который ты вырастишь и откормишь для отправки на рынок. Кое-что можно заполучить для усадьбы и без сетей птицелова, охотника или рыбака, например соней, улиток и кур. (5) Из этих существ предметом ухода стали прежде всего те, кого содержат в усадьбе: не только римские авгуры выращивали кур для ауспиций;¹ это делали и хозяева у себя в деревне. Затем стали держать около усадьбы за загородкой животных, чтобы на них охотиться, и возле поставили пчельники; пчелы первоначально жили под карнизами крыши. И наконец, в третьих, начали устраивать рыбные садки и пускать туда рыб, пойманных в реках. (6) Приусадебное хозяйство во всех его трех отделах пережило два периода: для первого характерны старинная простота и умеренность, для второго — роскошь последующего времени. В первом периоде, в старину, у наших предков было два вида птичников: внизу по двору бродили куры, и доходом от них были яйца и цыплята, а высоко в башнях или на крыше усадьбы жили голуби. (7) Теперь птичники переменили имя; они зовутся „ornithones“;² небо хозяина, требующее лакомых кусков, заставило выстроить для павлинов и дроздов помещения большие, чем были когда-то целые усадьбы. (8) То же самое и с остальным: отец твой, Аксий, не приносил с охоты в парке ничего, кроме какого-нибудь зайчишки. И огораживали тогда маленький участок, а теперь для многочисленных кабанов и коз стеной обводится множество югеров. Когда ты купил, — говорит он мне, — у М. Пизона³ его тускульское имение, разве там в парке не было множества кабанов? (9) Рыбные садки были раньше только с пресной водой, и в них не держали никакой рыбы, кроме *squali* и *mugiles*.⁴ А теперь не найдется ни одного привередника, который не сказал бы, что ему все равно, полон ли его пруд этими рыбами или лягушками. Помнишь, когда Филипп завернул к своему приятелю Умидию в Казине и тот поставил перед ним прекрасного окуня из твоей речки, он его попробовал, выплюнул и заявил: „Чтоб я пропал! я подумал, что это рыба!“⁵ (10) И как у наших современников раскинулись роскошные парки, так и садки их протянулись до моря, и туда загнали целые стаи морских рыб. Не по ним разве названы Сергий Ората и Лициний Мурена? Кто не знает прославленных рыбных садков Филиппа, Гортензия, Лукуллов?⁶ Так что, Аксий, ты скажи, откуда, хочешь, чтобы я начал?».

«Я, — говорит он, — хотел бы, чтобы ты начал, как говорят солдаты, *post principia*,¹ т. е. с нынешних времен, а не со старых, потому что с павлинов получают сейчас дохода больше, чем с кур. И я не стану скрывать, что я прежде всего хочу услышать об *ornithon*: дрозды сделали это слово синонимом дохода. Шестидесят тысяч Фирцеллии² разожгли мою жадность». — (2) «Есть, — говорит Мерула, — два вида *ornithon*: один устраивают ради удовольствия — наш Варрон выстроил себе такой под Казином,³ и многим он полюбился, — другой ради дохода: у рыночных торговцев есть такие огороженные дворы и в Риме и в деревне; чаще всего они арендуют птичники в Сабинском округе, где в силу природных условий водится много дроздов. (3) Луккул захотел создать третий вид птичника, в котором соединялись бы оба первых. Он и выстроил его в Тускульском имении: под одной крышей поместил и птичник и триклиний, где рассчитывал с приятностью обедать, смотря и на жареных птиц, уложенных на блюде, и на пойманных, порхавших вокруг окон. Выдумку эту признали бесполезной. Не столько радуют глаз птицы, порхающие у окон, сколько доставляет неприятности запах, бьющий в нос.

5

«Я расскажу о том, Аксий, о чем, по-моему, тебе больше всего хочется узнать: о таком птичнике, который устраивают ради дохода, и откуда берут жирных дроздов (где их берут, тебе неважно). Делают сводчатое помещение или перистиль,¹ крытый черепицей либо сетями; такой большой, чтобы там можно было держать несколько тысяч дроздов; (2) некоторые пускают к ним еще и других птиц, например ортоланов и перепелок, которых, когда они за жиреют, продают по дорогой цене. Вода в это помещение должна поступать по трубе, и лучше, если она тихонько струится по узеньким желобкам, которые легко протереть; если вода стоит лужами, то она скорее загрязняется и становится вредной для питья. Вода, переливающаяся через эти желобки, должна вытекать прочь через трубу, чтобы птицы не страдали от грязи. (3) Дверь к ним ведет низенькая, узкая, лучше всего такого устройства, которое зовется „*soslia*“² (такую обычно устраивают в клетке для боя быков); окна редкие, через которые нельзя увидеть ни деревьев, ни птиц снаружи: пойманные птицы при виде их от тоски начинают худеть. Света должно входить лишь столько, чтобы птицы видели, где им сесть, где находится пища, где вода. Кругом дверей и окон надо гладко оштукатурить стены, чтобы ни мышь, ни какое-либо другое животное не могли проникнуть внутрь. (4) Внутри этого здания по стенам набивают

много колышков, на которые птицы могут сесть, а кроме того, к стене прислоняют жерди и к ним поперек, в виде ступенек, прибавают через небольшие промежутки еще другие: получается нечто в виде сидений в цирке и в театре. Внизу на земле находится вода, которую птицы могут пить; для еды кладутся колочки, скатанные обычно из винных ягод и полбяной муки. Дней за двадцать перед тем, как взять дроздов, их начинают кормить щедрее: кладут колобков больше и кормят мукой помельче. Есть в этом помещении и клетки; клетки эти с несколькими этажами, и они служат дополнением к жердям. (5) Насупротив их сторож складывает мертвых птиц, чтобы отчитаться в их числе перед хозяином. Когда потребуется из этого птичника взять подходящих дроздов, то их выпускают в крохотный птичник, сообщаемый с большим дверью и лучше освещенный: его называют „secluserium“. Когда потребное количество птиц перелетит туда, их всех убивают. (6) Делается это в отдельном месте и тайком, чтобы остальные птицы при виде этого не пали духом и не перемерли, когда это еще невыгодно продавцу. Дрозды не высиживают птенцов, как другие перелетные птицы, например аисты в полях и ласточки на крышах. Дрозды не делают этого ни там, ни здесь; хотя они и носят мужское имя, но на самом деле это самки. То же самое и с дерабиями,³ у которых имя женское, хотя они и самцы.

(7) «Птицы есть перелетные, например ласточки и журавли, и есть зимующие, например куры и голуби. Дрозды принадлежат к перелетным; ежегодно прилетают они в Италию из-за моря около осеннего равноденствия и улетают обратно к весеннему равноденствию.⁴ Горлицы и перепелки улетают в другое время огромными стаями. Это можно наблюдать на ближайших островах: Понтиях, Пальмари и Пандарии. Попад туда в первый перелет, птицы остаются там на несколько дней, чтобы отдохнуть, и делают то же самое, когда летят через море из Италии».⁵

(8) Аппий говорит Аксию: «Если ты посадишь в такой птичник пять тысяч птиц и случится публичное угощение или триумф, то 60 000, о которых ты мечтал, ты можешь сразу же отдать под большие проценты».⁶ Тут он обратился ко мне: «Расскажи о птичнике другого типа, который, как слышно, ты устроил удовольствия ради у себя под Казином: говорят, ты далеко оставил за собой не только изобретателя подобных птичников, нашего друга М. Ленея Спрабона (он первый устроил у себя в Брундиции в перистиле беседку, где держал пойманных птиц и кормил их через сетку), но и большие сооружения Лукулла в его тускульском поместье».⁷ (9) Я ему: «У меня⁸ под городом Казином есть речка, которая протекает через усадьбу, прозрачная и глубокая, с каменной набережной,⁹ шириной в 57 футов: из одной части усадьбы в другую¹⁰ переходят по мосткам. От острова, располо-

женного в устье реки, где в нее впадает другая, и до истока, где находится место, посвященное Музам, расстояние равно 950 футам.¹¹ (10) Вокруг речки по берегам идет дорожка¹² шириной в десять шагов, а от нее в сторону поля¹³ находится место для птичника, огороженное с обеих сторон, справа и слева, высокими стенами.¹⁴ Между ними находится птичник, который напоминает по форме дощечку для письма с держалкой,¹⁵ — это четырехугольник шириной в 48 и длиной в 72 фута, а круглая площадка держалки занимает 27 футов. (11) Кроме того, есть дорожка, прочерченная как бы по нижней рамке доски,¹⁶ в середине которой находятся заставы и через них выход на площадку.¹⁷ С порога, с правой и с левой стороны, находятся портики с колоннами из камня по фасаду, а за ними в середине рассажены низенькие кустики,¹⁸ от верха стены и до эпистилия портик затянут сетью из конопли, также и от эпистилия до стилобата.¹⁹ Портики полны птицами всяких видов,²⁰ которым еду бросают через сеть; вода к ним втекает узеньким ручейком.

(12) «Вдоль внутренней стороны стилобата, направо и налево от середины до верхнего края прямоугольной площадки, находятся один против другого два нешироких, продолговатых прудка; они параллельны портикам. Только между этими прудками лежит проход, тропинка, по которой только и можно дойти до круглой беседки, находящейся за площадкой. Это ротонда с колоннадой, совсем как в здании Катула,²¹ только с колоннами вместо стен. За этими колоннами²² идет роща, посаженная руками человеческими; ее большие деревья образуют сплошную крышу, оставляя просветы внизу между стволами: все огорожено высокими стенами. (13) Между наружными каменными колоннами ротонды и внутренними, равными первым по числу, но тонкими, сосновыми,²³ имеется промежуток шириной в пять футов.

«Между наружными колоннами вместо стены находится густая сетка из сухожилий, через которую можно видеть рощу и то, что там,²⁴ но через которую птицы не могут пробраться. За внутренними колоннами вместо стены растянута сеть, какая бывает у птицеловов.²⁵ В промежутке между внутренними и наружными колоннами идут одни над другими ступеньки, нечто вроде маленького театра для птиц; ко всем колоннам приделано множество карнизов, где могут сидеть птицы.²⁶ (14) За сетью находятся всевозможные птицы, главным образом певчие, например соловушки и дрозды. Вода им наливается по желобку, а корм кидается под сетку.

«Стилобат, на котором стоят колонны, покоится на мраморном основании, которое поднимается на один и три четверти фута над скамьей,²⁷ сама же скамья поднята фута на два над бассейном; шириной она футов пять, так что гости могут ходить между подушками²⁸ и колонками. Пониже скамьи есть прудик с берегами,

обделанными камнем на один фут, и посредине его маленький островок. Вокруг выдолблены и доки:²⁹ гнезда для уток. (15) На островке есть колонка, а внутри ее ось, на которую в качестве столовой доски надето колесо со спицами, причем вместо обода прилажена изогнутая доска с высокими краями вроде тамбурина шириной в 2½ фута, а глубиной в ладонь.³⁰ Один единственный раб поворачивает ее таким образом, что все, что приготовлено для пищи и питья, можно одновременно предложить всем гостям. (16) Перед скамьей, с той стороны, где обычно вешают ковры,³¹ утки выходят поплавать в бассейне, из которого ручей бежит в оба упомянутых мной прудка: рыбки плавают взад и вперед. А вот холодная и горячая вода находятся на деревянном ободе, который служит столом и надет, как я говорил, на концы спиц. Стоит повернуть кран и вода к услугам гостя.³² (17) Внутри под куполом³³ одна и та же звезда описывает круг по основанию гемисферы, показывая, который час (Люцифер днем, Геспер ночью).³⁴ На верху того же полушария, вокруг вертикальной оси, расположен круг восьми ветров, как на часах, устроенных циррестийцем³⁵ в Афинах; стрелка, торчащая на оси, движется от нее к окружности и касается того ветра, который дует;³⁶ можешь узнать это сидя внутри».

(18) Пока мы разговаривали, на Поле вдруг раздается крик. Мы, старые воробы в делах выборных, не удивились этому, зная, как расходятся страсти у избирателей. Все-таки нам захотелось узнать, что происходит, когда является Пантулей Парра³⁷ и рассказывает, что схватили какого-то человека, который бросал в урну таблички в то время, когда их разбирали. Благожелатели кандидатов поволокли его к консулу. Павон поднялся с места, потому что говорили, будто захвачен «страж»³⁸ его кандидата.

6

«Можешь теперь свободно рассказывать о павлинах, — говорит Аксий — Фирцеллий ушел; а уж он схватился бы с тобой за родственников,¹ скажи ты о них что-нибудь не так». Ему Мерула: «На нашей памяти начали держать большие стада павлинов и продавать эту птицу по дорогой цене. Говорят, что М. Авфидий Луркон получал с павлинов в год больше 60 000 сестерций. Если ты ставишь себе целью наживу, то держи павлинов меньше, чем пав; если же удовольствие, — то наоборот, так как самцы красивее. (2) Стада их следует кормить в полях. За морем, говорят, есть они на островах: на Самосе в роще Юноны, у М. Пизона на острове Планазии.² Чтобы составить стадо, надо покупать птиц молодых и красивых. По красоте природа сделала павлина первым из птиц. Спаривать их нельзя раньше двух лет; птиц моложе и старше не стоит.³ (3) Сыпят им всякое зерно, ячмень преимущественно. Сей дает каждой птице на месяц по модию

ячменя; в период спаривания, перед тем как они начнут покрывать самок, больше. Он требует с прокуратора трех птенцов от каждой птицы; когда они выросли он продает их по 50 денариев за штуку; нет ни одной птицы, которая сравнялась бы с павлином по доходности. (4) Он еще покупает яйца и подкладывает их под кур, а вылупившихся птенцов относит в то самое сводчатое помещение, где держит павлинов. Помещение это должно соответствовать по величине количеству павлинов; иметь отдельные гнезда, гладко оштукатуренные, чтобы туда не могла забраться змея или какое хищное животное; (5) перед ним должно находиться свободное место, куда в солнечные дни павлины выходили бы поесть. Птицы эти требуют чистоты в обоих местах. Человек, который ухаживает за павлинами, должен с совком обходить птичник, собирать помет и складывать его, потому что он хорош и как удобрение, и как подстилка для цыплят.⁴ (6) Первый, говорят, подал павлинов Кв. Гортензий на обеде в честь своего вступления в авгуры; поступок этот одобрили прихотливые поклонники роскоши, но никак не люди строгих и добрых нравов.⁵ Примеру Гортензия вскорости последовали многие, и они так вздули цены на павлинов, что павлинье яйцо стоит сейчас 5 денариев,⁶ а за павлина свободно дают 50. Стадо в сотню голов свободно принесет 40 000 дохода. Абукиций же говорил, что если добиться от каждой павы трех цыплят, то можно заработать и 60 000».⁷

7

Тем временем служитель Алпия приходит от консула и говорит, что тот приглашает авгуров. Алпий вышел из Виллы, а в Виллу влетели голуби, и Мерула говорит Аксию: «Если ты когда-нибудь выстроишь голубятню,¹ то ты сочтешь и этих голубей своими, хотя они и дикие. В голубятне держат обычно голубей двух видов: есть дикие, которых иногда называют „обитателями скал“; они живут в башнях и на коньках усадебных строений, почему и называются „columbae“.² В силу своей природной боязливости они забираются на самый верх строений и живут преимущественно в башнях: они влетают туда с поля и летят обратно, когда им захочется. (2) Другой вид — это ручные голуби: они довольствуются кормом, который дается дома, и клюют его обычно у своего порога. Цвета они преимущественно белого; дикие голуби окраски пестрой, в которой, однако, белого цвета нет. Из этих двух пород вывели дохода ради третью, смешанную: их держат в одном месте, которое одни зовут „peristeron“, а другие „peristerotrophion“; тут часто бывает до пяти тысяч птиц. (3) Peristeron — это большое сводчатое строение, с одной узкой дверью, с пунийскими окошками или более широкими, которые забирают сеткой с обеих сторон так, чтобы в по-

мещении было всюду светло, но чтобы туда не могли проникнуть ни змея, ни другое зловредное животное. Изнутри все стены и свод обмазывают самой гладкой „мраморной“ штукатуркой,³ и то же делают снаружи кругом окон, чтобы ни мышь, ни ящерица не могли заползти в гнезда. (4) Нет ведь существа более робкого, чем голубь. Каждой паре делают круглое гнездо: для каждой пары по гнезду; их ставят густо рядами, рядов таких от пола и до свода устраивают как можно больше. Каждое гнездо должно иметь вход такой ширины, чтобы голубь через него мог только войти и выйти, и быть внутри размером в три ладони по всем направлениям. Под каждым рядом прибивают доску шириною в две ладони, куда голуби выходят, как в прихожую. (5) Нужно, чтобы в голубятню текла вода и голубям было бы откуда попить и где помыться: птицы очень любят чистоту. Поэтому голубятник должен в течение месяца часто подметать голубятню; то, что загрязняет это место, чрезвычайно полезно в земледелии: некоторые писали, что это самое лучшее удобрение.⁴ Если с голубем что неладно, пусть он его полечит; издохшего пусть вынесет; голубят, уже годных для продажи, заберет. (6) Для наседок должно быть определенное место, которое отделено от остальных птиц сетью; их переносят сюда, и наседки могут вылетать отсюда наружу. Вылетают же они по двум причинам: во-первых, чтобы, вылетев в поля, восстановить свои силы на свежем воздухе, так как, сидя взаперти, они потеряли аппетит и ослабли, а во-вторых, чтобы заманить чужих голубей. Сами они, имея птенцов, вернутся во всяком случае, если только их не заклюет ворон или не перехватит ястреб. (7) Этих птиц голубятники убивают обычно таким образом: смазав два прута клеем, они сгибают их и втыкают крестообразно в землю; под ними кладут связанную птицу из породы тех, за которыми гонятся ястреба. Ястреб попадается в ловушку, завязнув в клее.⁵ Тебе ясно, что голуби возвращаются к себе домой: в театре многие выпускают их из-за пазухи, и они возвращаются домой: если бы они не прилетали обратно, их бы не выпускали.⁶

(8) «Корм для них кладут вдоль стен по желобкам; его насыпают снаружи через трубки.⁷ Они очень любят просо, пшеницу, ячмень, горох, фасоль, чину. Владельцам диких голубей, живущих в усадьбе по крышам и башням, следует, насколько это возможно, содержать их подобным же образом. Для голубятни надо покупать птицу подходящего возраста: не птенцов, но и не старых; голубей столько же, сколько голубок. (9) Нет птицы плодотворнее голубя; за сорокадневный период голубка успевает положить яйца, высидеть их и вырастить птенцов. Так идет почти круглый год; они делают перерыв только от зимнего солнцестояния и до весеннего равноденствия. Птенцов выводит по двое; как только они вырастут и войдут в силу, они начинают спариваться со своими матерями. Кто откармливает голубей для стола,

те птенцов, только начавших обростать перьями, забирают из гнезд в расчете продать их подороже. Затем их закармливают жвачкой из белого хлеба: зимой дают ее дважды, летом трижды — утром, в полдень и вечером; зимой дневной кормежки нет. (10) Птенцов, у которых уже появились крылья, оставляют в гнезде, переломав им ноги,⁸ и чтобы они ели побольше, бросают корм на-седкам: те целый день едят сами и кормят птенцов. Голубята, выращенные таким образом, жиреют быстрее, чем другие, да и родители их начинают лосниться.⁹ Пара голубей, красивых, хорошей окраски, здоровых, хорошего завода продается в Риме обычно за 200 сестерций; бывали голуби такие редкие, что за них платили и по тысяче.¹⁰ Недавно по такой цене голубей у Л. Аксия, римского всадника, хотел купить торговец, но тот заявил, что меньше чем за 400 денариев он их не отдаст». — (11) «Если бы я мог, — говорит Аксий, — купить готовую голубятню, как я купил глиняные гнезда, когда захотел обзавестись голубями у себя дома в Риме, я сейчас же отправился бы за этой покупкой и отослал бы ее в усадьбу». — «Как будто, — говорит Пика, — тут в городе их нет во множестве! По-твоему, у кого на крышах пристроены голубиные гнезда, у тех нет голубятни? Да у них порой бывает оснащения больше, чем на 100 тысяч сестерций!»¹¹ Закупи его целиком у кого-нибудь, но прежде чем ты построишь голубятню в деревне, научись тут в городе прятать себе в кошелек жирную прибыль в пол-асса¹² ежедневно. Продолжай дальше, Мерула».¹³

8

«Для горлиц, — говорит он, — надо поставить помещение величины, соответствующей количеству птиц, которых ты хочешь содержать; в нем, как было сказано и относительно голубятни, должны быть двери, окна, чистая вода, оштукатуренные стены и свод, (2) но вместо голубиных гнезд ряд костылей или колышков в стене, а на них маленькие маты, сплетенные из конопли. Нижний ряд должен отстоять от земли не меньше, чем на три фута; расстояние между остальными должно быть в три четверти фута, а от верхнего ряда до свода в полфута. Ширина ряда определяется размерами костылей, торчащих из стен; птица ест на них круглые сутки. (3) Что касается кормов, то им посыпают сухой пшеницы, около полмодия на сто двадцать штук. Помещение их ежедневно подметают, чтобы им не запачкаться в помете, который тоже сохраняют для удобрения. Начинать откармливание лучше всего перед жатвой: в это время наседки, уже высижившие множество птенцов (птенцов откармливать лучше) особенно для этого годятся. В это время и получают главный доход от этой птицы».¹

Аксий: «Я стремлюсь узнать подробнее о птицах, которых можно откармливать, поэтому расскажи, пожалуйста, Мерула, о курах: потом можно будет порассуждать и об остальном, если что понадобится». — «Курами называют три вида птиц: есть куры домашние, дикие и африканские. (2) Домашние — это те, которых всегда держат за городом по усадьбам. Тот, кто хочет устроить у себя *ognithoboscion*¹ для птицы, т. е. разводить ее заботливо, со знанием этого дела и в расчете на большой доход (так поступали жители Делоса),² тот должен обратить особенное внимание на следующие пять пунктов: на покупку — сколько и каких кур купить; на разведение — кого спаривать и как куры несутся; на яйца — как сажать на них и как выводить цыплят; на цыплят — как их выращивать и при ком. К этому, в качестве добавки, присоединяется и пятый пункт — как откармливать кур. (3) Из трех видов этой птицы только самки домашней породы называются собственно курами; самцы именуется петухами, а холощенные — каплунами. Петухов холостят, превращая их в каплунов, таким образом: каленым железом им прижигают голени в самом низу, пока шпоры не отвалятся; рану замазывают гончарной глиной.³ (4) Кто стремится иметь совершенный *ognithoboscion*, должен обзавестись всеми тремя видами кур, но главным образом домашними курами. Обзаводясь ими, должен он выбирать плодовитых, преимущественно красноватого оперения, с черными крыльями, неровными пальцами, большеголовых, с прямым гребнем, крупных: это лучшие несушки и наседки. (5) Ярых петухов узнают по следующим признакам: они мускулисты, с красным гребнем; коротким, толстым и острым клювом; желтоватыми или черными глазами; красной с беловатым оттенком грудью; пестрой или золотистой шеей; с густым оперением на бедрах; коротконогие, с длинными когтями; с большим, густым хвостом; они часто вытягиваются и кричат, упорно дерутся и не только не боятся животных, которые нападают на кур, но кидаются в бой за кур.⁴ (6) При выборе породы не нужно гнаться за курами танагрскими, мидийскими и халкидскими:⁵ они, конечно, красивы, и лучших бойцовых петухов не найти, но несутся куры этих пород плохо. Если хочешь держать стадо в двести штук, надо отвести им огороженное место и поставить там две больших клетки, которые сообщаются между собой и обращены на восток; в длину та и другая имеют около десяти футов, в ширину они вдвое меньше и еще несколько ниже. В обеих есть по окну шириной в три фута и высотой на один фут больше; в них вставлен редкий переплет из прутьев, через который проходит много света, но не может проникнуть внутрь ничто, что может повредить курам. (7) Между обеими клетками находится дверь, через которую может пройти ухаживающий за ними птичник.

В клетках перекинута столько жердей, чтобы на них могли уместиться все куры. Против каждой жерди в стене устроены для них отдельные гнезда. Перед клетками находится, как я сказал, огороженная прихожая, где они могут находиться днем и кататься в пыли. Кроме того, должна быть для птичника просторная комната, стены которой заполнены гнездами для кур: их или выдалбливают, или плотно прибивают, потому что качание вредно отзывается на высиживаемых яйцах. (8) Когда куры несутся, то в гнезда надо подстилать мякины; когда снеслись, надо убрать подстилку и положить свежую, потому что тут обычно заводятся блохи и прочие насекомые, которые не дают курице сидеть спокойно, а от этого яйца или неравномерно развиваются или портятся. Под наседку, говорят, нельзя подкладывать больше двадцати пяти яиц, если даже курица по своей плодовитости и положила их больше;⁶ (9) яйца, положенные за период от весеннего до осеннего равноденствия, всего лучше. Не следует подкладывать тех, которые снесены раньше или позже, и даже в самом начале этого периода; яйца подкладывай лучше не под молодухек, а под старых кур, у которых нет ни острого клюва, ни острых когтей; молодые же куры должны нестись, а не сидеть на яйцах. Несутся лучше всего однолетки и двухлетки. (10) Если ты подложишь под курицу павлиньи яйца, то, спустя десять дней после того, как она на них села, подложи и куриных, чтобы все птенцы вылупились вместе: цыплята выводятся через двадцать дней, а павлины через двадцать семь. Наседок надо держать взаперти, чтобы они днем и ночью не сходили с яиц; выпускают их только утром и вечером, когда им дается корм и питье. (11) Птичник должен через промежутки в несколько дней обходить гнезда и переворачивать яйца, чтобы они равномерно согревались. Говорят, что можно отличить полные и годные яйца от плохих, опустив их в воду: пустое яйцо плавает, полное опускается вниз. Те, кто, желая узнать это, встряхивают яйца, поступают неправильно, потому что они сдвигают с места вены, от которых зависит жизнь.⁷ Они же говорят, что если яйцо, поднесенное к свету, просвечивает, то значит оно пусто. (12) Желая сохранить яйца подольше, перетирают их с мелкой солью, или опускают на три-четыре часа в рассол, а потом обмывают и укладывают в отруби или в мякину. Подкладывая яйца, соблюдают правило, требующее, чтобы их было нечетное число. Через четыре дня после того как курица села, птичник может установить, есть ли в яйцах зародыши цыплят. Если он держит яйцо на свет и оно оказывается всё одинаково светлым, то считается, что его надо выбросить и подложить другое. (13) Вылупившихся цыплят надо собрать из отдельных гнезд под одну курицу, у которой своих цыплят мало; если под ней осталось еще несколько невысиженных яиц, их надо забрать и подложить под других наседок, у которых цыплята еще не вылупились и их меньше тридцати. Не надо, чтобы выводок

был больше. Первые пятнадцать дней цыплятам надо бросать по утрам, посыпав сначала песку, чтобы они не изранили клювом о твердую землю, ячной каши, смешанной с семенами креса (кашу предварительно бросают кусочками в воду, чтобы она не разбухла у них в теле); воды не дают вовсе. (14) Когда на бедрах у них станут пробиваться перья, следует почаще выбирать у них вшей из головы и шеи: от них они часто начинают чахнуть. Клетки надо окуривать оленьим рогом, чтобы туда не заползла какая-нибудь змея; цыплята гибнут от запаха этих пресмыкающихся. Их надо выпускать на солнце, на навозную кучу, чтобы они могли там поваляться, — от этого они становятся здоровее, — (15) и не только цыплят, но и весь птичник. Делать это следует не только летом, но и неизменно в мягкую солнечную погоду; сверху натянуть сеть, чтобы птицы не вылетели за ограду, а к ним не залетел ястреб или какой другой хищник. Цыплят надо оберегать от холода и зноя: то и другое им вредно. Оперившихся цыплят надо приучить к тому, чтобы они ходили за одной или двумя курицами; остальным наседкам нечего выращивать цыплят, — пусть несут яйца. (16) Сажать на яйца надо в новолуние; если сделать это раньше, то обычно ничего хорошего не получается. Цыплята вылупливаются дней через двадцать. Так как об этих усадебных курах сказано очень много, то я возьму это в дальнейшем краткостью.⁸

«Дикие куры встречаются в городе редко, и в Риме их можно видеть только прирученных в клетках; видом они похожи не на наших домашних кур, а на африканских. (17) Этих кур, если они по всему виду и складу чистокровные, возят в публичных процессиях вместе с попугаями, белыми дроздами и прочими подобными же диковинками.⁹ Они кладут яйца и выводят птенцов не в усадьбах, а в лесу. По этим курам, говорят, назван остров Галлинария, находящийся около берегов Италии в Тиренском море насупротив Лигурийских гор, Интимилии и Альба Ингавна.¹⁰ Другие утверждают, что эти куры произошли от наших домашних, которых моряки завезли на этот остров, где они и одичали. (18) Африканские куры¹¹ большие, пестрые, горбатые; греки называют их „мелеагриды“. Они совсем недавно появились на обеденном столе: от пресыщения люди уже не знают, что им есть. (19) Они редки и потому продаются дорого.

«Откармливают главным образом домашних кур. Их запирают в теплом, тесном и темном помещении, потому что движение и свет освобождают от оков жира. Выбирают самых крупных кур, не обязательно тех, которые неправильно называются мелийскими: дело в том, что в старину говорили не „Фетис“, а „Фелис“, и называли Мидию Мелией.¹² Первоначально называли так и кур, которых вывезли из Мидии, прельстившись их величиной, (20) и потомство их, а затем по сходству — всех крупных кур. У них вырывают перья из крыльев и из хвоста и начинают их

закармливать коlobками из ячной муки, к которой подмешивают иногда молотого куколя, а иногда льняных семян, размоченных в пресной воде. Есть дают дважды в день; прежде чем дать вторую порцию, устанавливают по определенным признакам, переварена ли первая. После еды, когда они почистят у себя голову, чтобы не завелось вшей, их опять запирают. Так делают дней двадцать пять; птицы к этому времени заплывают жиром. (21) Некоторые закармливают их пшеничным хлебом, размоченным в смеси воды с хорошим ароматным вином: через двадцать дней мясо у птиц будет жирное и нежное. Если они от перекармливания теряют аппетит, то порции надо в последние десять дней уменьшать в соответствии с тем, как они увеличивались в первые десять: двадцатый день и первый день должны быть одинаковы.

«Таким же образом откармливают и заставляют жиреть и вяхпрей».

10

«Переходи, — говорит Аксий, — теперь к тем птицам, которым усадыбы и суши мало; они требуют прудов, и вы, поклонники греков, называете их амфибиями.¹ Место, где содержатся гуси, вы называете чужеземным именем «chenoboscion».² У Сципиона Метелла³ и М. Сея этой птицы несколько больших стад». — «Сей приобретал свои гусиные стада, — говорит Мерула, — учитывая те пять пунктов, о которых я говорил по поводу кур. Пункты эти касаются породы, спаривания, яиц, цыплят и откармливания. (2) Во-первых, он приказывал рабу выбирать гусей белых и крупных, потому что в большинстве случаев они выводят таких же гусят. Есть ведь и другой вид — пестрый, этих гусей зовут дикими; они неохотно сближаются с домашними и не становятся такими же ручными. (3) Гусей спаривать лучше всего после зимнего солнцестояния; сажать на яйца — от февральских или мартовских календ и до летнего солнцестояния. Спариваются они обычно в воде; поэтому их загоняют в реку или в пруд. Гусыня кладет яйца только трижды в год. Каждой гусыне в период кладки яиц нужно устроить закуток фута в два с половиной в квадрате и устлать его мякиной. Яйца их надо пометить каким-нибудь знаком, потому что чужих они высиживать не будут. Под гусыню подкладывают обычно девять или одиннадцать яиц; кто меньше, — те пять; кто больше, — те пятнадцать. На яйцах они сидят в холодную погоду тридцать дней, в теплую — двадцать пять. (4) Вылупившихся гусят оставляют первые пять дней с матерью. Затем их ежедневно в ясную погоду выгоняют в луга, к прудам и болотам; устраивают для них закутки или выкапывают пещерки, куда впускают не больше двадцати гусят; следят, чтобы в этих каморках земля не была сырой, чтобы была мягкая подстилка из мякины или чего другого и чтобы к ним не могли

проникнуть ни ласки, ни другие хищники. (5) Гусей пасут по сырым местам и сеют для них корм, который может принести некоторый доход; сеют также траву, которая называется «seris»: если ее, даже сухую, окропить водой, то она делается зеленой. Листья ее срывают и дают гусям; если их погнать туда, где она растет, то они ее вытопчут, а сами погибнут от несварения: эта птица обжорлива по природе. Их надо удерживать: часто на пастбище они, ухватившись за корень и желая по жадности вытащить его из земли, сворачивают себе шею: она у них очень слабая; голова тоже нежная. Если этой травы нет, им дают ячмень или другое зерно. Когда наступает сезон *farrago*, ее надо давать так же, как *seris*. (6) Наседкам нужно ставить ячмень, размоченный в воде. Гусьятам первые два дня ставят ячную кашу или ячмень, а три следующих — мелко нарезанный зеленый кресс, вымоченный в воде; его кладут в какую-нибудь посудину. Загнав по закуткам или пещеркам, как я уже говорил, по 20 гусей, бросают им ячной каши, *farrago* или какой-нибудь нарезанной нежной травы. (7) Для откармливания выбирают гусей в возрасте около полутора месяцев; их запирают в откормочное отделение и кормят кашей и тестом из пшеничной муки, трижды в день досыта. После еды позволяют напиться волю. При таком уходе они месяца через два заплывают жиром. Всякий раз после еды помещение их вычищают; они любят чистое помещение, но сами после себя не оставят ни одного чистого места.⁴

11

«Кто желает обзавестись стадами уток и устроить у себя *nessotrophion*,¹ должен, прежде всего, выбрать, если у него есть такая возможность, место болотистое, потому что утки такое особенно любят; если его нет, то лучше всего поместить уток около озера, пруда или копанки, куда они могут спускаться по ступенькам. (2) Загородка вокруг места, где они живут, должна быть высотой футов в пятнадцать, как вы и видели у Сея, с одной калиткой. Внутри по всей стене идет широкая приступка, на которой по стене размещаются крытые гнезда; перед ними их прихожая — это площадка, залитая цементом. По ней идет сплошной жолоб, куда им кладут корм и одновременно пускают воду: они таким образом принимают пищу. (3) Все стены гладко оштукатурены, чтобы ни кошка, ни другое хищное животное не могло к ним пробраться и навредить; загородку целиком закрывают сетью с большими петлями, чтобы ни орел не мог влететь, ни утка вылететь. В качестве корма им дают пшеницу, ячмень, виноградные выжимки, а иногда речных крабов и тому подобных водяных животных. В копанки, находящиеся в этой загородке, должна обильно втекать вода, чтобы всегда быть свежей.²

(4) «Есть и другие похожие на уток птицы; например, чирки, водяные курочки и куропатки, которые, как пишет Архелай, зачинают, услышав голос самца.³ Их не откармливают, как вышеупомянутых птиц, так как не стоит заботиться ни об их плодovitости, ни об улучшении их мяса: они сами пасутся и сами жиреют. Я рассказал о том, что, по-моему, составляет первый акт в усадебном хозяйстве».

12

Тем временем возвращается Аппий; мы начинаем расспрашивать его, а он нас о том, что говорилось и делалось. «Теперь, — продолжал Аппий, — следует второй акт; это обычная добавка к усадебному хозяйству; тут пойдет речь о парках или, как их называли в старину по одному отделению, о „заячьих питомниках“. Там теперь держат не только зайцев, как это было некогда, на одном или двух югерах огороженного леса, а даже оленей и коз и отводят им много югеров. Говорят, у Кв. Фульвия Липпина под Тарквиниями огорожено сорок югеров, и там содержатся не только названные мною животные, но даже дикие овцы. Еще больший парк есть у него под Статонней¹ и по другим местам, (2) а в Трансальпинской Галлии у Тита Помпея² огороженное для охоты пространство тянется мили на четыре. Кроме того, за той же оградой обычно помещается пчельник, находится место для разведения улиток и стоят долины, где держат соней. Как охранять всех этих животных, разводить их и кормить, это знают все (о пчелах известно не всем). (3) Кто в самом деле не знает, что загородка в парке должна быть высока, сделана из кирпичасырца и оштукатурена? Одно необходимо, чтобы ласка, куница и прочие хищники не могли забраться, а другое, — чтобы не мог перескочить волк. Там должны быть укромные местечки, чтобы зайцы могли прятаться днем среди травы и кустарников, и деревья с раскидистыми ветвями, чтобы помешать налетам орлов. (4) Кто не знает, что если туда пустить несколько зайцев и зайчих, то через короткое время все будет заполнено зайцами: настолько плодovито это четвероногое. Если пустить в парк только четырех зайцев, то в скорости он будет ими полон. Часто при совсем маленьких зайчатах зайчиха опять оказывается непорожней. Архелай пишет, что если ты хочешь узнать, какого зайчиха возраста, то посмотри, сколько отверстий в ее половых частях: несомненно, что у одной имеется их больше, чем у другой.³ (5) Недавно вошло в обычай откармливать зайцев: их вылавливают из парка и сажают в клетки; сидя взаперти, они жиреют. Есть три вида зайцев. Наш италийский заяц с низкими передними и высокими задними ногами, черной спинкой, белым брюхом и длинными ушами. Говорят, что зайчихи этой породы, имея во чреве, опять зачинают. В Трансальпинской Галлии и в Маке-

дони эти зайцы очень велики; в Испании и Италии они величины средней. (6) Другой вид их водится в Галлии, у Альп; они отличаются от первых мастью: она у них совершенно белая; в Рим их доставляют редко. Третий вид их водится в Испании: они похожи до некоторой степени на наших зайцев, только низенькие; их зовут кроликами. Л. Элий⁴ считал, что название зайцу „Ierpus“ дано за быстроту, так как он животное легконогое — levipes. Я думаю, что они названы от старого греческого слова: зайца эолийцы называли λέπις. Кролики (cuniculi) зовутся так потому, что там, где они прячутся в полях, они проделывают себе под землей ходы (cuniculos).⁵ (7) Если можешь, держи в парке все три вида. Я думаю, что два по крайней мере у тебя есть; ты так долго был в Испании, что, думаю, кролики оттуда прибежали за тобой.

13

«Можно, — говорит он, — держать в парке и кабанов. Ты знаешь, Аксий, что и пойманные, и ручные, которые родились там, откармливаются и жиреют без больших хлопот. Ты видел, как в том имении, которое наш Варрон купил под Тускулом у М. Пуния Пизона,¹ в определенное время по звуку трубы собирались на кормежку кабаны и козы,² а сверху, с террасы, им кидали — кабанам жолуди, а козам вику и еще что-то». — (2) «Я, — говорит он, — когда был у Кв. Гортензия под Лаврентом,³ видел, как это там делается более на фракийский лад. По словам Гортензия, у него огорожено леса больше пятидесяти югеров; он называл этот парк не „заячьим питомником“, а „зверинцем“. Было там высокое место, где мы и обедали и куда он велел кликнуть Орфея. (3) Он явился в столе⁴ с кифарой и, получив приказание петь, стал наигрывать на рожке; тут кругом повалило такое множество оленей, кабанов и прочих животных, что зрелище это показалось мне не менее прекрасным, чем охота, которую устраивают эдилы в Большом Цирке, когда нет африканских зверей».⁵

14

«Ну, друг Мерула, — говорит Аксий, — Аппий облегчил твою задачу. Второй акт, касающийся охоты, закончился быстро; осталось еще рассказать об улитках¹ и сонях, но я об этом и не прошу: завести их невелика трудность». — «Это не так просто, как ты думаешь, друг Аксий, — говорит Аппий. — Надо выбрать для улиток удобное место под открытым небом и опоясать его кругом водой: иначе тебе придется искать не потомство от тех улиток, которых ты принесешь туда на развод, а их самих». — (2) «Водой, — говорю я, — нужно огородить их, а то придется

тебе приобретать охотника за беглыми. Место лучше такое, которое не накаляется от солнца и где выпадает роса. Если природой тебе такого не дано — таких мест не бывает там, где много солнца, — и нет у тебя тенистого уголка для них где-нибудь под скалами или под горой, подошву которой омывает озеро или река, то придется создавать для них искусственную росу. Это делается так: отведи воду по трубе и на ней поставь маленькие сосочки, из которых будет бить вода; она должна попадать на камень и оттуда широко разбрызгиваться. (3) Еды им нужно мало, да и ту подавать нечего: улитка, ползая, сама находит ее не только на земле, но если ей не преградит дорогу ручей, то она взберется даже на отвесные стены. Затем, они отыгрыают жвачку и даже, попав к торговцу, еще долго тянут, если им подбрасывать немножко лавровых листьев и подсыпать горсточками отруби. Повару, однако, чаще всего остается неизвестным, варит ли он живых улиток или уже мертвых. (4) Улитки бывают многих видов: есть мелкие, беленькие, которых доставляют из Реате, крупные, которых привозят из Иллирика, и средней величины, которых доставляют из Африки. Это не значит, что в этих краях нет таких мест, где бы они были совсем другими по величине: в Африке, например, есть такие крупные (их зовут „solitannae“) что в их раковину можно влить 80 квадрантов.² И по разным областям улитки того же вида бывают и мельче и крупнее. (5) Разводятся они в неисчислимом количестве; потомство их выводится совершенно крохотным в мягкой скорлупе, которая с течением времени отвердевает. Если на ровном месте устроить для них большие островки, то они принесут кучу денег. Их тоже откармливают и таким образом: сажают их в дырявый горшок, вымазанный тестом из полбяной муки, замешанной на сапе;³ дырки нужны, чтобы мог проходить воздух, природа у них живучая.

15

«Соней содержат иначе: место для них огораживают не водой, а стеною; с внутренней стороны ее всю выкладывают гладкими камнями или штукатурят, чтобы сони не могли выскользнуть. В этом месте должны расти деревца, дающие жолуди. Если на них нет урожая, надо сыпать за стену жолудей и каштанов, чтобы сони наедались досыта.¹ (2) Надо вырыть для них просторные пещерки, где бы они могли выводить детенышей; воды много не требуется: они употребляют ее мало и ищут сухого места. Откармливают их в долинах, которые у многих стоят даже в усадьбе. Эти долины гончары делают совсем иначе, чем другие: в их стенках они проделывают тропинки и углубления, куда класть пищу.² В такой долины накладывают жолудей, грецких орехов и каштанов. В этих потемках, когда долины закроются крышкой,³ сони заплывают жиром».

«Итак, — говорит Анший, — остается еще третий акт из пьесы об усадьбном хозяйстве: о рыбах». — «Как третий? — говорит Аксий. — Если тебе, когда ты был молод, дома не давали по скудости сыченого вина,¹ то и мы должны забыть о меде?» — «Он правду говорит, — обратился к нам Анший — (2) я остался бедняком с двумя братьями и двумя сестрами; одну из них я выдал за Лукулла бесприданницей; только получив от него наследство, я впервые и первый у себя в доме стал пить сыченое вино, хотя в это время почти ежедневно на пирах всем подносили сыченое вино. (39) Кроме того, мне, а не тебе, принадлежит по праву знакомство с этими насекомыми,² которым природа уделила столько ума и умения. И чтобы ты знал, что мне они знакомы больше, чем тебе, послушай о том, каким невороятным способом они рождаются. Мерула изложит основательно как всегда, в чем состоит работа пчеловодов.

(4) «Пчелы рождаются частью от пчел, а частью из разлагающегося бычачьего трупа. Архелай³ говорит в эпиграмме, что они „бродячие дети погибшей коровы“, а также „осы рождаются от коней, а пчел тельцы порождают“.⁴ Пчелы по природе своей не любят одиночества, как орлы; они, как люди. Если вместе собираются и галки, то это вовсе не то же самое: тут сотрудничают и строят вместе; там этого нет; тут разум и искусство; от них учатся работать, строить, сохранять пищу. (5) У них есть три дела: заготовить пищу, выстроить жилище, собрать мед; их пища, воск, мед⁵ и дом — все это вещи разные. Разве в сотах у ячейки не шесть сторон, — столько же, сколько у самой пчелы ног? Геометры доказывают, что шестиугольник, вписанный в круг, захватывает его пространство почти целиком. Они едят на стороне, а дома работают над изготовлением вещества, самого сладкого, какое только есть, приятного богам и людям: соты кладут на алтарь, медом начинается пир, и его же подают на вторую перемену.⁶ У них есть государство, как у людей: есть царь, правительство и общество. Им нужно только то, что чисто. Ни одна из них не сядет в грязь или там, где дурно пахнет, но не сядет и там, где пахнет хорошими мазями. Поэтому, если подойти к ним, умастившись, то они начнут жалить человека, а не лизать его, как мухи. Никто не увидит их, как мух, на мясе, на крови или на жире. Они садятся только на сладкое. (7) Нет существа менее зловердного: ничьей работы она не порвет и не испортит, но она не труслива и будет сопротивляться, если кто-нибудь попытается разрушить ее собственную работу; свое бессилие, однако, она знает. Пчел по справедливости называют крылатыми прислужницами муз:⁷ если они рассыпались в разные стороны, то ритмическое звучание кимвалов и хлопанье в ладоши быстро возвращает их на одно место; как люди отвели этим богиням

Геликон и Олимп,⁸ так природа отвела пчелам покрытые цветами дикие горы. (8) Они сопровождают своего царя,⁹ куда бы он ни шел; помогают ему, если он устал; если он не в силах лететь, несут на себе, желая уберечь. Сами они всегда деятельны и ненавидят бездельников. Они преследуют и выгоняют от себя трутней, потому что те им не помогают в работе, а мед едят. Даже в малом числе пчелы набрасываются на многочисленных трутней, невзирая на их громкое жужжание. Кроме входа в улей, все отверстия, через которые воздух проходит между сотами, они замазывают веществом, именуемым у греков „erithace“.¹⁰ (9) Все они живут, словно солдаты в полку: регулярно и по очереди спят и работают, высылают как бы колонии, и предводители их, словно в подражание трубе, отдают некоторые распоряжения голосом. Это делается при подаче сигналов войны и мира. Но, Мерула, наш друг Аксип исхушает, слушая всю эту естественную историю пчел: я ведь ни слова не сказал о доходах, которые они приносят, и поэтому передаю тебе в беге факел».¹¹

(10) «Что касается дохода, — говорит Мерула, — то, пожалуй, мой рассказ удовлетворит тебя, Аксип. Я могу здесь сослаться не только на Сея, который сдает в аренду свои пчельники, дающие пять тысяч фунтов меду, но и вот на нашего Варрона. Он рассказывал мне, что у него в Испании было двое братьев солдат из-под Фалерий.¹² Звали их Вейаниями и были они людьми состоятельными, хотя отец оставил им маленькую усадьбу и участок не больше, чем в югер. Они поставили вокруг всей усадьбы ульи, развели огород, а все остальное место засеяли тимьяном, бобовником и мелиссой, которую одни называют „meliphyllon“, другие „melissophyllon“, а некоторые „melittaena“.¹³ (11) Они в среднем никогда не получали с меда меньше десяти тысяч, но предпочитали ждать подходящего времени и только тогда начинали переговоры с торговцем, а не сбывали мед поскорее и не вовремя». — «Скажи, — говорит, — где и какой пчельник мне надо устроить, чтобы получать большие доходы?» — (12) А он: «Пчельники — одни называют их „melitrophia“, а другие „mellaria“¹⁴ — надо устраивать так: во-первых, лучше всего поставить ульи около усадьбы, где не звенит эхо (считается, что этот звук служит для них сигналом к бегству), в месте с умеренной температурой, которое летом окажется не на солнцепеке, а зимой будет залито солнцем; лучше всего если оно обращено к зимнему востоку и поблизости от него находятся места с обильным кормом и есть чистая вода. (13) Если корма для них не вырастила сама природа, то хозяину надлежит посеять растения, особенно любимые пчелами. К ним относятся: розы, тимьян, мелисса, мак, бобы, чечевица, горох, базилик, кипер,¹⁵ „мидийская трава“ и особенно бобовник, который чрезвычайно полезен для больных пчел.¹⁶ Он начинает цвести с весеннего равноденствия и стоит в цвету до другого равноденствия. (14) Как он содействует

здоровью пчел, так тимьян выработке меда. Сицилийский мед и считается наилучшим, потому что в Сицилии много хорошего тимьяна.¹⁷ Некоторые поэтому толкут тимьян в ступке, разводят его теплой водой и обрызгивают этим все, что посеяно для пчел. (15) Что касается места для пасеки, то лучше всего выбрать его рядом с усадьбой; некоторые помещали ее даже в портике усадьбы, чтобы она была в большей безопасности. Ульи одни делают круглые из прутьев, другие — из дерева и коры, некоторые — из дулистого ствола, некоторые — из глины, а некоторые — даже из стеблей *ferula*,¹⁸ квадратные, высотой фута в три, а шириной в один, причем с таким расчетом, чтобы их, если они не будут целиком заполнены, можно было сузить: пчелы в обширном пустом помещении падают духом. Все эти обиталища для пчел называются „alvi“, потому что в них содержится пища (*alimonium*) — мед; в середине их сильно суживают, по-видимому, затем, чтобы уподобить фигуре пчелы.¹⁹ (16) Ульи, сделанные из прутьев, обмазывают изнутри и снаружи коровьим навозом, чтобы их шероховатая поверхность не отпугнула пчел; эти ульи подвешивают на вбитых в стену костылях таким образом, чтобы они не колыхались и не соприкасались между собой, будучи расположены в ряд. Под первым рядом через некоторый промежуток помещают второй и третий; говорят, что лучше уменьшить число рядов, чем прибавить еще четвертый.²⁰ Посредине улья делают справа и слева маленькие отверстия, через которые будут влетать пчелы. (17) Верх улья закрывают крышкой, чтобы пасечники могли вынимать мед. Лучше всего ульи из коры; хуже всего глиняные, потому что они чрезвычайно подвержены воздействию холода зимой и зноя летом. Весной и летом пасечник должен раза три в месяц осмотреть улей, слегка его окурить, очистить от нечистот и вымести червяков. (18) Надлежит ему также следить, чтобы в улье не было нескольких царьков: это вредно для улья, потому что вызывает раздоры. Некоторые говорят, что предводители у пчел бывают трех видов: черные, красные и пестрые. Менекрат же пишет, что двух: черные и пестрые.²¹ Пестрые гораздо лучше, и если в одном и том же улье есть два царя, то пасечнику стоит убить черного: если его оставить с другим царем, то он поднимет восстание и повредит улью, так как или выгонит царя, или сам будет выгнан, и с ним улетит множество пчел. (19) Из остальных пчел самая лучшая маленькая, пестрая, круглая. Так называемый „вор“ иначе трутень, черного цвета, с широким брюшком.²² Оса походит на пчел, но не участвует в их работе и часто их жалит: пчелы ее к себе не принимают. Пчелы еще различаются между собой так: есть дикие и ручные. Дикими я называю тех, которые живут по лесным местам; ручными — живущих в обработанных местностях. Лесные пчелы меньше, покрыты волосками, но работницы они лучшие.²³ (20) При покупке покупатель должен обратить внимание, здо-

ровы пчелы или больны. Признаки здоровья: рой густой, пчелы гладкие; соты, которые они делают, ровные и не шероховатые. Признаки того, что пчелы хворают: они ошетинены,²⁴ взъерошены и словно посыпаны пылью. Так, правда, бывает с ними в горячее время, тогда от работы они худеют и приобретают какой-то встрепанный вид. (21) Если их приходится перевозить в другое место, то делать это надо заботливо: учесть время, когда лучше всего это тебе сделать, и обеспечить им подходящее место там, куда ты их переносишь. Лучше перевозить их весной, а не зимой, потому что зимой они трудно привыкают к новому месту и в большинстве случаев улетают. Если ты перенесешь их из хорошего места туда, где нет подходящих трав, они сбегут. И если ты будешь переселять их на том же самом месте из одного улья в другой, то не делай этого кое-как. (22) Улей, куда перейдут пчелы, надо натереть мелиссой (это их приманит); положить внутри, недалеко от входа, соты с медом, чтобы они не подумали, будто не хватает пищи. . . говорит.²⁵ Он же сообщает, что пчелы заболевают поносом от первых весенних кормов, состоящих из цветов миндаля и дикой вишни; их лечат, давая пить мочу.²⁶ (23) „Propolis“ называется то вещество, из которого они делают, преимущественно летом, навес над входным отверстием в улей. Это вещество под тем же именем употребляют врачи для пластырей; поэтому на „Священной Дороге“ его продают еще дороже, чем мед. „Erithase“ называется вещество, которым они склеивают между собой края сот; это нечто иное, чем мед и propolis; вещество это обладает силой приманки.²⁷ Поэтому им, с примесью мелиссы, смазывают ветку или какой-нибудь другой предмет, куда желают посадить рой. (24) Сотами называют вылепленное ими из воска многоячейчатое сооружение; в каждой ячейке имеется шесть сторон; столько же ног дала природа каждой пчеле. Говорят, что материал, который они приносят для выработки этих четырех веществ — propolis, erithase, воска и меда — они берут не с одних и тех же растений. С гранатника и спаржи они берут только пищу; с масличного дерева — воск; со смоквицы — мед, только он плохой. (25) Двойную службу служат бобы, мелисса, горлянка и капуста, с которых они берут воск и пищу; яблоня и лесные груши — тоже двойную: с них получают и пищу и мед; двойную же, но в другом роде — мак: с него они берут воск и мед. Бывает, что растения служат им и тройную службу: с миндального ореха и щавеля берут они пищу, мед и воск. И с других цветов одни взятки берутся для выработки только одного вещества, а другие для выработки многих;²⁸ (26) различают пчелы между растениями и в другом смысле (но разница эта от них не зависит): с одних растений, например с цветков пастернака, они делают жидкий мед; с других, например с „морской росы“, — густой; со смоквицы мед невкусный, с бобовника хороший, с тимьяна превосходный. (27) Питье отчасти заменяет для них

еду, пьют же они воду только чистую. Она должна находиться поблизости: протекать мимо пчельника или вливаться в какой-нибудь бассейн и не превышать глубиной двух-трех пальцев; в эту воду надо набросать черепков или камешков, причем они должны несколько выдаваться из воды: пчелы будут на них садиться и пить. Надо прилагать всяческую заботу к тому, чтобы вода была чиста: она чрезвычайно содействует хорошей выработке меда. (28) Так как не всякая погода позволяет лететь далеко за пищей, то надо заготавливать пчелам еду, чтобы они не были вынуждены жить одним медом или покидать опустошенные ульи. Поэтому для них варят крупные винные ягоды: берут их фунтов десять на шесть конгивов воды и, наделав из этого варева колобков, кладут их возле ульев. Другие заботливо ставят возле сыченую воду, разлитую по маленьким посудинкам; чтобы пчелы не опились и не попадали в воду, туда опускают чистые шерстинки, через которые они и сосут воду. Возле каждого улья ставят по одной посудине и ее доливают. Другие толкут изюм вместе с винными ягодами, подливают туда сапы и, наделав из этого колобков, кладут их там, куда пчелы все же могут вылететь зимой на пастбище.²⁹

(29) «Когдарой собирается вылететь (это обычно бывает, когда благополучно вывелось большое потомство, и пчелы желают как бы выслать колонию; сабиняне когда-то часто это делали по причине многодетности), то этому обычно предшествуют два признака, а именно: во-первых, за несколько дней, преимущественно к вечеру, множество пчел, цепляясь одна за другую, образуют перед входом в улей как бы гроздь; (30) во-вторых, когда они собираются вылететь или уже начали вылет, они поднимают очень сильный шум, словно солдаты, когда они снимаются с лагеря. Вылетевшие первыми летают на виду, поджидая, пока подойдут остальные, которые еще не собрались. Когда пасечник заметит это, он вспугивает пчел, бросая в них песком и позванивая в медную посудину. (31) Место, куда он хочет их перевести, неподалеку отсюда, смазывают erithace и натирают мелиссой и прочими травами, которые они любят. Когда пчелы сядут, приносят улей, натертый внутри теми же травами, ставят его вблизи и, окуривая пчел легким дымом, заставляют их туда влететь. Войдя в новую колонию, они очень охотно остаются там, и если ты даже поставишь рядом тот улей, откуда они вылетели, им приятнее будет новое жилье.

(32) «По-моему, я рассказал обо всем, что касается содержания пчел: теперь я расскажу, ради чего предпринимаются все эти заботы: о доходе, который пчелы приносят. Они сами подают знак к тому, что надо вынимать соты: пасечники догадываются об этом, если внутри улья стоит гул; пчелы, входя и выходя, пошатываются, и если ты снимешь с ульев крышки, то окажется, что все отверстия в сотах затянуты пленками, так как они полны меда.

(33) «Некоторые говорят, что, вынимая мед, надо взять только девять частей и оставить пчелам десятую: если ты вынешь весь мед, пчелы покинут улей. Другие оставляют даже больше, чем я сказал. Как земледельцы, оставляющие нивы под паром, получают после перерыва больше хлеба, так и с ульями: если ты будешь вынимать мед не ежегодно, или не будешь каждый год брать его в одинаково большом количестве, то пчелы станут работать прилежнее и дохода тебе принесут больше. (34) Первым сроком для выемки сот считается время восхода Вергилий; вторым — конец лета, пока Арктур еще не покажется целиком: третьим — время после захода Вергилий,³⁰ причем, если улей богат медом, то вынуть следует не больше одной трети, остальное остается на зимовку; если улей беден, нельзя ничего вынимать. Нельзя брать сразу и открыто много меда, чтобы пчелы не пришли в отчаяние. Если в вынутых сотах какая-нибудь часть окажется пустой или с медом загрязненным, то ее надо отрезать ножиком. (35) Надо следить, чтобы пчелы более сильные не забивали слабых, иначе меда будет меньше. Поэтому пчел более хилых отделяют и пускают к другому царю. Пчел, которые часто между собой дерутся, следует обрызгать сыченой водой. От этого они не только прекратят драку, но и соберутся вместе и станут облизывать друг друга, особенно, если их вспрыснуть сыченым вином: по причине запаха, они на него жадно набрасываются и, напившись, цепенеют. (36) Если пчелы вылетают из улья редко и часть их сидит дома, то надо их слегка подкурить, а поблизости положить ароматных трав, главным образом Melissa и тимьяна. (37) Надо особенно озаботиться тем, чтобы они не погибли от жары или от холода. Если когда-нибудь пчел на их пастбище застигнет внезапный ливень или внезапный холод (это бывает редко, так как они заранее предчувствуют наступление непогоды и обманываются редко) и обильными каплями ливня их прибьет к земле, словно мертвых, то их нужно собрать в какую-нибудь посудину, поставить в крытом теплом помещении, а на следующий день, когда станет особенно тепло, посыпать их золой от смоковничных дров, скорее горячей, чем теплой. Затем посудину надо слегка встряхнуть и, не трогая пчел руками, выставить их на солнце. (38) Пчелы, согревшись таким образом, оправятся и оживут; то же обычно бывает и с утонувшими мухами. Это надо делать около ульев, чтобы они, ожив, могли вернуться к своей работе и своему жилью».³¹

Тем временем возвращается к нам Павон и говорит: «Пожалуйста, если вам угодно поднять якоря, то таблички все поданы, идет жеребьевка триб, и глашатай уже начал выкликать, кого какая триба выбрала эдилом».¹ Анний тотчас же встает, чтобы

сразу же поздравить своего кандидата и отправиться к нему домой. «Третий акт представления об усадебном хозяйстве, — говорит Мерула, — будет тебе, Аксий, поставлен позже». Они встали, мы же поглядывали назад, зная, что и наш кандидат придет сюда. «Я не огорчаюсь, — говорит мне Аксий, — что Мерула ушел на этом месте. (2) Оставшаяся часть мне, пожалуй, известна. Есть два вида прудов: с пресной водой и соленой. Первые устраивает и простой люд, и не без прибыли, если Нимфы пошлют воду нашим домашним рыбам. Пруды с морской водой — это пруды знати, которым Нептун посылает и воду, и рыб. Они больше радуют глаз, чем кошелек, и скорее опустошают хозяйскую кошницу, а не наполняют ее. Во-первых, устроить их дорого, во-вторых, населить рыбой дорого, в-третьих, содержать эту рыбу дорого. (3) Гирр² получал с построек, стоявших вокруг его прудов, 12 000 сестерций. Весь этот доход он тратил на еду для своих рыб. Неудивительно; я помню, что однажды он одолжил Цезарю на вес две тысячи мурен, и благодаря громадному количеству рыбы продал свою усадьбу за четыре миллиона.³ Поэтому наши простецкие пруды, не сообщающиеся с морем, и называются по справедливости „сладкими“, а не „горькими“,⁴ кто из вас не удовольствуется одним таким прудом? И наоборот, у кого пруды с морской водой не представляют собой цепи отдельных, соединенных между собой прудов? (4) Как у Павсия⁵ и прочих художников имеются большие ящики с отделениями для разноцветного воска, так и у них пруды устроены с отделениями, где особо находится разная рыба. Кажется, будто они священны и более неприкосновенны, чем те рыбы в Лидии, о которых ты, Варрон, рассказывал, что, когда ты совершал жертвоприношение, они на звуки флейты стаями подплывали к берегу и к жертвеннику: никто ловить их не смеет (в это время ты видал, как острова лидийцев „вели там хоровод“).⁶ Так и этих рыб у нас ни один повар не смеет пригласить в похлебку.⁷ (5) У нашего друга, Квинта Гортензия, около Баул есть большие пруды,⁸ устройство которых обошлось ему очень дорого; я знаю, однако, что всякий раз, как я бывал у него (а это случалось часто), он неизменно посылал в ПUTEОЛЫ купить рыбы к обеду. (6) Мало было того, что он не кормился с этих прудов: он должен был собственноручно кормить своих рыб и больше беспокоился о том, чтобы не голодали его „мулы“,⁹ чем беспокоюсь я, чтобы не голодали в Розее мои ослы. Да и снабжал он их и пищей, и питьем гораздо роскошнее, чем я своих животных. У меня при моих многотысячных ослах состоит один-единственный раб: получают они немного ячменя и пьют воду, которая имеется дома. У Гортензия имелось, во-первых, множество рыбаков, которые должны были прислуживать его рыбам: они налавливали кучу мелкой рыбешки, которую поедали крупные рыбы. (7) Кроме того, он покупал и бросал в эти пруды соленую рыбу; если на море стояло волнение и была

непогода, то кушанья для рыб поставлял рынок, раз неводом нельзя было вытянуть на берег живой еды, т. е. рыбы, которую ест за обедом простой народ. Ты скорее взял бы с согласия Гортензия мулов из его конюшни себе в повозку, чем из его пруда бородатого „мула“. (8) Он не меньше заботился о больных рыбах, чем о прихворнувших рабах. Он больше беспокоился о свежей воде для своих рыб, чем о том, чтобы больной раб не напился холодной. Он даже говорил о небрежности М. Лукулла в этом отношении и с презрением относился к его прудам, потому что у него не было удобных лагун, и его рыбы жили в застоявшейся воде, в нездоровом месте. (9) Луций же Лукулл, по его словам, не уступал и Нептуну в рыбоводстве, потому что прорыл под Неаполем гору и пустил в свои пруды морское течение так, что там бывает и прилив, и отлив.¹⁰ Действительно, в жару он, по-видимому, угонял своих друзей-рыб в места более прохладные, как это обычно делают апулийские скотоводы, которые перегоняют своих овец по скотопрогонным дорогам в Сабинские горы.¹¹ Строясь около Бай, он загорелся такой страстью, что разрешил архитектору тратить деньги, словно они были его собственные, лишь бы он вывел из прудов туннель в море и поставил перед ним мол так, чтобы ежедневно, дважды в день, от новой луны и до новой, морская вода могла приливать и отливать, охлаждая таким образом воду в прудах».

(10) Так беседовали мы. Но вот справа раздается шум, и наш кандидат, выбранный в эдилы, уже в тоге с красной каймой¹² входит в Виллу. Мы идем к нему, поздравляем и провожаем на Капитолий. Оттуда он направился к себе, а мы к себе, дорогой Пинний, закончив беседу об усадебном хозяйстве, которую я в общих чертах изложил тебе.





КОММЕНТАРИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

К главе 1-й

¹ Римская пословица. «Мы не больше, чем пузыри», — говорит один из гостей Трималхiona (Petr. 42).

² Пророчица из Малой Азии, бродившая из города в город, из страны в страну. Главным местопребыванием ее считались Эрифры (город на ионийском берегу Малой Азии, против Хиоса); отсюда ее предсказания проникли в Кумы, а из Кум в Рим. Образ ее принял постепенно сказочные очертания; возраст ее измерялся тысячелетиями; из ее предсказаний возникли разные собрания оракулов, а сама она расщепилась на ряд сивилл: Варрон (Lactant. div. inst. I.6.8) пишет, что сивилл было десять. От него же сохранился и знаменитый рассказ о том, как кумская сивилла продавала Тарквинию Приску свои книги, в которых содержались предсказания о будущих судьбах Рима. К этим книгам неизменно обращались в трудные для государства времена за указаниями, чем и как смягчить гнев богов.

³ Ср. греческую поговорку $\sigma\upsilon\nu\ \tau\omicron\upsilon\tau\eta\ \kappa\alpha\iota\ \chi\epsilon\iota\rho\alpha\ \chi\epsilon\iota\tau\iota$; у Эсхила — frg. 395N $\varphi\iota\lambda\epsilon\iota\ \delta\epsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \chi\epsilon\iota\rho\omicron\nu\tau\iota\ \sigma\upsilon\tau\epsilon\upsilon\beta\epsilon\iota\nu\ \theta\epsilon\omicron\varsigma$, — нашу: «Бог, бог — да и сам не будь плох».

⁴ Илиада и Одиссея начинаются обращением к Музе; также начинается свой эпос и Энний.

⁵ Совет двенадцати верховных богов с Юпитером во главе. В него входили следующие божества, перечисленные Эннием (порядок диктовался требованиями гексаметра): Юнона, Веста, Минерва, Церера, Диана, Венера, Марс, Меркурий, Юпитер, Нептун, Вулкан, Аполлон. Довольно рано были поставлены этим богам на форуме (на подъеме к Капитолию) 12 позолоченных статуй (портик, им посвященный, был раскопан в 1834 г.). Список «богов, главных покровителей земледельцев», составлен Варроном по собственному выбору.

⁶ Когда в начале V в. молодую Римскую республику постиг неурожай, то, по совету Сивиллиных книг, греческой триаде — Деметре, Дионису и Коре — был воздвигнут на Авентинском холме храм. Чужеземные божества были отождествлены с исконными римскими: Деметра — с Церерой, богиней произрастания, «матерью полей» (CIL.XI.3196); Дионис — с Либером, древним итальянским божеством, воплощением творческих сил природы. Виноградарство и виноградники находились под его особым покровительством. В одной надписи он так и называется «охранителем виноградников» (CIL.V.5543).

⁷ Флора — древнеиталийская богиня, покровительница цветущих растений. Робиг — божество, во власти которого было отратить от молодых посевов страшный бич их, ржу. Робигалии справляли 25 апреля, Флоралии — от 28 апреля до 2 мая.

⁸ Венера — исконная итальяйская богиня, покровительница в природе всего, что полно предели и силы, только впоследствии идентифицированная с греческой Афродитой. Практический смысл римлянам превратил эту богиню в специальную защитницу садов и огородов. Храмовый праздник обоим ее святилищ в Риме приходился на 19 августа, тот самый день, когда справлялись Сельские Виналии, — праздник, посвященный Юпитеру. Совпадение это привело к тому, что Сельские Виналии уже ко времени Варрона стали считать праздником в честь Венеры.

⁹ Bonus Eventus — податель счастливого завершения во всех делах и предприятиях, но особенно в земледелии.

¹⁰ Гиерон II (270—216 до н. э.). Его интерес к земледелию, главному источнику доходов Сицилии, засвидетельствован «Гиероновым законом», определявшим размеры податей, которые уплачивали земледельцы. Закон этот действовал еще во времена Цицерона (in Ver. II.13.32 и 34; III.6.14). Ближе к произведению Гиерона по сельскому хозяйству ничего неизвестно. — Аттал Филометор — пергамский царь (138—133 до н. э.); собственноручно возделывал свой сад, где сеял по преимуществу ядовитые растения. — Ксенофонт (430—354 до н. э.). Его «Домострой» содержит ряд советов по сельскому хозяйству. — Аристотель (384—322 до н. э.). Варрон имеет в виду сочинение «О растениях», ошибочно приписанное Аристотелю. — Архит пифагореец. Ему ошибочно приписывали книгу «О земледелии», автором которой был его тезка, упоминаемый у Афиня (XII.516с.). — Амфилох афинянин написал книгу «О мидийской траве (люцерне) и китисе», в которой, основываясь на собственном опыте, горячо рекомендовал разведение этих восточных кормовых растений. Так как и Аристотель, и Теофраст еще не знают всей пользы их, то, очевидно, Амфилох жил позднее; в точности определить время его жизни невозможно. — Аристандр афинянин написал книгу о чудесных изменениях, которые происходят в деревьях. — Бион из Сол (Киликия) — географ; писал также о сельском хозяйстве. — Андротион: о нем узнаем из Теофраста (Theophr. h. pl. II.7.2; c. pl. III.10.4). Он писал о садоводстве, хорошим знатоком которого, по видимому, был. — Остальные перечисленные Варроном писатели известны только по имени. Каталог этих имен тем не менее представляет большой интерес. Он свидетельствует о том, как прилежно работали греки над вопросами сельского хозяйства. Судя по тем немногим, о которых мы кое-что знаем, они разрабатывали отдельные, частные вопросы из области сельского хозяйства: Андротион, например, писал о плодовых деревьях. Амфилох — о люцерне. Сельскохозяйственной энциклопедии никто из них не оставил; об этом свидетельствует и то обстоятельство, что такие энциклопедии Варрон выделил особо.

¹¹ Гесиод — поэт VIII в. до н. э., родом из Аскры, деревни в Беотии. Его поэма «Труды и дни» (есть русский перевод В. Вересаева) посвящена главным образом сельскому хозяйству. — Менекрат (III в. до н. э.). В своей поэме «Дела» касался, между прочим, и пчеловодства.

¹² Магона Колумелла назвал «отцом науки о сельском хозяйстве» (I.1.13). «Наш сенат оказал ему такую честь, что, по взятии Карфагена, раздав библиотеки африканским царькам, решил только его 28 книг перевести на латинский язык» (Pl. XVIII. 22). На греческий язык эту энциклопедию перевел Кассий Дионисий, дополнивший ее (в чем и как, мы не знаем) сведениями, почерпнутыми из сочинений греков, писавших о сельском хозяйстве. В Африке в 88 г. до н. э. был претором Секстий (Plut. Mar. 40); в качестве претора он жил в Утике, и Дионисий, уроженец этого города, и поднес ему свой труд. Громоздкость этого труда, а может быть и некоторые усовершенствования и новшества в сельском хозяйстве и технике работ были причиной новой переработки, предпринятой Диофаном Вифинским. Дейотар, которому он посвятил свою работу, был царем Галатии и современником Цицерона.

¹ «Мать Земля» — *Tellus Mater* — богиня хлебной нивы, которая принимает в свое лоно зерно и выращивает его. Праздник сева — *feriae sementivae* — приходился на январь; храм богини был выстроен на склоне Эсквилина, в Каринах. Варрон и его друзья были приглашены храмовым служителем; он жил при храме, обязан был следить за его чистотой и сохранностью всего храмового имущества и был подчинен магистратам, на которых возлагали верховный надзор за священными зданиями. В данном случае таким магистратом был эдил. Варрон с его вниманием к словам отметил разницу в произношении названия этого лица: раньше его называли «*aeditumus*» (правильная форма, ср. *finitumus*, *legitumus*), в конце I в. до н. э. — «*aedituus*». Перевод — «служитель», «служба» — имел целью передать эту разницу.

² Очень интересное упоминание о географической карте Италии. Мы встретим упоминание о карте еще у Ливия: Ти. Семпроний Грахх, покорив Сардинию (174 г. до н. э.), поставил карту ее в храме Матери Матуты (XLI.28).

³ Поговорка эта возникла в связи с успешной тактикой Кв. Фабия Максима «Медлителя» в войне с Ганнибалом. Ср. Liv. XXII.39.15: «Ты сомневаешься, что мы одолеем врага сидя?» (*sedendo superaturi sumus*).

⁴ Эта поговорка встречается только однажды в этом месте.

⁵ Одно из важнейших мест для характеристики «чувств природы» у древнего итальянца: самое прекрасное для него — это земля, возделанная (*culta*) человеческим трудом. Вергилий в своей знаменитой «похвале Италии» (Georg. II.136—176) на первом месте упоминает то, что создал и чем украсил человек землю: плодородные нивы, щедрые виноградники и различные сады, стада прекрасных животных.

⁶ Эратосфен — уроженец Кирены (род. ок. 275 г. до н. э.; ум. в 195 г.), ок. 235 г. приглашен Птоломеем III Эвергетом в Александрию на должность библиотекаря. Многостороонный ученый, в первую очередь географ, автор трехтомной «Географии», которая для того времени была замечательным трудом. Вместо обычно принятого деления ойкумены на Европу, Азию и Африку он предложил делить ее «согласно природе» на северную и южную половины.

⁷ О полярном дне и полярной ночи, а также об океане, покрытом льдом, пишет и Плиний (IV.104).

⁸ Пакувий — римский трагик (род. 220 г. до н. э.). До нас дошли только отрывки из его трагедий. Фунданий вспоминает одно место из «Антионы»: «Если солнце будет все время, то оно выжжет земные плоды, иссушив их огненным паром» (O. Ribbeck. *Tragicorum Romanorum fragmenta*. Lipsiae, 1871, стр. 78, frgm. VIII). Варрон (II.V.44) приводит место из Пакувия: «Все, как говорит Пакувий, коченеет и замерзает, если не появляется солнце». Фунданий цитирует по памяти и, по-видимому, контаминировал оба места, не заботясь о размере стиха и точности выражения.

⁹ Прелестное в своей образности выражение: день представляется как бы деревом, а полуденный сон — привоем. От вставки этого привоя в расщепленный ствол дерева, которое Фунданий сравнивает с днем, день получает новую жизнь. Любопытно, что прививка в расщеп упоминается здесь впервые; Катон знал прививку плодовых деревьев только под кору (41).

¹⁰ О кампанской «полбе» рассказывает и Плиний. Из нее приготавлили особую крупу, знаменитую кампанскую «алику»; она неизменно присутствует в кампанском севообороте (Pl.XVIII.109—114 и 191; ср. Strab.243). Что касается апулийской пшеницы, то о ее высоких качествах мы узнаем только из данного места. Варрон принадлежал к числу тех (немногочисленных) писателей древности, которым можно доверять в том, что касается

фактических сведений. Что Апулия была богата пшеницей, можно не сомневаться: в 171 г. перед войной с Персеем сенат отправил в Апулию и Калабрию трех послов закупить зерна для флота и войска (Liv.XLII.27). Огромные конские заводы, находившиеся в Апулии уже во времена Ганнибала (Liv. XXIV.20.16), не могли обходиться без посевной площади, которая находилась бы тут же, в непосредственной близости к пастбищам: для лошадей нужен был ячмень, для людей пшеница. Немыслимо представить себе, чтобы зерно, потребное даже для небольшого конского завода, выгоднее было покупать и привозить откуда-то, а не сеять тут же на месте.

Фунданий называет Италию сплошным фруктовым садом (*non tota arboribus consita Italia, ut tota pomarium videatur?*). Место это служило одним из опорных пунктов для утверждения, что Италия превратилась из страны хлебных нив в страну виноградников и садовых культур. Мнение это, поддержанное когда-то железным авторитетом Моммсена, продолжает упорно держаться и до сих пор. Несостоятельность его, однако, доказывается рядом текстов, из которых явствует, что привозной хлеб шел только на армию и в Рим; остальная Италия должна была жить своим хлебом. Древесные насаждения отнюдь не вытеснили хлебных нив, а мирно ужились с ними. Новостью было именно это сосуществование. Италия стала страной комбинированных культур. У Катона мы присутствуем при начале этого процесса, когда на ниве готовят ямы для маслин, смоковниц, язов и лоз, т. е. для будущего виноградника, где лозы будут виться по деревьям — *arbusta* (Cat.27). Колумелла говорит о засеянных *arbusta* и масличных садах, как о явлении уже для Италии обычном (II.2.24 и 28, 9.6; V.9.12). Плиний в числе выгод от виноградников такого типа упоминает и посев зерновых на его площади (XVII.203). Фунданий, говоря о богатстве Италии, называет не только виноградники и масличные сады, но и хлеба. — *Ἀμπέλουσσα* — «покрытая лозами» (Ил.III.184); *πλοῦσιμος* — «пшеницеобильный» (Ил.XIV.372). — Венафр (теперь Венафро) — городок на границе Кампании, Самнии и Лация; славился оливковым маслом.

¹¹ М. Порций Катон (234—149) — государственный деятель и писатель. Его «Начала» (*Origines*) — историческое сочинение, в котором была рассказана история Энея, а затем история Рима и итальянских городов, начиная с легенд об их основании. Сам превосходный хозяин, Катон живо интересовался хозяйственными особенностями и природными условиями разных мест. От «Начал» сохранились только отрывки. — *Ager Gallicus Romanus*, обычно именуемый *Ager Gallicus* — «Галльское Поле», — область между реками Эзис и Рубикон, принадлежала некогда галльскому племени сенонов. По изгнании их народный трибун Г. Фламиний вопреки воле сената разделил эту землю на наделы римским поселенцам (232 г. до н. э.). — Аримин — нынешнее Римини. — Пицен — область итальянского племени лицевов, или пицентиев, на берегу Адриатического моря, в северо-восточном углу Италии, непосредственно примыкала к «Галльскому Полю» с юга.

¹² Фавенция (теперь Фаенца) — город в долине По; лежал в плодороднейшей местности.

¹³ Префектом фабров первоначально именовался начальник отряда ремесленников (*fabri*), находившихся при римском войске; в конце республики он к ремесленникам не имел уже никакого отношения: это был адъютант командующего (пропретора или проконсула), им же выбранный. Марций Либон состоял в этой должности у Варона, вероятно, в 66 г. в Азии.

¹⁴ *Lex Licinia Sextia de modo agri* 367 г., внесенный народным трибуном Г. Лицинием Столоном при поддержке его коллеги Л. Секстия Латерана, разрешал брать в пользование участки государственной земли не свыше 500 югеров (около 125 га). Объяснение его прозвища — Столон —

дано Варроном, может быть, в шутку (он был к ней очень склонен), а может быть, и всерьез. Плиний, во всяком случае, принял его всерьез (XVII.7). Что касается Столона, участника диалога, то сначала он подает лишь реплики и только с 37-й главы начинает вести связный рассказ. В его уста вложены почти все цитаты из Катона и других авторов, писавших о сельском хозяйстве. У Варрона была здесь, вероятно, особая цель: охарактеризовать Столона как любителя чтения и поклонника старины.

О Г. Лицинии Крассе (народный трибун 145 г.) Цицерон (de amic. 25.96) рассказывает, что он первый произнес речь, обратившись не к сенату, заседавшему в curia Hostilia, а к народу, стоявшему на форуме. Хотел ли Варрон сказать, что Лициний как бы вручил форум в собственность римскому народу? По-видимому это было его мыслью, и мыслью правильной. Форум представлял собой площадь ок. 2 га. Уже Колумелла не понял этого места (I.3.10: «эти семь югеров, которыми Лициний наделил подушно»), и оно посейчас считается не объясненным до конца.

¹⁵ Тремелий Скрофа — старший современник Варрона, превосходный хозяин, оставивший сочинение о сельском хозяйстве. Особенно хорошо был осведомлен в садоводстве (см. о нем мою статью в «Вестнике древней истории», № 4, 1949). Свое прозвище «Скрофа — «свинья» он объясняет (см. Варр. II.4.1—2). — Цезарь провел в 59 г. закон о разделе государственной земли в Кампании. Разделом этим должна была весть комиссия, в составе которой находились и Варрон со Скрофой.

¹⁶ Лукулл — известный богач и поклонник роскоши, полководец, предшественник Помпея в завоеваниях на Востоке. Умер в 56 г. до н. э.

¹⁷ «Священная Дорога» (Sacra Via) — улица, ведущая к Форуму. В верхней части ее (там, где впоследствии была выстроена Арка Тита) находились лучшие фруктовые лавки (Priap. 21.3—4; Ov. a. a. II. 266).

¹⁸ В середине цирковой арены (цирком у римлян называлось вытянутое в длину, довольно узкое пространство, предназначенное главным образом для колесных ристаний; вдоль длинных сторон его амфитеатром или сидения) находилась приподнятая площадка, на которой стоял «аппарат» для счета заездов — чаще всего утвержденная на столбиках деревянная доска с отверстиями, куда вставляли деревянные шары («яйца»). При каждом заезде один такой шар вынимали. Состязались обычно квадриги — четверки. — С яиц начинался римский обед.

¹⁹ «Флейта» — слово это не передает в точности латинского tibia. Этот духовой инструмент состоял из двух трубочек; левая аккомпанировала мелодии, которую наигрывала правая, причем аккомпанемент мог быть на октаву выше или ниже.

²⁰ Дикеарх, ученик Аристотеля, историк и географ. Книга его «Жизнь Эллады» была историей культуры.

²¹ О Сазерне см.: М. Е. Сергеевко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958, стр. 161 сл.

²² В подлиннике игра слов: pedes — «ноги»; pedes betaceos — «свекольная распада», букв. «свекольные ноги».

²³ Место это испорчено. От vel (лучше velut; обычное сокращение) до mapeo сатурнический стих. Заклинание начиналось с velut Tarquenna и было обращено к этому мифическому герою.

К главе 4-й

¹ Их Энний называет в «Эпихарме», произведении натурфилософского характера.

² Место это чрезвычайно интересно. Итальянец, обладавший умом трезвым и практическим, отнюдь не был обделен чувством красоты. Сельское хозяйство не только приносило доход и пользу, оно радовало и удовлетво-

ряло ту потребность в красоте, которая сказывается у него и в малом и в крупном. Характерно, что красота сливается у него с понятием стройности, порядка: если деревья в масличном саду и лозы в виноградунике рассажены не кое-как, в беспорядке, а стройными рядами, то это красиво. Гамма красок, которыми сверкают спелые гроздья на лозах, рассаженных в порядке по сортам, восхищает глаз (Col.III.21.3). Катон озабочен тем, чтобы трещины на долях были замазаны под цвет всего доля, а не выделялись на нем желтовато-грязными пятнами (39). Украшения на сбрую для лошадей, ослов и мулов помещены в списке предметов, которые закупает рачительный хозяин (135); в развалинах сельских усадеб под Помпеями неоднократно находили маленькие колокольчики и бляхи для лаборной сбруи.

³ Орк — бог подземного царства, царства мертвых.

⁴ Гиппократ — «отец медицины», знаменитый греческий врач V в. до н. э. Слова Варрона поясняет рассказ Плиния (VII.123): «Гиппократ предсказал появление чумы, надвигающейся из Иллирии, и разослал по городам своих учеников для оказания помощи. За эту заслугу Греция определила ему такие же почести, как Геркулесу».

⁵ Коркира — большой остров у берегов Эпира. Варрон приехал туда в армию Помпея из Испании, которая сдалась Цезарю.

К главе 5-й

¹ Феофраст — «отец ботаники», ученик Аристотеля, автор двух ботанических сочинений: «Последование о растениях» и «Причины растений», которые положили начало ботанике как науке. Практических, непосредственно нужных для земледельца указаний в этих книгах было немного, так что практик-хозяин и мог охарактеризовать их как годные скорее для занятий «в философских школах, чем в поле», тем не менее итальянский хозяин многому мог поучиться у Феофраста (см. мон. «Очерки...», стр. 29 и 205, прим. 7). Стоит отметить, что книги его читали.

² Варрон полагал, что всякое научное исследование должно вестись систематически, по установленному заранее плану, — мысль трезвая и неоспоримая. Но проводил он ее с ледяной и мелочной тщательностью, так что в результате дробная разбивка его плана ни в какой мере не содействует ясности изложения и забывается не только читателем, но иногда и самим автором.

К главе 6-й

¹ То обстоятельство, что Варрон принимает во внимание «три основных вида» — равнину, горы и холмы, свидетельствует о том, что в намерение его входило написать справочник общего характера, которым могли бы пользоваться хозяева из самых разных мест. У него самого была земля на Везувии (I.15); в Апулии у него паслись большие овечьи стада. О климате ее он и судит как северянин: уроженцу сабинских холмов он и должен был казаться слишком жарким. В Апулии нездоровыми были заболоченные места по побережью (Vitr.I.4.12). Несчастьем этого края был сирокко («атабул», по местному наименованию), «обжигающий горы» (Hor.Sat.I.5.77). «Атабул мучит Апулию», — пишет Сенека (Quaest.nat.V.17): солдаты Цезаря, попав из Галии и Испании в Апулию, стали болеть, потому что «осень в Апулии тяжелая». (b.c.III.2.2; см. еще Pl.XVII.232).

К главе 7-й

¹ Cat.1.3.

² Для практического и жадного к наживе италийца характерно стремление объединить потребность в красоте со стремлением к полезному,

к выгодному. Правильная рассадка выгоднее, потому что она обеспечивает большой урожай, но правильные ряды — это порядок, а порядок, строгая соразмерность были для италинца синонимом красоты. — «Квин-гункс» (quincunx) — это посадка, при которой на определенном квадрате

помещается не четыре растения, а пять . . . , причем в площади по-

лучается выигрыш («растения... занимают меньше места») и без ущерба для посадок («меньше закрывают соседей»). Такую рассадку Варрон считает практикой относительно новой; «предки» ее не знали. — Значение солища для созревания плодов было общеизвестно; о том, что луна также содействует этому созреванию, говорится здесь и у Сенеки (de ben. IV.23.1).

³ Трудно найти место, которое так красноречиво свидетельствовало бы о том, что собственный опыт в сельском хозяйстве, на который Варрон ссылается как на один из источников своего трактата, был у него очень невелик. Иллюстрировать свое положение о том, что «одно место годится для лоз...» и т. д., следовало, конечно, на примере Италии: для этого у Варрона было достаточно материала; Италию он изездил из конца в конец, хорошо ее знал и, конечно, представлял себе, хотя бы в общих чертах, ее сельскохозяйственное районирование. Почему предпочел он обратиться к примерам книжным (и не вполне подходящим)? Может быть, его стремление дать руководство для всей Италии заставляло его избегать слишком определенной конкретизации: потому он и не приводит примеров из практики собственных поместий. Несомненно одно: будь у него живой и подлинный интерес к сельскому хозяйству и реальный опыт в нем, он нашел бы примеры вокруг себя, а не обращался бы за справками к Феофрасту, у которого взяты все четыре случая: Theophr.h.pl.I.9.5 (Гортина — город на острове Крит, теперь развалины возле Агиос-Дека; Сибарис — город в южной Италии, основанный греками в VIII в. до н. э., разрушен в VI в., в V в. на его месте афины основали свою колонию Фурии; Элефантина — остров на Ниле с одноименным городом).

⁴ Смирна — город на восточном побережье Малой Азии; Консенция (теперешняя Козенца) — город в Бруттии (Южная Италия). О двухкратном урожае яблوك в Консентинской области говорит и Плиний (XVI.115) с ссылкой на Варрона. — Тростник в озерах у Реате Варрон, конечно, видел, так же как и ольху в Эпире. Виденное дополняется сведениями книжными: Theophr.h.pl.I.4.3.

⁵ Когда Скрофа был магистратом в Галии, мы не знаем. Рейценштейн предполагает, что он в качестве пропретора управлял Нарбонской Галией до консульства Цезаря (см.: R. Reitzenstein. De scriptorum rei rusticae libris deperditis. Diss., Berolini, 1884, стр. 13).

Белая глина, которая служит удобрением — это мергель. О его свойствах и его использовании см. Pl.XVII.42—48. Это λευκὰ γῆλα греков.

Что касается «соленых углей», то см. Pl.XXXI.83: «...лучше всего дуб, у которого чистый пепел имеет вкус соли». Тацит (Ann.XIII.57) рассказывает, что Германдуры (ныне Тюрингия и Франкония) получали соль таким образом: сложив большой костер, они заливали его водой из реки (по мнению одних, это была Заале, по мнению других — Велла). «соль образовывалась от слияния двух враждебных элементов: воды и огня». Дело в том, что соленая вода, попав на раскаленное дерево, испарялась, оставляя соль.

⁶ Cat.I.7. См. мои «Очерки...», стр. 17—24.

⁷ Г. Юлий Цезарь Страбон, по прозвищу Воинск, был куральным эдизом в 101 г. до н. э. Дело у цензоров он вел по окончании своей маги-

стратуры, вероятно, в 100 или 99 г. до н. э.; в 98 г. он был убит. В чем состояло это дело, неизвестно. — «Розейская долина» (теперь La Roscie) около Реате (теперь Рieti) — плодороднейшая местность. Вописк называет эти места «*сипен*», букв. «*вымя*».

К главе 8-й

¹ В тексте лакуна.

² Фалернская область — долина между рекой Волтурн и горой Массик; славилась своим вином — знаменитым фалерном. Арпанская область — в Апулии; Брундизинская — в Калабрии с г. Брундизиум (теперь Бриндизи); Медиоланская — в долине реки По (Медиолан — ныне Милан); Канузинская — в Апулии с г. Канузиум (теперь Каносса).

«Ярма» для виноградников были или «прямыми», в форме буквы «п», или в «форме комплювия» (комплувиум называлось четырехугольное отверстие в крыше атрия, главной комнаты римского дома). Верхний четырехугольник виноградного переплета, «комплувий», устраивали совсем наподобие крыши с комплувиумом. С четырех углов спускали вниз жерди и соединяли их нижние концы вместе тоже жердями. Лозы пускали и по верхним жердям, и по спускам к «комплувию». О виноградниках первого вида Плиний пишет: «Вино из них лучше, потому что лоза не закрывает себя собственной тенью, виноград созревает все время на солнце, его больше обвеивает ветром и роса на нем скорее обсыхает; насыпывать такие лозы, окуривать их и вообще производить всякие работы в винограднике такого типа легче. Кроме того, в нем образуется больше плодов. „Ярма“ делают из жердей, тростника, волос или веревок, как в Испании и под Брундизиум. Из виноградников с „комплувиями“ вина бывает больше» (Pl.XVII.165—166; см. Col.IV.26.3).

³ «Надо рассказать о том, как обеспечить себя кольями, „ярмами“ и прутьями. Все это следует заготовить заранее, как некое приданое для виноградников. Если у хозяина его нет, то ему нет основания завозить у себя виноградник, потому что ему придется искать все это за пределами своего имения: не только покупка ляжет бременем на виноградник, но и самая доставка этих материалов чрезвычайно затруднительна, так как привозить все придется зимой, в самое пудобное время» (Col.IV.30.1). Югивияка давал достаточно прутьев для подвязки лоз на 25 югерах; югера тростника хватало на 20 югеров виноградника (Col.IV.30.2).

⁴ *Opulus* — невысокий куст с редкой листвой, которую скот неохотно ел; поэтому «большинство этим деревом пренебрегало» (Col.V.6.5). Его сажали в тех «галльских *arbusta*», где «этажи», по которым располагались лозы, не должны были превышать 12 римских футов.

⁵ *Harundulatione* (рукоп.): «*hardulatione* — конъюктура Полициана, *ardulatione* — Шнейдера; то и другое непонятно. *Harundulatione* лучше, см. Pl.XVII.22: «*Suluberrima in iugo harundo, connexa fasciculis*» — «лучшие всего в ярме тростник связками».

⁶ Если виноградник вскапывали вручную, то промежутки между рядами следовало оставлять в 5—7 футов; если его пахали, — то в 7—10 футов (Coll.III.13.3).

⁷ *Acratophorum*, букв. «несущий чистое (не смешанное с водой) вино» — название кувшина. Слово это встречается только здесь и у Цицерона (de fin.III.4.15).

⁸ Пандатерия (теперь Вентотене) — остров напротив Кампаний.

⁹ Виноград вялили, подвешивая его (ср. Cat.7.2; Varр.1.58 и 68). Виноградная кисть, свисавшая с подпорки, «выучивалась висеть» еще в винограднике. Относительно слова «*cestus*» см.: R. Coleman. *Cestum in Varro*. r.r.1.8.6, Hermes, 1958, Bd.86, Hf. 3, стр. 383, 384.

¹ «Зола» — рукописное *ignis* — «огонь», никакого смысла не дает. Юкунд предлагал *glarea* — «гравий»; Кейль предложил чтение *cinis* — «зола» — на том основании, что дальше упоминается зольная земля. Итак, вот составные части, имеющиеся в почве: камень (*lapis*), известь (*marmor*), щебень (*rudus*), мелкий песок (*harena*), крупный песок (*sabulo*), глина белая (*argilla*), глина красная (*rubrica*), зола (*cinis*), «пыль» (*pulvis*, по-видимому, очень рыхлая, рассыпчатая земля), *carbunculus* (какая-то составная часть почвы, которая под действием солнечных лучей «накаляется так, что обжигает корень»).

² В тексте лакуна.

³ Варрон, следовательно, различает: 1) степень присутствия в каждой почве того вещества, по которому она названа (очень много, в меру, очень мало); 2) степень влажности: сухая, сырая, средняя; 3) степень плодородия: жирная, тощая, средняя.

⁴ Пуниция — бесплодная и зараженная полоса земли недалеко от Рима. — Этрурия, нынешняя Тоскана, славилась своим плодородием. — Тибур (ныне Тиволи) — дачное место у древних римлян.

⁵ О Диофане см. прим. 12 к гл. 1-й. Колумелла решительно отказывался доверять черному или серому («пепельному») цвету земли как свидетельству плодородия: «Я вспоминаю, что многие, писавшие в старину о сельском хозяйстве, приводили в качестве общепризнанных и несомненных признаков жирной и плодородной земли сладимость, ей присущую, хороший рост трав и деревьев, черный или серый цвет. Относительно прочего не спорю, что же касается цвета, то я не могу надвинуться как на остальных, так особенно на Корнелия Цельза, человека сведущего не только в земледелии, но и вообще в естествознании: так заблуждаться, быть настолько слепым, чтобы не видеть множества болот, множества солончаков именно указанного цвета. Нельзя, пожалуй, увидеть ни одного места, где застаивается вода, которое не было бы черного или пепельного цвета». Он предлагает для определения свойств почвы ряд опытов: если комок земли, политый слегка водой и размятый в руке, пристаёт к пальцам, а брошенный на землю не рассыпается, то, значит, земля «по природе своей сочная и жирная». Если земля, выкопанная из ямы, не войдет в нее полностью, даже если ее утаптывать, то «несомненно, это земля жирная». Можно определить качества земли и по вкусу: комки земли разводят в воде, воду эту тщательно процеживают и пробуют на язык; по вкусу воды определяют свойства почвы (II. 2.14—20). Колумелла делит полевою землю в зависимости от сроков пахоты на следующие участки:

жирная сырая равнина — тощая равнина;

холмы с жирной почвой — холмы с плохой почвой (II. 4).

Почвы он называет следующие:

жирная рыхлая земля (много дает, мало требует);

жирная плотная (трудна для обработки, но вознаграждает земледельца щедрым урожаем);

сырая (дает доход без затрат);

сухая, плотная, тощая (самая плохая: обработать ее трудно, урожай дает скудный) (II. 2. 5—7).

Говоря о том, какая земля годится для виноградников, он называет следующие почвы:

горячая — холодная;

сырая — сухая;

рыхлая — плотная;

легкая — тяжелая;

жирная — тощая.

Русский крестьянин тоже говорил о «холодной, неродимой земле»; италиец клал навоз в убеждении, что неудобренное поле мерзнет (Col.II.

15. 2). «Жирная» земля была и плодородной: павоз был «как бы кормом, на котором земля „жирела“» (Col.II.5.1). «Жирная» земля была липкой, клейкой, это знали и Вергилий (Georg.II.250), и Колумелла (II.2.18). Вероятно, эта липкость навела древних на мысль о жире, содержащемся в земле (см.: Michal Strzemiński. Gleboznawstwo Rzymu starożytnego. Meander, 1958, № 10, стр. 371).

К главе 11-й

¹ Следует обратить внимание на это место, свидетельствующее о наличии обширных хлебных пив. Любопытно самое построение фразы: размеры винного погреба, равно как и размеры амбаров, определяются прилагательными в сравнительной степени (*maior — amplior*); казалось бы, там, где нет виноградника, погреба вовсе не нужно, а при отсутствии посевов не требуется и амбаров. Варрон, очевидно, не представлял себе имения без хлебного поля и виноградника: погреб и амбар должны находиться, естественно, в каждой усадьбе; разнятся только величина этих помещений, обусловленная размерами естественных угодий.

² В усадьбах, раскопанных под Помпеями, дождевая вода стекала по узеньким каналам в большую цистерну, находившуюся под землей. Из цистерны по глиняным трубам она попадала в колодезь, откуда ее и черпали.

К главе 12-й

¹ Гигиенические правила, которыми должно руководствоваться при постройке усадьбы, выработанные веками опыта и наблюдения, безупречно правильны. Что имел в виду Варрон, говоря о крохотных насекомых, не видных глазу и вызывающих заболевания? Москитов? Крохотных мошек?

О местоположении усадьбы Колумелла пишет так: «В усадьбе должен быть пересыхающий источник или же воду из него надо провести в усадьбу; место, куда ходят за дровами и за кормом для скота, должно находиться поблизости. Если нет проточной воды, поищем поблизости колодезь, неглубокий и с водой, на вкус не горькой и не соленой. (2) Если и колодезь нет, а на текучую воду надежда плоха, то надо устроить большие цистерны для людей и пруды для скота. Для здоровья полезнее всего дождевая вода, но особо хорошей считается она в том случае, если ее провести по глиняным трубам в закрытую цистерну. С ней рядом стоит ключевая вода, которая, родившись в горах, несется вниз по скалам, как например с Гавра в Кампании; третье место занимает вода колодезная, если только ее нашли на холме, а не в самой глубине долины. (3) Хуже всего вода болотная, лениво сползающая вниз, зараженная, застаивающаяся в болоте. И эта влага, вредная по самой природе своей, зимой, однако, становится лучше, потому что дожди укрощают ее дурные качества; отсюда и заключают, что дождевая вода самая здоровая: она в силах уничтожить губительные свойства отравленного напитка. Мы и сказали, что она для питья и есть самая лучшая. (4) Бьющие ключи значительно умеряют летний зной и сильно увеличивают прелесть места; поэтому я считаю, что если по условиям места это возможно, то любые из них, только бы с пресной водой, обязательно следует провести в усадьбу.

«Если река находится далеко от холмов, а здоровое местоположение и высокий берег позволяют поставить усадьбу над потоком, то все-таки лучше, чтобы река протекала за усадьбой, а не перед ней. Пусть она смотрит туда, откуда в этой местности дуют самые здоровые ветры: над большинством рек летом стоят душливые, а зимой холодные туманы, и если их не разгонит сильным дыханием ветра, то и скот, и люди начи-

нают тяжело болеть. (5) Лучше всего в здоровых местах ставить усадьбу на восток или на юг, а в нездоровых — на север... (6) Нельзя, чтобы по соседству находилось болото... в жару над ним поднимаются ядовитые испарения и в нем заводятся насекомые, которые вооружены злым жалом и палатают на вас густыми роями. Зимой, пересохнув, оно выпускает ядовитых водяных змей, напитанных отравой от тины и перебродившего ила. От них часто появляются непонятные болезни, причину которых не могут усмотреть даже врачи. В течение круглого года сырость портит сельские орудия и утварь, а также урожай, необранный и убранный... пусть усадьба смотрит на равноденственный восток: при таком положении ветры и зимой, и летом принесут ей только пользу. (8) Чем больше повернуто к востоку место, где лежит усадьба, тем свободнее обдувают ее ветры летом и тем меньше вредят зимние бури: с восходом солнца усадьба будет согреваться, а изморозь стаивать. Место, недоступное солнцу и теплоте дыхания ветра, считается зараженным: ничто ведь, кроме солнца и ветра, не в силах высушить и стереть следы ночного заморозка и вообще всякую осевшую нечистоту и ржавчину» (1.5).

К главе 13-й

¹ Винные погреба в древней Италии устраивали в пространстве огороженном, но без крыши, с продольными щелями в стенах. «В Кампании считается самым подходящим, чтобы благороднейшие вина после розлива стояли под открытым небом» (PLXIV.136). В усадьбах, раскопанных под Помпеями, неоднократно были обнаружены такие погреба, иногда даже с остатками посуды, в которой хранилось вино.

² Текст «item vasa vinaria et olearia potius faciendum» испорчен. Перевод дан по конъектуре Понтедеры: «item ubi vasa vinaria et olearia esse possint, faciendum».

³ Текст «una ut interdius» безнадежно испорчен. Принимаю конъектуру Стопп-Беста — «interius» — и считаю «compluvium» определением к «Iacus».

⁴ Варрон имеет в виду двух своих современников, чья роскошь была предметом и удивления, и негодования. О Лукулле см. прим. 16 к гл. 2-й. Кв. Цецилий Метелл Пий Сципион был широко известен своей роскошью. Его усадьбу в Тибуре помпает Цицерон (ad fam. XII.2.4; Philipp. V.7.19).

⁵ Приведем описание усадьбы у Колумеллы: «Величина и число помещений должны соответствовать размерам всей усадьбы. Она делится на три части: господскую («городскую»), рабочую («деревенскую») и предназначенную для хранения урожая. Господская в свою очередь распадается на зимние и летние помещения: зимние спальни смотрят на равноденственный восток, а столовые — на равноденственный запад. (2) Летние же спальни смотрят на равноденственный юг, а столовые, предназначенные для летнего времени, — на зимний восток. Банные комнаты обращают на летний запад с таким расчетом, чтобы их заливало солнцем, начиная с полудня и до вечера. Порттики для прогулок обращают к равноденственному югу, чтобы зимой туда попадали солнца как можно больше, а летом совсем мало. (3) В рабочей половине устраивают большую и высокую кухню, чтобы устранить опасность пожара для перекрытий, а рабы могли во всякое время года с удобством там расположиться. Для рабов, которые ходят на свободе, лучше всего комнатки, которые смотрят на равноденственный юг; для закованных — подвальное, как можно более здоровое помещение (ergastulum), освещенное множеством узких окошек, продетых так высоко от земли, что до них нельзя дотянуться рукой. (4) Скотине строят хлевы, в которых она не будет страдать ни от холода, ни от жары: рабочим волам — стойла зимние и летние, остальной же скотине, которой полагается быть в усадьбе, делают

частью крытые помещения, а частью только загоны, огороженные высокими стенами: в первых они живут зимой, во вторых спят летом, не боясь нападения диких зверей. (5) Хлевы устраивают просторные и ставят их так, чтобы туда не текло воды, а жидкость оттуда как можно скорее скатывалась вниз: тогда не портятся ни основания стен, ни копыта у животных. (6) Стойла для волов должны быть в ширину 10, самое меньшее 9 футов: при таких размерах скотина удобно уляжется, а скотник будет свободно ходить вокруг и делать свое дело. Если надо делать на такой высоте, чтобы вола или другому упряжному животному было удобно есть стоя. Вилик должен помещаться возле ворот, чтобы видеть, кто входит и выходит, а прокуратор по той же самой причине — над воротами. Кроме того, вилик должен быть у него на глазах, и рядом с их жильем должен находиться сарай, куда сносят все деревенские орудия; в этом сарае есть отделение, которое запирается и где складывают железный инструмент. (8) Комнатки для пахарей и пастухов отводятся возле их животных, чтобы им было удобно их досматривать. Все должны жить как можно ближе друг к другу, чтобы вилику не приходилось разрываться во все стороны и чтобы каждый видел, прилежен или небрежен в работе его сосед. (9) Часть, предназначенная для хранения урожая, включает: погреб для масла, виноградное точило, винный погреб и помещение, где варят дефрут; сеновал, склад для соломы; кладовые и амбары. Внизу, на земле, хранят жидкости, предназначенные в продажу, такие, как вино и масло; на чердаках сваливают все сухое: зерно, сено, листва, солому и прочие корма» (I.6.1—9).

Интересно сравнить описание усадьбы у Колумеллы и у Варрона. Колумелла при всей его склонности вызывать на бой людей и природу отнюдь не склонен был воевать с ветряными мельницами и реальную обстановку учитывал обычно довольно трезво. Он планирует деревенскую усадьбу в духе своего времени и сообразуясь со вкусами людей своего круга. Тут имеются летние и зимние спальни, летние и зимние столовые, портики для погулок, бани. И только покончив с господской половиной, он переходит к «деревенской части»: к разным службам и помещениям для рабов.

Хотел ли Варрон подчеркнуть, какое негодование вызывают в нем его современники, которые строятся, сообразуясь со своими «необузданными прихотями», действительно ли считал он, что «городская половина» в сельской усадьбе представляет собой нечто столь неважное, что о ней и говорить не стоит, но только он начал описание усадьбы с хлевов, где будут жить вола, а от них перешел уже к другим службам. Составить план какой-либо стройки по описанию, даже очень ясному, всегда затруднительно, и слова Варрона, подкрепляемые сообщениями Колумеллы, позволяют только назвать несколько помещений, которые, по-видимому, обязательно входили в состав усадебных построек. Это кухня, где готовят и едят, работают при свете очага и светильников в долгие зимние вечера, где обогреваются и отдыхают. В усадьбах, раскопанных под Помпеями, почти всегда имелась такая кухня. Колумелла тоже говорит о большой высокой кухне, где рабы будут чувствовать себя удобно во всякое время года (I.6.3). Комната вилика находится у ворот: Варрон и Колумелла здесь опять согласны. Колумелла дальше говорит о каморках для рабов, и в усадьбе, которую представляет себе Варрон, такие каморки, конечно, были: кухня не предназначалась для того, чтобы там спали впопалку. О них, однако, у него ничего не сказано. Оба писателя требуют сарая, куда следует убирать весь сельскохозяйственный инвентарь. Судя по развалинам большинства усадеб под Помпеями, все усадебные постройки располагались по периметру вытянутого прямоугольника. Варрон представлял себе, по-видимому, именно такой план усадьбы, при котором постройки опоясывали свободное пространство внутреннего двора, где находился четырехугольный резервуар (*compluvium lacum*), прудок, «полу-

бассейн» — *semipiscina*, названный так потому, как думает Сторр-Бест, что он был обложен каменной кладкой не с четырех, а только с двух сторон. Из этого прудика пьют и в нем купаются, радуя хозяйское сердце и хозяйский глаз, рабочие волы и пришедшие с пастбища гуси, свиньи и поросята. В усадьбе должны быть погреб для вина и другой для масла; «сухое, например сено и бобы, складывают на чердак». При усадьбе находится ток, и возле него выстраивают поветь, куда в случае дождя можно убрать лежащий на току хлеб. Размеры погреба и хлебных амбаров определяются размерами виноградника и засеянного поля (I.11.2).

Кроме внутреннего двора, в усадьбе, изображенной у Варрона, есть еще и наружный двор, где стоит скот. В непосредственной близости к нему должны были находиться люди, на которых лежал уход за скотиной и которые должны были иметь здесь же свое жилье. Это значит, что рядом с главной усадьбой вырастает вторая, которая включает у Колумеллы, кроме бассейна для скота, еще хлебную печь с мельницей, т. е. целую пекарню (I.6.21), где будут заняты несколько человек. Усадьба, представлявшая собой, насколько можно судить по остаткам небогатых деревенских усадеб под Помпеями, замкнутый мирок, распадается у состоятельного рабовладельца на отдельные части, не помещающиеся внутри ограды, а только территориально близкие. Тексты Варрона и Колумеллы подтверждают остатки богатых усадеб, открытых под Помпеями (усадьба Азеллиев, усадьба Попидия Флора, усадьба № 26). В литературе о начале такого «распадения» мы впервые читаем у Варрона.

К главе 14-й

¹ Мы знаем, что «огороженными частями» в имении были огород, который как раз рекомендовалось обводить живой изгородью из колючего кустарника (Col. XI.3.3—5), питомники (Pl.XVII.69), виноградники, где лозы вились по шпалерам (*vinea*) и, по всей вероятности, фруктовые сады. К числу преимуществ виноградника, в котором лозы пускали по деревьям (*arbustum*), Плиний отнесит и то, что *arbustum* «не заставляет защищать себя стеной, забором или тратьться хотя бы на канавы, не то что *vinea*» (XVII.203). Луга «защищали от скота» (Varr. I.30), ставя изгородь такую нежную, что ее ничего не стоило снять, когда после косовицы пускали в луга скот (Col. II.17.6). Хлебные поля огораживали, вероятно, только тогда, когда рядом были пастбища и можно было бояться потравы. Так как даже рекомендовалось выгонять скот на сжатые поля и на пары (Cat. 30; Varr. II.2.12; Col. VII.3.19; 9.8), то изгороди на нивах должны были быть такого же типа, как и на лугах; скорее всего это «деревенская ограда» из столбов, просверленных в двух-трех местах и соединенных жердями, вставленными в эти отверстия. Когда ограда уже не требовалась, жерди эти вынимали, открывая проход скоту.

² Римские солдаты в походе, разбивая лагерь на ночь, неизменно обводили его ровом и насыпью. Поэтому ров и насыпь и названы «военным ограждением».

³ Устройство таких «неподвижных» оград вдоль рек и больших дорог вполне понятно: в первом случае это была защита от наводнений, во втором — от падегов скота, особенно страшных, если дорога была скотопрогонная.

⁴ Соляная Дорога (*Via Salaria*) — древняя дорога, по которой сабиняне спускались за солью к устьям Тибра; она проходила через Реате. — Крестумерий — небольшой городок в северной Лации, недалеко от Тибра.

⁵ Каменные и кирпичные стены Варрон называет пошеством. Почему его ввели? Вокруг лугов и полей ставить их было невозможно (см. прим. 1 к гл. 14-й); ими огораживали, следовательно, только сады и виноградники. Соблазнительной оказалась прочность новомодных оград? Или леса стано-

вилось все меньше, и ему искали замену? Об оградах в Испании Плиний пишет: «...разве в Африке и Испании не делают земляных стен? Их называют „формованными“, потому что их не строят, а скорее сбивают [из глины], которую накладывают между двумя досками, поставленными параллельно. Такие стены стоят века» (XXXV, 169). — Тускул — маленький городок в Лации, находился недалеко от пышного Фраскати; о «Галльском Поле» см. прим. 11 к гл. 2-й; Сабинская область — в средней Италии, между Лацием, Умбрией, Пизеном и областью Вестинов; Тарент — город в Южной Италии (Калабрия).

К главе 15-й

¹ Деревья по межам сажали, вероятно, в таких имениях, где можно было не опасаться вторжения скота на пивы, и на таких участках, которые не требовалось загородить пагучо. Эти поля, обсаженные пиниями, кипарисами и вязами, с которых свисали виноградные гроздья, немало способствовали тому, что Италия ко времени Варрона приняла вид «сплошного плодового сада». Обсаживать дороги и межи деревьями рекомендовал и Катон, причем также называл вязы: «...сажай вязы и частью тополи, чтобы иметь листья для овец и волов. И материал, если понадобится, будет у тебя наготове» (6.3). Вязы были излюбленным деревом для arbusta (Col. V, 6.1—4).

Крустуминская область — область с городом Крустумерием в Северной Лации.

К главе 16-й

¹ Oelium — имя испорчено; скорее всего можно думать об Узелесе (Oculusellum) в западной части острова. Цихориус полагает, что у жены Варрона, Фундании, было имение в Сардинии недалеко от города Тарроса, находившегося на западном берегу Сардинии. Там найдена была надпись (CIL X, 7893), в которой упомянуто ее имя (K. Cichorius. Römische Studien. Leipzig—Berlin, 1922, стр. 205, 206).

² Уже Катон (8) выделил имения, находившиеся под Римом, в особую категорию. Хозяйство в этих подгородных имениях строилось с таким расчетом, чтобы снабжать римский рынок предметами, которые там всегда находили потребителя и стояли в цене (см.: мои «Очерки...», стр. 150—160).

³ Что это были за «врачи, валяльщики и мастера», которых имели «по соседству»? Жители соседнего городка, с которыми хозяева окрестных небогатых имений заключают годовой договор на обслуживание их усадеб? Бродячие врачи и ремесленники, временно останавливающиеся в каком-нибудь месте, где их обеспечат работой, по крайней мере на год? Возможно и то и другое. Надписи упоминают врачей, ходивших по округе из одного места в другое (CIL XI, 5836; Dessau 7791; Bücheler CE 1252).

⁴ В этих нескольких строчках дана характеристика двух совершенно разных хозяйственных укладов: с одной стороны, имения, нужду которых во врачебной помощи и в ремесленной деятельности удовлетворяют нанятые со стороны люди, с другой — уединенные поместья, далеко отстоящие от городов и деревень и располагающие собственным штатом разнообразных ремесленников. Именно о таком поместье писал Сазерна, и корректив к нему, внесенный Варроном, свидетельствует о том, что Варрон имел в виду хозяйства первого типа. (См. мои «Очерки...», стр. 167—169).

⁵ Колумелла объясняет, почему нельзя сажать маслины там, где росли дубы: если их и срубить, то в земле останутся корни, которые выделяют яд, убивающий маслину (V, 8.7). Здесь, однако, речь идет только о посадке рядом, и совет Варрона продиктован, по-видимому, убеждением древних в существовании симпатии и антипатии между определенными растениями.

О вражде дуба и маслины, дуба и грецкого ореха, о «смертельной ненависти» между кашустой и виноградной лозой пишет и Плиний (XXIV.1); он же сообщает, что лоза ненавидит орешник, лавр и редьку (XVII.239; XIX.87); от соседства с лесной кашустой лоза усыхает (XX.92).

К главе 17-й

¹ Варрон (I.I. VII.105) так объясняет это слово: «...свободный человек, который за деньги, взятые в долг, работает, как раб, называется, пока их не выплатит, „dexus“, а по деньгам — ohaeratus (aes, aeris — деньги). Здесь он употребляет другой термин — „ohaerarius“. Гетц (G. G o e t z. Sprachliche Bemerkungen zu Varro. Indogermanische Forschungen, 1912—1913, Bd. 31, стр. 298) считает, что „ohaeratus“ — это термин юридический, а „ohaerarius“ — это «деревенская латынь».

² См. Ps.-Arist. Oec. I.5: «...для работ лучше всего люди не робкие и не слишком смежные».

³ Колумелла советует ставить вилком человека среднего возраста, сведущего в сельских работах: «...в нашем деле польза одному приказывать, а другому учить; не может требовать хорошей работы пачальник, который у подчиненного учится, что и как надо делать» (I.8.3—4). Виллик «не должен быть ни жесток, ни слаб с подчиненными. Пусть он будет всегда ласков к хорошим и работающим и снисходителен даже к тем, кто похуже; пусть он ведет себя так, чтобы его скорее уважали за строгость, чем ненавидели за свирепость» (XI.1.25 почти совпадает с I.8.10). О своем обращении с рабами, занятыми в сельском хозяйстве, он говорит так: «...я чаще, чем с городскими рабами, разговариваю с ними запросто, и, понимая, что хозяйская обходительность облегчает им их постоянный труд, я иногда даже шучу с ними и позволяю им самим шутить. Я часто делаю вид, что обсуждаю с более опытными какие-нибудь новые работы... они охотнее берутся за дело, которое с ними обсуждалось и которое, они считают, предпринято по их совету» (I.8.15). Виллику он советует дать жену, которая «и сдерживала бы его, и кое-в чем помогала» (I.8.5); настухов, уходящих на дальние пастбища, всегда сопровождали их жены (Варр. II.10.6). В праздники виллик «осыпает щедротами самых работающих и честных, иногда он сажает их за свой стол и удостоивает и других почестей» (Col. XI.1.19).

⁴ Аристотель, «Политика», VII.9.9: «...обрабатывать землю должны преимущественно рабы. Они не должны принадлежать к одной национальности и быть горячего нрава, потому что при соблюдении этих условий они оказались бы полезными для работы и нечего было бы опасаться каких-либо попыток с их стороны к возмущению» (пер. С. А. Жебелева, СПб., 1911, стр. 323). И Платон предостерегает от рабов-единоплеменников: «Сколько случается бедствий в тех государствах, которые обладают большим числом рабов, говорящих на одном и том же языке!... Чтобы рабы легче подчинялись, они не должны быть между собой соотечественниками, а напротив, по возможности более разниться по языку» (Законы, 777С. Пер. А. Н. Егулова, Мгр., 1923). И Платон, и Аристотель имеют в виду явно рабские восстания и возмущения. Варрон употребляет слово «offensio», которое означает «болезнь», «неприятность», «вражду», «докуку», «обиду», «раздражение», но никогда ни «мятеж», ни «заговор». Имеет ли оно у Варрона все-таки это последнее значение, представляя собой некий эвфимизм?

⁵ Собственность раба — *rescilium* — это был кусок земли, деньги, одна или несколько голов скота, которые господин предоставлял рабу в пользование. Юридически это имущество оставалось собственностью хозяина, но фактически целиком находилось в руках раба, и господин отбирал его только в случае очень больших проступков (Варр. I.19.3).

К главе 18-й

¹ Cat. 10 и 11.

² Принципиальное обоснование упреков, которые Варрон делает Катону и Сазерне, состоит в том, что он требует от агрономического трактата «всеобщности»: советы автора должны иметь такой характер, чтобы ими можно было воспользоваться в любой обстановке и при любых условиях. Требование это в значительной степени было выполнено Колумеллой: Варрон, при его малой осведомленности в сельском хозяйстве, справиться с ним не мог и предложил каждому строить свое хозяйство на личном наблюдении и опыте.

³ Варрон проводит определенную границу между своим поколением (nos — «мы») и хозяевами старого времени; теперь нельзя идти только по проторенным дорогам: настало время размышления и опыта. В нескольких словах сформулировал он всю сущность разумного ведения хозяйства. Примеры новой сельскохозяйственной техники он приводит из области виноградарства, садоводства и огородничества. — «Перекапаем» — речь идет о глубоком перевальном перекапывании (плантаже) под виноградник (3—2¹/₂—2 фута, см. Col. III.13.8) и под огород (3—2 фута, см. Col. XI.3.11). О прививке смоквинок см. Варр. I.18.8.

К главе 19-й

¹ Это место из Сазерны приведено у Колумеллы (II.12.7). В критике своей Варрон руководствуется теми же соображениями, что и в предыдущей главе.

² Cat. 11.

³ Варрону, родившемуся и выросшему поблизости от великолепных розейских лугов, естественно представить себе имение, в состав которого входят луга. Когда Катон говорит о кормах, ему прежде всего приходит на ум древесная листва.

К главе 20-й

¹ Итальяские хозяева были глубоко убеждены в правильности того положения, которое так хорошо и коротко выражает русская пословица: «Где кто уродился, там и пригодился». «Всякий местный вол будет значительно лучше чужестранного. Он не заболеет от перемены в кормах, воде и климате; ему не повредит характер места, как повредит тому, которого переведут из плоских и ровных мест на крутые горы или из горных мест на равнину» (Col. VI.2.12).

² Очень подробно о том, как обучать рабочего вола, рассказывает Колумелла (VI.2.2—12). — Furca — «вилка», которую Варрон рекомендует надевать на шею волам, отличалась от обычного ярма: она имела вид треугольника, обращенного вершиной вниз.

³ Катон различал два вида рал: римские для тяжелых почв и кампанские для легких (135.2); Колумелла упоминает рыхлую почву Кампании (II.10.18) и, рассказывая о глубоком перекапывании земли под виноградник, замечает, что в Кампании эта работа не нужна, потому что там «легкая для обработки (т. е. рыхлая) земля не требует такого перекапывания» (V.4.3).

⁴ Предложение запутанное и нелогичное. По строению фразы, букв.: «тем легче можно впрячь их в легкое рало», — она относится к волам. Волон, однако, никогда не впрягали в мельницу, а возили они только очень большие тяжести (например, трапет, см. Cat. 22.3). Дальше Варрон и называет ослов, коров и мулов как исполнителей вышеперечисленных работ.

К главе 21-й

¹ Это было очень выгодно, потому что, помимо платы за выпас, скот еще удобрял землю. Катон сдавал луга на выпас, правда только на зимнее время (149). Стоит отметить, что у хозяина стада имелась возможность пастись скот не только на государственных, но и частных пастбищах.

К главе 22-й

¹ Короба — *corbes*, корзины — *fiscinae*; мы не знаем в точности, какова была их форма; можно думать, что *corbes* были больше, чем *fiscinae*, так как в них собирали и сносили на ток сжатые колосья; в *fiscinae* собирали плоды, маслины, виноград. — Трибула — орудие для молотбы о нем подробнее см. в гл. 52-й. — «Веялка» представляла собой довольно плоскую корзину, куда насыпали обмолоченное зерно и подбрасывали его на ветер; мякину отсыло ветром. О пальмовых листьях пишет Плиний (XVI.89): «На Востоке из пальмовых листьев, говорят, изготавливаются канаты, которые меньше гниют от сырости. И у нас после жатвы с пальм срывают листья. В течение четырех дней их сушат под крышей, затем раскладывают на солнце и на ночь не убирают. Так делают, пока листья не побелеют и не высохнут, и потом их раскладывают для плетения». У Катона в долгие зимние вечера и по утрам до рассвета тесали колья, делали факелы, выносили навоз (37.3); в дождливую погоду чинили корзины, замазывали трещины в долинах и осмаливали их, мололи зерно, чистили хлевы и вообще наводили чистоту в усадьбе (23.1; 38.1—2). Заметим, что о специфически ремесленной деятельности в сельской усадьбе нет речи ни у Катона, ни у Варрона.

² Были, следовательно, такие «центры», где выделялись на продажу сельскохозяйственные орудия и утварь. Катон перечислил ряд таких мест в Лации и Кампании (135).

³ *Nassiterna* — большая посуда для воды с ручками, — см.: Fest. (изд. Линдсея, стр. 168, 169).

К главе 23-й

¹ *Osinum*, по Варрону (I.31.4), это молодые бобовые стебли, скошенные раньше, чем на них завязались стручки. Катон неоднократно упоминает его в качестве зеленого удобрения и корма волам (27; 33.3; 53.3—4). Название это давалось и кормовой смеси, для которой сеяли на югер 10 модиев бобов, 2 модия вики и столько же *ergilia*. Очень хорошо было подбавить и греческого овса, у которого семена не осыпались. Сеяли всю эту смесь осенью (Pl.XVIII.143). *Farrago*, по объяснению Варрона (I.31.5), это кормовая смесь из ячменя, вики и бобовых (каких, он не говорит), которую скашивали зеленой. Колумелла в числе кормовых помещает *farrago*, «которая из ячменя» (II.7.2): около осеннего равноденствия югер засевали 10 модиями шестирядного или «меринова» ячменя (II.10.31), и зимой этот ячмень косили на корм волам и овцам. Плиний говорит, что это кормовая смесь из отвеянного зерна с подмесью вики (XVIII.142). По-видимому, название это в разных местах обозначало разный корм; неизменно было только то, что корм этот скашивали зеленым. — «Мидийская трава» — люцерна. Во время греко-персидских войн она была завезена в Грецию и так и сохранила за собой имя «мидийской травы».

² Бобовые сами служат удобрением, кроме *cicer* — бараньего гороха, или нута, который, по мнению древних, истощал почву (Cat.37.1; Col.II.10.20).

³ Siligo — мягкая пшеница.

⁴ Зеленое удобрение было давно и хорошо известно итальянским земледельцам. Катон считал, что землю удобряют lupini, бобы и вика (37.2); Варрон вику не называет, случайно ли, по рассеянности или потому, что его источник отвергал вику, мы сказать не можем. Колумелла, во всяком случае, считал, что вика только тогда послужит удобрением, если, скосив, тотчас же запашут ее корни: «...если их оставить засыхать, они вытянут из земли все соки, что, вероятно, делают и бобы и прочие растения, от которых земля как будто тучнее» (II.13.2). Бобы, по его мнению, вообще не являются зеленым удобрением, а только «меньше истощают землю» (II.10.7).

⁵ Ива и тростник нужны для подпорок в винограднике и подвязывания виноградных лоз (ср. Cat.6.3 и 9 и Varr.1.8.2).

⁶ Судя по Катону (6.4), которого доверчиво переписал Плиний (XVI.173), итальянские хозяева считали, что лесная спаржа (corruda) «перерождается» в садовую.

⁷ Violaе — один из очень любимых в древности цветов. Плиний пишет, что их имеется много видов: пурпурные, желтые и белые (XXI.27). По всей вероятности, это именно левкой, а не те цветы, которые мы называем фиалками.

⁸ Спарт (Stipa tenacissima L.) — растение, с которым римляне познакомились в Испании, где деревенское население топило им и освещалось, изготаряло из него обувь и одежду. Главным образом он шел на веревки и канаты (Pl.XIX.26—28). Волам, которые отправлялись в дальнюю дорогу, или смазывали копыта снизу смолой (Cat.72) или надевали им на ноги сандалии, сплетенные из волокон спарта, отличавшегося изумительной прочностью (Col.VI.12.2).

К главе 24-й

¹ Cat.6.3—4; комментарий к этому месту см.: Марк Порций Катон. Земледелие. Перевод и комментарии М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1950, стр. 138.

К главе 25-й

¹ Аминейские лозы, которые одевали Везувий и Суррентинские холмы (Col.III.2.10), давали крепкое, прочное вино (Pl.XIV.21—22). Колумелла ставил этот виноград на первом месте (III.7.2) и с ним продал свои удивительные опыты по повышению урожайности (III.9.1—6). Аминейское вино упоминается в надписях из Помпей. Сортов аминейского винограда было несколько: «крупный», «мелкий», «близнецы», «пушистый». О евгенийском винограде Плиний пишет: «...холмы Тавромения [на северо-восточном побережье Сицилии] прислали его, наделив прозвищем за его прекрасные свойства [eugenes по-гречески «благородный»], но только для Албанского округа. Перенесенный в другое место, он сразу же изменяется» (XIV.25). «Холодную и сырую почву и климат очень хорошо переносят евгенийские лозы, но только на Албанском холме. На другом месте они не соответствуют своему имени» (Col.III.2.16). «Мелкий вишневого цвета [helvium, или helvolum] замечательный по своему цвету, переливающимся из пурпурного в черный» (Pl.XIV.29); «ни пурпурные, ни черные» (Col.III.2.23). Мургентинский виноград из Сицилии (Pl.XIV.35). Колумелла относил к третьему разряду лоз, которые давали обильный урожай, но вино невысокого качества (III.2.25—27). Апиций виноград назван только у Катона, которого переписали Варрон и Плиний (XIV.46). Луканские вина со сдержанной похвалой упоминает Плиний (XIV.69). Главу эту Варрон в точности списал с Катона (6.4).

К главе 26-й

¹ О симпатии и антипатии между растениями см. прим. 5 к гл. 16-й. О вражде между лозой и кипарисом пишет только Варрон. Откуда почерпнул он эти сведения? Они шли, во всяком случае, в разрез с общепринятыми взглядами: иначе вряд ли бы кипарисы сажали в винограднике. О кипарисовых круглых кольях для виноградников упоминают Плиний (XVII.174) и Колумелла (IV.26.1.). Темное место у Плиния: «... мужской кипарис раскидывает в стороны свои ветви; его обрезают, и он принимает лозу» (XVI.141): он имеет в виду, вероятно, также колья: о посадке кипарисов в *arbusta* в качестве деревьев, с которыми «сочетают лозы», нигде не говорится. Как можно было, пользуясь «живыми кипарисами» в качестве кольев, сажать лозы поодаль от них?

² Корзинки — для гроздьев, кувшин — для виноградного сока.

К главе 27-й

¹ Вергилий, с характерным для него чувством трагического, представил ниву, гибнущую от сорняков (Georg.I.152—154). Мысль о борьбе с сорняками неизменно присутствует в сознании земледельца: «... поля пахнут, когда станет совсем тепло, вся трава взошла, а семена ее еще не вызрели» (Col.II.4.1); нивы мотыжат и пропахивают вручную; стерен сжигают, «чтобы выжечь семена трав» (Pl.XVIII.300); навоз вывозят только на лунном ущербе, «потому что это освободит наши посевы от сорняков» (Col.II.5.2); конский навоз не следует класть на поля, потому что от него разводится много травы (Barr.I.38.3).

² «Только та нива удовлетворит желаниям жадного земледельца, которая дважды была прогрета солнцем и дважды испытала действие холода» (Verg.Georg.I.47—48).

К главе 28-й

¹ Начало каждого времени года приходится на 23-й день после того, как солнце вошло в соответствующий знак зодиака.

² Варрон понимает юлианский календарь, который введен был Цезарем в 45 г. до н. э., за 8 лет до написания Варроном его сельскохозяйственного трактата.

³ Секстилий был переименован впоследствии в август в честь Августа.

⁴ Вергилии — созвездие, которое мы называем Плеядами.

К главе 29-й

¹ Фавоний — теплый западный ветер, который начинал дуть в начале февраля (7—8 февраля). «Это дыхание, животворящее мир... Он дует с равноденственного запада; с ним начинается весна» (Pl.XVI.93). «Первый промежуток» Варрона обнимает, следовательно, время от 7 февраля до 24 марта.

² *Arbusta* и *stercorari* — дополнил Кейль (в рукописи лакуна), основываясь на Колумелле (XI.2.16 и 18).

³ *Vites ablacuari* — это был особый вид окапывания, при котором корни растения оказывались на виду. Корни лозы, находившиеся ближе к поверхности, чем на полтора фута (их называли «летними»), полагалось срезать, потому что «им вредят холода, а от жаров они страдают еще больше и при восходе Пса причиняют лозе мучительную жажду». В местах с теплой зимой вырытую яму оставляли открытой; при холодной зиме ее засыпали около середины декабря (Col.IV.8.1—3).

⁴ «Нужно собрать все камни и всё, на что может наткнуться коса... есть дуга, затянутые от старости плесенью; старые хозяева [т. е. опытные] обычно исправляют их тем, что сдирают мох и посыпают семенами с сеновала» (Col.II.17.2). Он же советует осенью очистить дуга от колючих полукустарников и грубых трав и вырвать с корнем ежевику, ситник, цикорий и «равноденственные колючки», т. е. те колючие травы и полукустарники, которые появились к середине лета (ко времени летнего солнцестояния).

⁵ Novalis: 1) заросшая травой земля, которую не пашут; 2) земля, которую пашут через год, оставляя в промежутке отдыхать.

⁶ Вот что сообщает Варрон об обработке хлебного поля. О пахоте мы узнаем из календаря, составленного Варроном, как мы уже видели, на основании сельскохозяйственного быта Сабинии. Землю в тех местах пахали только дважды: поднимали пар после весеннего равноденствия (I.30) и двоили его в июле: вспашка «тем полезнее, чем горячее земля» (I.32.4). Сеять надлежало отборным зерном: отдельно складывали на току урожай с пивы, где колосья были самыми крупными, чтобы иметь на посев «самые лучшие семена» (I.52.1). Количество семян на югер брали такое: бобов 4 модия, пшеницы — 5, ячменя — 6, полбы — 10; на жирной земле высевали больше, на тощей меньше. 4 модия бобов на югер — это была норма, которую рекомендовал Скрофа (Col.II.10.8). Не у него ли заимствовал Варрон и остальные цифры? Если сравнить табличку посева у Варрона и у Колумеллы, который дает две нормы: высшую и низшую (XI.2.75), то окажется, что данные, приводимые Варроном, всегда совпадают с первой (кроме бобов), причем для жирной земли эту норму полагается еще увеличивать (I.44.1). Возможно, что и здесь была разница между обиходом Лация и Сабинского края.

Утверждение Колумеллы, что и жирное и тощее поле требует одинаковой меры для посева, потому что на жирной земле из одного зерна вырастает целый куст, а на тощей при густом посеве колос будет мелким и пустым, продиктовано его собственными соображениями, причем, вероятно, немалую роль сыграло тут знакомство с положением греческих философов о единстве противоположности (II.2.3).

Дальнейший уход за посевами состоял в мотыженье и прополке. В Сабинии хлеба мотыжили только один раз по весне и затем через два месяца их пололи вручную. В июле наступала жатва, а затем хлеб обмолачивали и ссыпали его в амбары.

Вспашка была своеобразной: после двукратной вспашки (мы видели, что в Сабинском крае не было в обычае тронуть ниву) поле засевали, а затем проходили по нему ралом, к которому были прилажены «дощечки» — отвалы; с их помощью засеянную землю забирали в гребни, после чего поле приобретало тот своеобразный вид, который можно было наблюдать в Италии еще в XIX в. и который так изумил Гёте во время его итальянского путешествия. О технике мотыженья Варрон ничего не говорит, но на жатве он остановился подробно (опять-таки первый и единственный), причем в рассказе своем учел разницу между тем, как производилась эта работа в Северной Италии (Умбрия, Пицен) и «под Римом, а также в большинстве мест» (I.50.2), где жали, срезая солому чуть пониже руки, которая захватывала соломину почти сразу под колосом. В Умбрии жали, как у нас, у самой земли, и у Плиния мы найдем объяснение этому: «...где соломой кроют дома, там оставляют ее как можно длиннее» (XVIII.297). На саркофаге Валериана представлены жнецы, срезающие хлеб у земли; их серпы снабжены коротеньким обоюдоострым ножом, которым они потом будут отсекают колосья от соломы. «Кривая палочка с железной пилкой», которой в Пицене счесывали колосья, описана только Варроном. Это прообраз той своеобразной жатки, с помощью которой в Галлии «за один день убирали целое поле» (PLXVIII.291) и подробное описание которой сделано Палладием (VII.2.2). До сих пор эту «жатку» реконструиро-

вали на основании этого описания, но недавно в одной местности в Люксембурге найден был камень с рельефным ее изображением (Jos. Mertens. Nouveaux monuments funéraires de Buzenol. Academie royale de Belgique, Bull. de la classe des lettres, 1959, № 2, стр. 35 сл., табл. VII и рис. II; см. еще: L'antiquite classique, 1958, t. XXVII, 2 fasc., стр. 413, 414, табл. III). — О хлебных посевах в Апулии см. прим. 10 к гл. 2-й.

К главе 30-й

¹ От 24 марта до 7 мая.

² *Segetes runcari* — прополка посевов вручную.

³ *Prata defendi* — защита лугов состояла в том, что их огораживали и не пускали туда скотину.

К главе 31-й

¹ От 7 мая до 24 июня.

² Виноградный сад — *arbustum*, где лозы вились по деревьям; *vinea* — виноградник с подпорками и переплетами для лоз.

³ Колумелла придавал пасынкованию большое значение: «...чрезвычайно важно делать его умело, потому что для лоз пасынкование важнее даже, чем обрезка» (IV.27.2).

⁴ Катон (47) рекомендовал срезать лозу-двухлетку; тот же глагол у обоих писателей: *resicare* — может быть, технический термин, которым обозначали срезывание всего ствола. Колумелла решительно осуждал эту практику: «...опыт опроверг старое убеждение, будто к чубукам-однолеткам нельзя прикасаться ножом: он для них ужасен. Напрасно боялись этого Вергилий и Сазерна, Столоны и Катоны: ошибка их была не только в том, что они позволяли саженцам свободно разрастаться в первый год, но и в том, что когда лозу-двухлетку надо было срезать, они отсекали весь ствол до узла при самой земле. Опыт, учитель всякого дела, научил нас управлять ростом чубуков уже в течение первого года их жизни, а затем не позволять, чтобы лоза покрывалась густым лесом ненужных побегов. Нельзя, однако, укрощать ее так, как учили в старину, и усекать весь ствол» (IV.11.1—2).

⁵ Варрон чрезвычайно любил объяснять значение слов и указывать, от какого корня они произошли. Эта глава богата этимологическими нелепостями.

К главе 32-й

¹ От 24 июня до 21 июля.

² Пахота, по Варрону, происходит в следующие сроки: первая вспашка — с конца марта до первой недели мая включительно (I.30); второе — с конца июня до конца июля.

О больших глыбах земли, вывороченных при первой вспашке, говорит и Колумелла, который, однако, предупреждает, что надо выбирать для первой вспашки такую погоду, когда земля не будет слишком суха: иначе рано «вырывает объемистые куски дерна», которые затрудняют вторичную вспашку (II.4.6).

³ Колумелла называет два срока посева вики: на зеленый корм ее сеяли около осеннего равноденствия, а на семена — в январе (II.10.29; XI.2.74). Плиний указывает три срока: в октябре, январе и марте (XVIII.137). Вергилий говорил о конце октября (Georg.I.227—230). Чечевцу Колумелла советовал сеять «в середине сева», т. е. в конце сентября, в октябре и вторично в феврале (II.10.15); Плиний — «весной и осенью».

точнее в октябре (XVIII.123 и 203). «Горошек» (*ciceriscula*) Колумелла сеет в январе или феврале; «в некоторых местах Италии его сеют перед ноябрьскими календами» (II.10.19); о сроках сева *ervilia* не говорит ни он, ни Плиний. «Прочими *legumina*» могут быть: лупин — его сеяли до осеннего равноденствия или перед октябрьскими календами (Col.II.10.2; Pl.XVIII.135); бобы — их сеяли осенью и в феврале (Col.II.10.8—9) или весной (Verg.Georg.I.215), «по обычаю Циркумпаданской Италии», замечает Плиний (XVIII.120); «греческое сено» сеяли в сентябре и вторично в конце января или в начале февраля (Col.II.10.33); чину (*ervum*) сеяли осенью, в конце января и в течение всего февраля (Col.II.10.34) или ранней весной (Pl.XVIII.139); *cisega* сеяли в марте (Col.II.10.35); бараний горох — тоже в марте (Col.II.10.20), по словам Плиния — весной (XVIII.50).

Итак, оба наши источника указывают для всех бобовых — *legumina* — срок сева или осенью, или по весне; о посеве их летом, кроме Варрона, никто не говорит. Этот летний посев (в Италии и в самый разгар летней жары!) сам по себе невероятен. Описка Варрона? Ошибка переписчика?

⁴ Следует обратить внимание на разницу в технике обработки виноградников: у Колумеллы их вскапывают, у Варрона боруют.

К главе 33-й

¹ От 21 июля до 24 сентября.

² Итальянский жнец срезал колосья очень высоко. Оставшуюся солому скашивали или сжигали обычно месяц спустя после уборки хлеба.

К главе 34-й

¹ Вергилий советовал сеять пшеницу и «полбу» после захода Плеяд, т. е. в ноябре (Georg.I.219—226). Колумелла соглашался, что на хорошей и сухой земле сеять следует именно в это время; «... в местах же сырых, бесплодных и холодных надо засевать землю преимущественно до октябрьских календ (т. е. до 1 октября, — М. С.), чтобы корни у хлебов окрепли, прежде чем на них обрушатся зимние дожди и заморозки... я знаю, что старые писатели учили не приступать к севу, пока дожди не промочат землю, и я не сомневаюсь, что так поступать очень полезно, если только дожди пойдут своевременно. Если же они запоздают, а это случается, то можно сеять в самую жаждущую землю... зерно, брошенное в сухую землю и приоранное, не портится, словно оно сыпано в амбар, а когда пойдет дождь, то посеянное в течение многих дней взойдет в один день» (II.8.3—5). Варрон считает, что сеять можно до самого зимнего солнцестояния т. е. до 24 декабря. «Разумные хозяева», по словам Колумеллы, в течение 15 дней до солнцестояния и 15 дней после не пахали земли и не обрезали ни лоз, ни деревьев» (II.8.2; XI.2.95); «озимые семена, посеянные до солнцестояния, всходят на 7-й день, посеянные после, — едва на 40-й» (Pl.XVIII.204).

² Вергилий (Плеяды) заходили 28 октября. Бобы в древней Италии сеяли осенью; «... есть яровые бобы, которые сеют в феврале... я часто слышал от старых хозяев, что стебли от озимых бобов они предпочитают зернам яровых» (Col.II.10.9).

³ Плиний назначал для уборки винограда время «от осеннего равноденствия до захода Вергилий» (XVIII.319), т. е. конец сентября и весь октябрь. Колумелла в своем календаре говорил о сьемке винограда во второй половине сентября, но предупреждал, что тут надо руководствоваться «естественной зрелостью», свидетельством которой будут потемневшие и совсем черные зернышки (XI.2.67—69).

К главе 35-й

¹ От 28 октября по 24 декабря.

² Лилии принадлежали к числу любимейших цветов в древней Италии: «...особенно хороши они в соединении с розами» (Pl.XXI.22). Шафран (*Crocus sativus* L.) употреблялся во многих случаях (никогда для венков) (Pl.XXI.33): для ароматных мазей, для натирания сосудов, куда вливали вино, для разных лекарств. Роза «растет всего лучше и скорее, если ее посадить после захода Вергилий прутиками длиной пальца в четыре» (Pl.XXI.21). Ср. Theophr.h.pl.VI.6.6: «Растут розы из семени медленно; поэтому, как было сказано, их сажают стебелем» (т. е. черенками, на которые разрезают стебель). Для левкоев Колумелла советовал делать грядки высотой не меньше фута (arb.30.1).

³ От 7 до 20 февраля.

⁴ О том, насколько важно было содержать в порядке канавы, по которым стекала вода, можно судить по предписаниям Катона (155). Чистка канав и устройство стоков принадлежит к числу важных хозяйственных работ (Col.XI.2.82).

⁵ Колумелла тоже говорит, что «галльский вяз», который называли «atinia», лучше сажать осенью (V.6.9).

К главе 36-й

¹ От 24 декабря до 7 февраля.

² В зимние темные утра и вечера «делай следующее: обтесывай колья... делай факелы, выноси из хлевов навоз» (Cat.37.3). «От долгих ночей надо кое-что прибавить к дню: есть много работ, которые свободно можно выполнять при свете» (Col.XI.2.90—92). Колумелла же советует, в зависимости от того, каким материалом богато имение, и от того, в чем оно нуждается, заготавливать колья для виноградника плести корзины, делать ульи, приготавливать ивовые прутья для привязывания лоз.

³ Вилик, следовательно, должен быть человеком грамотным. Колумелла грамотного вилика боялся. По его мнению, вилику достаточно обладать хорошей памятью. «Такой вилик, — говорит Корнелий Цельз, — чаще приносит хозяину деньги, а не счетную книгу, потому что грамоты он не знает, сам счетов сочинить не может, а сообщника иметь боится» (I.8.4).

К главе 37-й

¹ *Intermenstruum* — «междулуние», т. е. промежуток между последней и первой четвертью луны, новолуние. «Афиняне точнее называли этот день *ἐν τῇ καὶ νέῃ*, потому что в этот день можно увидеть последнюю луну и первую (Varr.l.I.VI.10). *ἐνός* — «предшествующий», *νέος* — «новый», *τριακός* — 30-й день месяца.

² Древние были твердо уверены в «симпатической связи» между лунной и рядом явлений. Те работы, результатом которых был рост, развитие, увеличение в объеме, например посев, подкладывание яиц под курицу, следовало производить на прибывающей луне: своим ростом она как бы стимулирует рост того, что покорно ее прибывающей силе; стоит пойти наперекор ей и во время ее прибыли заняться умалением, уменьшением чего-либо, и последствия будут горькие, потому что «симпатическая связь» нарушена. Потому Агразий стрижет своих овец и стрижется сам, когда луна на ущербе; в это же время валят деревья (Cat.31.2); «рубить, обрывать, стричь лучше на убывающей, а не на прибывающей луне» (Pl.XVIII.322).

³ Копать канавы и засыпать корни землей следовало в полнолуние; разбивать питомники — в первые дни новолуния (Pl.XVIII.322); рубку леса — производить с 20-го по 30-й день лунного месяца (Pl.XVI.190).

⁴ Интереснейшее место, свидетельствующее о наличии участков, столь небольших, и хозяйств, таких бедных, что поле обрабатывали лопатой вручную.

⁵ Theophr.h.pl.I.7.1. — Ликей — один из афинских гимнасиев, в восточной части города на берегу Плисса. — 33 локтя — ок. 15 м.

⁶ Ср. I. 30: «защищать луга» начинают с конца марта или в апреле. Катон также предписывал прекращать выпас скота на лугах, где траву оставляли на сено, «как только зацветет груша» (149).

К главе 38-й

¹ Свиньи едят этот помет с удовольствием; польза его сомнительна. Кто был источником Варрона, неизвестно; Плиний (XVII.50) списал это место с Варрона.

² Вопросы уваживания живо интересовали современников Варрона: об этом свидетельствует обилие сведений, которые он по этому поводу сообщает. Уже Катон убеждал своих земляков в необходимости «старательно сохранять навоз» (58); необходимость эта стала еще настойчивее сто лет спустя. Италии нужен был свой хлеб; каждый хозяин хотел иметь побольше хлеба, а для этого надо было хорошо обработать и удобрить поле. Главным видом удобрения был навоз; уже Катон, рекомендуя усердно подстилать овцам и волам (5.7), перебрал все, что годится на подстилку (37.2). У Варрона «поставщиком навоза» является скотный двор, «часто устилаемый соломой и мякиной, которые утаптывает скот» (I.13.4). Навоз хранится у него, как и у Катона, в куче; в поле тоже, как у Катона, вывозят старый, перепревший навоз. Сверху и с боков такую кучу покрывают зелеными ветвями, «нельзя, чтобы солнце высало предварительно жижу, которую требует земля» (I.13.4). Чтобы не допустить пересыхания навоза, кучу устраивают в таком месте, чтобы туда втекала вода, а «некоторые устраивают на ней отхожие места для рабов» (I.13.4). И смачивание водой, и использование человеческих нечистот — это повсюду, вошедшие в хозяйство после Катона. Надо думать, что тут не обошлось без уроков, преподанных греческими агрономами. Мы знаем, что Кассий, великий знаток греческой сельскохозяйственной литературы, высоко ценил удобрительную силу этих нечистот. Воспользоваться ими отваживались, однако, только «некоторые»; большинству, как и старозаветным украинским «господарям», становилось не по себе при мысли, что они будут «поганить» землю. Смельчаки, решившие включить в число удобрительных веществ эти нечистоты, от греков же, конечно, узнали, что пользоваться ими можно, только смешав их с другими удобрениями.

Выписка из Кассия, сделанная Варроном, свидетельствует о том, насколько его современники были заинтересованы вопросами удобрения. Дедовского опыта явно не хватало; что навоз удобряет землю, это знал каждый темный крестьянин, но этого знания было мало: требовалось установить, какой сильнее, какой слабее, какой куда годится. Табличка Кассия давала тут ответ, и Варрон, помещая ее, учитывал запросы своего читателя.

Удобрительные свойства голубиногo помета были хорошо известны уже Катону, он советовал «рассеивать его по лугу, огороду и ниве» (36). Греки ставили на первое место вообще всякий птичий помет («кроме помета от болотной и водной птицы») и самым лучшим объявили голубиный. Кассий приводит обоснование этому: «... он самый горячий, и земля от него подходит, как тесто» (т. е. делается пушистой и мягкой). Варрон внес свою поправку: «... я считаю лучшим помет от дроздов» — и привел любопытнейший факт об использовании этого помета. В Сабинском крае дрозды водились тысячами (III.4.2), а так как птица эта в древней Италии считалась лакомым блюдом, то дроздов ловили во множестве и дер-

жали их в специально устроенных птичниках. Тетка Варрона продала однажды из такого птичника, находившегося в ее имении, пять тысяч этих птичек (III.2.15). Этими огромными птичниками ведал иногда сам хозяин; иногда же он сдавал их продавцам птицы, торговавшим на римском рынке (III.4.2), причем арендная плата повышалась или снижалась в зависимости от того, оставлял ли хозяин помет за собой или уступал его съемщикам. Тут интересно и то обстоятельство, что птичий помет является предметом торговли, и самый факт широкого его использования.

Рассказывает Варрон и о зеленом удобрении. Катон считал таковым lupini, бобы и вику (37.2); Сазерна значительно расширил этот список, прибавив почти все стручковые, которые были известны в древней Италии, а именно чину (ervum), чечевицу, горошек (cicercula) и горох (pisum). Колумелла признавал в качестве зеленого удобрения только lupini и вику, посеянную на корм, и то при условии, если после покоса ее тотчас же запахивали (Col.II.13.1). Варрон только lupini и бобы отнес к числу растений, которые следует сеять не столько ради дохода, получаемого в нынешнем году, сколько заглядывая в будущий, так как они, скошенные и оставленные тут же, улучшают землю; их обычно запахивают вместо навоза (I.23.3). Очень вероятно, что такое частичное расхождение и с Катоном (lupini, бобы, вика), и с Колумеллой (lupini, вика) объясняется тем, что Варрон составлял свой список растений, удобряющих землю, руководствуясь практикой родных мест. И заделка зеленого удобрения происходила там иначе. Судя по тому, что Катон рекомендовал в качестве подстилки бобовые и lupinovые стебли (37.2), можно думать, что его современники в Лации и Кампании запахивали только корни и ту часть стебля, которая оставалась от косы или серпа. Колумелла говорит, что вика удобрит землю только в том случае, если, скосив, тотчас запахнут ее корни (II.13.1—2). У Варрона зеленое удобрение запахивают все целиком, и запахку эту производят, пока стручки на lupine и бобах совсем еще маленькие (I.23.3).

³ Тот же совет у Колумеллы (II.14.6). О навозе и его классификации см.: мои «Очерки...», стр. 33—40, 207.

К главе 39-й

¹ Катон знал только весеннюю прививку смоковницы (40.1; 41.1); о прививке вишен зимой см. Pl.XVII.110.

² Ср. Theophr.h.pl.II.1.1 — деревья и вообще растения вырастают:

Феофраст

Варрон

самопроизвольно

из семени

от корня

(Феофраст имеет в виду, надо полагать, посадку луковичами и клубнями)

от черенка

от сука

от молодого побега

от самого ствола

от мелко нарубленных кусков
деревя.

из семени

из саженца

(Варрон говорит о посадочном материале из садовых питомников)

от черенка

О прививках Феофраст упоминает особо (II.1.4): «Прививкой и окулировкой они [деревья] как бы сочетаются между собой: это другой способ их выведения».

¹ Анаксагор — греческий философ V в., друг Перикла. По его учению, сущее состоит из бесконечно малых элементов: это «семена вещей», находившиеся первоначально в хаотической смеси, из которой и выделились, наконец, отдельные предметы. «Анаксагор утверждает, что в воздухе содержится семена всего и что они, увлекаемые вниз дождевой водой, дают начало растениям... реки уносят, по-видимому, в своем течении древесные семена и плоды, а оросительные каналы, говорят, — семена трав» (Theophr.h.pl.III.14—5; см. еще его же I.5.2).

² О крохотных семенах кипариса писал и Феофраст (с.pl.I.5), и Плиний (XVII.72).

³ «Одни деревья растут сами, по собственной воле; человек не побуждает их расти... природа сама научила их как расти... есть другие способы разведения, которые нашел опыт» (Verg. Georg.II.10—22).

⁴ Древние были твердо уверены в возможности перерождения одних семян в другие. Феофраст писал, что из пшеничных и ячменных семян, а также из льняных может вырасти опьяняющий (h.pl.VIII.7.1); «...всякая пшеница на сырой почве после третьего посева превращается в siligo» (Col.II.9.13); «...бывает почва, на которой репа после двух лет превращается в брюкву, а брюква приобретает вид репы» (II.10.23). О том, что из старых каустных семян вырастает репа, пишет и Плиний (XIX.176).

⁵ Theophr.c.pl.I.6.3 и I.7.

⁶ «Один отрезает от нежного материнского тела веточки и сажает их в борозды; другой закапывает в землю обрубки дерева, расщепленные крестообразно колья и заостренные ветви; некоторые втыкают в землю, согнув их, отводки» (Verg.Georg.II.22—26). «Природа показала и другой способ: волчки, оторванные от деревьев, продолжали жить. При таком способе посадки их отрывают вместе с частичкой материнского дерева, волокна которого свисают с них бахромой. Таким образом сажают гранатник, лещину, яблоню, рябину, кизил, ясень, смоквоницу и в первую очередь виноградную лозу. Айва, посаженная таким образом, вырождается» (Pl.XVII.67). «Ветки всяких деревьев следует рассадить около мартовских календ по грядкам в огороде в землю, вскопанную и унавоженную. Нежные веточки на них следует оборвать, как бы пасынку ветку и сведа ее в первый год к одному стволу. С наступлением осени, раньше, чем холодом обожжет верхушки, надобно оборвать все листья и надеть, словно шапку, на черенок толстый тростник, расколотый так, чтобы узлы с одной стороны оставались цельными. Это защитит нежные прутки от холода и наледи. Через два года их можно пересаживать рядами или прививать» (Col.V.10.21—22). Taleae — куски ветвей, которыми сажали маслины; о них пишет Катон (45) и Колумелла (V.9.2—3): «...возьми с самых плодородных деревьев, молоденьких, прямых и гладких веток толщиной с рукоятку лопаты; разрежь их, пока они еще совсем свежи, на куски... длиной в 1½ фута; места среза выглади пожаром».

⁷ Привоем называется ветка, которую прививают к дереву; подвой — это дерево, к которому прививают чужую ветку.

⁸ Гаруспики — жрецы, обязанностью которых было истолкование разных чудесных знамений, возмещающих гнев богов. Они же должны были указать, как умиротворить разгневанное божество. По их учению, молния поражала только такие места и предметы, которые были чем-то осквернены и запятнаны; необходимо было уяснить характер этой скверны и уничтожить ее. Гаруспики прежде всего собирали «разбросанные огни молний» (Luc.Phars.I.603), т. е. обломки пораженного предмета и самую молнию, которая, по их словам, превратилась в камень, и «погребали их» (condere fulmen), читая при этом какие-то страшные молитвы-заклинания и принося в жертву одну или несколько овец; по внутренностям жертв

гадали, все ли совершенно, как нужно, и удалось ли умиловить божество. «Могила молнии» обводили кругом оградой; место это считалось священным и неприкосновенным.

Если молнией убило человека, гаруспики погребали его тут же на месте. Пораженные молнией деревья оставались стоять на месте; дотронуться до них было страшно. Если плодовое дерево, обожженное молнией, оживало, с него все равно нельзя было брать плодов в жертву богам; вином лозы, в которую попала молния, нельзя было совершать возлияний богам (Pl. XIV.119).

² О прививках см.: мои «Очерки...», стр. 103—107.

К главе 41-й

¹ Theophr.c.pl.I.6.6: «...вода губительно действует на привитое место: она вызывает гниение и губит слабый побег; поэтому самым верным временем для прививок и считается время по восходе Пса» (т. е. с конца июля).

² Theophr.c.pl.I.8. «... все плотное и сухое растет медленно; все горячее плотно, сухо и горько, так что прирост совершается у него медленно. Обилие же влаги обусловлено рыхлостью; влажное же вообще хорошо растет и становится упитанным. Это ясно и на других животных и особенно на людях: женщина растет легче и скорее, чем мужчина, потому что природа у нее более влажная и рыхлая. То же видно и на деревьях: гранатник, смоковница и виноградная лоза растут быстро; пальма, кипарис, лавр, сосна и ель растут медленно и трудно».

Главы 39—41-я — это и все, что сказано у Варрона о садовых культурах, причем многое в этих главах просто списано с Феофраста. Не хватало у него собственного знания и опыта в этой области? Вряд ли, однако, он был и сведущим полеводом, между тем сведений о полеводческом хозяйстве у него и больше, и они вразумительнее. Когда Варрон взялся за свой трактат по сельскому хозяйству, имелась уже книга Скрофы, превосходного садовода (см. I.2.10), который, конечно, уделил в ней значительное место рассказу о своей любимой специальности. Может быть, Варрон не счит нужным повторять сказанное им?

³ Из заморских сортов Катон назвал только африканские и сагунтские (8.2).

К главе 42-й

¹ Это та земля, которую Катон назвал «гнилой»: «...ее наши гнилой земли» (5.6; еще 34.2 и 37.1). Колумелла объясняет смысл этих терминов: «...при пахоте... не будем трогать поля, полупромокшего от короткого ливня. Деревенские люди называют такую землю „пестрой“ (varia) и „гнилой“ (sarciosa): это земля, у которой после долгой засухи легким дождем смочило только поверхность; донизу дождь не прошел... если вспахать „пестрое“ поле, то оно три года подряд не дает урожая» (II.4.5). Ср. Pl. XVII.34 и XVIII.44.

² «Мидийская трава» — люцерна (см. прим. 1 к гл. 23-й). О ее культуре подробно рассказывает Колумелла: «... место, где ты ближайшей весной посеешь „мидийскую траву“, подними около октябрьских календ и оставь его так на всю зиму: пусть земля становится рыхлой. В февральские календы тщательно передвигай поле, выбери все камни, разбей земляные комья, а потом около начала марта вспаши землю в третий раз и проборони ее. Когда ты таким образом обработаешь землю, сделай на ней грядки наподобие огородных, шириной в 10 и длиной в 50 футов так, чтобы по дорожкам можно было подносить воду, а полотьщики могли бы расположиться с обеих сторон грядки. Затем набросай старого навозу и

в конце апреля начинай сеять с таким расчетом, чтобы по одному кнафу семян приходилось на пространство длиной в 10 и шириной в 5 футов. Сделав это, сейчас же заборони посеянные семена, так как они очень быстро высыхают на солнце, деревянными (это очень полезно) граблями. После посева нельзя прикасаться к этому месту железным орудием; мотыжить надо, как я и говорил, деревянными граблями. Необходима и прополка вручную, чтобы другие травы не заглушили слабую „мидийскую траву“. Первый укос надо производить попозже, когда с нее осыпется некоторая часть семян... Скошив, почаще ее поливай, а через несколько дней, когда она начнет куститься, выполни все другие травы. При таком уходе ты сможешь ее косить шесть раз в год, и она будет жить десять лет» (II.10.26—28). Примерно то же самое говорит и Плиний (XVIII.144—147). Ни за хлебами, ни за кормовыми растениями подобного ухода не было. Вряд ли можно предположить, что на родине Варрона люцерну сеяли, как прочие злаки и бобовые. Скорее всего он был вовсе незнаком с ее культурой.

К главе 43-й

¹ О посеве капустных семян не говорят ни Плиний, ни Колумелла. Оба пишут о капустной рассаде (Pl.XIX.136—138; Col.XI.3.23—24).

² «Иметь в поместье бобовник очень выгодно, потому что он очень полезен курам, пчелам, овцам, козам, волам и вообще всем животным: они от него быстро жиреют; у овец от него значительно прибавляется молока; ты можешь в течение восьми месяцев брать его на зеленый корм, а потом пользоваться им в сухом виде. Он пойдет на любой земле, даже на самой тощей... Хорошенько обработав землю, наделай грядки и по осени посади семена бобовника, как семена базилика. Весной рассади рассаду так, чтобы на каждое растение приходилось пространство в 4 квадратных фута. Если семян у тебя не будет, рассади бобовник верхушками и насыпь вокруг земли с навозом» (Col.V.12.1—3). Это или 1) *laburnum*, или 2) древовидная люцерна.

К главе 44-й

¹ О посевах и нормах высева см. мои «Очерки...», стр. 58.

² Место драгоценнейшее: только отсюда узнаем мы о норме урожая в Италии I в. до н. э. — Сибарис — в VI в. до н. э. самый крупный греческий город в Южной Италии, разрушен в 510 г. На его месте афиняне основали Фурии. — Гадары — главный город Перей, около Тивериадского озера. — Бизаций — область между рекой Тритонем и М. Сиртом в Северной Африке. Об ее исключительном плодородии пишет и Плиний: по его словам, урожаи там были сам-150 (XVII.41; XVIII.94). Главные города здесь — Лептис, Адрумет, Руспина и Тапс.

³ Олинф — город в Халкидике на побережье Торонайского залива, между полуостровами Паллена и Сифония; Олинфия — его область. Theophr.c.pl.I.20.4: «...в Олинфии земля, говорят, всегда плодоносит; на третий год, однако, посев меняют».

⁴ Т. е. сменять злаки бобовыми; ср. I.23.2.

⁵ Theophr.c.pl.I.14.1: «...если сорвать плод или цветок, то растение не сможет вырастить другого, потому что время зачатия прошло».

К главе 45-й

¹ «Одни хлеба всходят скорее, другие медленнее: ячмень и пшеница обычно на седьмой день, причем ячмень опережает пшеницу; бобовые на четвертый или на пятый, кроме бобов: они и некоторые хлебные требуют для прорастания большего срока» (Theophr.h.pl.VIII.1.5).

² Катон закрывал сеянчики кипарисов и плодовых деревьев соломенными матами или плетенками, укрепленными на кольях высотой в человеческий рост (48.2—3; 151.4). Эта защита скорее от солнечного зноя, чем от холода. Плиний исправил старого цензора: «Катон велит класть на колья плетенки, которые перехватывали бы солнечные лучи, и покрывать сеянчики для защиты от холода соломой» (XVII.71).

³ «Рост надземных частей задерживает окружающий холодный воздух; подземные части, прикрытые землей и одновременно окруженные теплом, растут, получая влагу и пищу» (Theophr.h.pl.I.12.3). «У всех растений корни начинают расти, по-видимому, раньше надземных частей» (Theophr.h.pl.I.7.1). «Coguntur» — испорчено. Сторр-Бест предлагает «singuntur», так как Викторий читал «finguntur»: смешение «f» и «s» обычно.

⁴ «Ни один корень не заходит глубже того места, до которого проникает солнце, ибо силой рождающей является тепло. Глубина, на которую проникает корень, и еще больше его величина в значительной степени обусловлены природой почвы: ее легкостью, рыхлостью и проницаемостью. В почвах, отличающихся этими качествами, корни идут глубже и вырастают больше» (Theophr.h.pl.I.7.1).

К главе 46 - й

¹ Феофраст, пишет об этом явлении (h.pl.I.10.1): «Нечто особое происходит с маслиной, липой, вязом и серебристым тополем: после летнего солнцеворота листья их, по-видимому, переворачиваются низом кверху». Плиний, вероятно, списал это место: «...у маслины, белого тополя и ивы листья в летнее солнцестояние переворачиваются» (II.108), вспомнил еще липу и вяз и вложил по поводу этого явления патетическое обращение природы к селянину (XVIII.266—267). Действительно ли у этих деревьев на переломе лета листья переворачиваются? Известно явление так называемого поперечного гелиотропизма, когда листья повертываются к свету, ставя свою пластинку перпендикулярно падающим лучам.

² «Одна трава, которая зовется гелиотропом, все время смотрит на идущее солнце и ежечасно поворачивается вместе с ним, даже если оно закрыто облаками» (Pl.II.109; ср. XVIII.252 и XXII.57).

К главе 47 - й

¹ Ср. прим. 6 к гл. 40-й.

² О прополке питомников говорит и Плиний (XVII.70). Катон советовал почаще пропалывать грядки с кипарисовыми сеянчиками: «Если будешь дергать траву уже окрепшую, то с ней вместе выдернешь и кипарисы» (48.2).

К главе 48 - й

¹ Сравнения у Варрона свежи и оригинальны. Под «шапочкой» Варрон разумел колпак, который носили фламины и салии. Он плотно облегал голову, а из середины его торчала оливковая веточка.

² Эний — крупнейший римский поэт первой половины II в. до н. э. Сохранился только в отрывках. Евгемер (III в. до н. э.) — автор философской утопии, которую Эний перевел на латинский язык. Говоря о том, что «слово „gluma“ знают немногие», Варрон имел в виду, надо думать, только чисто литературные источники: поэтов, ораторов, историков, которые по ходу рассказа, случалось, упоминали о зерне и колосе. Нельзя представить себе, чтобы человек, имевший хотя бы отдаленное прикосновение

к сельскому хозяйству, — а все римляне к нему в большей или меньшей мере были причастны, — не знал этого слова.

³ Эта глава дает ряд образцов излюбленных Варроном фантастических этимологий.

⁴ Франкен высказал предположение, что оба слова представляют собой испорченные в крестьянском произношении: *frit(us)* *φριτός* — «мешанка», «дрянь» и *urru(us)* *ῥρρος* — «окончание спинного хребта» (*Mnemosyne*, t. 28, стр. 286, прим. 4). Гетц (*G. Goetz. Sprachliche Bemerkungen zu Varro. Indogermanische Forschungen*, 1912—1913, Bd. 31, стр. 298) справедливо замечает, что предположение это ни на чем не основано. Эти слова, как и некоторые другие (например: *conditanea* — I.24.1; *digitabulis* — I.55.1; *foriculis* — I.59.1; *porculatio* — II.4.13; *expartae* — II.5.7; *secluserium* — III.5.5), встречаются только у Варрона и принадлежат, надо думать, к «деревенскому» сельскохозяйственному словарю.

К главе 49-й

¹ О косовице подробно рассказывает Колумелла: «Сено лучше всего косить, пока трава не стала сохнуть: его будет и больше, и оно даст скоту корм более вкусный. И сушить сено надо в меру: нельзя убирать его ни пересохшим, ни сырым: оно утратит всякую сочность и превратится как бы в солому; другое же, сохранив сока слишком много, начнет на сеновале гнить и часто, нагревшись, загорается и вызывает пожар. Бывает, что косарям помешает дождь; если сено промокло, не надо трогать сырого; подождем лучше, пока солнцем не высушит его сверху. Тогда повернем его, и когда оно высохнет с обеих сторон, сгребем в вал и навязем вязанок. Поторопимся убрать сено под крышу, а если не удастся снести его в усадьбу или собрать в вязанки, то все сено, которое как следует высохнет, надобно сложить в копны, причем копны эти надо делать как можно более островерхими» (II.18.1—2). «Полагается одному косцу скосить за день югер и навязать 1200 вязанок по 4 фунта весом каждая» (Pl.XVIII.262). Ту же норму дает и Колумелла (XI.2.40). Итак, итальянский хозяин либо складывал сено в копны, либо убирал его на сеновал в вязанках; вязанки давали ему возможность контроля над наемными рабочими (косцов приглашали со стороны, см. *Varr.I.17.2*): сколько наработал и не унес ли чего с собой.

² Об этой работе говорит и Плиний (XVIII.259). Короткая итальянская коса, с которой косец управлялся одной правой рукой (Pl.XVIII.261), видимо, не давала возможности скашивать траву чисто.

К главе 50-й

¹ О жатве см. мои «Очерки...», стр. 64—72.

К главе 51-й

¹ О токе см. *Cat.91* и *129*. Ср. *Verg. Georg.I.178—180*: «Ток прежде всего надо выровнять большим катком, перекопать и укрепить вязкой глиной, чтобы не вылезла трава и он бы не растрескался». Колумелла советовал устраивать его так, чтобы он был на глазах у хозяина или прокуратора: «...лучше всего ток, вымоченный кремнем, потому что хлеб на нем вымочивается быстро и выбоин от ударов копыт и трибул не остается. Хлеб, вымоченный на таком току, чище: в нем не будет камешков и земляных комков, которые при молотье отскакивают от земляного тока» (I.6.23). «Если ток земляной, его надо подготовить для молотбы: сначала землю

выскрести, затем перекопать, полить раствором из мякины и несоленого оливкового отстоя — это сохранит хлеб от мышей и муравьев, — затем уровнять и убить землю трамбовками или мельничным камнем, опять набросать мякины, втоптать ее и оставить ток сохнуть на солнце» (II.19.1). «Ток... по совету Катона, поливают оливковым отстоем; перекапывать его с глиной, по совету Вергилия, труднее. В большинстве случаев его только выравнивают и смазывают разведенным коровьим навозом» (Pl.XVIII.295). — «Под» (Pavimentum) — это была убитая земля, залитая смесью из битых черепков и извести.



Галльская жатка

(Academie Royale de Belgique, Bulletin de la classe des Lettres, 1959, pl. VII).

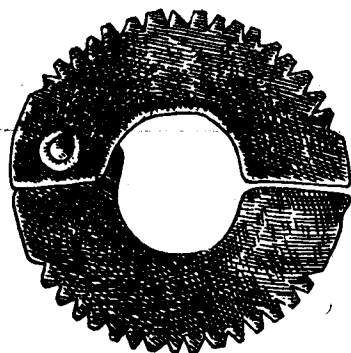
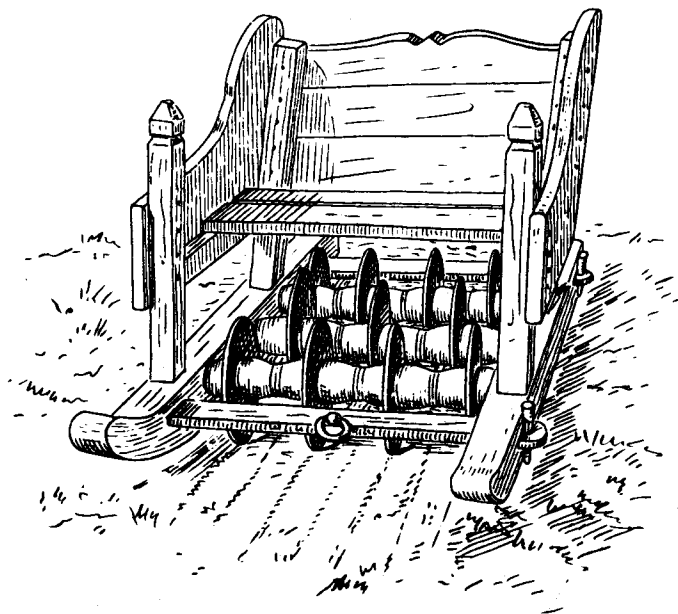
² Багиенны — лигурийское племя, жившее к юго-востоку от Турина. — В Италии около открытого тока ставили повесть, обращая ее к току открытой стороной: в случае надвигающегося дождя сюда прятали хлеб с тока, а потом опять выбрасывали его на ток (Varr.I.13.5; Coll.I.6.24). О палашах возле тока, которые ставили, чтобы укрываться от зноя, пишет только Варрон. Не имел ли он в виду Апулию?

К главе 52-й

¹ Об отборе семян для посева говорит и Колумелла: «Там, где урожай невелик, надо собрать самые лучшие колосья и семена из них ссыпать отдельно; если же случится жатва обильная, то обмолоченное зерно

следует провеять и зерна, которые по причине своей величины и тяжести окажутся внизу, неизменно сохранять на семена» (II.9.11).

² О молотье см. мой «Очерки...», стр. 72—77. — Гами пишет, что в Тунисе еще в начале нашего века употреблялась «молотилка», которую



«Пунийская повозочка»

(Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes Rendus. 1900, V. I, стр. 25).

вполне можно назвать «пунийской повозочкой». Это деревянная рама длиной 150 см, шириной 80 см, боковые доски которой соединены тремя крепкими деревянными поперечинами, отстоящими одна от другой на равном расстоянии. На эти поперечины надеты: на первую и третью по

4 железных зубчатых кольца, а на среднюю — 3. Кольца состоят из двух полукружий, скрепленных гвоздями; внутренний диаметр кольца можно увеличивать и уменьшать, так как полукружия могут находить одно на другое. В каждом кольце около 50 зубцов. На раму ставят съемное сиденье (возница поднят над землей сантиметров на 65). В молотилку впрягают лошадей, мулов или верблюдов (E. I. Hamy. Note sur le ploustellum rubicum. Académie des inscriptions et Belles-Lettres. Comptes Rendus, 1900, t. I, стр. 22—26).

К главе 53-й

¹ То обстоятельство, что сбор колосьев после жатвы был работой такого объема, что ее сдавали с подряда, свидетельствует о наличии больших участков, находившихся под хлебом.

² Из контекста ясно, что речь идет о сборе колосьев, но Варрон пишет „legere stipulam“ — «сбирать солому». Неточное выражение? Обычная для Варрона небрежность?

³ Пасты скот на сжатом поле было старой итальянской практикой, которую рекомендовал уже Катон (30).

К главе 54-й

¹ «Разные сорта винограда отцветают не одновременно и поспевают тоже не вместе... если снять поздний виноград вместе со скороспелым, то вино быстро закиснет; если ждать, пока поспеет поздний, то скороспелый пропадет: его объедят птицы, и он осыпется от дождей и ветров» (Col.III.21.5).

² Колумелла (XII.44) перечисляет несколько способов сохранения винограда свежим для еды. Сущность большинства этих способов заключается в том, чтобы преградить доступ свежего воздуха к винограду: его засыпали мякиной или отрубями, кладя так, чтобы гроздья не соприкасались между собой, и, закрыв посудину крышкой, плотно ее замазывали. Колумелла считал, что лучше всего виноград сохраняется на лозе: каждую кисть помещали в маленькую посудинку со специально сделанной из двух половинок крышечкой: половинки эти тесно смыкались над опущенной в посудинку кистью, посудинку и крышечку предварительно осмаливали изнутри и снаружи, а затем, когда в ней уже оказывался виноград, ее покрывали густым слоем глины, замешанной с мякиной. Дядя Колумеллы сохранял виноград в широких глиняных мисках, которые закрывались крышками, замазывались гипсом и осмаливались; миски эти опускали или в ручей, или в цистерны с водой, причем к ним привешивали тяжести, так что они оказывались целиком погруженными в воду. «Некоторые, сняв гроздья, сощипывают у них щипцами гнилые ягоды и вешают эти гроздья в амбаре, где ссыпана пшеница. При таком способе хранения, однако, ягоды сморщиваются» (Col.XII.44). О сохранении винограда свежим пишет и Катон (7.2).

³ Т. е. «обрезанное кругом» (см. Cat.23.4). Колумелла советовал настаивать этот сок на розмарине и готовить из него лечебную настойку (XII.36).

⁴ Катон поил своих рабов этим напитком в течение трех месяцев после уборки винограда. Это легкое, освежающее и кисловатое питье, очень любимое во Франции и поныне (французы называют его «piquette»).

К главе 55-й

¹ О маслинах, уходе за ними, маслоделии см. моя «Очерки...», стр. 7—9, 122—133.

К главе 57-й

¹ Итальянский хозяин, устраивая свой амбар, больше всего был озабочен тем, чтобы спасти хлеб от амбарного долгоносика. Поэтому он неизменно «одевает стены и пол амбара в цементную кольчугу», но материал, из которых эта «кольчуга» изготавливается, у троих писателей, о ней рассказывающих, разный. Катон (92) советует замешать на отстое оливкового масла глину и темного мякины и обмазать этим «весь амбар»; у Колумеллы стены смазывают глиной, которая растворена тем же отстоем, но вместо мякины в этот раствор подсыпают сухих листьев дикой маслины. Пол заливают особой смесью из толченого кирпича или черепков и извести, замешанных на оливковом отстое (Col.I.6.12—14). Варрону известен рецепт Катоновой обмазки, но он советует пользоваться ею только в том случае, если нет возможности покрыть стены и пол настоящей штукатуркой, составленной из песка, цемента и толченого мрамора. Эта штукатурка была такой же твердой, как мрамор. Разница между двумя последними рецептами не очень велика, но так характерна (сухие масляные листья только у Колумеллы; толченый мрамор только у Варрона), что ее скорее всего следует объяснить разницей между латинской (Колумелла) и сабинской практикой (Варрон).

² «Некоторые, чтобы сохранить пшеницу, обрызгивают ее масляным отстоем — на тысячу модиев берут его квадрантал, другие посыпают халкидской или карийской глиной или польною; в Олинфе и на Эвбее в Керинфе есть земля, которая сохраняет зерно от порчи» (Pl.XVIII.305). «В некоторых местах есть, по-видимому, такая земля, которая сохраняет пшеницу, если ею посыпать зерно» (Theophr.h.pl.VIII.11.7).

³ Под Оской в Тарраконской Испании (ныне Хуэска в Арагоне).

⁴ Колумелла советовал так хранить чечевицу, если ее было немного (Pl.10.16).

К главе 58-й

¹ Cat.7.1—2.

К главе 59-й

¹ Об этих сортах см. мои «Очерки...», стр. 224—225.

² Стекол на окнах не было, поэтому ставни и были необходимы.

³ Эта бытовая подробность интересна и значительна. Она бросает свет на отношение итальянца к сельскому хозяйству. Оно было для него источником не только дохода, но и радости. Плоды с их разнообразной окраской восхищали его глаз, и он ставил их в один ряд с лучшими произведениями искусства. См. прим. 2 к гл. 4-й, а также мои «Очерки...», стр. 86—87.

⁴ Овидий рекомендовал влюбленному купить плодов на «Священной Дороге» (там были лучшие фруктовые лавки) и поднести их своей милой как произведения своего сада (Ov.a.a.II.263—266).

⁵ Плиний говорит о том, что для сохранения айвы необходимо загрядить всякий доступ воздуха к ней; поэтому хорошо было заливать ее медом (XV.60). Сторп-Бест предлагает вместо испорченного «in pensilibus iuncis» читать «in pensilibus iuncis». Колумелла называет корзины из ситника «iuncus» (X.306).

⁶ Сапой назывался виноградный сок, уваренный или до одной трети своей прежней меры (Pl.XIV.80), или до половины ее (Col.XII.19.1).

⁷ Древние знали, что для сохранения плодов надо или прекратить к ним доступ воздуха, или поместить их в такую среду, которая препятствует гниению (концентрированный виноградный сок, горчица).

К главе 60-й

¹ Cat.7.4.

² «Это лучшие столовые сорта; *orchis* лучше рвать для еды, чем для масла... самая вкусная ягода у *pausea*; она годится скорее для еды, чем для масла» (Col.V.8.4).

³ Дефрут — это виноградный сок, уваренный или до половины своего объема (Pl.XIV.80), или до одной трети (Col.XII.21.1). Ср. прим. 6 к гл. 59-й. По-видимому, строго точного обозначения концентрированного виноградного сока не было, и одни называли «дефрутом» то, что другие «сапой», и наоборот.

К главе 61-й

¹ Масляным отстоем пользовались как удобрением в садоводстве, а кроме того, и в других случаях: он входил в состав, которым смазывали овец после стрижки, чтобы они не запаршивели, смазывали им кожу и разные изделия из кожи, сундуки для одежды, деревянную утварь; его подливали в состав, которым штукатурили стены в амбаре, и проч.

К главе 63-й

¹ Колумелла рассказывает, что некоторые, чтобы избавиться от долгоносиков, перевеивали хлеб, попорченный этим вредителем. Он считал эту практику вредной: по его мнению, лучше было оставлять хлеб нетронутым, «потому что глубже, чем на ладонь, долгоносик не заводится». Следовало просто снять верхний слой зерна (I.6.17). То же говорит и Плиний (XVIII.302).

² Я перевожу слово «*far*» — «полба», потому что точный перевод — «двузернянка» (*Triticum dicoccum*) — вызвал бы у многих читателей недоумение. Поэтому я оставляю «полба», взяв только это слово в кавычки. Настоящая полба (*Triticum spelta*) появилась в Италии только в конце империи. Двузернянка и полба принадлежат к различным группам пшениц.

Зерна двузернянки очень трудно отделить от пленок. Их подсушивали и обталкивали особым пестом (Pl.XVIII.97). Из них делали крупу и мололи муку, из которой пекли жертвенные лепешки, а иногда, вероятно, и хлеб.

К главе 69-й

¹ Живая бытовая сценка, очень характерная для тогдашнего Рима с его непрекращающимися беспорядками, уличными свалками и разбоем.

КНИГА ВТОРАЯ

¹ Римская неделя состояла из 8 дней и называлась нундинами. Первый день ее имел то же название и был праздничным; устраивать свои городские дела, продавать и покупать на рынке селяне отправлялись в этот день. Слово «нундины» означает «девятый день», потому что дни недели считались по римскому алфавиту от А до Н: всего 8 дней; первый день следующей недели окажется по счету девятым. Реальных рабочих дней между двумя А (нундинами) было 7; почему Варрон и говорит, что на городские дела приходился 9-й день, а в остальные 7 работали на земле.

² Итальянец любил деревню, ценил сельскую жизнь и рано подметил то

растлевающее влияние, которое город оказывал на человека. Катон начинает свое «Земледелие» с восхваления людей, живущих в деревне и занимающихся сельским трудом. «Это самые честные люди и самые доблестные солдаты». Вергилий посвятил восторженные строки деревне: для него это обитель чистой жизни, место, где дольше всего жила справедливость, где свят семейный очаг, а тяжелый труд, от которого крепнет и закаляется тело, сменяется веселым отдыхом (Georg.II.458—540). И Колумелла вспоминает «подлинных потомков Ромула», которые, закалившись на полевых работах, не боялись военных тягот: «деревенский люд всегда предпочитали городскому» (I.praef.17).

³ Procoetion — передняя комнатка перед спальней, palaestra — место для гимнастических упражнений, apodyterion — раздевальня, peristylon — колонада, ornithon — птичник, peripteros — беседка, окруженная колоннами, oporotheca — кладовая для фруктов.

⁴ Варрон подметил, надо думать, правильно тягу сельского населения к городу. Место это, конечно, было привлечено в качестве документального свидетельства того, что в Италии перестали сеять хлеб, который теперь шел из провинций (Варрон называет богатую хлебом Африку и Сардинию: он знал последнюю ближе, чем Сицилию, которая, однако, была главной поставщицей хлеба). Мы имеем все основания признать этот взгляд устаревшим (см. мои «Очерки...», стр. 5—7, 201—202). Что касается винограда с «островов Хиоса и Коса» (оба острова были центрами греческого виноделия), то в I в. до н. э. в Италии был уже ряд первосортных вин, которые вполне могли конкурировать с греческими. Хиосское вино и фалери стоял рядом на самых роскошных пиршествах (см. Pl.XIX.97).

⁵ Сохранилась версия, по которой Катону приписывалось признание скотоводства самым верным источником дохода (Cic. de off.II.25.89; Pl.XVIII.29). Колумелла говорит о том, что многие считали луга и пастбища более выгодной статьей, чем виноградники (Pl.III.1).

⁶ Это был маленький городок, славившийся своей скотной ярмаркой. О ней упоминает и Страбон (216), и она собиралась еще во времена Нерона (CIL.X.1401). Теперь это крохотная деревушка в 7 км к западу от Модены.

О Туррании Нигере ничего неизвестно. Имя «Турраний» одного корня с taurus (turu — taurus в умбрийском диалекте).

В начале 1-й книги Варрон (I.I.4), обращаясь к жене, говорит, что он написал для нее справочник по сельскому хозяйству в трех книгах, но уже вторая и третья книги посвящены не ей, а другим лицам. Сторр-Бест (стр. 124) полагает, что первая книга «Сельского хозяйства» написана раньше следующих и что когда Варрон взялся за следующие книги, он забыл о своем обещании. Посвящение целого одному лицу не исключает, однако, возможности посвятить другим лицам отдельные части этого целого. Может быть, именно так и обстоит дело здесь?

⁷ Это было в 67 г. до н. э. Помпей, которому поручили очистить Средиземное море от пиратов, разделил его на несколько участков; флотом на одном из таких участков и командовал Варрон.

⁸ Здесь лакуна и большая. Варрон строил свои книги по сельскому хозяйству таким образом: сначала шла вступление, в котором автор называл тему книги и объяснял, почему он за нее взялся, за вступлением шла глава, содержащая описание места и обстоятельств, при которых завязывалась беседа на соответствующую тему, и перечисление лиц присутствовавших. Во второй книге эта глава утеряна.

К главе 1-й

¹ «Cum poetam sesum visere venissemus» — место, явно испорченное. Принимаю конъектуру Сторр-Беста: «cum Poetum fessum visere venissemus». — Л. Папирий Пет — приятель Цицерона; Коссиния Цицерон упоми-

нает дважды (Att.I.20 и II.1), он послал ему написанную по-гречески книгу о своем консульстве.

² «Он меня гораздо сильнее» (Ил.VIII.114; XVI.709; XXI.107).

³ С. Луцилий Гирр — племянник поэта Луцилия, унаследовавший от него большие пастбища и огромные стада в Бруттии (R. Cichorius. *Römische Studien*. Leipzig—Berlin, 1922, стр. 68—70). Бруттий — область Южной Италии в западной развилке полуострова, ныне Калабрия.

⁴ Фалес милетянин — первый греческий философ, жил в VI в. до н. э., началом всего считал воду. — Зенон из Кития (город на острове Кипре) — основатель стоической школы (IV в. до н. э.), первой причиной всего полагал огонь. — Варрон имеет в виду, очевидно, учение Пифагора (VI в. до н. э.) о постоянном переселении душ. Аристотель из Стагиры (город на полуострове Халкидика), знаменитый ученый и философ (IV в. до н. э.) писал: «Одни существа возникли волей природы; другие — по другой причине; волей природы (φύσει) возникли животные, части их и растения» (Phys.II.1.192). Φύσις — это вечная ἀρχή κινήσεως.

⁵ См. I.2, прим. 20.

⁶ Фракией в римское время называлась северо-восточная часть Балканского полуострова, заключенная между Македонией (с запада), Мезией (с севера), Черным морем (с востока) и Эгейским морем (с юга). Самофрака — большой, гористый, богатый дубовыми лесами остров, у берега Фракии. — Слово «rotas» считается испорченным, и старые комментаторы предлагали вместо него одни — «platycerotas» (Турнеб и Скалигер, следуя Плинию, который называет так оленей с ветвистыми рогами: XI.123), а другие (Шнейдер) — «strepicerotas» («с витыми рогами»), о таких козах говорит Плиний (VIII.214 и XI.124). — Фисцелл — горная цепь на севере Сабинии (между Сабинией и Пизеном; теперь Gran Sasso d'Italia). — Тетрика (теперь Monte della Sibilla) — страшная скалистая гора к северу от Фисцелла, на границе Сабинии и Умбрии. — Дардания — область, прилегающая на востоке к Фракии, а на севере к Мезии. — Медика — область в Македонии на западном берегу Стримона (теперь Струма). — Ликаония — область, занимавшая центральную и южную часть малоазиатского плоскогорья. С запада к ней примыкала Фригия.

⁷ Πολύβορι: — «богатый ягнятами» (Ил.II.106); Πολύμηλος — «богатый овцами» (Ил.II.605 и 705; XIV.490); Πολύβοως — «богатый быками» (Ил.IX.154 и 296).

⁸ Страшную историю о вражде двух братьев, Атрея и Фiestа, трагедия рассказывала по-разному (Гомер об этой вражде еще ничего не знает). По одной версии Фiest соблазнил жену брата; Атрей бросил ее в море, убил брата и его детей; по другой — Атрей, убив детей Фiestа, изготовил из них блюдо, которое и предложил отцу на пиршестве. О похищении златорунного барана рассказывает только Пакувий: «...агница, знаменитого своей золотой шерстью, осмелился некогда похитить Фiest из дворца» (Cic. de nat. deor.III.27). — Царь Полка, Пелий, послал юного героя Язона, который требовал, чтобы Пелий вернул ему царство, неправедно им похищенное, в Колхиду за золотым руном того барана, который некогда перевез через море царевича Фрикаса, бежавшего от козней мачехи. Язон снарядился в поход на корабле Арго (отсюда Аргонавты, «плывущие на Арго»); с помощью царевны Медеи, дочери колхидского царя Аэта, он одолел дракона, стерегшего руно, и благополучно вернулся в Полк. — Геракл, знаменитейший герой древней Греции, достал из сада Гесперид золотые яблоки: mala по-латыни. Мелкий рогатый скот по-гречески μῆλον, во мн. ч. μῆλα, а в дорийском диалекте μῆλα. Варрон истолковал древние легенды в рационалистическом духе Евгемера. Дальше идут любимые Варроном лингвистические измышления.

⁹ Египтяне представляли это созвездие в виде двух козлят; греки заменили козлят двумя детьми, которых считали то Кастором и Поллуксом (близнецы), то Аполлоном и Гераклом, то Триптолемом и Ясоном.

¹⁰ «Коза» — capella — звезда первой величины в созвездии Арктур, «Козлята» — haedi — две звезды в созвездии Возницы, «Собаки» — созвездие Пса. Эгейское — «козье» море — от греч. αἴς, αἴγος — «коза»; название горы Тавр Варрон производит от taurus — «бык», сабинской горы Кантерий — от cantherius — «мерин»; Боспор — «проход быка» — от «Βόϋς» — «бык» и πῶρος — «проход» (Боспор Фракийский — Константинопольский пролив; Боспор Киммерийский — Керченский пролив).

¹¹ Hipprios — «конский», «покровительствующий лошадям». Аргос у Гэмера называется «конеобильным», «конепитающим». — Пизон (Л. Кальпурний Пизон), анналист, современник Гракхов. — Фавстул был пастухом, который нашел выброшенных младенцев Ромула и Рема и воспитал их. — Паридии — пастушеский праздник, который справляли 21 апреля (Ov.Fas.IV.721—782); Рим, по преданию, был основан именно в этот день.

¹² «Штраф назначался не иначе, как в цене на овец и волов. Обратим внимание на благожелательность древних законов: оговорено, что назначающий штраф сначала [т. е. в первый раз] назначает овцу и только потом [т. е. в следующий раз] уже вола... Царь Сервий вычеканил первую монету с изображением овцы и быка» (Pl.XVIII.11—12). — Suovetaurilia — обряд очищения, который совершался таким образом: быка, барана и кабана обгоняли вокруг того места и тех людей, которые подлежали очищению. Раз в пять лет, после производства ценза, которым всякий раз устанавливался состав римской общины, вокруг народа, собравшегося на Марсовом поле, трижды обходили жрецы, гоня перед собой упомянутых животных, которым затем приносили в жертву Марсу с благодарственной молитвой за его милости в истекший пятилетний период и обетом принести такую же жертву через пять лет, если и за это время он не оставит римский народ своим покровительством. Такую же церемонию производил у себя каждый округ, и таким образом очищал и освящал свой участок каждый крестьянин. Описание suovetaurilia в имени дано у Катона (141); здесь тоже с молитвой обращаются к Марсу и ему приносят жертву.

Сервий (к Aen.V.755) приводит описание обряда при основании города (из «Начал» Катона): в плуг впрягали быка и корову, причем так, чтобы корова шла со стороны, обращенной к городу. Плуг следовало держать наклонно, так, чтобы все козьи земли отваливались внутрь, за борозду, которой очерчивалась линия будущих стен; в местах, где должны были находиться ворота, плуг приподнимали.

¹³ Порции от porcus — «поросенок», Овинии от ovis — «овца», Каприлии от capra — «коза», Эквитии от equus — «лошадь», Таврии от taurus — «бык», Азинии от asinus — «осел», Витулы от vitulus — «теленок».

¹⁴ «Деньги» — rescipia — от rescus — «скот».

¹⁵ Аркадия — горная область в центре Пелопоннеса (Мореи), жители которой занимались главным образом скотоводством. — Реате — родина Варрона, город в Сабинии (ныне Риети).

¹⁶ О перегонах скота и договорах с публикацией см. мои «Очерки...», стр. 139—141 и прим.

Античная практика перегонов скота крепко держалась еще в прошлом веке. Вот что рассказывает путешественник, который в 1818 г. был в Апулии, на ферме недалеко от древних Arpi (K. Craven. Tour through the southern Provinces of the Kingdom of Naples. London, 1838); «Отара овец в 8000 голов разделена на несколько стад... их стерегут абруцские собаки, молочно-белой масти. Пасут овец уроженцы Абруцц; они доят скот и делают сыр; им помогают их жены и дети, сопровождающие их в их странствиях в горы и с гор.

«Каждый отряд овец находится под наблюдением пастуха, которому это стадо целиком и поручено. Вооруженный своим посохом, он идет на несколько шагов впереди своих овец, а за ним следует старый баран, который зовется „il manto“; на нем висит большой колокольчик, издающий громкий, глубокий звук.

«Овцы идут рядами, штук по 12 в ряд; каждый отряд сопровождают 6—8 собак, идущих впереди, сзади и по бокам стада. Они белой масти, очень красивы и послушны, даже ласковы, но ночью они так свирепы, что к отаре опасно подходить.

«Известное число таких стад, принадлежащих одному владельцу, находится под непосредственным управлением и наблюдением так называемого *fattore* («старший пастух»), который сопровождает стада верхом, с мушкетом в руках и одет лучше пастухов, т. е. зиму и лето носит широкую куртку из овечьей шкуры, прочные, модельные штаны и хорошие крепкие башмаки. *Fattore* — все уроженцы Абрунц, долголетний опыт и особый характер заставляют считать их наиболее способными людьми для ухода и присмотра за скотом. Кроме того, их считают недаром воздержанным и честным.

«За стадом идут выючные животные, нагруженные предметами, необходимыми для стада и пастухов: это сети и колья для устройства загона на ночь; грубые палатки для пастухов и некоторое количество посуды для молока».

Стадо, встреченное Кравеном, шло на пастбища, лежащие внизу по склонам гор, достаточно высоко, чтобы овцы не страдали от жары и имели обильный корм.

«Длительность их пребывания в этих местах зависит от быстрого или медленного движения лета. Когда жара увеличивается, овцы передвигаются выше, пока не дойдут до самых высоких пастбищ, где снег тает последним. Здесь, пока стоит тепло, пользуются стада прекрасной травой, чистой и холодной ключевой водой и тенью огромных лесов» (т. 1, стр. 259—264).

¹⁷ Розейская долина находилась к северу от Реате, на берегах реки Велин; славилась своими великолепными пастбищами. — Бурбурские горы неизвестны, нигде они не упоминаются; очевидно, слово это испорчено.

¹⁸ Этот же срок указывает и Плиний (VIII.187): от 13 мая по 23 июля.

¹⁹ Лузитания — нынешняя Португалия. Олизино — ныне Лиссабон. По мнению Шультена (P.-W.Zw. Reihe, IV, 2024), Тагр — это гора около Олизино, вероятно, ныне La Serra, к северо-западу от Лиссабона. Лундстрем (Eranos, 1939, v. 37, fasc. 1—2, стр. 48) полагает, ссылаясь на Колумеллу (VI.27.7), который, говоря о том же, называет Mons Sacer, что чтение «Tagro» испорчено, так как никакой горы Тагр не существовало. — Басню о том, что кобылы могут зачать от ветра, повторяет вся древность: Verg.Georg.III.273—275; Pl.VIII.166; Col.VI.27.7. — Нурепемия (ὕπηνεμία) — «ветровые», т. е. бесплодные яйца. О них см. у Аристотеля (h.a.V.1.4; VI.9.8).

²⁰ Варрон производит слово «cordus» от греческого χοῖρος — «послед». Ср. Arist.h.a.VI.10.58.

²¹ От этого слова выводили имя древней богини Румины, часовня которой стояла на Палатине, недалеко от священной смоковницы *figus Ruminalis*, под которой, по преданию, волчица кормила своим молоком Ромула и Рема, будущих основателей Рима.

²² «Менехмы», 290. Поросята считались годными для жертв уже в десятидневном возрасте; см. Варр.II.4.16.

²³ *Oprimi* — букв. «жирные», «откормленные».

²⁴ Знакомство с ветеринарией было обязательным для практика-животновода, каким являлся старший пастух. Знакомство это приобреталось и книжным путем: у пастуха имелся писанный скотолечебник, а кроме того, он руководствовался собственным наблюдением и опытом и устными советами товарищей по специальности.

²⁵ В действительности он состоял из 105 человек.

²⁶ «Когда ожеребится самка мула» — поговорка, равная по смыслу нашим: «Когда рак свистнет»; «После дождичка в четверг».

²⁷ О Магоне и Дионисии см. I.1, прим. 12. О том, что мулы дают потомство в Сирии за Финикией, пишет Аристотель (h.a.VI.24.163). Колумелла цитирует Варрона, но не точно: «Некоторые заслуживающие внимания писатели, как Варрон, а до него еще Дионисий и Магон, сообщали, что рождение жеребенка самкой мула в Африке отнюдь не считается зловещим знамением: явление это для тамошних жителей столь же обычно, как для нас рождение жеребенка у кобылы» (VI.37.3). Для римлян же это было явлением необычным, сулившим бедствия: Ливий среди разных грозных предзнаменований (молния поразила стены и ворота в двух городах, шел каменный дождь, в одном местечке целый день текли ручьи крови) сообщает: «...в Реате ожеребилась самка мула» (XXVI.23). О таком же знамении и там же сообщает он вторично (XXXVII.3).

²⁸ «Иудея особенно славится пальмами... есть они и в Европе и всюду в Италии, но бесплодны» (Pl.XIII.26); «...финики очень хороши в Иудее» (XIII.44); о сирийских пальмах см. Theophr.h.pl.II.6.

²⁹ Т. е. сыроварение.

К главе 2-й

¹ Оба места нигде больше не упоминаются и неизвестны.

² Близкий друг Цицерона. Имя его было Тит Помпоний; прозвище «Аттик» он получил потому, что долго жил в Афинах и оказал афинянам немало услуг. В 58 г. до н. э. его усыновил родной его дядя Квинт Цецилий, после чего Атик стал называться Квинт Цецилий Помпоний Аттик. Он занимался, между прочим, и скотоводством и был хозяином огромных овечьих стад.

³ Ср. II.1.4. В настоящее время считается, что первым прирученным животным была собака.

⁴ Именно такая овца изображена на Ara Pacis (время Августа) и так называемом фонтане Гримани (эпоха Клавдиев), а такой баран — на луврском мраморе с изображением *suovetaurilia*. По-видимому, это был *par excellence*, тип итальянской овцы, представленный апулийской породой, короткие завитки которой и превосходные качества шерсти (Pl.VIII.190) заставляют вспомнить Варроново описание. — *Arcae* — может быть, латинизованная форма греческого слова *αποκος* — «бесшерстный». Сравним описание овцы и барана у Варрона и Колумеллы:

Варрон (II.2.3—4)

Колумелла (VII.3.3 и 7)

Овца

corpore amplo
lana multa et molli
villis altis et densis toto corpore
maxime circum cervicem et collum
ventrem pilosum
cruribus humilibus
caudis prolixis

vasti corporis

densique velleris
cervice prolixi villi
lanosi et ampli uteri

Бараны

fronte lana vestiti bene
tortis cornibus pronis ad rostrum
ravis oculis
lana opertis auribus
ampli
pectore scapulis et clunibus latis
cauda lata et longa

fronte lata
intortis cornibus

altus atque procerus

cauda longissima
ventre promisso lanato
testibus ampli

О породах овец в древней Италии см. мои «Очерки...», стр. 140—145.

⁵ То же говорит и Вергилий: «...пусть сам баран и будет чисто белым, но если язык у него черный, ты его прогони, чтобы шерсть у родившихся ягнят не была в черных пятнах» (Georg.III.387—389). Стихи эти повторяет Колумелла (VII.3.1), рекомендуя овцеводу руководствоваться этим советом. В настоящее время совет этот признается несостоятельным.

⁶ «Животным следует щедро давать всякий корм. Даже маленькое, но сытое стадо принесет хозяину больше дохода, чем огромная голодающая отара» (Col.VII.3.9).

⁷ Любопытно отметить различия в советах Варрона и Колумеллы: Варрон советует ставить овчарню на восток, а не на юг (кому-то возра-



Баран. Бронзовая статуэтка из Сиракуз.

(O. Keller. Antike Tierwelt, Bd. I, рис. 111).

жает); Колумелла — именно «на полдень» (VII.3.8); подстилкой у Варрона служат молодые ветви, у Колумеллы — сухой папоротник или солома. Разница эта диктуется, очевидно, чисто местными условиями и местной практикой, которая выработала эти условия. См. мои «Очерки...», стр. 138, 139.

⁸ Прекрасное по своей свежести и живости сравнение. О перегонах скота см. мои «Очерки...», стр. 139—142 и прим.

⁹ Стоит сравнить это место с «Георгиками» (III.324—338): «...как только взойдет утренняя звезда, пусть овцы идут на прохладные пастбища, пока еще свежо утро, пока трава белеет от росы, которая делает нежную траву особенно приятной для животных. Когда к 4-му часу (около 7 или 8 часов утра, — М. С.) им захочется пить, погони стадо к колодцам или глубоким прудам: пусть напьются из деревянных желобов, по которым струится вода. В полдень найди тенистую долину, где огромный старый дуб простирает раскидистые ветви, или темную тенистую рощу частных плексов. Тут немного попой овец и паси их опять до солнечного захода». Интересно, что у Варрона, кроме деревьев, упомянуты и дающие тень скалы: мелочь, которая очень подходит для местности под Реате. — «От восхода Вергилий и до осеннего равноденствия», т. е. с начала мая и до конца сентября.

¹⁰ Делать это уже рекомендовал Катон (30).

¹¹ «Зимой и весной по утрам овец держат в хлеву, пока изморозь не растает на солнце... в холодное и сырое время года их поят только раз в день» (Col.VII.3.25).

¹² Т. е. с 13 мая по 23 июля.

¹³ То же говорит и Плиний (VIII.189). Ср. Arist.h.a. III. 12.78: «...некоторые животные меняют окраску с переменной воды: овцы в одном месте становятся белыми, а в другом черными».

¹⁴ Колумелла считает случайным возрастом для барана возраст от 3 до 8 лет, для овцы — от 2 до 7 лет (VII.3.6).

¹⁵ Для овцеводов, которых имеет в виду Варрон, очень характерны забота и внимание к молодняку: хозяин хочет вырастить всех родившихся ягнят (Колумелла 80% отправлял в Рим на продажу). Овцы ягнятся в теплом хлеву, где сложен очаг; материнским молоком ягнята должны наесться досыта; чтобы они не повредили себе, их, выпустив на двор, призывают каждого к отдельному колу (у Колумеллы всех вместе загоняют на площадку, огороженную плетнем, не очень просторную); чтобы молока им было больше, маток 4 месяца не доят; отлучив ягнят, всячески лакомят их и оберегают от холода и зноя. В подгородных хозяйствах, о которых пишет Колумелла, такой заботы нет. Интересно замечание Варрона, что хорошие овцеводы вовсе не доят овец в расчете получить больше шерсти и ягнят. Овцевод Варрона — это овцевод из мест, удаленных от Рима: молочные продукты, равно как и ягнят, ему отправлять некуда, и он, естественно, рассчитывает на доход от шерсти — продукта не портящегося и легко перевозимого. А чтобы иметь больше шерсти, надо иметь больше овец: это и есть причина, почему хозяин так заботится о приплоде.

¹⁶ Плиний дает тот же возраст (VIII.198). Колумелла ничего не говорит о кастрировании баранчиков, и это вряд ли случайность. Так как $\frac{4}{5}$ всего приплода он отправлял на рынок, то, естественно, сюда прежде всего входили баранчики, и хозяин оставлял только несколько штук, которые должны были служить ему впоследствии в качестве производителей.

¹⁷ Потому что они передадут такую же плодовитость и своему потомству.

¹⁸ Тарентские, аттические, или греческие, овцы славились своей превосходной тонкой шерстью. Чтобы эта шерсть не пачкалась и не обрывалась, зацепившись за колючки, на овец надевали кожаные попоны. Колумелла не советовал заводить эту породу, потому что она была изнежена и требовала особо хорошего ухода, обеспечить который могло только присутствие хозяина (VII.4.1—2).

¹⁹ Интересно, что греки, познакомившиеся с «мидийской травой» (люцерной) со времени греко-персидских войн, освоились с ее превосходными кормовыми качествами только в эллинистическую эпоху. Еще Аристотель писал, что от «мидийской травы» молоко перегорает (h.a.III.21.107).

К главе 3-й

¹ Меланфий — имя Одиссеева козопаса.

² Gurgulio перевожу по смыслу — «борода», следуя толкованию Шёрля к этому месту (H. Schörl. Textkritische Untersuchungen zu Varros Büchern von der Landwirtschaft. Wiener Studien, 1913, H. 1, SS. 75—112). Признаки «короткая шея» и «длинное горло» не совместимы. Вот параллельное описание козы и козла у Варрона и Колумеллы:

Варрон (II.3)

Колумелла (VII.6)

Коза

firmae
magnae
corpus leve
crebro pilo

amplissimi corporis

sub rostro duas mammulas pensiles binae verruculae collo dependant
 ubere grandiore, ut et lac ubere maximo et lactis abundantissimo
 multum et pingue habeant

Козел

molliori pilo potissimum albo
 cervice et collo brevi
 gurgulione longiore

densoque et nitido longissimo pilo
 plena et brevi cervice

cruribus crassis
 flaccidis et praegravantibus auribus; exi-
 guo capite

Как видим, описания хорошей овцы и козы, барана и козла у Варрона и Колумеллы в основном совпадают: есть какая-то одна стойкая порода и овец, и коз, которая определилась ко времени Варрона и которая удер-живает за собой первое место и сто лет спустя.



Козел (фреска из дома Веттиев в Помпеях).

³ «Лучше купить одно стадо целиком, а не набирать его из многих стад, чтобы на пастбище не приходилось разбивать его на отдельные группы и чтобы в хлеву было больше мира и согласия» (Col. VII.6.5).

⁴ О «Началах» Катона см. I. 2, прим. 11. — Соракта — гора в Этрурии, теперь М. Sant 'Oreste. — О Фисцелле см. II. 1, прим. 6.

⁵ Капрасия — маленький островок между северной оконечностью Корсики и Этрурией; теперь Саргаја.

⁶ Insula Melia — «Мелосский» остров, т. е. остров Мелос (теперь Мило; один из Кикладских островов). Варрон Кос и Хиос тоже называл «insula Coa и Chia». О мелосских козах ничего неизвестно.

⁷ Манилий — консул 149 г. до н. э.; крупный юрист, составитель *Manilii actiones*, т. е. формул, по которым совершалась купля-продажа.

⁸ Архелай — поэт; стихи его были посвящены животному миру, причем сведения сообщал он необычные. Жил в III в. до н. э. Аристотель приписывал это утверждение Алкмеону (врач из Кротона нач. V в.): «Алкмеон ошибается, говоря, что козы дышат ушами» (h.a.I.11.45).

⁹ Практикой мест, которые имеет в виду Варрон (Сабиния и, может быть, Умбрия), было, следовательно, обращать овечьи и козьи хлевы на восток, замащивать их камнем или кирпичем и в качестве подстилки употреблять молодые ветки и прутья. Их стелют, однако, только в том случае, если козам «случится ночевать не дома». Колумелла советовал устраивать для коз хлев с каменным полом и ничего им не подстилать. Причиной этого отказа от подстилки было, вероятно, желание иметь козий навоз, в чистом, если можно так сказать, виде: навоз этот очень ценился, и Колумелла советовал рассеивать его по полю во время мотыженья: это даст щедрый урожай» (II.15.2).

¹⁰ См. II. 1, прим. 10.

¹¹ По словам Аристотеля, и овца, и коза ходят суягными 5 месяцев (II.а.VI.49.130); Плиний пишет, что козы, «зачав в ноябре, принесут козлят в марте... они ходят суягными, как и овца, 5 месяцев» (VIII.200).

¹² О «Галльском Поле» (*Ager Gallicus*) см. I. 2, прим. 11. Колумелла советовал иметь в одном стаде не больше ста коз (VII.6.5).

¹³ Рассказ о Габерии очень интересен. Тысяча югеров, по италийским представлениям, составляли вообще громадное имение, а под Римом ввиду близости огромного рынка, который требовал самых разнообразных сельскохозяйственных продуктов, такое имение приобретало особую ценность. Превратить хотя бы часть этой драгоценной земли в пастбище для коз вряд ли было хозяйственно и разумно. Для них стоило отвести пустоши, которые трудно было использовать под какие-нибудь хозяйственные статьи вроде поля или виноградника. «Гористые и скалистые пространства с роскошными пастбищами, лесами, растительностью, болотной и покрывающей скалы», по словам Страбона (V.231), находились вокруг Арден и между Ланувием и Антием. Ардея и Ланувий отстояли от Рима немногим дальше, чем Тибур или Пренесте, но места эти к *suburbana* никогда не причислялись. Счел ли Варрон имение Габерия «подгородным», исходя из расстояния? Вернее всего. Трудно представить, чтобы самый плохой хозяин решил превратить свое имение под Римом в сплошной выгон для коз. Цена козы в половине I в. до н. э. — динарий (4 сестерции).

¹⁴ Салентинская область на юге Италии, в Калабрии; Казин — городок в Лации.

¹⁵ Козы не привлекали к себе особенного внимания Варрона. Он пропустил, говоря о них, целый ряд весьма важных сведений; ничего не сказал, например, о возрасте, в котором можно спаривать козу и в котором козел годен как производитель; экстерьер козы и козла описан весьма суммарно; о кормах нет ни слова. В козах особенно ценилась, по-видимому, их молочность: и Варрон, и Колумелла желают, чтобы у козы было большое, обильное молоко вымя (Col.VII.6.4). Держать их нельзя было в любом месте: они требовали для себя особых пастбищ, скал и кустарников. К усадьбе их нельзя было и подпускать, потому что они лавировали бы там неисчислимым бед. При наличии соответствующего пастбища хозяин отправлял туда свое козье стадо чаще всего на постоянное житье; центром этого «козьего городка» были хижины пастухов и тут же устроенная сыроварня, для которой привозили множество разной посуды, горшков, подойников, корзинок разной формы для сыров, плетенки, по которым раскладывали сыр; большое количество соли для приготовления рассола, куда клали на некоторое время сыр. Тут же вырывали погреб и в месте, защищенном от ветра, устраивали кладовку, где хранили готовые сыры (Col.VII.8).

К главе 4-й

¹ Намек на то, что свинья являлась в италийском хозяйстве животным обязательным. До сих пор выступали «полугреки» (II.1—2). О животном,

столь распространенном в Италии, будет говорить италиец, и, естественно, тот, кто сам носит имя Скрофы; Скрофа — значит «свинья».

² Эвмей — свинопас Одиссея (Од. XIV).

³ Происшествие, о котором рассказывает Скрофа, случилось, по всей вероятности, в 142 г. до н. э. во время восстания в Македонии. Хотя по закону только магистрат *cum imperio*, каковым в данном случае был Нерва, имел право на почетный титул или триумф, но в рассказе Скрофы звучит все же нотка некоторой горечи: за свою лихую вылазку дед его получил только прозвище «свинья» (солдатский юмор). Рассказ этот — единственный источник наш для биографии Скрофы. Макробий (Saturn. I.6) сообщает другую, мало почетную для Скрофы версию, объясняющую его прозвище. Рабы Скрофова деда украли у соседа свинью, закололи ее и спрятали тушу под кроватью хозяйки. Во время обыска хозяин поклялся, что у него в доме есть только одна свинья: вот та, что лежит под одеялом. Под одеялом, на кровати, лежала его собственная жена.

⁴ Сравним экстерьер свиньи и кабану у Варрона и Колумеллы:

Варрон (II.4.4)

Колумелла (VII.9.1)

Свинья

*cum amplitudine membrorum
praeterquam pedibus capite
unicoloris*

*amplitudine eximii
quadrati potius quam longi
longissimus status*

Кабан

те же приметы, что и для свиньи
utique sint cervicibus amplis

*amplae et glandulosae cervicis
ventre promisso
clunibus vastis
nec cruribus aut ungulis proceris
rostris brevibus ac resupinis*

По сравнению с Колумеллой Варрон поражает недостаточностью своего описания. Колумелла дает определенный тип, у Варрона его нет. Хозяин овечьих отар и табунов мулов, был он мало и плохо знаком со свиньями?

⁵ Если свинья, принадлежавшая А, причинила кому-нибудь убыток, а затем была продана Б, то штраф за убыток платил Б.

⁶ Этимологическая связь слова *ſc* («свинья») с *ſer* («приносить в жертву») припала древним по вкусу (Athen. IX.401), так как она объясняла то обстоятельство, что свинья была излюбленным жертвенным животным, по крайней мере в культе домашних богов. О жертвоприношении свиньи при заключении мира говорит и Вергилий (Aen. VIII.641); о принесении в Этрурии брачущимися в жертву свиньи сообщается только здесь; при заключении брака в самой его торжественной форме *confarreatio* в жертву приносили овцу. О жертвоприношении поросат при праздновании элевсинских мистерий говорит схолиаст к Аристофану (Acharn. 729).

⁷ Шутку эту Цицерон приписывал Хрисиппу (философ-стоик): *de nat. deor.* II.160; Pl. VII.207.

⁸ О том, что кавары жили в Нарбонской Галии (ныне Прованс), пишет Плиний (III.34). Вероятно, там же жили и комаки. Текст здесь очень испорчен. По словам Страбона, лучшая ветчина шла от секванов (192). — Инсубры — галльский племя, жившее в северо-восточной части Транспаданы (главный город Медиолан — Милан).

⁹ Атилий ближе неизвестен; о нем только здесь имеется упоминание. — Л. Волумний — один из приятелей Цицерона.

¹⁰ По-видимому, бродячий анекдот, рассказанный Варроном не без ядовитого умысла. Гиперболическая невероятность анекдота подчеркивала невероятность Атилиева рассказа. — Венетия — область в восточной части Транспадании, у Адриатического моря.

¹¹ «Свиней нельзя держать всех вместе, как прочих животных... в портике следует сделать ряд закуток, из которых каждая следующая имеет общую стену с предыдущей; высотой закутки должны быть в четыре фута, чтобы свинья не могла выпрыгнуть из загородки. Прикрывать крышей закутки не следует, чтобы сторож мог, заглянув сверху, пересчитать число поросят, а если мать, улегшись, придавила какого-нибудь поросенка, то высвободить его... [свинью при опоросе] пусть он запрет в ее закутку, отметит сколько каких поросят у нее родилось и следит, чтобы поросенок не сосал чужую матку; поросята, выскочив из закутка, очень легко замешаются в стаю других, а свинья, улегшись, позволит сосать себя одинаково и своим детенышам и чужим... лучше всего строить закутки с порогом такой высоты, чтобы свинья могла через него перескочить, а сосунки нет... Опоросившуюся свинью поддерживают вареным ячменем, чтобы она вконец не исхудала и не погибла. Заботливый свинарь часто подмешает свиной хлеб, а закутки еще чаще» (Col.VII.9.9—14).

¹² Кто эти «некоторые», неизвестно: может быть, грамматики, а может быть, сельские хозяева.

¹³ См. II.1, прим. 22. Действие «Менехмов» происходит в Эпидамне (ныне Дураццо).

¹⁴ «В Афинах в книгах о священнодействии написано *рогсае, рогсо*» (Var.II.V.97).

¹⁵ Эней, бежав из пылающей Трои, приплыл со своими спутниками к Лацию и посватался за дочь царя Латина, Лавинию. Против Энея и прибывших с ним троянцев поднимается весь Лаций, хотя Латин, повиная оракулу, предрекавшему брак Энея и Лавинии, и стремится сохранить мир. Энею во сне является «отец Тибр» и повторяет ему предсказание отца Энея, Анхиза:

Скоро найдешь ты под тенью растущих у берега вязов

Самку огромную вепря и с нею тридцать малюток;

Белая будет она, у сосцов ее белые дети.

Там построишь ты город... [город этот Эней называл Лавинием].

Тридцать лет со славою пройдут, и сын твой Асканий

Город великий построит тогда по имени Альбу.

Лавиний — теперь Пратика; Альба — *Alba Longa* — на горе Каво (*Mons Albanus* в древности); точное местоположение города неизвестно.

¹⁶ Об этом «музыкальном воспитании» свиней с удивлением рассказывал Полибий (XII.4.5).

¹⁷ Колумелла рекомендует холостить трех- и четырехмесячных кабанов (VII.9.4).

¹⁸ О свиноводстве в древней Италии см. мои «Очерки...», стр. 145—149.

К главе 5-й

¹ *Хирате* букв. — «радуйтесь», обычное приветствие при встрече в древней Греции. «Пастырь народов» — гомеровское определение царей и полководцев. Варрон был в это время военным командиром; поэтому Луциен так к нему и обращался. О Кв. Луциене мы знаем только то, что сообщает Варрон: он был сенатором, другом Аттика и владельцем конских табунов в Эпире.

² Луциен согласен с тем, что заслужил взыскание: опоздал. — «Ларам» — *Laribus* — «конъектура Рейля»; в рукописях стоит «*Palibus*». В день свадьбы Ларам жертвовала асса невеста. Об этом пишет Варрон в «Жизни римского народа» (Non.531.8), и мы знаем, что Ларам свершали

жертвоприношения по возвращении из путешествия, но обычной жертвой в этом случае были цветы, вино и ладан, редко животные. «Луций уходит с Муррием, чтобы принести Ларам, вероятно Laribus Compita'ibus, должный им асс» (см. у Кейля комментарий к данному месту), но Луций возвращается отнюдь не из дальнего путешествия: он просто запоздал и не пришел вовремя, хотя все его ожидали к назначенному часу. Повод для уплаты асса как жертвы и место, где эта жертва приносится, совершенно неясны. Сторр-Бест предложил остроумное толкование, которое он сам, однако по справедливости, оставляет под сомнением. Вместо рукописного «Palibus» он предлагает «Palicis». Палики — двое добрых божеств, покровителей земледелия (Serv. к Aen. IX.584; Diod. XI.89); храм их находился недалеко от Этны и служил убежищем для беглых рабов, которых выдавали хозяину только после его клятвенного обещания обходиться с рабом мягче. Так как часть введения ко второй книге потеряна, то мы не знаем, где происходит действие; время его, как уже говорилось, приходится на тот год, когда Помпей вел войну с пиратами и Варрон командовал флотом, действовавшим между Сицилией и Делосом. Может быть, местом, где ведется диалог, является Сицилия, в частности Катана, поблизости от которой находился храм Паликов. Луций, говоря, что он заслужил бичевания за свой поздний приход, хочет спастись в их храм, принести им скромную жертву и затем вернуться с уверенностью на снисходительное отношение хозяев. Получается веселая шутка в духе Варрона.

³ Как о свиных говорит Скрофа («свинья»), так о коровах будет говорить Вакций (васса — «корова»).

⁴ Тимей — греческий историк IV—III вв. до н. э.; написал историю Сицилии, Карфагена и Италии. «Тимей в римской истории, которую он составил на греческом языке, и М. Варрон в своем сочинении о древнем быте людей (in antiquitibus rerum humanarum) пишут, что Италия получила свое название от греческого слова: быки в старину назывались по-гречески *italoi*, а было их в Италии очень много» (Gell. XI.1.). — Бык, за которым гнался Геркулес, принадлежал трехголовому чудовищу Гериону, стадо которого Геркулес угнал. Великан Как, живший на Авестине (один из холмов Рима), украл у Геркулеса, когда тот отдыхал у Тибра, восемь прекрасных быков, которых и спрятал в своей пещере. Геркулес нашел их и в поединке убил Кака. В такой наиболее распространенной версии рассказывает эту легенду Вергилий в Энеиде. Варрон имел в виду какую-то другую версию. — Убийство вола, товарища трудов и помощника в этих трудах, казалось древним делом преступным (Col. VI. Praef. 7; Cic. de nat. deor. II.63; ср. Pl. VIII.180). — Бузиг — «тот, кто впряг в ярмо быков», считался первым афинским пахарем и родоначальником жреческого рода Бузигов, принадлежавшего к древнейшей афинской знати. — Рукописи дают «Homogyrus»: так как в этом слове нет приставок «Во», то Виламовиц предложил читать «Bomagiros». По его мнению, Бомагиры были таким же знатным родом в Агросе, как Бузиги в Афинах (U. Wilamowitz. *Lesefrüchte*. Hermes, 1902, Bd. 37, стр. 307).

⁵ «Греки называют сильный голод „бычачьим голодом“; они привыкли обозначать большое и крупное словами с приставкой „bi“ (βοῖς — бык), имея в виду размеры быка. Поэтому больших мальчиков они называют „buraedes“, а крупный сорт винных ягод — „busycon“ (Paul. exc. Fest. стр. 29). — Воорис — «волоокая» — эпитет Геры у Гомера. — Bumamma — «коровье вымя» — очень крупный виноградный сорт. — Зевс (Юпитер) превратился в быка и в таком виде перевез Европу, дочь финикийского царя, через пролив, получивший от этого переезда имя Босфора («переезд быка», «дорога быка» — Константинопольский пролив). — Меланиппа, или Меланиппа, — дочь Эола и внучка мудрого кентавра Хирона. Она родила от Посидона двух близнецов и, боясь отца, велела занести их на пастбище. Бык стал над младенцами, не давая таким образом стаду растоп-

тать малюток. — По очень распространенному в древности мнению, пчелы заводились в трупе убитого быка, почему и назывались «bugenes» (βουγενής — «рожденные от быка»). — «Извещение... по-латыни» — место, по-видимому, сильно испорченное. Перевод дан по конъектурам Мюнцера, который (P.—W.—K.XIII, 1927, ст. 1642—1645) предложил вместо рукописного «plautium» читать «planus» и вместо «Hirrium» — «Hirrum»: «...имеем в записи, что в Рим сенату было сообщено, что бык отчетливее проговорил по-латыни, чем претор Гирр». Бык промычал однажды: «Рим, берегись!» — «Roma, cave tibi» (Liv.XXV.21.4). О Луции Гирре см. II.1, прим. 3. Получается шутка, грубоватая и тоже не очень вразумительная. Гирр не произносил буквы «р» и претором назван в насмешку; в действительности он им никогда не был. — О «Бугонии», ее авторе и содержании ничего неизвестно. Кейль вслед за Скалигером, Сомезом и другими считает, что поэма трактовала о происхождении пчел. Нет никакого основания думать так. Βουγενία (ср. Θεογονία) имела своим сюжетом разведение рогатого скота, почему упоминание ее здесь вполне уместно.

⁶ Стальных коров приносили в жертву Матери-Земле (Tellus Mater) в праздник Фордиций (диалектная — сабинская — форма Гордиций), который справлялся 15 апреля.

⁷ Сравним описание быка и коровы у Варрона и Колумеллы:

Варрон (II.5.6—8)

Колумелла (VI.1 и 24)

bene compositae
integris membris
oblongae amplae
nigrantibus cornibus

longae

cornibus venustis et levibus et nigrantibus
cornibus proceris ac nigrantibus et robustis (бык)

latis frontibus

frontibus latissimis

oculis magnis et nigris

fronte lata et crispa (бык)

oculis nigris et patentibus

pilosis auribus

oculis nigris (бык)

pilosis auribus

compressis malis

hirtis auribus (бык)

subsimae

compressis malis

ne gibberae

spina leviter remissa

dorso recto plano vel etiam subsidente (бык)

apertis naribus

naribus resimis patulisque (бык)

labris subnigris

labris nigris (бык)

cervicibus crassis ac longis

cervice longa et torosa (бык)

a collo palea demissa

paelearibus amplissimis

paelearibus amplis pene ad genua promissis (бык)

corpore bene costato

lateribus porrectis (бык)

latis umeris

armis vastis (бык)

bonis clunibus

clunibus rotundis (бык)

codam profussam usque ad

caudis amplissimis

calces inferiorem partem

caudis longissimis ac setosis (бык)

frequentibus pilis subcris-

pam

cruribus potius minoribus rec-

modicis cruribus

tis

genibus eminulis distantibus
inter se
pedibus non latis neque
ingredientibus qui displudantur
nec cuius ungulae divarent et
cuius ungues leves et pares
corium nec asperum ac durum
colore nigro, robeo, helvo, albo

cruribus compactis ac rectis (бык)

ungulis modicis

tactu molissimo (бык)
rubii, fuscii (бык)
pectore magno (бык)
capaci et tamquam implente utero (бык)
lumbis latis (бык)
piloque denso brevique (бык)

Коровы
altissimae
maximis uteris

Сравнение обоих авторов приводит нас к следующим выводам.

а) Описания у обоих почти целиком совпадают, и так как Колумелла ссылается как на источник на Магона ((VI.1.2), то можно подумать, что итальянские скотоводы при выборе скота руководствовались советами карфагенского агронома, приняв за образец экстерьер, им описанный. Здесь, однако, естественно возникает вопрос: ужели Варрон, а тем паче Колумелла читали самого Магона? Сомнительно. Скорее всего в руках у них был шеститомник Диофана Вифинского, который сократил Кассия Дионисия, внесшего, как известно, в сочинение Магона «немало из греческих книг». Не принадлежит ли экстерьер, составленный по Магону, кому-либо из греков? Мы не имеем материалы для утвердительного ответа, но имеем все основания не принимать ссылку Колумеллы на Магона за безоговорочно достоверную. Больше того, почти полное совпадение в описаниях обоих авторов наталкивает на мысль, что оба они представляли себе животных, которых неоднократно видели собственными глазами. Отсутствие литературной ссылки у Варрона при наличии ее у Колумеллы заставляет усумниться в ее существовании вообще. Колумелла, описывая хорошего итальянского быка, ссылкой на забытого, никем не читаемого Магона прикрывал ею свою зависимость от Варрона.

б) Интересно, что признаки хорошей коровы и хорошего быка почти одинаковы, причем признаки молочности в описании Варрона отсутствуют вовсе, а Колумелла требует только, чтобы у коровы было «большое вымя».

в) Описание Варрона и Колумеллы дают признаки хорошей скотины вообще, а не какой-то одной названной по имени породы. Между тем подробность, почти мелочность этих признаков, и вся совокупность их заставляет думать именно о стойком, определенно установившемся типе. Если Варрон дал описание «италийской» овцы, т. е. той породы, которая была наиболее распространена в Италии и считалась наилучшей, то мы имеем основание предполагать, что его описание быка дает экстерьер италийской породы крупного рогатого скота, существование которой у него засвидетельствовано (см. II.5.10). На луврском мраморе с изображением суоветаврийский видим мы быка, обладающего рядом признаков, названных у Варрона и Колумеллы: широкий лоб с курчавой шерстью, мощный загривок и большой, тяжело свисающий подгрудок, чуть вогнутая спина, большие лопатки, мощный корпус (corpore bene costato), длинный хвост. На монете неизвестного этрусского города (I m h o o f - B l ü m e r u. O. Keller. Tier- und Pflanzbilder auf Münzen und Gemmen der klassischen Altertums. Leipzig. 1889, Taf. III, Bild. 43) изображена морда быка совершенно такого же типа.

⁸ Под «галльской породой» Варрон понимает, конечно, скот из долины реки По. Он называет две итальянские породы: галльскую и лигурийскую.

Следовательно — факт очень интересный, — выведены были (и, конечно, уже давно) местные породы. Варрон характеризует их только в отношении к работе, но, разумеется, их отличали и определенные внешние признаки, которые, однако, не упомянуты им вовсе. Колумелла называет четыре породы, указывая один-два признака, характерные для каждой: кампанский скот, белый, мелкий, пригодный для работы на легкой почве своей родины; умбрийский, крупный, белый и красивый, прекрасного нрава; этрусский и латинский, плотный, сильный в работе; апеннинский, выносливый, но некрасивый (VI.1.2). Колумеллу животных этих пород интересуют как работники в сельском хозяйстве, но, кроме рабочих качеств, он отмечает еще окраску и общий вид животного. — Эпирский скот пользовался славой с давних времен (см. Arist.h.a.III.21.106). «Эпирский скот пользуется великой славой вследствие, говорят, забот царя Пирра. Он достиг этого, запрещая спаривать животных раньше четырехлетнего возраста; скот получился очень кудрявый, и остатки этой породы существуют и доныне» (Pl.VIII.176). О превосходных качествах эпирского скота упоминает и Арриан («Поход Александра», II.16.2. М.—Л., 1962).

⁹ Юпитеру и Юноне приносили по преимуществу быков снежно-белого цвета; если таковых не оказывалось, то быка натирали медом (Lucil., стр. 1145, изд. Маркса; Iuv. X.66). Триумфатор приносил как благодарственную жертву белых быков, которых вели перед его колесницей (Verg. Georg.II.146—148). — Букв. «Черный Залив» — теперь Ксерос. — О Манилии см. П.3, прим. 7.

¹⁰ Жрецы сами определяли, здорово животное или нет, давая быкам ячмень, а козлам горох. Если животное отказывалось есть, его считали больным.

¹¹ По словам Колумеллы, звезда эта восходила 13 мая (XI.3.40).

¹² Аристотель говорит совершенно другое: «...существуют ли самки и самцы еще до того, как различие между ними станет очевидным для наших чувств, получив это различие в теле матери или даже раньше, вопрос спорный. Одни, как Анаксагор и некоторые другие физиологи, утверждают, что эта противоположность заложена с самого начала уже в семени: именно семя возникает из самца, самка же доставляет место; семя происходит из правой стороны, самка — из левой, и в матке самец находится справа, самка — слева» («О возникновении животных», IV.1. Перевод В. И. Карпова, М.—Л., 1940, стр. 159). Утверждение Варрона, совершенно абсурдное, но, видимо, широко распространенное, повторили Колумелла (VI.24.3) и Плиний (VIII.176).

¹³ Дельфин восходит 10 июня (Col.XI.2.45).

¹⁴ Аристотель «О возникновении животных» (I.4): «...как-то бык, покрывши корову вслед за холощением, оплодотворил ее» (Перевод Карпова, стр. 56). «Самец сохраняет свой облик и тогда, когда он уже утратил производительную силу. Он лишается ее, впрочем, не сразу. Если ты позволишь ему сразу же после операции покрыть корову, то она сможет от него зачать» (Col.VI.26.3).

¹⁵ О писанном скотолечебнике речь шла уже несколько раз (II.1.23 и 2.20), равно как и о том, что он должен иметься у старшего пастуха. Принадлежали ли его рецепты действительно Магону, или грекам, которые его дополнили, или самим пастухам, мы сказать не можем: нет данных.

¹⁶ Разведение крупного рогатого скота в большом количестве было для древней Италии обязательным: главными работниками в каждом мало-мальски состоятельном хозяйстве были воны: на них пахали, на них возили тяжести. Бычачья кожа требовалась для обуви (только рабы и самые бедные слои населения носили деревянные башмаки) и в большом количестве шла для нужд войска: кожами покрывали палатки, обивали щиты; из них делали панцири и пояса. Спрос был очень велик, и крупных ското-промышленников встречалось, надо думать, больше, чем хозяев конских заводов. В качестве таковых Варрон упоминает в своем диалоге Аттика,

сенатора Луциена и Вакция: Вакций, может быть, псевдоним, которым Варрон прикрывает собственную персону.

Стадо крупного рогатого скота в сто голов считалось средним, и таких стад бывало у хозяина несколько. Такое количество крупного скота можно было держать только при наличии обильного подножного корма: коровы у Варрона и у Колумеллы пасутся круглый год — зимой недалеко от моря, летом на горных пастбищах, обильных травой и лесом. Жизнь



Корова (рельеф августовского времени).

(History today, 1963 january, стр. 16).

такого стада можно представить себе с большей ясностью из описания Колумеллы. Для коров устраивают обширные загоны: коровы не боятся холода и хорошо зимуют под открытым небом. Пол в загонах делают обязательно покатым и устилают либо камнем — с такого настила вода легко скатывается, либо засыпают гравием или крупным песком, чтобы вода быстро впитывалась и в загоне не было бы сырости. Загон обращают к югу: он должен быть защищен от холодных ветров. Около загона устраивают резервуар для питьевой воды; от холодной речной бывают выкидыши, и, кроме того, «небесная вода приятнее на вкус» (Col.VI.22.2). Рядом по желобам и камням рассыпают соль, которую коровы охотно лижут, воз-

вращаясь с пастбища. Вечером все стадо собирается по звуку пастушьего рожка, который, «как бы трубит им сбор»: коров удобнее пересчитать, если, «словно подчиняясь военной дисциплине, они ночуют в своем лагере» (Col.VI.22—23).

Рассказ Варрона гораздо короче и менее вразумителен. Несомненно, однако, что у него речь идет не об открытых загонах, а о настоящих крытых хлевах, которые он называет то «сапта» (II.5.14), то «stabula» (II.5—16): чтобы избавить коров от преследования оводов и мух, их летом (в полдневную пору, конечно) «запирают в ограде»; зимой же следует позаботиться, чтобы место, где они живут, не было холодным; в открытом загоне укрыться от оводов, было, разумеется, невозможно, и нельзя было рассчитывать, чтобы в таком загоне было тепло в холодную погоду. То обстоятельство, что коровы у Варрона стоят под крышей, заставляет думать, что зимние пастбища, которые он имел в виду, были расположены значительно севернее тех, которые представлял себе Колумелла.

Что касается разведения скота, то Варрон и Колумелла согласны между собой по следующим пунктам:

а) коров за месяц до спаривания начинают кормить меньше, дабы излишняя тучность не сделала их бесплодными (Col.VI.24.3; Varr.II.5.12);

б) быкам уже за два месяца «еды прибавляют» (Col.VI.24.3; Varr.II.5.12), подкармливая их травой, сеном и соломой с тока;

в) телку спаривают впервые в двухлетнем возрасте; до 10 лет корова может приносить телят; после этого возраста Колумелла считал, что она «уже не годится для воспроизведения потомства».

Имеется, однако, и существенное разногласие, причем по важнейшим пунктам: относительно числа производителей в стаде и относительно возраста производителя.

Колумелла считал, что самый ранний возраст для производителя — это 4 года: «...более молодые животные по своему детскому возрасту считаются негодными для воспроизведения потомства» (VI.24.1); для 15 коров «довольно одного быка» (VI.24.3). Варрон рассказывает, что у него и у Аттика на 70 коров полагалось два производителя: один годовалый бычок и другой двухлетка (II.5.12); некоторые снижали число коров до 60 (II.5.18).

Разницу эту (она очень велика) можно объяснить тем, что пришел момент, когда стало заметно, насколько измельчал скот. Надобно было принимать какие-то меры: вспомнили о правилах, установленных Пирром в его стадах (см. прим. 8 к этой главе). Тут потребовались, конечно, годы наблюдений и размышлений над этими наблюдениями. Возрос интерес к вопросам генетики и наследственности. Нужно было сравнивать, учитывать, ставить опыты; вся эта работа велась при непосредственном участии «старших пастухов» (*magistri pecorum*) и под их постоянным надзором. Итогом ее оказалось, с одной стороны, признание для производителя того возраста, к которому он оказывается уже совершенно окрепшим и вошедшим в силу, а с другой — значительное сбережение его сил; величина стада, которое ему полагалось оплодотворить, сокращалась вчетверо или даже впять (70 голов у Аттика, 15 — у Колумеллы).

Коровы у Колумеллы и у Варрона стоят на подножном корму. У Колумеллы, однако, стельная корова получает «зеленый бобовник (*cytisus*), поджаренный ячмень и моченую чину (*ervum*)»; маленькому теленку дают болтушку из просяной муки с молоком и бобы крупного помола (VI.24.5), т. е. продукты, которые на пастбище не растут. У Варрона полугодовалым телятам, кроме «нежной травы», дают пшеничные отруби и ячневую муку (II.5.17). Вряд ли все эти корма вели с собой: слишком бы большие обозы для этого потребовались. Скорее можно предположить другое: между пастбищами находилась усадьба, к которой прилегали засеянные поля, иными словами, к пастбищу была прикреплена еще ферма, снабжавшая скот и пастухов необходимыми продуктами.

Об этом соединении пастбищных просторов и полевого, пусть в некоторых случаях подсобного, хозяйства всегда следует помнить, говоря о таких областях древней Италии, как Апулия, Калабрия или Самний. Не следует представлять их чем-то вроде сплошных травянистых пространств Южной Америки; в древней Италии человек наложил руку и на пастбища, превратив какую-то часть их в засеянные хлебами поля.

К главе 6-й

¹ Любопытная подробность о заморской торговле скотом.

² Как отдельные области выводят свои местные породы крупного рогатого скота, так выводят и ослов: славятся реатинские, и покупать их рекомендуется именно в Реатинском округе.

³ Мурены «поплавки» — букв. «плавающие» (от греч. *πλωται*) назывались так потому, что вследствие своей толщины они все время всплывали наверх. Считались особенно вкусной рыбой (Athen.313). Колумелла говорит, что это был сорт особенно ценный (VIII.17.8). Плиний пишет, что *helops*, иначе *assipenser* (вероятно, это осетр, как и дано в переводе), считавшийся в старину превосходнейшей рыбой, в его время не был в чести: «удивляюсь этому: рыба эта редкая» (IX.60).

⁴ О Фригии, Ликаонии см. II.1, прим. 6.

⁵ Колумелла держался другого мнения: он считал, что потомство онагра сохраняет все повадки дикого животного, не поддается выучке и отличается упрямством. «От такого производителя хороши будут внуки, не сыновья. Если осла, родившегося от ослицы и онагра, спарить с кобылицей, то в жеребенке выявится не только отцовский облик и отцовская скромность, но и дедовская сила и быстрота: дикие свойства исконной природы постепенно будут уничтожены» (VI.37.4).

⁶ Советы Варрона имеют в виду дорогих породистых ослов, а не того «дешевого, простого ослика» (Col.VII.1.1.), который был неизменным и незаменимым тружеником в итальянском хозяйстве. Это безответный работник, на которого наваливали всякую работу и в качестве лакомства давали мятую изорванную солому с тока — ту самую солому, которую лошади удостоивала принять только в качестве подстилки. Осла держали в своем хозяйстве и богатый рабовладелец, и полунищий крестьянин. Он вертел мельничный жернов, километр за километром вышагивая по утоптанному безрадостному кругу, он возил в упряжке или на спине «вовсе не малые тяжести» (Col.VII.1.2). Вспомним Вергилиева погонщика, «медлительный ослик» которого везет на себе жернов, конечно, для ручной мельницы (Verg.Georg.I.274); он даже пахал землю, если она была такой легкой, как в Кампании (Varr.I.20.4 и II.6.5). Колумелла написал настоящее «похвальное слово» этому незаметному и незаменимому слуге, который отдавал все силы человеку и его хозяйству и видел от них так мало (VII.1).

⁷ Важнейшее место для характеристики экономической жизни Италии того времени. Апулия (о превосходной пшенице которой шла речь I.2.6) и Калабрия и в I в. до н. э. остаются житницами Италии. Караваны вьючных осликов везут оттуда хлеб, вино и масло к гаваням Тирренского моря; каботажные суда повезут эти продукты вдоль берега, останавливаясь и разгружаясь в удобных местах; купленные товары поступят на местные рынки, а частью пойдут в глубь страны. — Брундизий (теперь Бриндизи) — гавань на Адриатическом море в древней Калабрии.

К главе 7-й

¹ Луциен имеет в виду конские состязания в цирке. — Кв. Модий Эквикул — лицо совершенно неизвестное. Сторр-Бест (стр. 200), считая слова «etiam patre militari» совершенно неуместными, предложил читать «etiam

а parte militari» — «также и в военном деле». Вряд ли, однако, стоит отвергать рукописное чтение: мнение Эквикула особенно ценно потому, что оно опирается не только на его соображения, но и на богатый от отца идущий опыт.

² Варрон здесь совпадает с Аристотелем (h.a.VI.22.450). Не исключена отнюдь возможность, что сведения эти вычитал он не из книг, а получил от людей, практически знакомых с лошадьми.

³ Сравним экстерьер лошади у Варрона и у Колумеллы:

Варрон (II.7.4—5)

Колумелла (VI.29.2—3)

caput non magnum
nec membris confusis
oculis nigris
naribus non angustis
auribus applicatis
iuba crebra, fusca, subcrispa subte-
nibus saetis
implicata in dexteriorem partem cer-
vicis
pectus latum et plenum
umeris latis
ventre modico
lumbis deorsum versus pressis
scapulis latis
spina maxime duplici, si minus non
extanti
coda ampla subcrispa
cruribus rectis aequalibus intro ver-
sus potius figuratis
genibus rotundis ne magnis
ungulis duris
toto corpore ut habeat venas

exiguo capite
nigris oculis
naribus apertis
brevibus auriculis et arrectis
densa iuba
et per dextram partem profusa
lato et musculorum toris numeroso
pectore
ventre substricto
latis lumbis et subsidentibus
grandibus armis et rectis
spina duplici
cauda longa et saetosa crispaque
aequalibus atque altis rectisque cru-
ribus
tereti genu parvoque neque introrsus
spectanti
duris ungulis et altis et concavis et
rotundis
cervice molli lataque nec longa
lateribus inflexis
testibus paribus exiguis
rotundis clunibus
feminibus torosis ac numerosis

Оба писателя дают экстерьер одинаковый, экстерьер какого-то одного установившегося типа. Между тем сам Варрон говорит об апулийской и розейской лошадях и о разном облике лошадей, требуемых для войска, для бегов и для извоза. Никаких подробностей, характеризующих эти породы и разные «обличья», однако, нет. Овца, описанная Варроном, была наиболее распространенной в Италии «италийской» овцой; не должны ли мы сделать такой же вывод для лошадей? Не была ли это розейская порода, особенно хорошо знакомая Варрону, уроженцу тех мест?

«Двойная спина» — это спина, которую спинной хребет разделяет как бы узким желобком, идущим между хорошо развитой мускулатурой. — Лошадь с поверхностными венами удобно лечить, потому что ей легче было пускать кровь — метод лечения, весьма принятый в античной ветери-
нарии.

⁴ Восточная область северной Греции; славилась своими пастбищами и лошадьми.

⁵ См. II.3. прим. 7.

⁶ Тот же совет есть у Колумеллы (VI.22.11).

⁷ Анекдот этот мы найдем впервые у Аристотеля (h.a.IX.47.237—238): в нем фигурирует верблюд, закусавший насмерть своего жокака, который хитростью заставил его покрыть верблюдицу-мать, и жеребец скифского царя, которому тоже завязали глаза и подвели к матери. Когда повязка спала с его глаз, жеребец кинулся бежать и сбросился с крутизны. Во



Беговая лошадь (римская мозаика).

(P. Grimal. Dans les pas des Césars, рис. 34).

времена Плиния событие перенесли значительно ближе: «...по той же причине [жеребец] в Реатской области растерзал конюха» (VIII.156).

⁸ См. I.23, прим. 1.

⁹ Реда — тяжелая четырехколесная повозка, в которой ездили путешественники.

¹⁰ Из этой главы Варрона ясна роль этих животных в хозяйственном быту древней Италии. Лошадь в хозяйстве никакого значения не имеет: с точки зрения настоящего сельского хозяина, живущего от земли и для

земли, это аристократ-дармоед, который только истребляет то, что добыто соединенными усилиями человека и рабочей скотины. Лошадь для древней Италии — это или боевой конь, или участница торжественных процессий и цирковых состязаний. Она стоит дорого и содержание ее обходится дорого: листьями ее не покормишь, мякины ей не дашь, ей нужны такие драгоценные корма, как сено и ячмень. До трех лет лошадь бездельничает, только по четвертому году ее начинают обездыхать, а пока что она пасется и резвится на свободе, дома истребляет ячмень и отруби и позволяет хозяину любоваться собой. Естественно, что лошадей мог держать только очень состоятельный человек.

Варрон называет две италийские породы «благородных» (*nobiles*) лошадей: апулийскую и розейскую. У него самого в Реатском округе ходили конские табуны (II.praef.6). Розейская долина, «кормилица Италии, где брошенную жердь через день уже не видно в траве» (I.7.10), и Апулия с ее просторными равнинными пастбищами были, по-видимому, единственными местами в Италии, где можно было заниматься коневодством в широких масштабах. Нумидийцы и мавры Ганнибала пригнали с апулийских пастбищ «табуны лошадей, из которых около 4000 коней было роздано всадникам для обездыхки» (Liv.XXIV.20.16). Эта добыча, взятая после одного только набега, позволяет судить о размахе италийского коневодства в конце III в. до н. э. Лошади требовались для войска; количество всадников в римской и союзной кавалерии доходило, по вычислениям Маркварда, почти до 70 000 человек.

Развивалось ли коневодство и дальше или оно шло на убыль, мы, за неимением данных, решить не можем. Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что плохое качество римской конницы (по мнению военных специалистов, это было одной из существенных причин поражения римлян у Тразименского озера и при Каннах) было учтено таким мастером военного дела, как Цезарь, и кавалерийскую службу в его войске несли галлы и германцы. Надо думать, что приходили они со своими собственными лошадьми; и в связи с этим вряд ли случайным пропуском объясняется то обстоятельство, что Колумелла совершенно не упоминает войсковой службы как одной из обязанностей, которая лежит на лошадях. У него лошадей разводят для цирковых ристаний, для того, чтобы иметь мулов, и для домашних потреб. Судя по экстерьеру лошади, который дан у Варрона (Варрон почти целиком совпадает с Колумеллой), благородные италийские породы были породой легких беговых лошадей. Лошадь и собака — единственные животные, характер которых служит предметом наблюдения и изучения. От лошади требуют не только определенных физических статей: соразмерности во всем строении корпуса, широкой мускулистой груди, крепких ног и твердых копыт, но и таких внутренних качеств, как энергия, неустрашимость, благородное честолюбие, которое заставляет коня стремиться к тому, чтобы всегда быть первым. Имена лошадей, сохранившихся в надписях, свидетельствуют о тех качествах, которые в лошади особенно ценились: «Проворный», «Горячий», «Огненный», «Смелый», «Резвый», «Упорный», «Огнедышащий», «Гордый», «Верный».

Все правила коневодства, сообщенные и Варроном, и Колумеллой, имеют в виду, конечно, породистых дорогих лошадей. Предписания эти в основном совпадают. Оба автора согласно утверждают, что для лошадей требуются обширные травянистые пастбища, что им надо давать сено и ячмень (Колумелла включает в список кормов еще бобы), оба требуют особого внимания к жеребьим кобылам, сухих, просторных и теплых конюшен (Колумелла имеет в виду места более южные: по его совету жеребьих кобыл держат в конюшне только в том случае, если стало холодно и травы нет). О случайном возрасте Варрон ничего не говорит; Колумелла определяет его от 3 до 20 лет для жеребца и от 2 до 10 лет для кобылицы. Существенная разница в количестве производителей: Варрон говорит об одном жеребце на 10 кобыл; Колумелла это число удваивает:

жеребцу положено покрыть 15—20 кобылиц. Нет матерпала, чтобы объяснить это расхождение. Что касается возраста, когда лошадь начинают оббязжать, то, по словам Колумеллы, для рабочей лошади это будет 2 года, а для цирковой — 3, так что на состязания ее выпустят уже 4 лет (VI.29.4).

Варрон, перечисляя те службы, которые несут лошади (война, бега, езда), говорит, что есть кони, которых выращивают со специальной целью использовать их в качестве производителей.

У него самого под Реате и у апулийских коневладельцев были, очевидно, настоящие конские заводы. Мы можем только очень неполно представить себе жизнь такого завода. Он находился, конечно, под управлением старшего конюха — *magister*, которому подчинены были рядовые пастухи и конюхи — *origae*. Число их зависело, разумеется, от количества лошадей. Забота о жизни всего табуна и вообще обо всем заводе лежала на «старшем конюхе», который был настоящим специалистом в своем деле, понимал толк и в лошадях, и в их содержании, умел и лечить лошадей, и выводить превосходные экземпляры. Мы знаем, что итальянские животноводы умели выводить новые породы животных; апулийские овцы возникли, несомненно, от скрещивания галльских овец с греческими; крупные итальянские куры, которых Колумелла в шутку называл «незаконнорожденными», были выведены от греческих бойцовых петухов и местных гуриных пород. «Старшие конюхи» заботились о сохранении и поддержании определенной породы лошадей; очень вероятно, что они задумывались и над улучшением ее. К сожалению, об этой работе их ничего неизвестно.

Конский завод должен был находиться среди широко раскинутых пастбищ; рядом лежали поля, где сеяли ячмень для лошадей и ишеницу на людскую потребу. Конюхи жили в непосредственном соседстве с конюшнями, предназначенными главным образом для кобылиц, а может быть, и в самих конюшнях. Особую категорию составляли пастухи, представленные к табунам: два всадника присматривали за 50 кобылицами и загоняли их с пастбища в конюшни (II.10.11).

¹¹ Букв. «лошадиные врачи».

К главе 8-й

¹ Кто такой Менаг, неизвестно: в том месте книги, где по этому поводу давались объяснения, лакуна (II.praef.6) Сторр-Бест (стр. 211) полагает, что беседа о скоте происходила как раз в пастушеский праздник Парилий, который справлялся не только в Риме, но и в провинциях.

² Хотя Колумелла и говорит о простых лошадях (*vulgaris materia*), которых досматривали без особой заботы и которые несли разные работы по хозяйству (VI.27.1), но подлинным работником и главной тягловой силой в древней Италии были не лошади, а мулы. Насколько этим животным дорожили, видно из того, с каким тщанием подбирали осла-производителя: маленького осленка сразу же отлучали от матери и отдавали на воспитание кобылице: «...лучше всего обмануть ее в темноте» (Col.VI.37.8). Считалось необходимым воспитывать его в лошадином обществе, чтобы ослик освоился с лошадьми и был принят ими как свой и равный. Если такого доморощенного осла-производителя не имелось, надлежало приобрести породистого, «очень крупного и красивого осла», все статьи которого свидетельствовали бы о силе и выносливости (Col.VI.37.6). Рекомендовалось покупать осла реатинской породы; за хорошего производителя платили по 30—40 тысяч. Окрестности Реате и Розейская долина были главным местом, где разводили мулов: кроме прекрасных пастбищ, там поблизости находились горы, куда мулов угоняли летом с расчетом, что они отъедятся на хорошей траве, а копыта их приобретут необходимую твердость и крепость: считалось, что у мулов, если они круглый год будут ходить по сырым мягким пастбищам, копыта не приобретут той прочности,

которая необходима при их службе. А служба эта была отнюдь не легкой: им суждено было неутомимо путешествовать, и многие из них неоднократно перемеривали Италию из края в край. Они ходили под седлом и твердым, верным шагом пробирались по горным дорогам и опасным тропинкам, таскали на себе вьюки, перевозили тяжести. В телеги, нагруженные винными бочками, которые купцы из Аквилеи отправляли через горные перевалы в Иллирию, впрягали мулов; баржи, вроде той, на которой путешествовал Гораций (Sat.1.5), тащили по Помптинскому каналу мулы; повозки с путешественниками по прекрасным посейным дорогам древней Италии везли мулы. Держали их почти в каждом хозяйстве. «...у каждого есть мул», — писал Сенека (Epist.123). Работали они и в качестве пахарей, «если земля не была такой тяжелой, что требовалась воловья сила» (Col.VI.37.11); служили в военных обозах; во время Вегетия каждая центурия имела своего мула, который так и назывался «центуриатным»: на его обязанности было тащить карробалисту, одно из тяжелых орудий тогдашней «артиллерии» (Veg.II.25). Императорскую почту возили на мулах. Так как мулы были постоянно «на людях», то хозяин был весьма озабочен тем, чтобы они были красивы и «радовали глаз своим видом». Колумелла наставляет на том, чтобы осел-производитель был обязательно черной или пятнистой масти: «мышинный цвет, обычный для осла, нехорош для мула» (VI.37.6).

К главе 9-й

¹ Сравним экстерьер пастушьей собаки у Варрона и у Колумеллы:

Варрон (II.9.3—5)

Колумелла (VII.12.3)

formosi
magnitudine ampla
oculis nigrantibus aut ravis
naribus congruentibus
labris subnigris aut rubicundis neque resimis superioribus nec pendulis submentum suppresso ex eo enatis duobus dentibus dextra et sinistra paulo eminulis superioribus directis potius quam brocculis acutos quos habeant labro tectos capitibus et auriculis magnis ac flaccis

longior productior
nigris vel glaucis oculis

crassis cervicibus ac collo
internodis articularum longis
cruribus rectis et potius varis quam vatis pedibus magnis et latis qui ingredienti ei displodantur, digitis discretis unguibus duris ac curvis
solo ne ut corneo ne nimium duro sed ut fermentato ac molli
a feminibus summis corpore supresso
spina neque eminula neque curva
cauda crassa
latrato gravi
hiatu magno
colore potissimum albo

capite magno deiectis et pro-pendentibus auribus

cruribus crassis et hirtis
vestigiorum articulis amplissimis
unguibus amplissimis

cauda brevi
vasti latratus canorique

albus
amplo villosoque corpore
latis armis

Варрон обращает гораздо большее внимание, чем Колумелла, на породу собаки и на характер ее зубов. Он описывает пастушью собаку определенной породы. Колумелла, писавший об овцах, которые стояли в усадьбе, паслись около нее и которым волчья стая была вовсе не так страшна, как отарам, бродившим по уединенным горным пастбищам, видимо, меньше беспокоился о свойствах своих пастушьих собак: у него они только помощники пастуха, у Варрона — защитники стада.

² Эпирские собаки, или молоссы, славилась своей силой и отвагой; хватка у них была мертвая, и они ходили на волка и на медведя. Ари-



Мул в телеге (мозаика из Остин).

(P. Grimal. La civilisation Romaine, рис. 94).

стотель считал их превосходными пастушьими собаками; отличительными качествами их, по его словам, были величина и храбрость (h.a.IX.13). По мнению К. Келлера, это потомки тибетских догов; их первоначальная масть была черной, она изменилась от скрещивания. Лаконскую породу Аристотель считал помесью лисы и собаки (h.a.VIII.28.167) — мнение совершенно ошибочное. Это по преимуществу охотничьи собаки: быстроногие, смелые, с прекрасным чутьем. В Апулии и Калабрии ими пользовались, однако, как пастушьими собаками. В качестве таковых их называют рядом с молоссами Вергилий (Georg.III.405) и Гораций (Erod.6.5—6). Салентинские (Калабрия) пастушьи собаки упоминает только Варрон (см.: R.—W.—K., 1913, Hund, 2547—2553).

³ Амитерн — город в Сабинии; Метапонт и Гераклея — города в Лукании. Собаки прошли расстояние около 500 км в один конец. — П. Авфидий Понтиан. Цицерон упоминает какого-то Понтиана в одном из писем к Аттику (XII.44.2); может быть, это тот же о котором говорит Варрон. Перед нами один из предприимчивых дельцов того времени. — Место это чрезвычайно важно для истории итальянского овцеводства. См. мои «Очерки...», стр. 144.

⁴ О Сазерне см. мои «Очерки...», стр. 161—173.

⁵ И сейчас собаки одного помета, «однопородные», ценятся выше, чем собаки, приобретенные в разных местах.

⁶ Варрон приводит эту пословицу в своей книге «О латинском языке» (VII.31): «собака собачины не ест». — Актеон, внук Кадма, знаменитый



Современный итальянский пастух со своей собакой.

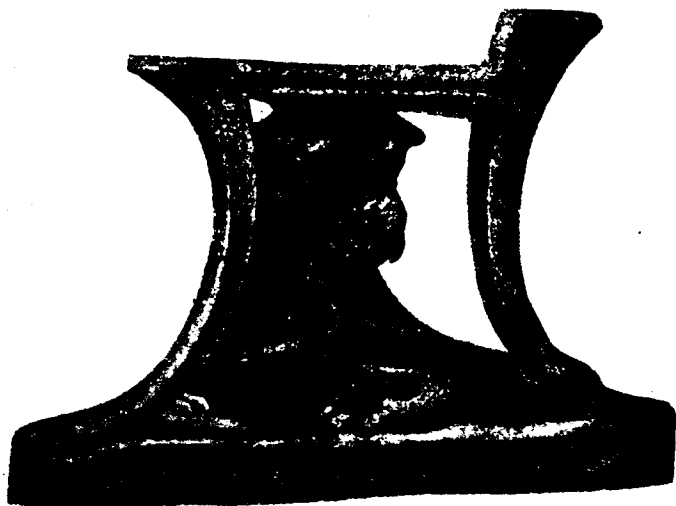
(B. Tilly. Vergil's Latium).

фиванский охотник, которого Артемиду превратила в оленя, и его растерзали собственные собаки.

⁷ У Колумеллы собачий рацион более скуден: собаки, состоящие при стаде, которое пасется на отдаленных пастбищах, получают ячменный хлеб не в молоке, а только в сыворотке; собака, стерегущая приусадебное стадо, не видит даже сыворотки: ей дают, правда, пшеничный хлеб (ячменя не сеют), крошенный в бобовую похлебку. О мясе и костях нет и речи (Col.VII.12.10).

⁸ Варрон озабочен воспитанием щенят; Колумелла на них почти не обращает внимания (VII.12.12—13): еще доказательство того, что собака для хозяина-скотовода, которого Колумелла имеет в виду, значит гораздо меньше чем для скотовода, которого представляет себе Варрон.

⁹ Кроме этого средства, Колумелла называет еще ряд других, в том числе деготь со свиным жиром — лекарство, которым и сейчас смазывают у собак места, разъеденные мухами (VII.13.1).



Молосс (мраморная статуя III в. до н. э.).

(O. Keller. Antike Tierwelt, Bd. I, рис. 40).

К главе 10-й

¹ Племена, жившие в Бетике (нынешняя Андалузия).

² Варрон перечисляет разные формы продажи и приобретения, существовавшие у римлян. Формальная продажа путем *mancipio* происходила таким образом: покупатель в присутствии шести совершеннолетних римских граждан клал руку на покупаемый предмет (в данном случае на раба), объявляя, что это его собственность, ударял монетой о весы, которые держал один из свидетелей (*per aes et libram*), и отдавал деньги продавцу (см. *Gai.Inst.I.119*). — «Уступка»: владелец предмета (*dominus qui cessit*) и покупатель (*cui cedebatur*) приходили к магистрату (*qui addixit*); покупатель заявлял, что данный предмет принадлежит ему; магистрат спрашивал владельца, может ли он опровергнуть это заявление; тот отвечал отрицательно, и магистрат присуждал предмет, о котором шла речь, тому, кто на него притязал (см. *Gai.Inst.I.2*). «Фактическое использование»: если кто-либо фактически владел (*usucapio*) движимой собственностью в течение одного года и недвижимой в течение двух лет, причем никто против этого не протестовал, то фактический владелец становился

законным обладателем этой собственности. Если права продавца на какой-либо предмет были сомнительны, то он предпочитал не продавать его путем мавципации, так как при этой форме продажи обязан был по закону уплатить двойную цену проданного, если обнаружилось, что он не имел права на продажу. Поэтому продавец предпочитал продать предмет (в данном случае раба) без всяких формальностей, с расчетом, что после неопротестованного годового владения предмет станет собственностью фактического владельца. Если же еще до истечения года оказывалось, что продажа была незаконной и покупатель должен вернуть раба его законному владельцу, то покупатель не мог предъявить никаких законных претензий к продавцу. Поэтому, если раб продавался не путем мавципации, продавец брал на себя обязательства, упомянутые Варроном.

³ Либурнией называлась береговая полоса Иллирии между Истрией (с севера) и Далматией (с юга): суровая горная страна.

⁴ О пастухах см. мою статью «Пастухи древней Италии» (Вопросы истории, 1955, № 8, стр. 150 сл.).

К главе 11-й

¹ Согласно Цезареву календарю, которого придерживается Варрон, Вергилий, т. е. Плеяды, восходят весной 10 мая. В календаре Колумеллы (XI.2) сказано, что в этот день поутру они «целиком видны». Вечером они показываются 10 октября. Как объяснить «летние Вергилии»? Гупер (W. D. Hooper, M. T. Varro. On agriculture. London, 1936, стр. 414) предполагает, что Варрон разумеет период от мая до половины июля, когда Плеяды видны около полуночи.

² Ὀπός — сок смоковничного дерева, δάκρυον — «слеза», обозначает его же.

³ См. II. 1, прим. 21.

⁴ Сыр в древней Италии был одним из важнейших продуктов питания. См. мои «Очерки...», стр. 233.

⁵ Колумелла дает другой рецепт (VII.47—8): овец после стрижки смазывают жидкостью, составленной из отвара лупина, отстоя старого вина и отстоя оливкового масла, взятых поровну. Через три дня после смазывания овец купают в море или обливают очень соленой водой. Стоит отметить, что Варрон этого купанья не знает вовсе: стада, о которых он пишет, паслись, видимо, далеко от моря.

⁶ Для сенокоса Варрон назначает период с мая и до конца июня; для жатвы — июль (I.31.5; 32.1). Колумелла начинает сенокос в первой половине мая (XI.2.40), ячмень у него убирают во второй половине июня (XI.2.50). У Плиния сенокос начинают в конце мая (XVIII.258), убирают ячмень в конце июня (XVIII. 295).

⁷ Приблизительно с 8—9 часов утра и до 4—5 часов дня.

⁸ Слова «vellus» и «vellimium» произведены от vellere — «рвать».

⁹ Т. е. в 300 г. до н. э.: традиционная дата основания Рима — 753 г. до н. э. — Плиний (VII.211) повторил рассказ Варрона, добавив, что первым стал ежедневно бриться Сципион Африкан Младший. — Публий Титий Мена ближе неизвестен.

¹⁰ Из козьего волоса делали плащи для путешественников, веревки для корабельных снастей, покрышки для осадных машин (ср. Verg. Geor. — III. 312—313).

¹¹ Гетулия — область в северной Африке.

¹² Т. е. «одетые в шкуры».

¹³ Цецилий (II в. до н. э.) — галл родом, привезенный в Рим в качестве раба. Отпущенный на свободу, стал писать комедии; Цидерон ставил его очень высоко. До нас дошли только отрывки. Nurobolimaecus — «подкину-

тый», говорится о ребенке. «Neautontimorumenos» — «сам себя наказывающий», комедия Теренция, младшего современника Цецилия.

¹⁴ Название «килики», или килимы, до сих пор сохранилось за особыми полосатыми коврами на Украине.

КНИГА ТРЕТЬЯ

К главе 1-й

¹ Варрон не называет личного имени Пинния. Может быть, это тот Тит Пинний, которого упоминает Цицерон (ad fam. XIII. 61) как человека, с которым он находился в самых тесных дружеских отношениях.

² Огиг — сын Беота, а по другой легенде — Посидона, основатель Фив беотийских, которые назывались по его имени Огиговыми и считались древнейшим городом. При нем, как повествует легенда, случился потоп, заливший Беотию и названный позже «огиговым»; он предсуществовал тому, после которого уцелели только Девкалион и Пирра (Ov. Met. I.315 сл.). Считали, что огигов потоп случился за 1040 лет до основания Рима.

³ Стихи Энния взяты из его «Аннал», в которых была изложена история Рима от Энея и до времени автора. Говоря о большей точности, Варрон имеет в виду установленную им дату: 754 г. до н. э.

⁴ О тяге сельского населения в города см. II praef. 3. — Рукописи дают дважды «alebantur»; в переводе принята конъектура Эллиса: allevabantur.

⁵ Церера — «создательница». Serv. к Georg. I.7: «Церера получила свое имя от созидания»; Var. I.1.V.64: «...она Церера, ибо „дает пищу“ (сibaria), как говорит Энний, и „рождает плоды“». — Сатурн — древнеиталийский бог, покровитель сева; под влиянием греческой религии Сатурна отождествили с Кроносом, который царствовал в золотое время человечества, когда все были счастливы и чисты. Сатурн был сделан древним царем Лация и создателем высокой культуры; вся Италия была названа по нем «Сатурновой землей», и «Сатурново царство» стало далеким временем простой, счастливой, непорочной жизни. — Элевсинские таинства, справлявшиеся в честь Деметры, были поставлены в связь с началом цивилизации, и, таким образом, слово «initium», которое имеет значение «начало», стало обозначать «тайное священнослужение», «тайнство». Элевсинские таинства проникли в Рим в 496 г. до н. э., когда Церера была отождествлена с Деметрой.

⁶ Беотию заселили эолийцы, одно из трех племен, на которые делился в древности греческий народ. Язык беотян представлял собой смешение эолийского диалекта с дорийским. — Пеласгами называли в древности доисторическое население Греции. — О Соляной Дороге см. I. 14, прим. 4. — Римская миля около 1,5 км. — Варрон, сам уроженец Сабинской области, находил влияние сабинян на Рим повсюду: в языке, религии, быте (см.: M. Collart. Le Sabinisme de Varron. REL, 1952. 30, стр. 69—70). «Холм» (miliarius clivus) — «холм в милю длиной»: перевод Гупера предположительный и не очень удачный. Мнение Шнейдера (ad loc.), что это холм, на котором стоял милевый столб, совершенно неприемлемо. Сторр-Бест (стр. 243) предложил читать: «холм недалеко от милевого столба у Реате».

⁷ У Варрона была злосчастная страсть к систематизации, которая требовала дробления на части. Возможно, что какое-то число римских дельцов занималось исключительно скотоводством, арендуя для своих стад государственные пастбища и приобретая собственные, но нельзя, конечно, считать обе хозяйственные области настолько разграниченными, что одна исключала другую.

⁸ Третья книга Варронова «Сельского хозяйства» занимает совершенно особое место во всей сельскохозяйственной литературе древнего Рима.

О том, как фрагментарен Катон, знает каждый, кто держал в руках его книгу; советы Колумеллы рассчитаны на то, чтобы ими можно было пользоваться в самой разнообразной обстановке, и это обстоятельство уничтожает возможность прикрепить эти советы к географически конкретной местности. Варрон рассказывает о целой сельскохозяйственной отрасли (промышленное птицеводство), важной и доходной, причем мы присутствуем при самом ее возникновении, нам указаны места, где она возникла, охарактеризован потребитель, на которого рассчитывает хозяин птицеводческой фермы. Любопытнейшие подробности, касающиеся устройства таких ферм, сведения о рыночных ценах, красочные черточки, выхваченные из повседневной жизни тогдашнего времени — все это сообщает этой книге ценность исключительную, которую не могут умалить даже ее недостатки.

А они есть. Чем бы они ни объяснялись: глубиной ли старостью самого писателя (Варрон писал «Сельское хозяйство», когда ему шел девятый десяток), отсутствием ли собственного непосредственного опыта в тех вопросах, которые он разбирает, но пропусков, недомолвок, неясностей у него больше, чем следует. Представить себе отчетливо картину итальянского промышленного птицеводства во всех подробностях на основании одного Варрона нельзя; нужно непременно обращаться за комментариями к Колумелле. И тут возникает одна довольно большая опасность.

Промышленное птицеводство, возникшее в середине I в. до н. э., должно было жить и развиваться и в дальнейшем. Было бы большой ошибкой относить все подробности в организации птицеводства, о которых рассказывает Колумелла, на счет развития и усовершенствования этого дела в его время. Только в том случае, когда Колумелла и Варрон говорят по-разному (ср., например, описание курятника у одного и у другого), можем мы судить о том, насколько птицевод I в. н. э. стал опычнее и осведомленнее в своем деле. Молчание Варрона о каком-либо пункте и подробный рассказ Колумеллы о нем же отнюдь не доказывают, что только птицеводы — современники Колумеллы занимались данным вопросом, а птицеводы конца республики ничего по этому поводу не знали.

К главе 2-й

¹ Эдилами назывались римские магистраты, ведавшие главным образом городским благоустройством. Они следили за состоянием улиц и общественных зданий, надзирали за рынками, ведали даровой раздачей хлеба. На них же лежала и забота об организации некоторых народных праздников. Выбирали их в трибутных комициях, т. е. в народных собраниях, где голоса подавались по трибам: это были определенные округа, к которым первоначально и был приписан по месту жительства каждый гражданин. Уже в последнем веке республики, однако, трибы утратили свое географическое значение: триба становится наследственным достоянием семьи, и члены ее, куда бы они не переезжали, оставались в составе своей прежней трибы. Всего триб было 35. — Было в обычае, чтобы друзья кандидата, одержавшего победу на выборах, провожали его домой.

² Голосование происходило таким образом: каждый гражданин получал дощечку, на которой писал имена своих кандидатов, после чего опускал ее в особый ящик, отдельный для каждой трибы. Кандидат, за которого высказалось большинство триб, оказывался избранным. Ящики находились под охраной особых лиц, официальных, *rogatores*, и частных, *custodes*. Выемку табличек (*diribitio*) производили представленные к этому *diribitores*. *Villa publica* — общественное здание, выстроенное за чертой города на Марсовом Поле в 434 г. до н. э. (*Liv. IV. 22*). Об использовании ее см. § 4 этой же главы. — Конец фразы от «*quam privati...*» до «*aedificemus nobis*» безнадежно испорчен и потому оставлен без перевода.

³ Авл Геллий сообщает (IV.5) в пояснение этой поговорки следующее: в статую одного римского героя ударила молния, и по этому поводу пригласили из Этрурии гаруспиков (о них см. I. 40, прим. 8). Враждебно настроенные к Риму, они нарочно дали плохой совет, были уличены, сознались и были наказаны. После этого, рассказывают, по всему городу дети распевали: «Плохой совет советнику на гибель».

⁴ Авгурами именовались жрецы, на обязанности которых лежало вопрошать богов, угодно им то или другое государственное начинание, и истолковывать их волю, обнаруживаемую в разных знамениях (полет птиц; поведение священных кур при засынке корма: если они с жадностью на него набрасывались, это было счастливейшим предзнаменованием; голоса животных и проч.). Авгур должен был присутствовать на комициях, чтобы подать совет по поводу событий, которые могли нарушить правильное течение выборов (припадок эпилепсии, гроза, молния без грома).

⁵ Аксий имел право называть окружение Аппия Клавдия «птичником», так как все его собеседники носят «птичьи» имена: Мерула — «дрозд», Паво — «пава», Пика — «сорока», Пассер — «воробей».

⁶ Цицерон писал Аттику (IV.15) в 54 г.: «... реатинцы привезли меня в свою Темпейскую долину, чтобы я защищал их в споре с жителями Интерамны перед консулом и десятью легатами. М. Курий, прорыв гору, отвел Велинское озеро в Нар. Это осушило Розейскую долину, оставив в то же время достаточно для нее влаги. Я жил с Аксием». — Озеро Велин представлял собой одно из больших болот (Reatini Paludes), которые когда-то образовала в окрестностях Реате река Велин. Их воды Курий Дентат (цензор 272) отвел в Нар, избавив таким образом долину Реате от постоянной угрозы затопления и заболачивания.

⁷ «Туя» — *citrus* (*Callitris quadrivalvis*) — драгоценное дерево, росшее преимущественно в Мавретании (западный Алжир и Марокко) и достигавшее огромных размеров. Ствол его распиливали на толстые круги, которые служили в качестве досок для стола; обычно подставкой для такого круга служила колонка из слоновой кости. Столы эти стоили огромных денег. Плиний рассказывает, что Цицерон заплатил за такой стол полмиллиона сестерций (XIII.92). — Армянская голубая краска ценилась очень дорого: фунт ее (римский) стоил 300 сестерций (Pl.XXXV.47). Сурик стоил дешевле — фунт 70 сестерций (Pl.XXXIII.118), но был «очень почтенной, даже священной краской»: им красили лицо Юпитера в праздничные дни и триумфаторов на время триумфального шествия. — Мозаичные полы появились в Риме во II в. до н. э. Чрезвычайно интересны эти данные о роскошном убранстве загородных усадеб, которые являлись центром сельскохозяйственной деятельности и видели «сухое сено на чердаке, вино в погребке и зерно в амбаре». Раскопки под Помпеями дали нам возможность вочию познакомиться с тем, что представляли собой усадьбы богатых граждан такого скромного городка, каким были Помпеи (усадьбы Азеллиев, Попидия Флора, усадьба № 30). Не следует, однако, думать, что времена, когда считалось достаточным обмазать стены и пол составом из глины и резаной соломы, замешанным на отстое оливкового масла (Cat.128), прошли безвозвратно. У того же Аксия была другая усадьба, которую не видел «ни художник, ни мастер-штукатур».

⁸ Т. е. с Марсова Поля.

⁹ Лисипп — скульптор и Антифил — художник; знаменитые мастера, современники Александра Македонского.

¹⁰ Флументанские ворота — ворота в Сервиевой стене, приблизительно против Капитолия, около Тибра. Вблизи от них находился дом знаменитого оратора Гортензия. — Эмилианы — другой пригород в южной части Марсова Поля, впервые здесь упоминаемый.

¹¹ О дорогих реатинских ослух см. II. 8, прим. 2.

¹² Имеется в виду не простой штукатур, а мастер штукатурного дела, умеющий украсить карнизы и потолки лепной работой, а стенам придать вид выложенных из мрамора.

¹³ В подлиннике: «получаешь ли ты доход от овец (propter oves) или от птиц» (propter aves).

¹⁴ См. II, 5, прим. 5.

¹⁵ Сицилийский мед считался лучшим медом; корсиканский был настолько горек, что его невозможно было есть, потому что пчелы собирали его с полыни (Dioscor.II.102; Isid.XX.3).

¹⁶ О Магоне и Кассии см. I, 4, прим. 12.

¹⁷ О Соляной Дороге см. I, 14, прим. 4.

¹⁸ *Eruum* — угощение, которое устраивали магистраты или частные лица в общественном месте, например на форуме, и на которое приглашалось обычно большое число лиц. Поводом для устройства такого пиршества служили праздники, цирковые игры, триумфы, поминки. Триумфатор угощал граждан в храме Геркулеса. Лукулл, сираяля триумф, роскошно угостил жителей не только Рима, но и соседних деревень (Plut.Luc.37); на пиру, который Цезарь устроил по поводу своего триумфа в 46 г., угощалось все мужское население Рима и было поставлено 22 тысячи столов (Plut. Caes.55). — Ремесленники с давних пор объединялись в общества, коллегии; члены общества собирались время от времени для обсуждения своих дел, и собрания эти обычно сопровождалась устройством общего обеда. Кроме того, бедняки, желавшие обеспечить себе пристойное погребение, объединялись в «похоронные общества»; члены их платили ежемесячный взнос в кассу коллегии, и деньги эти шли на погребение членов коллегии, оказание помощи семье умершего и устройство поминального обеда.

¹⁹ Это сын Луция Лукулла, сражавшегося против Митридата; опекуном его был его дядя по матери, Катон Утический, который в полном соответствии со своим характером сразу же избавил своего подопечного от излишней роскоши, продав его пруды.

²⁰ Аппий язвительно намекает, что «подарком за учение» будет издохшая птица.

²¹ О приусадебном птицеводстве и крупных птицеводах того времени, упомянутых в этой главе, см. мои «Очерки...», стр. 152—154.

К главе 3-й

¹ Об авгурах см. III, 2, прим. 4.

² *Ornithon* — слово греческое: «птичник». О греческом влиянии на организацию промышленного птицеводства см. мои «Очерки...», стр. 152, 153.

³ М. Пуний Пизон Кальпурниан, консул 61 г.

⁴ Плиний помещает головлей — *mugiles* — в число морских рыб (XXXII.149), но, по словам Колумеллы (VIII.16.1), их уже давно приучили жить в пресной воде. Брэм пишет, что «головлевые рыбы живут как в пресных водах, так и в мелких морских бухтах, заливах и других береговых участках моря... Древние, хорошо знавшие этих рыб, соединили все виды, встречающиеся в Средиземном море, под одним общим именем „*mugiles*“» (А. Э. Брэм. Жизнь животных, т. VIII, СПб., 1895, стр. 167, 168). Что касается *squalus*, то Плиний относил его, следуя Аристотелю, к селажиям, т. е. к рыбам живородящим (IX.78), которые все живут в море. Что разумел под «*squalus*» Варрон, неизвестно. И Сторр-Бест, и Гупер перевода не дают.

⁵ Знаменитый английский филолог XVIII в. Бентли полагал, что Умидий, здесь названный, одно и то же лицо с Умидием, прославленным богачом и скупцом, о котором вспоминает Гораций (Sat.I.1.95—100). — Л. Марций Филипп — консул 91 г. Цицерон хвалил его многочисленные острооты (Brut.47.173; de or.III.1). Колумелла, рассказывая о том же эпизоде

за столом у Умидия, замечает, что и поступок, и слова его свидетельствовали только о его пристрастии к роскоши (VIII.16.3). Рыбные пруды Филиппа Варрон упоминает далее в числе знаменитейших.

⁶ Сергей Ората — изобретатель отопления теплым воздухом в банях (Val.Max.IX.1.4; Pl.IX.168) — «первый устроил в заливе у Бай садки для устриц, еще при ораторе Крассе до начала Марсийской войны [90 г.]. Побудило его к этому не чревоугодие, а корыстолюбие: эта выдумка приносила ему большие доходы» (Pl.IX.168). Любимой рыбой его была *aurata* (в народном произношении *orata*), очень вкусная рыба, живущая в Средиземном море и в озерах, соединяющихся с морем (*Sparus auratus* Val. — дорада); по словам Марциала, вкусны были только дорады, питавшиеся ракушками из Лукринского озера (XIII.90): так назывался морской залив у Бай, отделенный плотиной от моря. Ората разводил устриц на продажу и ловил дорад для себя. — Лициний Мурена — претор 113 г. до н. э., стал первый устраивать садки для мурен. Мурены — вид морского угря, длина которого достигает иногда 1.5 м, а вес доходит до 6 кг. Мясо мурены очень ценилось в Риме; считается очень вкусным и поныне. — Лукулл — талантливый полководец, прославившийся своей мягкостью в управлении провинцией Азией (84—80 гг. до н. э.), своим богатством и своей образованностью. «Он прорыл гору возле Неаполя, затратив на это больше денег, чем на постройку усадьбы, и пустил морскую воду [в свой пруд]... По смерти его из этого пруда продали рыбы на 40 000 сестерций» (Pl.IX.170). — Гортензий — знаменитый оратор, современник Цицерона.

К главе 4-й

¹ «После первых рядов» (*principes* — солдаты первого ряда в строю); Варрон употребляет эти слова в смысле «не с начала».

² Фирцеллия — тетка Варрона с материнской стороны (см. III.2.14—15).

³ Под Казином было много масличных плантаций, а дрозды очень любят маслины.

К главе 5-й

¹ Перистилем назывался дворик, окруженный портиками. Черепицей можно было покрыть эти портики, череница и была в это время обычным кровельным материалом в Италии, а дворик затянуть сеткой, чтобы птицы не вылетели. Такой перистиль, однако, никак не вяжется с описанием птичника в § 3. По всей видимости, этот последний (полутемное сводчатое помещение) предназначался для дроздов, которых держали на продажу; перистиль, затянутый сетью, устраивали «удовольствия ради»: очень вероятно, что у Лукулла под Тускулом был именно такой.

² Слово это значит «раковина», затем «винт». Тут, по-видимому, оно употреблено (единственный раз) в смысле «дверь-вертушка».

³ Варрон различает *turdi* (мужской род) и *merulae* (женский род). Грамматические категории не соответствуют настоящему полу птиц; *turdi* — это самки, а *merulae* — самцы: это заявление Варрона совершенно не соответствует действительности. Переводя *turdi* — «дрозды» и *merulae* — «деребы» (вид дроздов), переводчик только хотел сохранить разницу грамматического рода, имеющуюся в подлиннике.

⁴ Эти строки позволяют определить вид дрозда, которого имеет в виду Варрон: это *Turdus pilaris* L.; он прилетает в Италию в октябре и улетает на север в мае.

⁵ Понтия (теперь *Isola di Ponza*) — остров в Тирренском море, в 12 км от берега; вокруг него находилась целая группа маленьких островков, которые назывались «Понтийскими островами». Пальмария (теперь *Palma-*

guola) — в 3 км к западу от Понтии; Пандатерия (теперь Vandotena) — островок в 15 км к востоку от Понтии.

⁶ Постараемся представить себе помещение для дроздов, описанное Мерулой. Это каменное сводчатое строение с малым количеством окон-щелей и низенькой дверью-вертушкой: такая дверь не дает возможности птице улететь и не впускает в птичник света, так как хозяин убежден, что в густых сумерках дрозды не заскучают по свободе и вольному воздуху. В стены вбито множество кольев, на которые садятся птицы; кроме того, к стенам приставлены лестнички, служащие для той же цели, и расставлены клетки, разделенные на этажи «в дополнение к жердям». Хозяин, по-видимому, стремился густо набить свой птичник. Можно думать, что в этих условиях птицы гибли во множестве; сторож должен был складывать мертвых в одном месте и отчитываться в их числе перед хозяином: хозяин боялся, что сторож начнет сам продавать дроздов, объясняя их убль гибелью птиц.

Интересно посмотреть, насколько усовершенствовалось птицеводство за промежуток времени, отделяющий Варрона от Колумеллы. У Колумеллы (VIII.10) дрозды живут в помещении, которое залито солнцем и не загромождено; чтобы пойманные птицы не скучали, к ним пускают ручных дроздов. У Варрона дроздов кормят винными ягодами, которые толкут с полбяной мукой вместе; и Колумелла не отказывается от этого корма, но он советует разнообразить пищу и прибавлять к просу семени и листья растений, которыми эта птица привыкла питаться на воле. Вода у Варрона стоит в узеньких открытых желобах, у Колумеллы — в закрытых посудинах (о них подробнее см. в главе о курах).

⁷ «Птичник устроил первый М. Лений Страбон, всадник, в Брундизии и держал в нем самых разных птиц. По его примеру мы начали держать под занорм существа, которым природа назначила в удел небо» (Pl.X.141). О птичнике Лукулла см. III. 4. 3.

⁸ О птичнике Варрона под Казином писали много, стараясь как-то его реально представить, — задача трудная, ибо описание любой постройки без ее плана дает широкий простор для множества предположений без всякой уверенности в том, что они верны. Трудность «восстановительных работ» еще увеличивается, если, как в данном случае, текст сбивчив, неясен, а иногда просто испорчен. Поэтому неумудрено, что птичник Варрона восстанавливали на много ладов. Наиболее убедительным представляется реальный комментарий к этому сооружению Варрона, которым он, видимо, очень гордился, сделанный совместно архитектором Шарлем Дез Анж и классиком-филологом Жоржем Сером (Ch. des Angès et G. Seure. La volière de Varron. *Révue de Philologie*, 1932, t. VI, стр. 217—290). Следую их комментарий.

⁹ Горная речка, сильно разливавшаяся при таянье снегов и при зимних ливнях и потому заключенная в каменную набережную.

¹⁰ Из «городской половины» в «деревенскую».

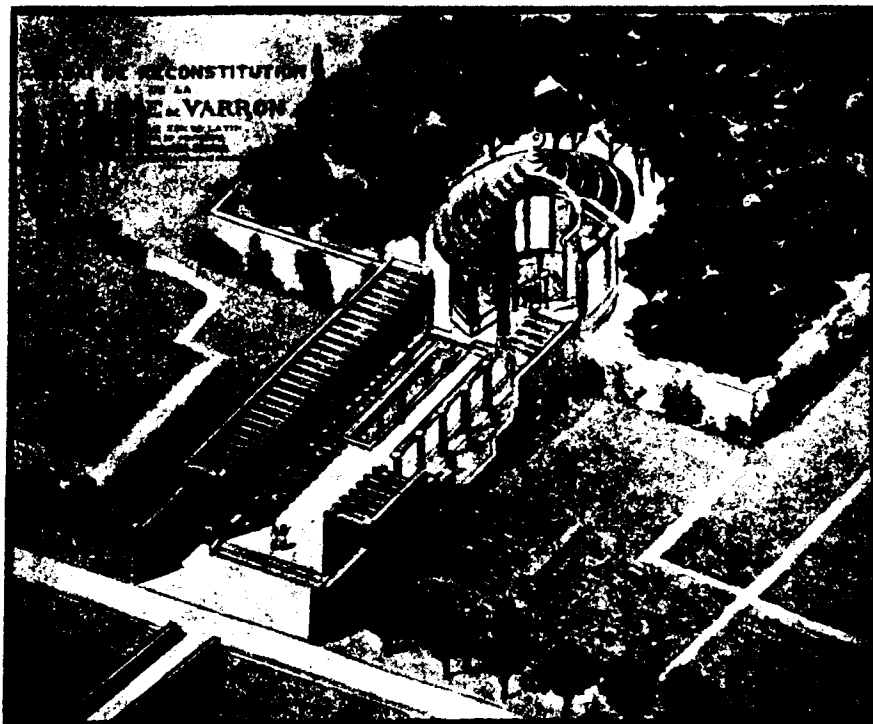
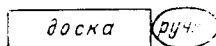
¹¹ 950 шагов — 280 м. — Что представляло собой «место, посвященное Музам», сказать нельзя: может быть, это была открытая беседка, может быть, домик или павильон, закрытый с трех сторон.

¹² «Дорожка», перевожу этим словом латинское *ambulatio*, означающее «место для прогулки, над которым нет крыши»: считалось, что гулять по таким местам здоровее, чем под крытыми портиками (Cels.I.2). Дорожка, по которой прогуливались, шла, конечно, не по открытому для жаркого южного солнца месту: у Петрония (126) она проходит по лавровой роще; у Плиния Младшего — среди кустов (V.6.17). И у Варрона, вероятно, ее осеяли деревья.

¹³ Т. е. в сторону не усадьбы, а имения, полевых угодий, принадлежавших к этому имению.

¹⁴ Стены эти огораживают не самый птичник, а место, где он находится.

¹⁵ Она имела такую форму:



Птичник Варрона (реконструкция).
(*Révue de Philologie*, 1932, t. VI, стр. 240).

¹⁶ Как доска для письма вставлена в рамку, так и площадка, где находится птичник, обрамлена, как увидим дальше, портиками по бокам и какими-то сооружениями сверху и внизу: может быть, колоннадой, может быть, невысокой стеной. Дальше идет место, безнадежно испорченное.

¹⁷ Сер предложил вместо *caveae* — «клетки» — рукописи читать *caviae* — «заставы», «барьеры», справедливо указывая, что клеткам в том месте, о котором говорит здесь Варрон, быть невозможно.

¹⁸ Перед нами портик обычного вида с одним рядом колонн, за которым находилась стена. Между этой стеной и колоннадой посажены кустики.

¹⁹ Конопляная сеть затягивает весь портик: от верха стены до архитрава колоннады и оттуда вертикально падает вниз до самого пола. Стилобат — высокая платформа, на которой стоят колонны.

²⁰ Стоит отметить, что породы этих птиц Варрона совершенно не интересуют: он занят постройкой, а не ее обитателями.

²¹ Об этом «здании Катугла» (*aedes Catuli*) мы не имеем никакого представления. По словам Варрона, это здание представляет как бы некое подобие круглого храма Весты с наружной колоннадой. Варрон в своем *tholos* заменил стены внутренней колоннадой.

²² Выражение неточное. Роцца идет, конечно, за внешней колоннадой; между тем речь только что шла о внутренней, и слова «за этими колоннами» естественно отнести именно к ней.

²³ *Abies* — это красная сосна. Плиний (XVI.195) пишет, что из этого дерева делали мечты и рей. О основных колоннах читаем только у Варрона.

²⁴ Вряд ли можно было что-нибудь хорошо разглядеть через такую сетку, тем более находясь от нее на расстоянии 5 футов.

²⁵ Мы плохо знакомы с сетями античных птицеводов. Люазель (*G. Loisel. Histoire des Ménageries*, I, стр. 95) полагает, что петли в этих сетях были относительно широкие, но делали их из мягких, очень тонких, но крепких ниток. Птица, попавшая в эти петли, «увязала» в них, если можно так выразиться. Эта тонкая сеть давала зрителю иллюзию того, что птицы находятся на свободе: этого эффекта и добивался Варрон.

²⁶ Невозможно представить себе в промежутке между двумя рядами колонн некое сплошное ступенчатое сооружение: оно закрыло бы частично колоннаду и всякий вид на роццу. «Театр» для птиц представлял собой ряд консолей, приделанных к колоннам одни над другими, причем разной длины: внизу самые длинные, чем выше, тем короче.

²⁷ Словом «скамья» я перевожу, следуя Серу, «*falere*». Последнее встречается четырежды только в этом параграфе и только у Варрона. «*Falere*» похоже на имя прилагательное среднего рода от существительного «*fala*»; Варрон любил заменять имена существительные произведенными от них субстантивированными прилагательными среднего рода. «*Fala*» же означает: 1) башни, которые строят осаждающие для защиты от оружия и всяких снарядов, которые мечут со стен; 2) деревянные подмости для зрителей. В нашем тексте «*falere*» — место, где для гостей устроены лежа. Поскольку это ротонда, то «*falere*» представляет собой подобие сцены, той полукруглой софы, которая бывала в римских столовых. Иногда это каменная платформа в виде полукруглой скамьи (*R. Cagnat—V. Chapot. Manuel d'archéologie romaine*, 1912, стр. 288 и 360, fig. 151 и 192; D.-S. fig. 1703).

²⁸ *Culcita* — это подушки, которые клали прямо на землю и на них ложились: нечто вроде небольшого тюфика.

²⁹ Эти сводчатые ниши над прудом напоминали Варрону доки, куда заводили суда для починки, и дали ему повод для шутки, которую создает пояснение слова «*navalia*» (верфи, доки) словом «*stabula*» (утинное гнездо). Читатель, связавши со словом «верфь», «док» представление о чем-то большом, вдруг оказывается перед порами для уток.

³⁰ Перед нами стол, но стол необычный: он вертится и доска в нем не покрывает всей его круглой поверхности. Доска эта «полая, как тамбурин», идет по кругу вместо обода; она снабжена высокими краями, не позволяющими вываливаться посуде с кушаньями и напитками, которую туда ставят. Сравнение с тамбурином помогает представить себе это устройство.

³¹ Коврами было завешен мраморный выступ над скамьей. Обычно ковры вешали по вертикальной стороне лежа, но в данном случае это было невозможно, так как тут были выбиты гнезда для уток, которым нужно было предоставлять свободу входа и выхода.

³² На ободке-доске, где стояли кушанья и напитки, помещались и сосуды, одни с горячей, другие с холодной водой, снабженные кранами. Раб поворачивал колесо, и нужный сосуд оказывался перед гостем.

³³ Купол, о котором идет речь, покрывает не всю ротонду, а только внутреннюю колоннаду (сосновые тонкие колонны). Купол этот представляет собой полушарие (*hemispherium*), экватор которого покоится на этих колоннах. По размерам он должен совпадать с кругом, который образует их антаблемент. Такое расположение обязательно для экваториального круга (*infimum hemispherium*; *hemispherium medium* — это полюс полушария), иначе зрители не увидят ни его, ни звезд.

³⁴ Варрон знал, что это одна и та же звезда, называемая только разными именами. Механизм действовал одинаково днем и ночью, хотя ночью вряд ли кто сидел в птичнике.

³⁵ По словам Витрувия (I.6.11), этого уроженца города Цирры (в Фокиде, Греция) звали Андроником.

³⁶ Это ветры, дующие с четырех сторон горизонта и из промежутков между ними. Они были изображены на афинской «Башне Ветров». Каждый ветер у Варрона был также представлен особой фигурой, которую стрелка действительно «трогала».

³⁷ Парра — вероятно, пугач; во всяком случае птица злоеющая. Прозвище, подходящее человеку, принесшему злую весть.

³⁸ Т. е. человек, которого приставляли к охране урн лица заинтересованные, в первую очередь, конечно, сами кандидаты. Подобное поведение «стража» бросало, конечно, тень на самого кандидата. См. III.2, прим. 2.

К главе 6-й

¹ Фирцеллий Павон: Pavo — «павлин».

² Планазия (теперь Pianosa) — крохотный островок недалеко от острова Ильвы (теперь Эльба).

³ Аристотель, Колумелла и Плиний говорят, что спаривать павлинов надо в трехлетнем возрасте. Того же мнения придерживаются и современные птицеводы.

⁴ Современные птицеводы никак не могут объяснить, почему павлиний помет мог годиться как подстилка для цыплят.

⁵ Гортензий не знал удержку в своих прихотях; деревья у себя в парке он, например, поливал вином. — Об авгурах см. III.2, прим. 4.

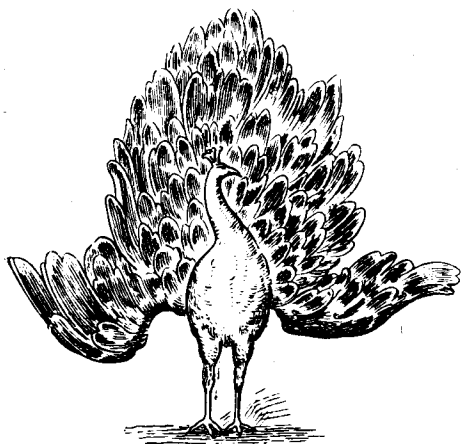
⁶ Макробий (II.9), писавший в начале V в. н. э., привел это место, сопровождает его следующим замечанием: «Не только удивительно, но просто стыдно, что павлиньи яйца продавались по пять денариев; сегодня они не то что стоят дешевле, а их вообще нет в продаже».

⁷ Павлинов начали «держатъ стадами» с середины I в. до н. э., когда с легкой руки Гортензия павлинье жаркое стало модным и обязательным кушаньем всякого парадного обеда. Мода сразу взвинтила цены на павлинов: взрослая птица стоила на рынке 200 сестерций, павлинье яйцо — 20. Стадо павлинов на промышленной птицеферме не превышало 100 штук; хозяин обычно выращивал 200 штук молодняка и такое же количество птиц отправлял на продажу, выручая за них 40 000 сестерций. Стоит вспомнить, что, по вычислениям Грецина, доход с югера виноградника равнялся 6% с затраченной суммы (Col.III.3.10), а с югера поля, засеянного пшеницей, хозяин получал при обычном урожае в сам-10 (Varr.I.44.1) и при нормальной цене на зерно в 3 сестерции за модий, 150 сестерций. Если рыночная цена павлина была 200 сестерций, то, даже отчислив на его содержание половину этой суммы, что вряд ли вероятно, мы получим чистого дохода 100 сестерций, т. е. 50% прибыли.

Получить от сотенного стада доход в 40 000 сестерций казалось мало-мало некоторым хозяевам. Сей, например, и Луркон требовали от прокуратора (стоит отметить, что руководство «павлиньим отделением» птицефермы поручалось особому лицу, которое по своему значению стояло выше

вилаки) трех цыплят от каждой павы. Абукидий говорил о приросте стада в три штуки на каждую паву как об определенной хозяйственной практике некоторых ферм. Тут в объяснении нуждается и дважды повторенный глагол «требовал» (*exigerat*), когда речь идет не о двух, а о трех цыплятах, и самая эта цифра «три», когда, по свидетельству Колумеллы, павы кладут в год 11—12 яиц (*VIII.11.10*), и, следовательно, от стада в 100 штук (80 пав и 20 павлинов) хозяин получал самое меньшее около девяти сотен яиц, а Сей, кроме того, прикупал еще павлиньи яйца на стороне и подкладывал их под курицу. Почему такое незначительное число цыплят, как три, надо было «требовать», тогда как имелась как будто полная возможность получить выводки и вдвое больше?

Ответ на этот вопрос следует искать у Колумеллы: все объясняется трудностью ухода за молодыми павлинами;



Павлин (фреска из Помпей).

(O. Keller. Antike Tierwelt, Bd. II, рис.42).

Колумелла подробно рассказал о нем (*VIII.11.14—15*). В течение шести месяцев выводок кормили кашей, мелко нарезанным пореем, мягким, сильно отжатым второгом и кузнечиками, которым предварительно обрывали попки. Надо представить себе, сколько труда и хлопот следовало положить, чтобы выкормить и вырастить поголовье в 200 штук! Если прижимистому хозяину птицефермы желательно было увеличить это стадо еще на 100 голов, причем можно не сомневаться, что к рабочему персоналу своей фермы он ни одного человека не добавлял, то слово «требовать» становится вполне понятным и очень уместным: работы птичникам прибавлялось на целую треть против прежнего.

Помещение для павлинов у Варрона описано скупно и неясно. Павлины живут в «сводчатом павильоне» (*testudo*), где размещены «отдельные гнезда», оштукатуренные, чтобы «ни змея, ни хищное животное не могли туда пробраться»; перед павильоном имеется свободная площадка, куда птица выходит «поесть в солнечные дни». У Колумеллы все проще, дешевле и рациональнее (*VIII.11*). Никакого сводчатого павильона; в лесу выбирают полянку, густо заросшую травой, и обводят ее глинобитной стеной; получается уединенный огороженный двор, который превращают в перистиль, пристраивая вдоль трех стен портики. Под ними ставят плетенные из тростника клетки (не каменные гнезда, как у Варрона!), где птицу кормят (каждую семью, состоящую из 5 пав и одного павлина, отдельно). Ночуют птицы все вместе в «стойле» (*stabulum*), которое вместе с камеркой сторожа «прислоняют» к четвертой стене двора; в «стойле» набивают ряд колышков, заканчивающихся вверху острыми треугольниками; на эти колышки надевают четырехгранные просверленные в соответствующих местах жерди, которые и служат насестами для павлинов. В «стойле» поддерживается строгая чистота, и на время уборки жерди снимаются. Тут же павы и несутся; во время кладки яиц «стойло» густо устилают соломой, чтобы яйца, спесенные птицей, сидящей на насестах, не разбились, упав на твердый земляной пол.

Сей кормил павлинов ячменем (по модию в месяц) и еще увеличивал эту порцию, когда павы начинали нестись. Колумелла рекомендовал «для разжигания страсти у обоих полов» корм более дешевый: чуть подсушенные бобы, которые надлежало давать каждый пятый день по 6 киафов каждой птице (VIII.11.6). Что получали павлины в остальное время? Им «посыпают немного ячменя» (VIII.11.2) и выпускают пастись (VIII.11.15).

Итак, хозяину, современнику Колумеллы, содержание павлинов обходилось значительно дешевле, чем Сею и Луркону. Судя по литературе I в. н. э., мода на павлинье жаркое начала значительно ослабевать: уже Гораций протестовал против бессмысленной роскоши, требовавшей павлиньего жаркого (Sat.I.2.116; II.2.23); Марциал возмущался жестокостью людей, которые могут отсылать такую прекрасную птицу повару (XIII.70).

Стоит отметить, что среди кушаний, которыми угощается у Ювенала богатый его патрон, павлина нет (V.25—125). Страницы Колумеллы, посвященные павлину, позволяют думать, что к середине I в. павлин постепенно стал превращаться из доходной статьи в предмет эстетического созерцания, в украшение усадьбы, где хозяин «ищет удовольствий, которые усладили бы его деревенское уединение» (VIII.11.1). Само собой разумеется, что спрос на павлинов должен был значительно ослабеть, хотя любители «удовольствий» продолжали их покупать, и для хозяина имело смысл держать эту птицу стадом, хотя бы и не очень большим. Напрасно, однако, искали бы мы у Колумеллы сведений о рыночных ценах на павлина или о величине павлиньих стад, которая рекомендуется хозяину как норма. Вот единственный вывод, который можно сделать, сравнивая Варрона с Колумеллой: павлин перестал быть предметом того исключительного внимания, которым он пользовался во времена Сея; он перестал давать тот доход, который приносил Сею и его современникам. Изменение его экономической ценности повлекло за собой перемену во всем образе его жизни: тратиться на него стали меньше, а житья ему стало выгоднее. Так как теперь он все реже и реже появляется на столе в качестве парадного блюда, то его нечего закармливать и держать преимущественно взаперти; он разгуливает на свободе и значительную долю пищи добывает себе сам: насытается. И жилье ему устраивают теперь более дешевое: камни, из которого раньше складывали его «сводчатый павильон» и гнезда, заменили необожженным кирпичом и тростником.

К главе 7-й

¹ Голубятня названа греческим словом «peristerotrophion», которое составлено из двух: *peristeris* — «голубь» и *trophion* — «кормлю», «вскармливаю». Далее встретится другое греческое название голубятни — *peristeron*.

² «Обитатели скал» — дикие голуби (*Columba livia* L.), во множестве живущие в Италии. Варрон производит по своей фантастической этимологии слово «*columba*» («голубь») от *columen* («верхушка, конек крыши»).

³ Стены голубятни штукатурили составом из извести, песка и толченого в мелкий порошок мрамора.

⁴ Голубиный помет высоко ценился как удобрение со времен Катона. Его разбрасывали, как семена, по ниве, огороду или лугу. Греческие агрономы ставили его среди удобрений на первое место: Колумелла держался того же мнения (Cat.36; Barr.I.38.1; Coll.II.14.1).

⁵ Обычный способ ловли птиц в древней Италии с помощью клея: им смазывали ветку дерева или вообще какой-либо предмет, возле которого клали как приманку корм.

⁶ Голубиная почта известна была римлянам. Во время гражданской войны, начавшейся после смерти Цезаря, Децим Брут, которого Антоний осаждал в течение четырех месяцев в Мутине (город по сю сторону реки По), посылал письма консулам, привязывая их к лапкам голубей (Pl.X.110).

⁷ И Сторр-Бест, и Гупер переводят: «корм им дают в маленьких корытцах, стоящих кругом стен; их наполняют снаружи через трубки». Невозможно конкретно представить себе такую операцию: сколько дыр надо пробить в голубятне, чтобы насыпать снаружи корм, и как можно распределить этот корм по отдельным корытцам, не видя, куда сыпать? Все происходило, конечно, иначе: голубятник выносил корытца на двор, на свету протирал их и сыпал в них корм через трубочку, что позволяло равномернее распределить зерно по корытцу.

⁸ Такой же варварский способ рекомендует и Колумелла (VIII.8.11—12). Откармливать для стола голубей, дроздов и павлинов начали, по-видимому, относительно поздно: Катон (89—90) говорит об откармливании только кур, гусей и горлиц.

⁹ Букв. «становятся белыми». Сторр-Бест, дающий такой перевод (Гупер тоже), высказывает изумление, каким образом обильная кормежка может сообщить белую окраску. *Candidus* употребляется, однако, и в смысле «блестящий», «сверкающий», «лоснящийся» (*candida sidera, candida stella*).

¹⁰ Плиний писал, что «многие сходят с ума по голубям... рассказывают об их знатности и происхождении» (X.110). Если родословная голубя была известна, то это значит, что хозяин подбирал определенных птиц и спаривал их, рассчитывая получить потомство, которое отличалось бы качествами, для хозяина наиболее желательными. Весьма вероятно, что такой сознательный подбор родителей производился в течение ряда голубиных поколений.

¹¹ Под «оборудованием» голубятни (*instrumentum*) разумеется не только недвижимый инвентарь, но и сами голуби.

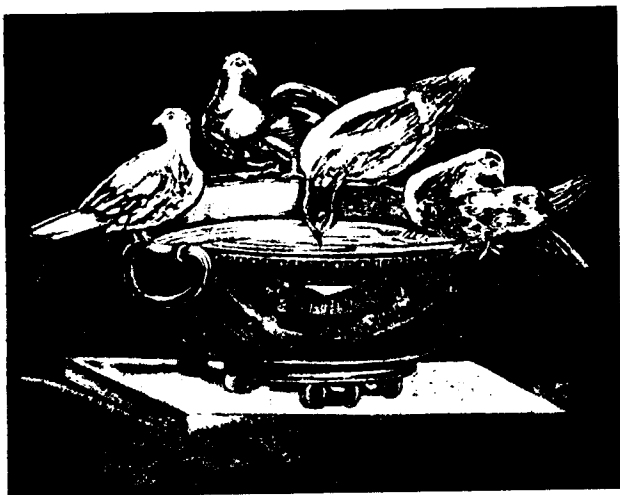
¹² Пика, подсмеиваясь над жадностью Аксия, советует ему сначала поучиться у какого-нибудь голубятника в городе, как получать от голубей «жирную прибыль» — пол-асса (грош), и затем уже заняться их разведением в деревне. Юкунд предложил конъектуру, при которой пропадает веселая насмешка, но смысл становится яснее: «ex asse semissem», т. е. «с асса пол-асса»: такая прибыль (50%) может всерьез называться «жирной».

¹³ Голубей в древней Италии любили, любовались ими, и только голубей, которые не давали потомства и были некрасивы по оперению (Col.VIII.8.11), откармливали для стола. Голубей держали и в Риме, и в подгородных имениях, и в глухих усадьбах, причем, бывало, огромными стаями. Варрон упоминает голубятни, где жило по пять тысяч голубей; такое население голубятен встречалось часто (III.7.2). Существовала целая отрасль керамической промышленности, занятая выделыванием гнезд для голубей. Варрон оставил описание такого гнезда: это был полый шар размером в три ладони по всем трем измерениям и с таким узким отверстием, чтобы голубь мог только пройти в него. В Риме на чердаках и по крышам размещали иногда такое количество этих гнезд, что стоимость подобной «голубятни» один из участников Варронова диалога определил в 100 000 сестерций (III.7.11).

Голуби были дорогой птицей: обычная стоимость пары голубей в Риме конца республики была 200 сестерций (столько же стоил и один павлин); бывали голуби, цена на которых поднималась до тысячи сестерций и выше. Существовала специальная торговля голубями, и люди, которые ею занимались, знали, разумеется, где и на чем можно нажиться: торговец, дававший Л. Аксию тысячу сестерций за пару голубей, рассчитывал, конечно, на хороший барыш от их перепродажи. В середине I в. н. э. пара голубей

стоила 4 тысячи (за эти деньги можно было купить 4 югера земли: Col.III.8.8), и Колумелла, сообщивший об этом «на позор своему времени» (VIII.8.10), тем не менее рассудительно заметил, что хорошему сельскому хозяину стоит обзавестись голубями» (VIII.8.1). Его советы относительно ухода за птицей отличаются от Варроновых, и нельзя не признать, что они рациональнее.

Начнем с голубятни. На мозаике из Пренесте есть изображение голубятни: это круглая башенка с крышей конусом, в которой проделано множество маленьких круглых отверстий, идущих параллельно рядами. Здание это может служить иллюстрацией к голубятне, которую имел в виду



Голуби (Помпей. Мозаика).

Варрон: у него тоже идет речь о сводчатом павильоне с «пунийскими или более широкими окошками», которые «забирают сеткой с обеих сторон» (III.7.3). Так как пренестинская мозаика изображает сцены, происходящие на берегу Нила, то можно думать, что на ней дана как раз египетская голубятня с «пунийскими окошками». Можно не сомневаться, что у Варрона в голубятне стояли вечный полумрак и вечная духота: сквозь крохотные, затянутые двойной сеткой отверстия света и воздуха проходило мало. У Колумеллы голубятня, наоборот, залита светом, потому что единственное окно ее было проделано с той стороны, откуда солнце должно освещать птичник большую часть дня даже зимой. Перед окном раскинулась обширная площадка, затянутая сеткой. Сюда голуби выходят погреться на солнце, и тут же имеется для них выход, через который они могут вылетать на волю.

У Варрона гнезда для голубей (упомянутые выше полые шары) расставлены на полках, которые идут рядами от пола до самого свода. У Колумеллы гнезда вырезают в стенах: получаются ряды маленьких полукруглых ниш, которые можно вычистить и вымести; гнезда у Варрона недоступны для человеческой руки, да и метелкой вычистить их трудно. Если у хозяина нет подходящего материала для стен, то Колумелла советует поставить голубям деревянные ящики и только в крайнем случае обзаводиться глиняными гнездами.

Лучше составлен у Колумеллы и список кормов: они и дешевле, и больше соответствуют вкусу голубей. Варрон рекомендует давать им просо, пшеницу и ячмень, а из бобовых — горох, фасоль и чину. Колумелла заменил горох и фасоль более дешевыми кормами: мелкой чечевицей и викой (она и в настоящее время считается лучшим кормом для голубей); просо он оставил, но вместо чистой пшеницы (ненужная роскошь) посоветовал сыпать голубям пшеничное озадье — корм хороший и очень дешевый.

Чем объяснить эти различия и эти усовершенствования? Голуби для итальянского хозяина были, конечно, не только предметом развлечения; держать 5000 голубей и вложить в свою голубятню 100 000 сестерций деловитый и практичный хозяин (а таких было большинство) мог только при твердом расчете на верный и хороший барыш. Что в расчете этом он не обманывался, мы видели: цена, в которой стояли голуби, обещала жирный доход. Разведение голубей, так же как и куроводство, принадлежало к тем отраслям промышленности, которые продолжали развиваться и после Сея. Сей со своими последователями и единомышленниками учился у греков и в увлечении своими учителями, которые конечно многому научили новичка-птицевода, слушался их во всем и пренебрегал местной практикой. Следующие поколения птицеводов были уже значительно свободнее от этого преклонения перед авторитетом греческих наставников: куровод начинает прислушиваться к советам «опытных старушек» — птичниц; голубятникам старики, по старому русскому выражению, «охотившиеся за голубями», сообщили ряд советов, которые и упростили, и улучшили содержание голубей. Десятилетия, протекшие между Варроном и Колумеллой, переделали до некоторой степени греческие уроки на итальянский лад.

К главе 8-й

¹ Рассказ Колумеллы о горлицах почти целиком совпадает с рассказом Варрона. Он только предлагает заменить им пшеницу просом, «потому что они его особенно любят». Временем, наиболее удобным для откармливания этой птицы, он также считает лето: зимой она почти не жиреет, а кроме того, в зимнее время ловится столько дроздов, что цена на горлиц падает (VIII.9.1—4).

К главе 9-й

¹ Т. е. курятник; птичий двор (βρνισ, βρνιδος — «птица»; βροσχη — «кормлю», «содержу»).

² Колумелла называл делосцев специалистами по части куроводства (VIII.2.4). Плиний пишет, что они первые стали откармливать кур (X.139).

³ Петухов, по словам Колумеллы, кастрируют, прижигая каленым железом ширы (VIII.2.3); то же говорит и Плиний (X.50). Откуда пошло убеждение в эффективности этой операции, непонятно. Аристотель пишет о прижигании каленым железом гузки у петуха (h.a.IX.246).

⁴ Сравним экстерьер курицы и петуха у Варрона и Колумеллы:

Варрон (III.9)

Колумелла (VIII.2.7—10)

Курица

fecundas
rubicunda pluma
nigris pinnis

robii coloris

imparibus digitis

nec paribus unguibus

magnis capitibus
crista erecta
amplas

magnis capitibus
rectis rutulisque cristulis
quam amplissimae
albis auribus

Петух

salaces
lacertosi
rubenti crista

rostro brevi, pleno acuto
oculis ravis aut nigris
palea rubra subalbicanti

collo vario aut aureolo

cruribus brevibus
feminibus pilosis

unguibus longis
caudis magnis
frequentibus pinnis

—
—
qui elati
ac vociferant saepe
qui animalia quae nocent
gallinis non modo non
pertimescent, sed etiam
progallinis propugnans

salacissimos
lacertosaeque similes brachiis alae
sublimes sanguinaeque nec obliquae
cristae

brevia et adunca rostra
ravidis vel nigrantes oculi
paleae ex rutilo albicantes quae velut
incanae barbae dependent
iubae variae vel ex auro flavae per
colla cervicesque inumeros dif-
fusae

robusta crura nec longa
vasta femina et frequenter horentibus
plumis hirta
infestis velut sudibus nocenter armata
procerissimae caudae

—
maximae candidissimaeque aures
latae et musculosa pectora
ut sint elati

ad saepius canendum prompti
nec qui facile terreantur: nam interdum
resistere debent et protegere
coniugalem gregem; quin et attol-
lentem minas serpentem vel aliud
noxium animal interficere

Ясно, что и Варрон, и Колумелла описывают одну и ту же породу.

⁵ Танагра — городок в Беотии; Халкида — город на Эвбее; относительно мидийских кур см. III.9.19.

⁶ Под курицу подкладывали обязательно нечетное число яиц: у Колумеллы, самое большее, 21 яйцо. Здесь мы имеем у Варрона одно из тех немногих мест, где явна зависимость его и современных ему птицеводов-промышленников от греческих источников: только крупная курица греческой породы (греки разводили больших бойцовых кур) могла закрыть собой 25 яиц.

⁷ «Опытом дознано, что встряхивать яйца нельзя: из таких яиц цыплят не вылупится, потому что смещены жизненные вены» (Pl.X.152); «vitales venae» — то же выражение, что и у Варрона. Плиний (X, 148) пишет, что в середине желтка есть как бы капля крови, которую считают сердцем цыпленка в зародыше. Аристотель полагал, что из этой капли и развивается цыпленок; находится же она в белке, а желток служит для питания зародыша (h.a.VI.3).

⁸ Курица издавна и прочно утвердилась в Италии. Ее держали в городе и в деревне, разводили в рабовладельческих усадьбах и по крестьянским дворам. Это была единственная птица, держать которую в большом количестве Катон обязывал свою ключницу (143.3). Курятина издавна принадлежала к числу любимых кушаний итальянца, и это, разумеется, определило положение курицы на рынке. Мы не знаем рыночной цены на кур ни во времена Варрона, ни во времена Колумеллы, но конечно курица всегда стояла дешевле павлина. Павлин появлялся только на

столе у богатых людей; куриные яйца подавались за самым непрхотливым обедом, и курица была доступна человеку с очень скромными средствами (Hor.Sat.II.2.24). Какое же место в системе промышленного птицеводства занимает курица у Сея и у других птицеводов-промышленников конца республики и сохранила ли она его за собой и к середине I в. н. э., когда о куроводстве писал Колумелла?

Сей знал, что курица всегда найдет потребителя, и держал на своей птицеферме куриное стадо в 200 штук. При организации «куриного отделения» на началах рациональных (*adhibita scientia et cura*) и в целях промышленных (*ut cariat magnos fructus*) Сей, несмотря на основательное знакомство с курицей, естественное для каждого италийского хозяина, не мог обойтись без помощи своих греческих учителей; прежде всего ему надо было посоветоваться с ними относительно устройства курятника. Судя по данным, которыми мы располагаем, в тех хозяйствах, где кур держали для себя, а на продажу только между прочим, особого помещения не устраивали; они ютились где-нибудь в дровянике, в конюшне, в каком-нибудь сарайчике. Так было, например, в богатой усадьбе № 13 под Боскореале. Даже в харчевне, лежавшей на дороге из Помпей в Нолу (усадьба № 28), где кур разводили в большом количестве, особого курятника не было, а между тем он требовался куроводу-промышленнику в первую очередь. Тут-то и надлежало ему послушать греческих наставников и применить на практике их указания.

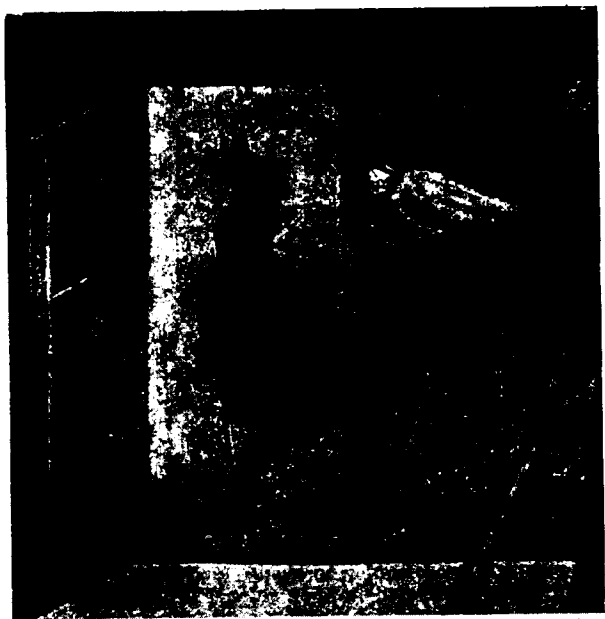
Варрон довольно обстоятельно описал устройство такого курятника. Сравним его рассказ с рассказом Колумеллы.

Колумелла оставил описание курятника, который рассчитан тоже на 200 штук птицы, т. е. на куроводство промышленное, связанное, как и у Сея, с городским рынком (VIII.3.1—7). Он прямо говорит, что «заботы и расходы имеют смысл только в таких местах, где цены на кур стоят высокие» (VIII.4.6). Мы имеем поэтому право, сравнивая оба курятника, судить о тех изменениях, которые произошли за сто лет в этой области птицеводства.

Так же как и у Варрона, это вытянутое в длину помещение, обращенное к востоку. Стены его тоже сложены из очень толстого камня, и в них тоже вырезаны гнезда для птицы. На этом, однако, все сходство и кончается. Прежде всего курятник у Колумеллы занимает площадь в полтора раза большую: у Варрона под него отведено 100 кв. футов; у Колумеллы — 168. Он делится не на два, а на три помещения; птичник живет не «на отшибе», а в непосредственной близости от его стада: его каморка, представляющая собой правильный куб ($7 \times 7 \times 7$), расположена в середине курятника; по обе стороны ее находятся более просторные и более высокие помещения (длиной 12, шириной 7, высотой 12 футов), предназначенные для кур. Каждое из них перегороджено толстым настилом на два этажа, сообщающиеся между собой с помощью бревнышек, в которых вырублены ступеньки (доски настила к наружной стене вплотную не подходят). Высота первого этажа 7 футов; второго — 4 фута. В верхнем этаже каждого помещения на восток проделано по маленькому окошечку; на ночь их закрывают ставнями. Через эти окошечки кур утром выпускают на двор, и через них они возвращаются вечером домой. К окнам ведут маленькие лесенки, по которым птице удобно взбираться наверх. В нижнем этаже устроены окна большие; в них вставлены решетки, чтобы в курятник не могло пробраться ни одно хищное животное. Обитатели нижнего этажа выходят сначала в комнату птичника и оттуда уже наружу, через единственную дверь, которой курятник сообщается с внешним миром. Напротив этой двери сложен длинный очаг, тепло от которого тянет в оба смежных помещения через двери, устроенные прямо против очага. Идет туда и дым: его считали очень полезным для кур. (Совсем еще недавно считалось, что дым уничтожает вшей, которые часто заводятся у кур). В каждом этаже устроены насесты: это обтесанные четырехгранные жерди

(круглые не годятся, потому что птице на них скользко) длиной во все помещение, вделанные концами в противоположные стены; от пола и от настila они отстоят на фут, одна от другой — на два.

Остановимся пока на двух пунктах, о которых говорят оба автора: на размерах курятника и на его освещении. У Колумеллы «жилищные условия» для кур значительно лучше, чем у Варрона. Мы видели, насколько большую «жилищную площадь» отводит им Колумелла; наличие второго этажа еще ее увеличивает. Обилие окошек дает больше света, чем одно окошко у Варрона. Уже по этим двум особенностям можно думать, что курица для современников Колумеллы стала предметом гораздо большей заботы,



Петух (фреска из «Дома Гомера». Помпеи).

(M. Rostovtzeff. *Mystic Italy*, стр. 53).

чем она была в то время, о котором пишет Варрон. Весь характер курятника, описанного Колумеллой, подтверждает это положение. В этом курятнике продумана каждая мелочь; учтены вкусы птицы и ее потребности. В помещении тепло, но не жарко: очаг сложен не там, где живет птица, а в смежной комнатке. Гладкая штукатурка стен изнутри и снаружи, решетки на окнах нижнего этажа, ставни во втором превращают курятник в крепость, для хищника недоступную. Насесты предохраняют птицу от болезней ног; четырехгранная форма жердей обеспечивает птице спокойное и устойчивое положение во время сна; лесенки облегчают доступ в курятник. Ниши для гнезд устроены с «передней», чтобы птица в гнездо входила, а не влетала туда с размаху: в этом случае она могла бы разбить яйца.

О кормах для кур Варрон не сказал ни слова; Колумелла занялся этим вопросом очень подробно и с учетом разных возможностей (VIII.4.1—6).

Тут и ячная крупа, и вика, и горошек, и просо с могоаром. При дороговизне этих злаков курам надо давать озадье (чистая пшеница им вредна), пшеничные отруби, полученные при просеивании муки через редкое решето; листья и семена бобовника, которые значительно повышают поскость кур. Такое же действие оказывает и наполовину сваренный ячмень (VIII.6.2). С осени, когда птица перестает нестись, ей можно давать виноградные выжимки: раньше делать этого нельзя, потому что куры при этой еде прекращают класть яйца, а если и кладут, то очень мелкие.

Хозяин-птицевод знает, как важна для здоровья птицы чистота; вода, загрязненная птичьим пометом, считалась причиной страшной куриной болезни, которая называлась «*pituita*» куриная холера (VIII.3.8). Как убеждать воду чистой? Перебирают разные материалы для корытец, откуда пьют и едят куры: делают глиняные, деревянные, свинцовые и, наконец, устанавливают, что всего лучше эти последние. Ясно, однако, что корытца должны закрываться, и мысль хозяина работает опять над тем, как лучше их закрывать. В крышках для корытцев проделывают отверстия, через которые курица может напиться и поклевать зерно. Приспособление оказывается неудачным: «...птица, вспрыгнув, пачкает своими испражнениями нишу и воду» (VIII.3.9). Придумывают другое устройство корытца: крышку оставляют сплошной, а в самом корытце, в его боковых сторонах над уровнем воды или корма, делают ряд таких отверстий, чтобы птица, просунув голову, могла поест и напиться. Изготовлением таких корытцев занят был конечно ряд мастерских.

Все эти мелкие улучшения, которые хозяин вносил в жизнь своей птицы и которые продиктованы заботой о ней и тревогой за нее, свидетельствуют об экономической значимости курицы. Курицей дорожили, и ее берегли в расчете на хороший от нее доход. Колумелла ничего не говорит о размерах этого дохода, но уверенность в нем и желание его увеличить сквозят в его куроводстве. Хозяин стремится к тому, чтобы яйца от его кур были крупные, а куры начинали нестись раньше, и знает, какой для этого надо давать им корм (VIII.5.2); он рассчитывает на хорошую выручку от продажи в городе цыплят (VIII.5.9) и откормленных кур, которых у него купят «для обедов изысканных» (VIII.7.5.). Ему известно, как сохранять яйца свежими на долгое время, причем так, чтобы они не усыхали (VIII.6.1—2). В середине I в. н. э. курица заняла в промышленном птицеводстве видное место: главы о курах у Колумеллы служат тому порукой. Так ли было и во времена Варрона?

Мы говорили уже о том, что Варрон писатель небрежный. Ему следует верить: сведения, сообщаемые им, в большинстве случаев точны, но на полноту их и последовательность рассчитывать нечего. Его планы, часто со множеством рубрик, которые он предпосылает своим книгам и даже отдельным главам, отнюдь не убергли его от пропусков и недомолвок вообще, но в его «куроводстве» их особенно много. Чего стоит, например, отсутствие всяких указаний на то, чем кормить птицу! Ошибкой ли будет предположить, что эта небрежность писателя была бессознательным отголоском некоторого пренебрежения к курице, которое отличало Сея и его товарищей? Павлины и гуси, приносившие такой жирный доход, заслонили скромную птицу и отодвинули ее на задний план. Сей, Луркон и прочие крупные птицеводы организуют свои птицефермы с расчетом на пышные пиры и на увлечение модным павлиньим жарким.

Жизнь в данном случае опрокинула этот расчет, и за столетие, отделяющее Варрона от Колумеллы, отношение птицевода к курице во многом изменилось. Он не только обогатился специальными знаниями, он усвоил торговый опыт, накопленный поколениями предшественников, и опыт этот предостерегал от доверия к моде. Павлины, которые во второй половине I в. до н. э. составляли *plat de résistance* на каждом мало-мальски парадном обеде, начинают постепенно исчезать со стола; огромную гусиную печенку требуют только очень богатые люди и не так уже часто. С курицей мода

оказалась бессильна: спрос на курятину и на куриные яйца диктовала не мода, а привычка, которая за много столетий укоренилась в быту. Круг потребителей куриного мяса был несравненно шире, чем круг людей, которые могли заплатить 200 сестерций за павлина. Павлины мелькнули на римском рынке, отуманив птицевода перспективой головокружительных доходов, и исчезли. Спрос на курицу был постоянным и верным; уход за взрослой курицей и за цыплятами был и проще, и дешевле, чем уход за павлинами и их выводками.

В конечном счете выходило так, что доход от кур вряд ли уступал доходу от павлинов, и в I в. н. э. курица отодвигает павлина на задний план. Обе птицы вписали коротенькую, но очень красочную страничку и в бытовую историю Рима, и в историю его рынка.

Вернемся теперь к курятнику, который так подробно описал Колумелла. От курятников птицеводов I в. до н. э. его существенно отличает наличие антресольей. Он построен по типу тех *tabernae*, которых в Риме было множество; внизу помещалась мастерская и лавка; на антресолях находилось жилье, и попадали туда по внутренней приставной лестнице. Греческий курятник Сея современники Колумеллы переделали на свой италийский лад. Они вообще склонны прислушиваться к местной, родной практике куроводства. «Усердные старушки», которых Колумелла рекомендовал в помощницы птичнику, конечно, стойко придерживались в уходе за курами обычаев родной деревни, и хозяин, к этому времени несколько заколебавшийся в своем доверии к греческим авторитетам, им не перечил. Церемония посадки на яйца переносит нас в старую италийскую деревню с ее вековым каноном разумного опыта и непонятных нам суеверий. Курицу сажают обязательно на прибывающей луне и обязательно на нечетное число яиц, причем число это меняется в зависимости от месяца; в январе под курицу подкладывают пятнадцать яиц, в марте — девятнадцать, с апреля — двадцать, а во все летние месяцы по сентябрь включительно — по одиннадцать. Почему именно такое количество, что заставляло изменять их по месяцам, птичникам и птичникам того времени было, вероятно, так же непонятно, как и нам.

Гнездо устилают мягкой мятой соломой, которую предварительно окуривают смолой и серой: это избавляло курицу от насекомых, но играло также и роль очистительного обряда. Под соломой клали веточки лавра, головки чеснока и железные гвозди — все средства, предотвращающие губительное влияние грома на яйца. Яйца в гнездо нельзя класть рукой: их надо принести в деревянном лотке и все сразу осторожно перекатать в гнездо. (Греческие книги по сельскому хозяйству, по крайней мере некоторые, были полны суеверных предписаний. Приводя их, Колумелла неизменно ссылается на источник. «Анонимные суеверия» были местными, италийскими).

Мы лишены возможности четко разграничить, что в куроводстве было заимствовано у греков и что своего внесла тут Италия. Несомненное, однако, наличие италийских элементов в советах Колумеллы позволяет утверждать, что со времени Сея греческие уроки были значительно переработаны и в некоторых случаях существенно улучшены (курятник!). В крохотном уголке хозяйственной жизни со всей ясностью обнаружилась удивительная способность италийского народа, — заимствуя чужое, превращать его в свое.

Какие породы кур были в древней Италии?

Вопрос этот легче задать, чем на него ответить. Описание курицы и петуха у Колумеллы и Варрона, как мы видели, совпадает: это какая-то прочно определившаяся порода, крупная, мясная и в то же время отличающаяся хорошей носкостью, с оперением темно-красного цвета. Была она чисто местной? Или это метисы, полученные от скрещивания своих кур с греческими петухами? Греческих кур, невзирая на их величину и красоту, отвергали уже современники Варрона, потому что «они бес-

плодны», и птицеводы I в. н. э. вполне согласны со своими предшественниками. Колумелла заявил, что «мы предпочитаем нашу местную курицу» (VIII.2.5), но он же с чрезвычайной похвалой отзывался и о метисах (VIII.2.13). Не их ли и описывают оба автора?

Колумелла знал еще какую-то белую породу, которую хулил: «...они слабы и недолговечны» (VIII.2.7). Известны ему были и корольки, держать которых он также не рекомендовал (VIII.2.14).

⁹ Дикие куры (букв. «деревенские») — это, по мнению Шнейдера (т. I, ч. 2, стр. 543, 544) и Кейля (стр. 267), итальянская серая куропатка; «некоторые думают, что это тетерева» (Гупер, стр. 478).

¹⁰ Остров Галлинария («Куриный», gallina — по-латыни «курица») — ныне Isola d'Albegna; Интимилия — теперь Вентимилия; Album Ingavum — теперь Albenga.

¹¹ Африканскими курами древние называли цесарок.

¹² Колумелла замечает, что ошибка была сделана не древними, а «невежественной толпой» (VIII.2.4).

К главе 10-й

¹ *Αμφίβοτος* букв.: «тот, кто живет в двух стихиях» (на земле или в воде).

² *Chenoboscion* — «двор для гусей», от *χην*, *χηνός* — «гусь» и *βοσκήω* — «кормлю, содержу».

³ Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион — тесть Помпея и его коллега по консульству в 52 г. до н. э.

⁴ В I в. до н. э. в систему промышленного птицеводства был вовлечен и гусь. Сей и Метелл держали по несколько больших гусиных стад (Варр. III.10.1). Кто-то из них «открыл великое благо», по ироническому замечанию Плиния: печенку раскормленного гуся вымачивали в молоке с медом, так что она еще увеличивалась. Сын известного оратора Месаллы Корвина придумал еще другое кушанье: гусиные лапки тушились вместе с петушиными грешками (Pl.X.52). На рынке был постоянный спрос на гуся; гусиная печенка всегда оставалась в числе изысканных кушаний, которые подавали за богатым столом; в чести был и жареный гусь.

Гусю у Сея и других птицеводов конца республики жилось не плохо, но на первом месте он не стоял и особого внимания ему не уделяли; в значительной мере он предоставлен себе и своим силам: еду в основном (пока его не начнут откармливать) он добывал себе сам, хотя кой-какой корм ему и подсевают. Если не было излюбленной гусями травы *seris* (Колумелла пишет, что это вид цикория), то им давали ячмень «или другое зерно»; когда поспевала *farrago* (кормовая смесь, в состав которой входили ячмень, вика и еще какие-либо бобовые; косили ее в мае-июне), гусям уделяли и от нее. Гусят держали с матерью только пять дней; затем их соединяли в небольшие стада, по 20 штук в каждом; днем пасли, а на ночь загоняли в «закутки, устроенные на земле или под землей», сухие, усланные какой-либо мягкой подстилкой и защищенные от хищных животных. Тут их подкармливали ячной кашей, нежной травой или упомянутой уже *farrago*.

Золотая пора для гуся пришла в I в. н. э., когда гусь стал поставщиком не только мяса, но также пера и пуха. Варрон ничего не говорит о гусином пухе; в половине I в. н. э. это уже важная статья дохода. К тому времени подушки начали набивать гусиным пером или пухом: «изнеженность дошла до того, что даже у мужчин затылок не может обойтись без этого приспособления» (Pl.X.54). Особенно ценился пух германских гусей, и в погоне за наживой командиры вспомогательных войск отправляли на охоту за дикими гусями целые когорты: Плиний, долгое время находившийся в Германии, сам был очевидцем этого. Спрос на гусей настольно

повысились, что во времена Плиния Старшего целые стада гусей пригоняли в Рим (X.53) из области Моринов (северное побережье нынешней Франции).

Из Плиния же мы узнаем, что фунт пуха с германских гусей стоил 20 сестерций (X.54). Он считался наилучшим; свой, местный, стоил дешевле. Даже если цена на него была и вдвое меньше, т. е. 10 сестерций, то гусевод получал доход немалый. Гусь дает в год обычно 200 г пуха; сотенное стадо даст, следовательно, 20 000 г — 60 римских фунтов, за которые хозяин выручит (10 × 60) 600 сестерций; отчислив половину (очень щедро!) на содержание стада, он получит 300 сестерций чистой прибыли с одного пуха.

Доходность гуся сразу повысила к нему внимание. Гусевод-промышленник (Колумелла проводит определенную границу между разведением гусей только на домашнюю потребу и промышленным гусеводством) устраивает на своей птицеферме особое «гусиное отделение», весьма напоминающее отделение для павлинов: такой же двор, огороженный глинобитной стеной в 9 футов высотой; вдоль стен идут портики, а под ними зачатки для гусей (3 × 3 фута; у Варрона они меньше: 2.5 × 2.5), сложенные из бута или кирпича, с плотно запирающимися дверцами. К одной из стен ограды прислонена хижинка сторожа.

Хозяин старательно обеспечивает гусей их любимым кормом. Их пасут возле воды, «на болотистом, травянистом пространстве, а кроме того, подсевают еще разных растений, которые любимы этой птицей: вики, клевера, «греческого сена», цикория, *seris* и салата. Если хозяева, о которых писал Варрон, сеяли для гусей корма с расчетом получить с этих посевов еще какой-то доход, то гусевод, современник Колумеллы, думает только о том, чтобы его стадо было сыто: доход обеспечат ему сами гуси.

Хозяин озабочен приростом своего стада: оно «значительно увеличивается», если на гусиные яйца сажать кур, так как гусыни, которым не позволяют высиживать яйца, снесут яиц больше. Сей подкладывал под кур павлиньи яйца; гусыни в его хозяйстве высиживали, по-видимому, сами гусыни. Ухаживать за гусятами стали гораздо внимательнее: их не отдают от матерей в течение десяти дней. Первые пять дней дают ячную кашу или разведенную водой муку, иногда к этому добавляется мелко нарезанный кресс. Когда гусят выпустят в поле, им сыплют просо, размоченное в воде, или непровеянную пшеницу. У Варрона гусята живут с матерью только пять дней, сразу же получают ячмень и три дня сидят на одном кресле, который дается не как добавка к остальной еде, а как основная пища.

К главе 11-й

¹ *Nessotrophion* от *νήσος* — «утка» — и *τροφή* — «кормлю»: место, где кормят, где содержат уток.

² Утка никогда не была птицей, особенно ценившейся на римском рынке, и особого усердия к ее разведению современники Варрона не прилагали. Утка римлян не была настоящей домашней уткой: она хорошо летала (почему утятник и затягивался сверху сеткой), и Колумелла советовал тому, «кто хочет развести уток», собирать по болотам утиных яиц и подложить их под кур. Утятник у него очень отличается от Варронова; середину его занимает озеро или пруд с островком, который засажен лотосами, ситником и прочими водяными растениями. Вокруг пруда раскинута площадка, заросшая газоном и окруженная стеной, которая сплошь обсажена кустами букса и мирта. В чаще их спрятаны сложные из камня и оштукатуренные зачатки для уток (1 × 1 римский фут), где они устраивают свои гнезда.

Сравнение обоих утятников ясно показывает, что хозяева их руководствовались целями разными. У Варрона это одно из отделений птичьего двора, где все просто и деловито; у Колумеллы — это не столько птичник,

сколько прелестный уголок усадьбы с растительностью богатой и всегда свежей благодаря обилию воды, оживленный присутствием красивой и своеобразной птицы. Современник Колумеллы видит в утках не столько доходную статью, сколько необходимый элемент некоего пейзажа, который, кроме уток, требует еще воды и зарослей водяных растений (в том числе лотоса): он создает у себя в усадьбе уголок нильской дельты. Пристрастие к египетскому пейзажу у людей того времени выразительно засвидетельствовано фресками; для этого пейзажа обязательны вода, заросли водяных растений, утки, плавающие среди этих зарослей, иногда для вящего *couleur locale* крокодил. Некоторые фрески кажутся иллюстрацией к Колумелле (VIII.15) (см. Helbig. Campanische Wandmalerei. №№ 1567 и 1570). И утка, и павлин пережили за столетие, отделяющее Колумеллу от Сея и его товарищей, сложную историю и превратились из доходной статьи в некую орнаментальную подробность.

³ То же самое рассказывает Аристотель: куропатку, по его словам, оплодотворяет ветер, дующий с той стороны, где стоит самец. Такое же действие оказывает его голос (h.a.V.5.19). Ср. Варр. II.4.19. — Об Архелае см. II. 3, прим. 8.

К главе 12-й

¹ Кв. Фульвий Липпин — крупный землевладелец, современник Цицерона. Плиний говорит, что он первый стал огораживать участки леса и загонять туда диких животных, в первую очередь кабанов (VIII.214). — Тарквиния (теперь Корнето) — старинный город в Этрурии (ныне Тоскана). Статония находилась в южной Этрурии.

² Валерий Максим называет какого-то Помпея Бегина, «жителя Трансальпийской области» (VII.8.4), крупного землевладельца.

³ «Архелай пишет, что зайцу столько лет, сколько у него в теле отверстий для испражнений» (Pl.VIII.218).

⁴ Л. Элий-Стилон — римский грамматик, учитель Варрона.

⁵ То же см. Var.I.I.V.101.

К главе 13-й

¹ См. Варр. III.3.8.

² Итальянские пастухи приучали животных собираться по звуку трубы (Polyb.XII.4.5; Варр. II.4.20).

³ О Гортензии см. III. 6, прим. 5. — Лаврент — древний город Лация; по преданию, резиденция латинских царей. Находился в 3 км от Рима в очень здоровой местности, богатой лавровыми лесами, по которым и получил свое название.

⁴ Орфей — легендарный фракийский певец, чье пение сдвигало с места скалы и деревья и послушать которого сбегались дикие звери. — Стола — у греков «одежда» вообще, здесь — длинная до пят одежда.

⁵ Об адилах см. III. 2, прим. 1. — «Большой Цирк» (Circus Maximus) находился в долине, лежавшей между Палатином и Авентином. Здесь устраивались главным образом бега, но иногда и гладиаторские бои, и сражения гладиаторов с дикими зверями. — «Африканские звери» — это пантеры. Плиний рассказывает, что было старинное сенатское постановление, запрещавшее их ввоз в Италию. Гней Авфидий (вероятно, в 170 г. до н. э.) добился отмены этого запрещения (Pl.VIII.64).

К главе 14-й

¹ Римляне очень любили улиток. И в современной Италии их содержат и разводят в особых садках. Плиний пишет, что в Италии первый устроил такие садки под Тарквиниями Фульвий Липпин (см. Варр. III.12,

прим. 1) незадолго до войны Цезаря с Помпеем, причем «распределил их по видам: отдельно белые, которые водятся под Реате, отдельно иллирийские, отличающиеся особой величиной; потом африканские, особенно плодовые, и solitanae, особенно славящиеся» (IX.173).

² Об этих улитках пишет и Плиний (IX.174) со ссылкой на Варрона. 80 квадратов = 11 л.

³ Sara — см. I.59, прим. 6.

К главе 15-й

¹ Кроме дуба (разных видов), разумеется еще бук. Плиний упоминает, что буковыми орешками откармливают соней (XVI.18).

² Такой долей найден был под Помпеями в усадьбе Агриппы Постума (см. Not. d. Scav., 1922, стр. 466).

³ Перевод дан по конъектуре Кейля: «Operculum impositum». Рукописное чтение: «cumularim positum» — смысла не дает.

К главе 16-й

¹ Сыченое вино — mulsum; брали виноградный сок, натекший из гроздьев еще до того, как их начали давить под прессом; на урну (13.13 л) этого сока брали 10 фунтов самого лучшего меда; тщательно перемешивая обе жидкости, разливали эту смесь по бутылкам, которые прятали в темное теплое место — на чердак. Через 31 день mulsum процеживали, переливали в другие бутылки и ставили их там, куда проходил дым (Col. XII.41).

² Аппий считает, что он должен говорить о пчелах, потому что он в шутку производит свое имя от apis — «пчела».

³ Об Архелае см. II. 3, прим. 8.

⁴ Этот стих принадлежит Никандру, поэту II в. до н. э. Трудно сказать, почему возникло очень распространенное в древности мнение о том, что пчелы выводят из трупа коровы или быка. Убеждение это держалось очень долго, мы найдем его еще в XVI в. в немецких руководствах по сельскому хозяйству. Колумелла одобрительно отзывался о словах Цельза, что только неразумный хозяин согласится погубить такое дорогое животное, как бык, чтобы получить пчел, которых можно завести и другим, дешевым способом (IX.146).

⁵ Замечание Аппия, что мед и пища, которой питаются пчелы, не одно и то же, свидетельствует об изумительной наблюдательности древних. Они подметили, что червь питается не медом, а так называемой пищевой кашницей, отрыгаемой из желудка рабочих пчел, и цветочной пылью. Мед служит пищей только для взрослых пчел; это было хорошо известно италийским пчеловодам, которые непременно оставляли часть собранного меда им в корм. Знали они и подкармливание пчел.

⁶ Римский обед состоял из трех частей: «закуска», самый обед и десерт. Mulsum (см. прим. 1) подавали и перед обедом и после него. На десерт подавали маковники (Pl. XIX.168). В культовых обрядах мед занимал видное место.

⁷ Автор этого выражения неизвестен.

⁸ Геликон — гора в южной Беотии; Олимп — в Фессалии.

⁹ Древние (в том числе и Аристотель) не знали, что пчелиная матка является матерью всего улья. Открытие это было сделано Сваммердамом в XVIII в.

¹⁰ Пчелы замазывают все отверстия так называемым пчелиным клеем, или узой: это древесная смола, которую они собирают с разных деревьев и трав. Современные пчеловоды называют его и греческим словом «прополис», которое встречается впервые у Диоскорида именно в таком смысле.

У Аристотеля его нет. Под ἐρίθην разумел он не пчелиный клей, а скорее всего пергу, т. е. цветочную пыльцу, которая идет в корм, главным образом трутневым личинкам, и служит для выработки воска. Пчелиный клей назван у него двумя словами, взятыми из словаря современных ему пчеловодов: κύνισις и μέλιτος (h.a.IX.166 и 169).

¹¹ Метафора, часто употребляемая: при беге с факелами (Афины) один бегун передавал зажженный факел другому.

¹² Фалерии — город в Этрурии.

¹³ Meliphyllon — «медовый лист»; melissophyllon — «пчелиный лист» (μέλι — «мед», μέλισσα — «пчела», φύλλον — «лист»). Melittaena — греческое название медоносного растения Melissa.

¹⁴ «Пчельники» — Мерула употребляет греческое слово «melitton» (μελίτων), которое означает «улей»; melitrophion — «место, где содержат пчел»; mellarium — латинский перевод этого слова — «пчельник», «пасека».

¹⁵ Superum, «некоторые называют „кипером“ вид трехгранного ситника» (Pl.XXI.115).

¹⁶ Вот список медоносных растений, упоминаемых в сельскохозяйственной литературе римлян:

Варрон (III.16)

роза
тимьян (Thymus serpyllum L.)
мелисса (Melissa officinalis L.)
мак
бобы
чечевица
горох
базилек
кипер
«мидийская трава»
бобовник

Вергилий (Georg.IV.30—32; 181—183; Buc.I.54)

земляничное дерево (arbutum)
тимьян
мелисса
casia
пафран
липа
ива
гиацинт
thymbra (satureia hortensis L.)
фиалки

Колумелла (IX.4.2—5)

сатурей
ros marinum
бобовник (дикий и садовый)
пиния
низкорослый каменный дуб
плющ (мед плохой, но обильный)
ziziphus
миндальное дерево
персиковое
грушевое
дубы
лентиск
кедр
липа
amellus (aster amellus L.)

аканф
асфodelи
нарцисс
лилии
леvkои
розы
фиалки
гиацинты
пафран
цапель
цикорий
мак
пастернак
armoracia (Cochlearia armoracia L.)
майоран

¹⁷ Во времена Варрона лучшим медом считался сицилийский с горы Гиблы, в изобилии заросшей тимьяном. Мед, собранный с тимьяна, занимал в древности такое же место, как у нас липовый. Колумелла, перечисляя сорта меда, ставит на первом месте мед из тимьяна, на втором — из сатурей и душицы (оригана), на третьем — из «морской росы» (ros marinum). На последнем месте он помещает «лесной мед» со спарта и

земляничного дерева и «усадебный», собранный с огородных растений и трав, посеянных на унавоженных местах (IX.4.6—7).

¹⁸ Почти такой же материал для ульев называет и Колумелла. Им упомянуты кора пробкового дерева (самые лучшие ульи: в них не жарко летом и они не промерзают зимой), ферула, ивовые прутья, дулистый обрубок дерева, доски. Кроме того, он называет глиняные ульи (очень плохие: накаляются летом и промерзают в холода), сложенные из кизяков, и кирпичные (IX.6.1—2). Квадратные ульи из ферулы еще совсем недавно делали в Тунисе, употребляя для этого *Ferula thyrssiflora* (см. E. T. Hamy. Académie des inscriptions et Belles-Lettres. CR, 1900, t. I, стр. 41—43).

¹⁹ Место непонятное. Как можно «сузить» в середине деревянную колоду или кирпичный улей? Стопп-Бест понимает *alvus* не в переносном смысле («улей»), а в основном («живот») и переводит: «люди перетягивают свою талию в подражание той форме, которую имеют пчелы», со ссылкой на Аристофана (Plut.561), который говорит о людях с «осиной талией», и на Феста: «*Cingulos appellabant homines qui in his locis ubi cingi solent satis sunt tenues*» (стр. 38). Но, во-первых, переход от переносного смысла к основному здесь неожидан и непонятен, и, во-вторых, «осиная талия» отнюдь не считалась признаком красоты у римлян и стягивание талии при покрое античной одежды было совершенно бессмысленным.

²⁰ У Колумеллы ульи ставят на помосте высотой в 3 фута, гладко выштукатуренном, «чтобы на него не могла взобраться ящерица, змея или другое вредное животное». Ульи помещают в три ряда, один ряд над другим, а между собой «связывают» кирпичными стенками, так что ульи стоят крепко на одном месте, и унести их вору очень затруднительно. Если хозяину надобно перенести свою пасеку в другое место, стенки эти необходимо разобрать или разбить.

²¹ Варрон вспомнил Аристотеля (h.a.IX.175), но неточно. Аристотель называет два вида «вождей»: золотисто-красного цвета (лучший) и черного с полосками. Менекрат из Эфеса; написал поэму о сельском хозяйстве. Судя по тому, что он писал об *ἐρρίχλη*, был у него и отдел, посвященный пчелам (Pl.XI.17).

²² «Самая лучшая пчела маленькая, круглая, пестрая... Есть еще так называемый „вор“, черный, с широким брюшком» (Arist.h.a.IX.175).

²³ Дикие пчелы «гуще покрыты волосками, меньше, прилежнее в работе и злее» (Arist.h.a.IX.176). Колумелла (IX.8.7—11) подробно рассказывал о том, как следует ловить диких пчел: пчеловод садится в таком месте, куда обычно слетается много пчел, чаще всего у ручейка. Он касается соломинкой, которую предварительно окунул в красную краску, нескольких пчел и затем дожидается их возвращения. Если они возвратились быстро, значит обиталище их где-то недалеко, и он, «следуя за летящими пчелами, легко дойдет до их жилища». Если пчелы возвращаются нескоро, то пчеляк поступает иначе: он вырезает кусок тростника с междуузлиями (с обоих концов, следовательно, входа нет), просверливает сбоку небольшое отверстие и вливает в тростинку немного меда или очень сладкого виноградного сока — дефрута (см. Varr.I.60, прим. 3). Когда в тростинку залезает «на запах сладкой жидкости» множество пчел, охотник закрывает отверстие пальцем и, выпуская поодиночке одну пчелу за другой, идет в ту сторону, куда устремляется большинство пчеленниц. «Если они прячутся в пещере, их оттуда выкуривают, а когда они вылетят, удерживают на месте звоном меди. Перепуганные этим звуком, они сразу же садятся на куст или повыше на ветку, и пчеляк-следопыт забирает их в приготовленный для того улей. Если же пчелы живут в дупле и дупло это находится в ветке или в стволе средней толщины, то он отпиливает очень острой пилой дерево сначала над той частью, где живут пчелы, а затем под ними. Отпиленную дуплянку он покрывает чистой тканью... и относит на пасеку».

²⁴ Варрон употребляет слово «pilosus» («покрытый волосками»), но тело пчелы всегда густо усажено волосками. Слово «pilosus» здесь, очевидно, является синонимом *hirsutae* — «взъерошенные». Колумелла тоже называет эту «взъерошенность» признаком болезненного состояния (IX.13.7).

²⁵ Место испорченное и с лакунной. Полагают, что Варрон цитировал здесь Менекрата.

²⁶ Колумелла считал, что пчелы болеют по весне поносом от цветов молочайника (*Euphorbia* L.) и «горьких семян вяза». В подтверждение этого он ссылается на то, что «от молочайника желудок расстраивается и у крупных животных» и что «в тех областях Италии, которые засажены вязами, пчелы редко живут долго и водятся плохо». Мочу, коровью и человеческую, он называет в качестве лекарства со ссылкой на Гигина (IX.13.2 и 6).

²⁷ *Propolis* (πρό — «перед» и πόλις — «город») — букв. «находящийся перед городом», «ограда». Варрона увлекла любимая им игра со словами, и он перевел «*propolis*» через *pro-testum* — «находящееся перед крышей», «навес». Никакого навеса над летком пчелы не делают; если леток слишком широкий, они суживают его, пользуясь для этого узой. О лечебных свойствах узы говорит и Аристотель: ее прикладывали к ушибленным местам и гноиникам (h.a.IX.169). В Германии XVIII в. она также считалась лечебным средством. Варрон рассказывает, что на «Священной Дороге» торговали дорогими фруктами (I.2.10). Теперь мы узнаем, что там продавали и продукты пчеловодства. Можно предполагать, что именно в этой части города сосредоточена была торговля особо дорогими сельскохозяйственными продуктами (кроме мясных). *Erithace* — цветочная пыльца, которую пчелы извлекают из пыльников передними ножками и переправляют к задним в так называемые корзиночки или тарелочки. К этой пыльце пчелы прибавляют немного меда, смешивают все, плотно уминают головой; получается так называемая «хлебина» (пчелиный хлеб). Соты этим отнюдь не склеивают.

²⁸ Верное замечание, свидетельствующее о большой наблюдательности античных пчеловодов: с некоторых растений пчелы берут и нектар для меда, и пыльцу для «хлеба», и клей для узы; с других — только нектар и пыльцу.

²⁹ Подкармливать пчел не только в зимнее время было обычаем, прочно установившимся в практике итальянского пчеловода. Винные ягоды, сыта (мед, разбавленный водой), изюм, очень сладкий виноградный сок (дефрут и сапа) служили общепринятой подкормкой (ср. Col.IX.14.15—16).

³⁰ Колумелла, оставивший целый календарь пасечника, пишет, что мед лучше всего около осеннего равноденствия. Первую и вторую выемку меда лучше всего, по его словам, производить во вторую половину сентября, до равноденствия. Мед, который пчелы собирают после осеннего равноденствия и до захода Плеяд, он рекомендует целиком оставлять пчелам, «чтобы в огорчении от частых обид они, словно отчаявшись в своем положении, не обратились бы в бегство» (IX.14.10—11). Восход Арктура 15 сентября, заход Плеяд 27 октября.

³¹ Колумелла к этому совету, идущему от кого-то из греков, относился скептически (IX.13.3—4).

Мед заменял древним сахар, и употребляли его в большом количестве: в нем консервировали фрукты; клали его в тесто, из которого пекли печенье и сладкие пироги (судя по обилию названий, которые давались римскими кондитерами, эти пироги и печенье были очень разнообразны); изготавляли из него и вина или виноградного сока очень любимый и широко распространенный напиток; ели в чистом виде; поджаренный мак с медом был одним из любимых «третьих» блюд; приправляли им даже мясные кушанья. В медицине его употребляли от ожогов, воспа-

лений и кашля, а также при желудочных болезнях. Чахоточным особенно рекомендовали мед с молоком. Спрос на мед был большой, а так как привозной мед с Гимета был дорог, то свои итальянские пчеловоды получали доход немалый (стоит отметить, что попытка развести в Италии аттический тимьян не удалась, см. Пл. XXI. 57). Тримальхион выписал пчел из Афин, «чтобы иметь дома аттический мед» (Petr.38.1): это тонкая издевка над его невежественными и пышными затеями. Лучшим итальянским медом считался мед из Южной Италии. Братья Вейянии (III.16.11) продавали свой мед оптовику, который торговал им в розницу; такие торговцы медом в Риме упомянуты в CIL.VI.9618.

К главе 17-й

¹ См. III. 2, прим. 1 и 2.

² См. II. 1, прим. 3.

³ Плиний рассказывает, что Гирр одолжил Цезарю для обеда, который он давал по поводу своего триумфа, 6000 мурен (IX.171). Он никак не хотел их продать, а одолжил их «на вес», т. е. потребовал вернуть ему столько же мурен по весу.

⁴ Варрон играет словами: слово «dulcis» имеет значение и «пресный» (piscina dulcis — «пруд с пресной водой»), и «сладкий» в прямом значении этого слова, а в переносном — «приятный», «доставляющий удовольствие». Amarus — «горький» (в прямом и в переносном значении).

⁵ Павсий — художник IV в. до н. э., родом из Сикиона. Он прославился как мастер энкаустики.

⁶ Варрон был легатом Помпея в Лидии (страна на западном берегу Малой Азии) в 67 или 68 г. до н. э. — Пловучие острова живо интересовали древних; Плиний перечисляет их (II.209) и пишет, что в Италии они были под Реате, Мутиной, в Цекубской области; в Лидии их зовут «Calaminae» (от Calamus — «тростник»), и они двигаются не только от ветра, но их можно толкать шестью. «...есть маленькие островки, прозванные „танцорами“, потому что они двигаются в такт под звуки музыки». Племянник его посвятил целое письмо описанию таких островков (Пл.VIII.20).

⁷ In ius vocare — «позвать в суд» и «пригласить в похлебку»; ius — и «похлебка», «соус», и «право», «суд».

⁸ Знаменитого оратора Гортензия Варрон упоминает неоднократно (см. III.6.6 и 13.2). — Баулы (теперь Vasoli) — несколько южнее знаменитых Бай, дачное место. От Путеол отстояли в 4—5 км. Тут были дачи Вергилия, Ведия Поллиона, Гортензия и многих других.

⁹ «Мулы» — краснобородка, упоминаемый ниже «бородатый мул» (Mullus barbatus L.).

¹⁰ Марк и Луций Лукуллы были братьями. Пруды Луция находились около Баул; остатки их можно видеть и сейчас. Плиний пишет, что Лукулл потратил на прорытие горы возле Неаполя больше средств, чем на постройку всей усадьбы (IX.170).

¹¹ О перегонах скота см. II.1.16 и II.2.9.

¹² Тога praetexta, с широкой пурпурной полосой по краю. Такую тогу носили римские магистраты.



ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Е. Сергееенко. Варрон и его «Сельское хозяйство»	Стр. 3
---	-----------

ВАРРОН. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Книга первая	25
Книга вторая	69
Книга третья	100

КОММЕНТАРИЙ

Книга первая	129
Книга вторая	163
Книга третья	191

Варрон

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Утверждено к печати

Ленинградским отд. Института истории Академии наук СССР

Редактор Издательства Г. А. Альсова. Художник М. И. Разумевич. Технический редактор М. Е. Зендель. Корректоры Г. А. Барс, А. И. Кац и Н. П. Кизим.

Сдано в набор 1/VII 1963 г. Подписано к печати 5/IX 1963 г. РИСО АН СССР № 88-96В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 67¹/₈. Печ. л. 13³/₄ = 13³/₄ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.87. Изд. № 2033. Тип. зак. № 275. Тираж 1300.

Цена 1 р. 15 к.

Ленинградское отд. Изд. АН СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-й тип. Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В магазинах конторы «АКАДЕМКНИГА»

имеется в продаже книга

ГЕОПОНИКИ

Византийская сельскохозяйственная
энциклопедия X века. 1960. 375 стр.

Цена 1 р. 60 к

Этот уникальный энциклопедический труд неизвестного византийского историка обобщает опыт римской, древнегреческой и византийской науки и практики в области сельского хозяйства. Книга дает всестороннюю картину развития сельского хозяйства Византии по всем основным его отраслям: хлебопашеству, виноградарству, виноделию, огородничеству, садоводству, птицеводству, пчеловодству, животноводству, рыболовству и т. д. В книге отражено общее состояние естественных наук того времени, взгляды раннесредневековых и древних ученых на животный и растительный мир с их верой в чудеса и сверхъестественное.

Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. 1960. 467 стр. Цена 1 р. 97 к.

Готовится к печати

Страбон. ГЕОГРАФИЯ

Выдающийся историко-географический
труд древности.

Книга содержит массу интереснейших сведений по географии и естественным наукам в том виде, в каком они сложились к I веку н. э.

Цена 3 р. 70 к.

Ваши заказы на книги просим направлять по адресу:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10,

Контора «Академкнига», отдел «Книга—почтой»
или в ближайший магазин «Академкнига»

Адреса магазинов «Академкнига»: **Москва**, ул. Горького, 6 (магазин № 1); 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); **Ленинград**, Литейный пр., 57; **Свердловск**, ул. Белинского, 71в; **Новосибирск**, Красный пр., 51; **Киев**, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Уфимский пер., 4/6; **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 129; **Ташкент**, ул. Карла Маркса, 29; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13.

При получении заказа книги, как имеющиеся в наличии, так и печатающиеся, по поступлении в продажу будут направлены в Ваш адрес наложенным платежом. Пересылка за счет заказчика.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ТАКЖЕ МЕСТНЫМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ